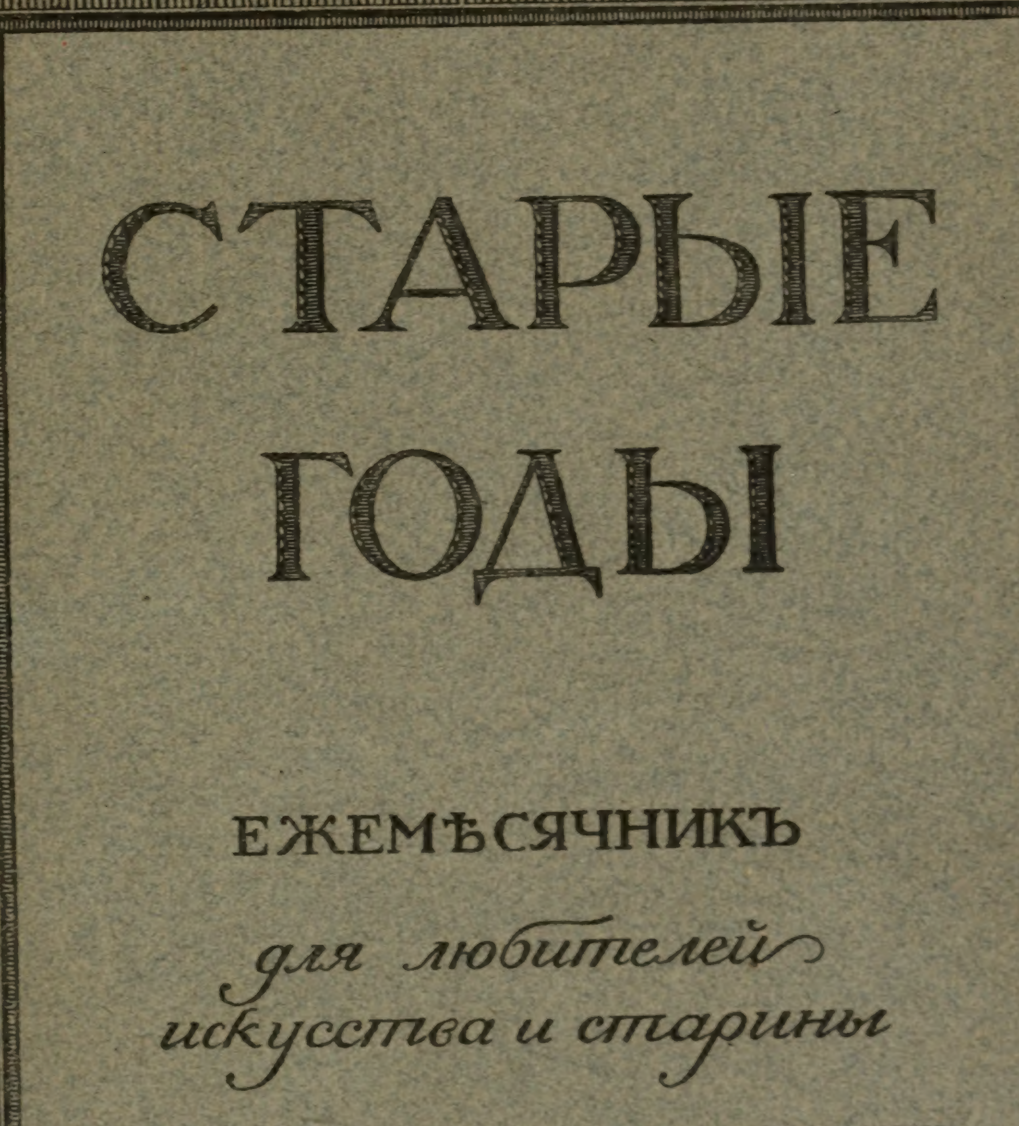
3 1761 08333313 8



СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины

АПРѢЛЬ

1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ / TABLE

Виньетки воспроизведены изЪ книгЪ:

на стр. 3, 31, 47, 51, 52, 55, 57, 60. — Monument élevé à la gloire de Pierre le Grand. Paris. 1777.

» » 6 — О ВысочайшихЪ пришествіяхЪ Великаго Государя, Царя и Вел. Кн. Петра АлексЂевича ... Москва у Н. Новикова. 1783.

» » 29 — La vie des peintres flamands, allemands et hollandais ... J. Descamps. Paris. 1753.

» » 29 (внизу) — ЖивописецЪ. ЕженедЂльное сатирическое сочиненіе. Москва. 1781.

» » 38 — Description des principaux ouvrages de Peinture et Sculpture. Anvers. 1755.

» » 42 — Originalanekdoten von Peter dem Grossen... J. v. Stählin. Leipzig. 1785.

» » 43 — Всерадостный гласЪ благодаренія МосковскихЪ музЪ Вседержавному Монарху РоссовЪ Александру I. — Москва. 1801.

» » 45, 46 — Ода Е. И. В. Александру I. — Н. Карамзина. Москва. 1801.

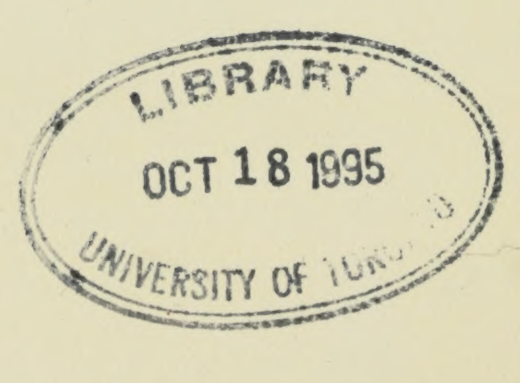
» » 53 — Ода на случай всерадостнаго восшествія на престолЪ Гос. Имп. Александра I. — Гр. Вальгурскій. Москва. 1801.

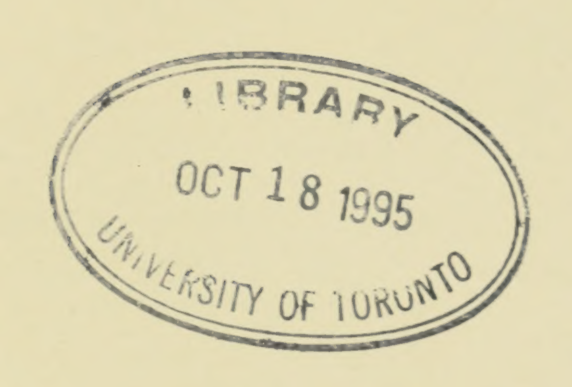
» » 59 — Ода на всерадостный день восшествія Е. И. В. Самодержца Всероссійскаго Александра I на прародительскій престолЪ. Кн. Трубецкой. Москва. 1801.

СТАРЫЕ ГОДЫ

АПРѢЛЬ

1913.




LIBRARY
OCT 18 1995
UNIVERSITY OF TORONTO

Икона Божьей Матери „Умиленіе“
въ окладѣ Елисаветинскаго времени.

Icone de la S-te Vierge „Humilité“,
décorée d'argent vers 1740 — 1760.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ДОМА.*

(Baron N. Wrangell: Marienhof — château des Resvoï au gouvernement de St.-Pétersbourg).

Первый разъ я былъ въ «Маріенгофѣ» поздней весною. Ярко зеленѣла и смѣялась пробивающаяся трава, застѣнчиво кутались въ обновленную листву деревья. Солнце, всю зиму запрятанное тучами, ласково усмѣхалось въ голубомъ высокомъ небѣ. Чуть-чуть, иногда, задѣвали его легкія, какъ бѣлые барашки, пасущіяся облака. Словно голубое море разстилалось надъ землею.

Далеко, далеко видно, какъ убѣгаетъ, извиваясь, капризная дорога и тамъ, на берегу рѣки стоитъ небольшой домъ. Онъ весь бѣлый, такой маленькій, аккуратный, и чувствуется, что въ немъ живутъ уже давно. Старые дома, какъ и старые люди, какъ то особенно грѣютъ и тревожатъ, когда играетъ кругомъ молодая жизнь. Домъ Резвыхъ въ одинъ этажъ, типа такъ называемыхъ «голландскихъ» домовъ, которые такъ любили при Петрѣ Первомъ. Много такихъ зданій видишь въ Швеціи, и Маріенгофскій домикъ очень характерная постройка такого рода. Живописно поставленъ онъ при впаденіи Солки въ Лугу, и глядитъ какъ приземистый карликъ на фонѣ столѣтнихъ деревьевъ, построенныхъ «въ циркумференціи». Еще при шведскомъ владѣніи домъ составлялъ собственность бароновъ Блеекенъ и послѣдній представитель рода, генералъ-аншефъ († 1763), владѣлъ многими имѣніями: Сала, Маріенгофъ и Блеекенгофъ — всей той земельной территоріей, которую тогда называли «Шерпигорьемъ». Со смертью послѣдняго Блеекена земля перешла къ сестрѣ его, шведской подданной фонъ Марквартъ, у которой купилъ ее шведскій консулъ въ Нарвѣ по фамиліи Дельфинъ, а у него въ первые годы XIX вѣка пріобрѣлъ «Маріенгофъ» генералъ Дмитрій Петровичъ Резвой.[1] И доселѣ сохраняется и тщательно бережется членами этой семьи маленькій старый домъ — послѣдній свидѣтель шведскаго владычества. Хорошо ему стоять у вѣкового сада, глядя окнами на водяную гладь тихо-струящейся Солки. А по стекламъ оконъ скользятъ тѣни смутныхъ колыханій травы, растущей у дома, и привѣтливо глядитъ бѣлое уютное и опрятное жилье среди дикой, растрепанной природы... Я не могу говорить о русскомъ помѣщичьемъ домѣ, не говоря объ его окру-

* «Маріенгофъ» — усадьба скончавшагося 29 ноября 1912 г. генерала отъ инфантеріи Д. М. Резвого, Петербургской губерніи, Ямбургскаго уѣзда.

жающемъ. Въ усадьбахъ — въ очагахъ художественнаго быта — важны не подробности, не частности, а все то общее — краски, звуки и фонъ, которые, взятые вмѣстѣ, создаютъ нѣчто знаменательное и важное. Въ этомъ вся русская жизнь: въ сліяніи многихъ разрозненныхъ элементовъ, которые и даютъ въ цѣломъ то своеобразное обаяніе, которое, порабощаетъ всякаго въ русской деревнѣ. И нельзя отдѣлить дома отъ деревьевъ его осѣняющихъ, птичьяго говора отъ игры красокъ на узорахъ стѣнъ, блеска мебели въ комнатахъ отъ шопота листьевъ за окномъ и нѣмого разговора портретовъ, отъ тихой думы старинныхъ книгъ на полкахъ и отъ хриплаго кашля часовъ на стѣнѣ. Пусть позабудемъ мы и слова «чистое искусство» и grand art и всѣ тѣ, нужныя иногда въ книгахъ, выраженія, которыя въ сущности только условные символы нашей безпомощной мысли. Здѣсь въ русской деревнѣ, намъ не надо всего этого и, быть можетъ, даже ненужнымъ показалось бы оно здѣсь. Здѣсь нѣчто болѣе важное — единеніе дѣйствительности съ выдумкой, правды жизни съ неправдой, которую надумалъ человѣкъ. Помните, какъ говоритъ Гоголь объ этой сліянности: «Все было хорошо, какъ ни выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда онѣ соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа... и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности»...

Я вошелъ въ домъ Маріенгофа и сталъ обходить его маленькія комнаты. Въ небольшой передней стоялъ громадный голландскій шкафъ. Въ открытую дверь была видна небольшая столовая, уставленная отличной мебелью петровскаго времени, а на уютномъ столѣ мягко сверкали старые хрустальные бокалы. Отмѣнныя въ этой комнатѣ висѣли картины. Всѣ онѣ были подарены генералу Д. П. Резвому его друзьями, покупавшими ихъ во время похода русскихъ войскъ въ Парижъ. Дмитрій Петровичъ происками Аракчеева покинулъ службу, но любимый и уважаемый всѣми сохранилъ добрую память о себѣ. И вотъ въ столовой всѣ слѣды дружескаго расположенія въ видѣ «мертвой природы» и съ подписями дарителей: «Д. Фалькенбургъ подарокъ Д. Д. Шепелева въ Варшавѣ 1815 г.»; «А. Фергювенъ въ Любекѣ 1815 г.»; «Депортъ въ Гамбургѣ 1814 г.»; «Дебридтъ подарокъ П. А. Лазарева-Станищева въ Любекѣ 1815 г.» и множество другихъ — цѣлая исторія голландскихъ и нѣмецкихъ звѣрописцевъ конца XVIII и XIX столѣтій. Потомъ входишь въ гостиную, гдѣ опять видишь разныхъ звѣрей и птицъ на стѣнахъ. Тутъ Веениксъ «Подарокъ жены моей въ С.-Петербургѣ 1816 года», «Д. Фалькенборхъ — подарокъ Бегунова въ Любекѣ 1816 г.», какой то «Габріэль Романо — подарокъ Г. М. Шульмана, Голубцова и В. А. Нодбека въ Любекѣ 1815 г.» — всѣ съ аккуратными записями, дабы о подаркахъ не позабыли и внуки. [2] Тутъ же пузатый комодъ, отличный елисаветинской эпохи — русскій Louis XV. Слѣдующая комната — красная гостиная, увѣшанная портретами — живыми разсказчиками семейной хроники Резвыхъ. Петръ Терентьевичъ (1729 — 1779) и жена его Анна Дмитріевна († 1801), урожденная Кукина, писаны какимъ то рус-

скимъ живописцемъ «рокотовскимъ» пошибомъ.[3] Онъ съ умнымъ лицомъ, большими глазами и тонкими губами, чуть чуть сутулый, она — такая прямая и стройная съ немного заносчивой усмѣшкой на кругломъ чисто-русскомъ лицѣ. Рядомъ дочери ихъ: Татьяна Петровна въ замужествѣ Разнатовская и Анна Петровна (176. — 1848) жена графа Ивана Павловича Кутайсова — брадобрея и наперсника Павла. Первая писана Левицкимъ, а вторая, пожалуй,—Рокотовымъ.[4] На другой стѣнѣ — братъ Дмитрій Петровичъ (1762 — 1823) ярко и живо запечатлѣнный кистью Дау. Храбрый воинъ, генералъ Двѣнадцатаго года, всѣми любимый квартирмейстеръ не угодилъ Аракчееву. Въ семьѣ Резвыхъ разсказываютъ слѣдующій фактъ: однажды, у Дмитрія Петровича собралось за столомъ нѣсколько сослуживцевъ. Говорили о томъ, что Аракчеевъ недавно сказалъ кому то изъ артиллерійскихъ офицеровъ: «Уйди ты въ отставку — да я тебѣ пенсію въ тысячу рублей назначу». На это, будто бы, хозяинъ дома сказалъ: «Тысячу! Да, я ему самому дамъ три отъ себя, только бы ушелъ!».[5] Слова эти были переданы всесильному Аракчееву, и онъ рѣшилъ отомстить Резвому. Въ эту эпоху Дмитрій Петровичъ былъ уже нѣсколько лѣтъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта и прекрасно шелъ по службѣ. Можно себѣ представить его изумленіе, когда въ одномъ изъ приказовъ онъ читаетъ о своемъ увольненіи въ чинѣ генералъ-маіора. Пораженный и взволнованный ѣдетъ онъ въ Петербургъ и является къ Аракчееву, прося доложить что пріѣхалъ «генералъ-лейтенантъ Резвой». Аракчеевъ выходитъ и говоритъ: «Генералъ-лейтенанта Резвого я не знаю, но отставной генералъ-маіоръ Резвый мнѣ извѣстенъ» и вмѣстѣ съ симъ подаетъ Высочайшій приказъ съ подписью императора Александра объ увольненіи генералъ-маіора Резваго. Дѣло въ томъ, что Императоръ, всецѣло довѣряя временщику Аракчееву, снабдилъ его многими пустыми бланками за своею подписью, предоставляя право ихъ заполнять. И «безъ лести преданный» графъ съ неслыханной жестокой несправедливостью и беззаконіемъ переименовалъ генералъ-лейтенанта въ генералъ-маіора! Послужной списокъ Дмитрія Петровича Резвого и семейные документы вполнѣ подтверждаютъ этотъ невѣроятный фактъ.

Другіе семейные портреты Резвыхъ также глядятъ со стѣнъ. Вотъ Надежда Васильевна Резвая (1780 — 1845), урожденная Налетова, супруга Дмитрія Петровича, вотъ сестра ея, умершая въ дѣвицахъ Екатерина Васильевна (1787 — 1869), сопровождавшая своего шурина въ походѣ и оставившая любопытныя записки. Мило уставлена комната мебелью съ лебедями и сфинксами и тутъ же стоитъ очень занятный бѣлый съ чернымъ secrétaire...[6] Потомъ идутъ другіе покои съ разными портретами на стѣнахъ, съ чудной большой печкой петровскаго времени, занимающей весь уголъ рабочаго кабинета хозяина. Чѣмъ то привѣтливымъ и уютнымъ вѣетъ отъ этого стараго жилья и опять хочется въ него вернуться и бродить въ немъ...

Второй разъ я былъ въ «Маріенгофѣ» ранней осенью. Листва зеленая и полнокровная еще висѣла на деревьяхъ. Вспаханныя поля уходили линейками-бороздами къ горизонту. Косой, крупный дождь сѣ-

рой марлей затягивалъ небо. Вдали синимъ уже казался лѣсъ. Въ небѣ стояло еще не закутанное тучами солнце и уже немного нерѣшительно лило оно на землю свои послѣдніе лучи.

На той же рѣкѣ стоялъ еще тотъ же домъ. Онъ такой же старый и чистенькій, да и зачѣмъ ему перемѣниться за два лѣта? Внутри осенью все то же. Только не такъ радостно улыбаются стаканы на столѣ въ столовой и робко скользятъ по нимъ солнечные лучи. Предметы въ домѣ все тѣ же: та же мебель и тѣ же портреты на стѣнахъ. Опять ходишь изъ комнаты въ комнату и такъ же, какъ тогда, стучатъ шаги и такъ же глядятъ портреты. [7] Но среди всѣхъ этихъ мертвыхъ жильцовъ есть одинъ, какой то особенно красивый и странный. Въ красной круглой гостиной, у лѣваго окна стоитъ небольшое бюро крѣпостной работы. Оно очень затѣйливое, съ круглымъ «туловищемъ», на изогнутыхъ ножкахъ, которыя оканчиваются копытцами. Снизу его женщина съ крыльями и широко открытыми глазами обѣими руками поддерживаетъ корпусъ. Хитро выложенъ орнаментомъ большой ящикъ бюро съ прекраснымъ бронзовымъ вызолоченнымъ ушкомъ замочка. Внимательно разсматривая эту вещь, примѣчаешь ея какую то совсѣмъ особенную, «человѣческую» наружность. Надо найти ключъ, который гдѣ то запрятанъ. Я вставилъ его въ замокъ, открылъ ящикъ и нашелъ мелкимъ почеркомъ исписанную тетрадку. Бумага слегка пожелтѣла, шуршала какъ то грустно и сердясь, и неровный женскій почеркъ бѣжалъ со страницы на страницу. Я сѣлъ въ кресло и принялся читать.

Дневникъ Катерины Васильевны. *

Бухарестъ. Воскресенье 3-го апрѣля 1810.

Эмма разбудила меня, я открыла глаза и увидала прелестный букетъ цвѣтовъ: желтофіолы, тюльпаны, розовые, лиловые, синіе гіацинты, Иванъ-да-Марья, — все это благоухало мнѣ навстрѣчу. Вашъ любимецъ князь Голицынъ ** прислалъ это мнѣ. Ничѣмъ я не могла быть такъ обрадована, какъ этимъ подаркомъ. Къ обѣду былъ нашъ милый графъ Цукато, *** со своимъ сыномъ Николинькой — красивымъ мальчикомъ, князь Голицынъ и маіоръ Везелицкій. Бонапарте женился на австрійской принцессѣ и многія королевы должны были собраться къ нимъ на бракосочетаніе. Его прежняя жена остается въ Парижѣ, получаетъ 3.000.000 ежегодно, имѣетъ свой дворецъ и свиту, а у нынѣшней — 200 статсъ-дамъ...

---

* Переводъ съ нѣмецкаго. Вообще весь дневникъ написанъ по нѣмецки, по французски, а иногда смѣшаннымъ русско-нѣмецкимъ языкомъ. Любопытно отмѣтить, что хуже всего Екатерина Васильевна владѣла русскимъ языкомъ.

Подстрочныя примѣчанія, содержащія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ въ дневникѣ лицахъ, любезно составлены В. К. Лукомскимъ.

** Вѣроятно, князь Иванъ Федоровичъ Голицынъ (1789 — 1835), участникъ Турецкой кампаніи 1808 — 1809 гг.; адъютантъ кн. Д. И. Лобанова-Ростовскаго.

*** Графъ Егоръ Гавриловичъ Цукато, ген.-маіоръ, кавалеръ Георгія 3 ст. † 1810.

Г. обѣдалъ у графа Каменскаго * и тотчасъ послѣ обѣда пришелъ домой и всѣ усѣлись за бостонъ. Графъ Цукато, князь Маматъ Казинъ, камеръ-юнкеръ Багрѣевъ ** и Г. а мы поѣхали кататься въ коляскѣ. Погода была божественная; на Плимбарахъ были очень многіе — это называется «Герестрео». — Здѣсь были русскія дамы и когда мы подъѣхали всѣ закричали: «Ахъ! Катерина Васильевна!» Но мы не выходили, а все ѣздили кругомъ. Къ нашей коляскѣ подошелъ генералъ Булатовъ ***, поцѣловалъ намъ руки и вообще показался пріятнымъ, веселымъ человѣкомъ. Оба князя Меншиковы **** шли около насъ. Мы оставались недолго, поѣхали всѣ домой, а Голицынъ верхомъ слѣдовалъ за нами. Начался дождь — всѣ давай Богъ ноги и мнѣ было очень забавно, когда всѣ верховые промокли. Пріѣхали домой и пили чай. У насъ были: полковникъ Закъ, маіоръ Везелицкій, князь Голицынъ, князь Маматъ Казинъ, оба князя Меншиковы, графъ Войновичъ, всѣ они играли въ бостонъ до 1 часу ночи. Князь А. Меншиковъ заставилъ меня много смѣяться, онъ разсказывалъ и выискивалъ всевозможныя смѣшныя слова. Онъ премилый, поетъ пѣсни изъ Чингизеръ:

«Ѣхали три рыцаря изъ воротъ»
«Выглядывали три дѣвицы изъ окна»

Онъ весьма умный и находчивый человѣкъ.

4-го.

Пріѣхалъ еще гвардіи артиллеристъ князь Горчаковъ. ***** Онъ только что былъ у насъ. Къ обѣду былъ Войновичъ. Вскорѣ послѣ стола пришла маіорша Тимофеева съ своей сестрой; онѣ пріѣхали сегодня изъ Б... Сестра очень дурна и очень мала — ты бы испугалась ея; Войновичъ шутникъ — строилъ всевозможныя гримасы и я едва могла удержаться отъ смѣха. Къ вечеру онѣ уѣхали, сестра просила ихъ на завтра къ обѣду, а на лѣстницѣ ихъ встрѣтилъ Меншиковъ и спросилъ меня тотчасъ: «Что это за дамы»? Гр. Войновичъ и Меншиковъ играли до часу въ бостонъ.

5-го.

Къ обѣду была Тимофеева со своей сестрой, князь Маматъ Казинъ, докторъ Бутковъ, артиллерійскій офицеръ Натаръ и князь Н. Меншиковъ. Князь Саша Прозоровскій ****** боленъ. Послѣ обѣда мы поѣхали на «Герестрео». Малиновскій былъ съ нами. Тамъ мы встрѣтили графа Каменскаго и очень многихъ другихъ. Онъ былъ такъ

* Графъ Николай Михайловичъ Каменскій (1776 — 1811), генералъ отъ инфантеріи, Главнокомандующій Дунайскою арміею.

** Александръ Алексѣевичъ Фроловъ-Багрѣевъ (1785 — 1845), служилъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ 1807 г. находился при Молдавской арміи для занятій по дипломатической части, впослѣдствіи тайн. сов. и сенаторъ; былъ женатъ на единственной дочери графа М. М. Сперанскаго, Елисаветѣ Михайловнѣ.

*** Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ (1760 — 1825), генералъ-маіоръ, участникъ Турецкой кампаніи, впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Сибири.

**** Князья Меншиковы: Александръ Сергѣевичъ (1787 — 1849), впослѣдствіи адмиралъ и генералъ-адъютантъ, и Николай Сергѣевичъ (род. 1790 г.), полковникъ.

***** Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ (1789 — 1868), въ то время подпоручикъ л.-гв. артил. баталіона, участвовалъ въ Турецкой компаніи 1810 г., впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Западной Сибири и генералъ отъ инфантеріи.

****** Вѣроятно, сынъ генералъ-маіора кн. Петра Александровича Прозоровскаго.

вѣжливъ, раскланялся съ нами издали. Мы все катались кругомъ. Были почти всѣ русскія дамы, а именно: Ребиндеръ, Шостакъ, Логинова съ сестрой Болховской, Бестужева, Madame Кирибо, красивая гречанка; о мужчинахъ я не хочу и говорить — они всѣ были. Дежуръ-генералъ— премилый, онъ много меня смѣшилъ. Онъ сказалъ мнѣ: «вы, навѣрно, съ удовольствіемъ смотрѣли на графа Каменскаго — молодой человѣкъ, котораго Императоръ находитъ достойнымъ командовать такой большой арміей, а такъ какъ вы не замужемъ, и знаете русскую пословицу ‚Суженаго-ряженаго конемъ не объѣдешь', то надъ этимъ не должно смѣяться». При этомъ онъ все ходилъ передо мною задомъ — однимъ словомъ намъ было превесело. Я, Логинова, ея сестра и Бестужева бѣгали туда и сюда, а нашъ спутникъ непремѣнно хотѣлъ узнать наши тайны. Бестужева молоденькая маленькая женщина и совсѣмъ по-дѣтски разсказываетъ намъ всевозможныя глупости и говоритъ: «Пойдемте, дѣвушки, я васъ поведу къ дежуръ-генералу, который наговорилъ мнѣ столько комплиментовъ»... Генералъ Иловайскій слушая сіе засмѣялся и сказалъ ему: «Давно ли отъ жены вашей письмо получили»? Всѣ начали смѣяться... Полковница Болховская увѣряетъ, что она въ меня влюблена; она попросила насъ завтра къ обѣду, и если сестра не пріѣдетъ мнѣ все же придется быть. Съ Плимбаръ пришли къ намъ генералъ Иловайскій, Дежуръ-генералъ, Булатовъ, Фонтонъ, Маркизъ Maisonfort, оба князя Меншиковы, графъ Войновичъ и храбрый графъ Самойловъ *. Онъ нѣсколько дней тому назадъ прибылъ изъ Петербурга, гдѣ получилъ Владиміра четвертой степени. Этого еще слишкомъ мало за его храбрость! Дежуръ-генералъ просилъ меня пѣть, но у меня не было никакой охоты. Онъ сказалъ: «Въ воскресенье за это будутъ въ Герестрео музыканты». Само собой разумѣется я не выдержала, — побѣжала къ фортепіано и живо пропѣла нѣсколько пѣсенъ, которыя ему очень понравились. Онъ сказалъ, что графъ Каменскій намѣренъ дать балъ въ Герестрео, а мы этого всѣ хотимъ. Сперва играли въ бостонъ — графъ Самойловъ, князь Маматъ Казинъ, гусаръ князь Меншиковъ и Г., потомъ опять Г., графъ Войновичъ и князь Н. Меншиковъ. Маматъ Казинъ смотрѣлъ и сердился, когда невѣрно ходили. Всѣ сидѣли еще очень долго у насъ послѣ ужина. Спи хорошенько, я иду сегодня довольная спать. Вашъ любимецъ Голицынъ былъ также у насъ; онъ интересуется всѣми Вами. Счастливецъ!

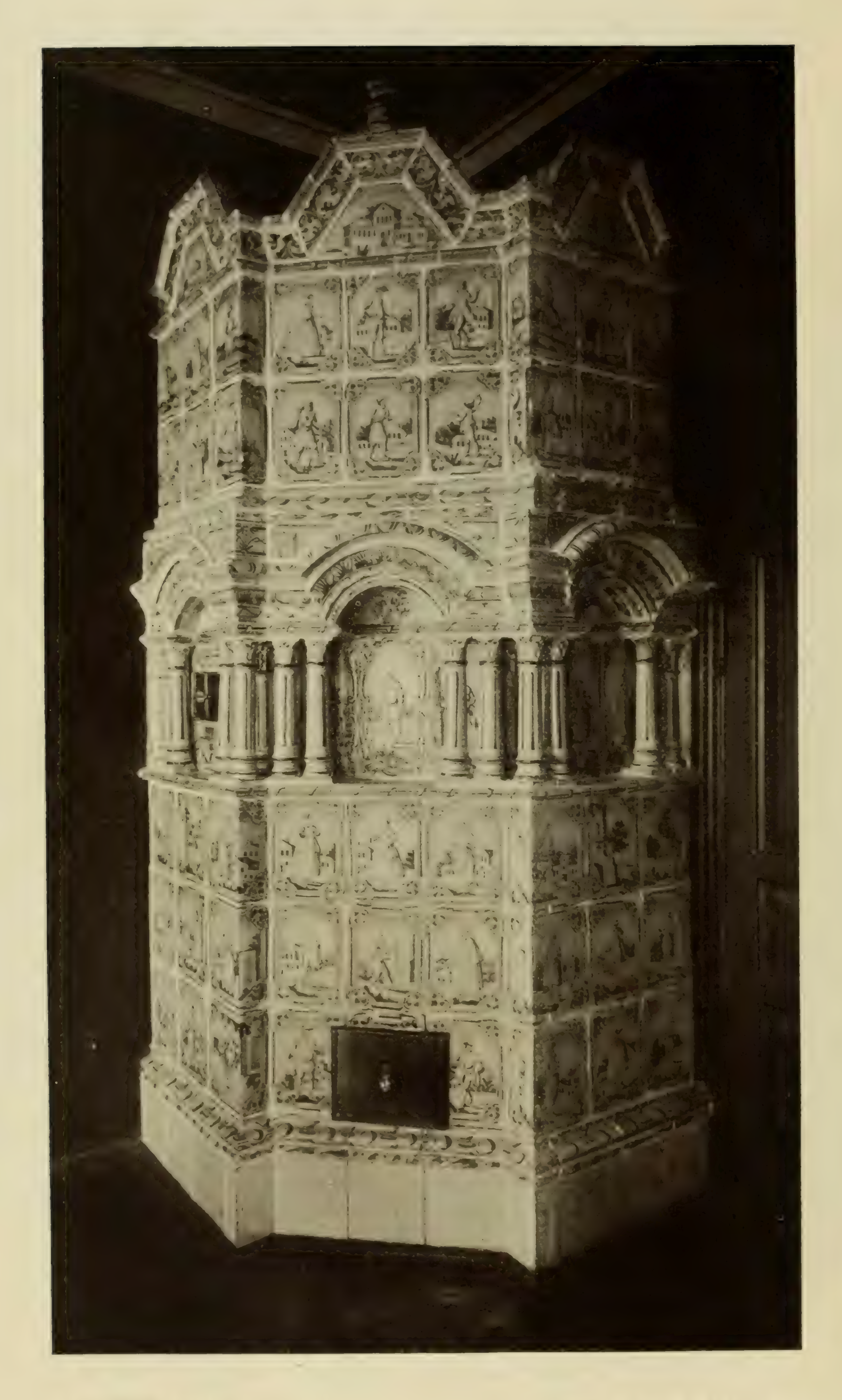
Николаевъ 9-го Ноября.

Вчера мы прибыли сюда и дышимъ, благодареніе Богу, свободнѣе. У насъ здѣсь маленькій домикъ изъ пяти крошечныхъ комнатокъ, и все же онъ мнѣ представляется дворцомъ. Вчерашній день прошелъ весело; насъ приняла хозяйка и такъ называемый баронъ, который насъ очень позабавилъ: онъ былъ выпивши, говорилъ объ Императрицѣ Екатеринѣ и объ Императорѣ Іосифѣ — однимъ словомъ, полусумасшедшій. Нашъ первый выходъ былъ въ церковь. Греческая церковь совсѣмъ близко отъ насъ и я очень искренно благодарила Бога,

* Графъ Григорій Александровичъ Самойловъ, участникъ Турецкой кампаніи, убитъ въ 1811 г.

Бюро, гдѣ хранились записки.
(Конецъ XVIII в.).

Le bureau où étaient enfermées les mémoires
de M-lle Naliotoff. (Fin du XVIII-e s.).



Печь начала XVIII в. Poële du début du XVIII-e s.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

что онъ такъ счастливо избавилъ насъ отъ большой опасности. Мы думали спать здѣсь на соломѣ, но и объ этомъ Богъ позаботился: одна горожанка, которая живетъ возлѣ насъ, прислала намъ сейчасъ постельное бѣлье — такое красивое и опрятное, что мы безъ раздумья улеглись спать. Совѣтница и Гельмерсенъ были также у насъ. Послѣ обѣда мы хотѣли пойти гулять, но пришла Дельденъ — красивая барыня. Пекаря жена прислала намъ сегодня рано утромъ пирожное. Мы послали Эрдману свѣжій хлѣбъ пфеферкухенъ и печенье — я написала ему, что я ему посылаю Кавитцельское печенье, что это лучшій кондитеръ въ Ригѣ, о которомъ мы съ нимъ часто говорили. Теперь Гельмерсенъ былъ опять съ однимъ полковникомъ — веселымъ старикомъ, — который спросилъ попадетъ ли онъ въ мой дневникъ, на что я отвѣтила «что всѣ хорошіе люди туда попадаютъ». Онъ былъ такъ добръ, что насъ всѣхъ потчевалъ вареньемъ. Изъ Карантина намъ отдали только то, что у насъ было на себѣ; нашъ нарядъ былъ премилый — мы были всѣ такъ толсты, что едва могли двигаться.

11-го.

Только что мы вчера сѣли за столъ, какъ пришелъ Фазарди и извинился за свою жену, что она не можетъ придти къ намъ, такъ какъ у нея болятъ зубы, и пригласилъ насъ къ себѣ вечеромъ. Онъ сказалъ, что слышалъ, будто нашъ старикъ будетъ посланъ въ Бессарабію генералъ-губернаторомъ, но я не думаю, чтобы это была правда, потому что онъ самъ туда не захочетъ и многіе найдутся, которые ищутъ этого мѣста. Гельмерсенъ былъ весь день у насъ, а вечеръ мы провели очень пріятно у Фазарди. Они прислали за нами карету; все общество состояло изъ французовъ и италіанцевъ — Бутми съ женой и ея матерью, Madame Прево — знаменитая актриса изъ Петербурга, 73-лѣтняя женщина, такая свѣжая и веселая, что она кажется не старше 50 лѣтъ — поетъ, играетъ на рояли; пріятная женщина, такъ же какъ и дочь, — она имѣетъ уже двухъ большихъ сыновей, изъ коихъ старшему 25 лѣтъ. Въ домѣ у Фазарди живетъ капельмейстеръ — старый италіанецъ съ страшно длиннымъ носомъ, онъ игралъ на гитарѣ, пѣлъ, также и Madame Фазарди; потомъ пѣла я и акомпанировала себѣ на гитарѣ и капельмейстеръ тоже. Я должна была очень много пѣть, и меня хвалили всѣ, въ особенности же капельмейстеръ просилъ постоянно, чтобы я пѣла. Былъ тамъ еще артиллерійскій генералъ флота Лобри. Гостиная у Фазарди прямо музыкальный магазинъ: на стѣнахъ висятъ 4 гитары, 3 скрипки. Всѣ нашли, что у меня много сходства съ Лизеттой Брюммеръ. Послѣ ужина мы скоро поѣхали домой, такъ какъ было уже поздно. Всѣ провожали насъ; Madame Бутми сказала мнѣ: «прощайте, мой прекрасный ангелъ, берегите вашъ талантъ» — а старая сказала: «берегите вашъ голосъ». Только что приходилъ Бутми, веселый старикъ. Онъ былъ дежуръ-маіоромъ у князя Потемкина и потому Павелъ не могъ его выносить. Сегодня онъ хочетъ послѣ обѣда свезти насъ въ Спасское, откуда каждый день возятъ намъ прекрасную воду — память Потемкина. Гельмерсенъ былъ только что у насъ — онъ ѣдетъ въ свои болгарскія колоніи. Завтра Бутми хочетъ вести насъ въ депо,

чтобы показать рѣдкости; онъ говоритъ, что здѣсь есть многое, чего даже въ Петербургѣ не увидѣть; ему 60 лѣтъ, а онъ такой свѣжій и веселый. Онъ говорилъ съ сестрой по нѣмецки и довольно комично. Когда сегодня онъ сказалъ непобѣдимый unüberwindig, я едва могла удержаться отъ смѣха и сказала unüberwindlich. Рѣчь была о Бонапарте, онъ держался непобѣдимымъ, а все же русскіе его одолѣли. Здѣсь разсказываютъ много новостей, Богъ знаетъ, всѣ ли онѣ правдивы. Въ особенности не вѣрится, что Бонапарте умеръ. Это извѣстіе слишкомъ пріятно, чтобы ему повѣрить.

Вечеромъ.

Только что мы вернулись изъ Спасскаго — загороднаго дворца князя Потемкина, расположеннаго въ красивой мѣстности. Дворецъ стоитъ на горѣ, изъ которой течетъ самая лучшая вода. На берегу Буга есть садъ и колодецъ, откуда берутъ воду, и для этого пріѣзжаютъ на лодкѣ. Мы пили эту воду въ Карантинѣ и нашли ее необыкновенно вкусной. Мѣстность прекрасная, дворецъ совсѣмъ простой; лѣтомъ здѣсь часто будутъ даваться балы. Бутми хотѣлъ сегодня везти насъ, во что бы то ни стало, къ Фазарди, но у насъ топили баню. Сестра уже въ банѣ. Бервицъ пишетъ Катѣ Рейнгардъ и проситъ, чтобы она ему писала почаще. Сегодня я ей диктовала письмо, которое его навѣрно разсердитъ, и это то меня и радуетъ. Я получила письмо отъ Эрдмана. Я все еще не могу забыть 73-лѣтнюю госпожу Прево. Какая веселая старушка!

15-го.

Сегодня утромъ мы были въ «Депо» съ Бутми. Гельмерсенъ былъ также съ нами. Этотъ кабинетъ основанъ только 8 лѣтъ назадъ и въ немъ очень много красивыхъ вещей, въ особенности минералы. Закъ писалъ нѣсколько разъ къ герцогу, чтобы онъ его выпустилъ изъ Карантина черезъ 6 недѣль, потому что ему нужно ѣхать въ Армію; мы были совершенно спокойны, потому что думали, что если позволятъ Заку выѣхать — то мы имѣемъ то же право, но вышло не такъ. Закъ будетъ выпущенъ со всѣмъ своимъ обозомъ, который состоитъ изъ 15 подводъ, а у насъ только 5 и онѣ должны здѣсь остаться. Сестра хочетъ писать герцогу.* Госпожа Закъ глупая особа — она сказала вчера сестрѣ: «Мы получимъ отъ Дюка именное повелѣніе, чтобы насъ выпустили, такъ какъ мой мужъ и я тоже ѣдемъ въ Армію». Какъ надъ этимъ не смѣяться до упаду! Я знаю, если мы даже на 6 недѣль позже выѣдемъ, то мы все же ихъ скоро нагонимъ, потому что ѣзда въ Армію необыкновенно быстрая, черезъ 10 час. выѣзжаютъ, а черезъ часъ останавливаются. По 15 верстъ каждый день. Мы съ ней вмѣстѣ выѣхали изъ Одессы — наглядѣлись на эту комедію. Почтенная дама ежеминутно падала въ обморокъ и кричала: «Везите меня назадъ въ Одессу».

17-го.

Нѣсколько дней назадъ мы были въ Карантинѣ у нашего обоза; погода была очень хорошая. Гельмерсенъ былъ съ нами. — До берега

---

* Герцогъ Ришелье (1766 — 1822), извѣстный эмигрантъ и государственный дѣятель; генералъ-губернаторъ Одессы и Новороссійскаго края (1803 — 1815).

Петръ Терентьевичъ Резвой.
Pierre T. Resvoï.

Анна Дмитріевна Резвая, урожденная Кукина.
M-me A. Resvoï, née Koukine.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

Д. П. и Н. В. Резвые (раб. К. Вернэ).
D. P. et N. W. Resvoï (par C. Vernet).

Ѣхали мы въ коляскѢ ДельденовЪ; но она такЪ мала, что бѢдный ГельмерсенЪ долженЪ былЪ сидѢть на козлахЪ. Эрдману принесли мы паштетЪ и кучу пирожныхЪ, пфефферкухенЪ и яблокЪ и онЪ съ такой радостью летѢлЪ намЪ навстрѢчу, что потерялЪ свою фуражку и чуть не упалЪ. Вчера была госпожа Фазарди у насЪ, а кЪ вечеру вмѢстѢ сЪ ней мы поѢхали кЪ нимЪ. Бутми, ЭрдманЪ и ГельмерсенЪ были также сЪ нами, госпожу Прево мы встрѢтили уже сЪ ея внуками. ДвѢ особы доставили мнѢ немалое удовольствіе: одинЪ нагайскій князь, который былЪ одѢтЪ какЪ мужикЪ вЪ сѢромЪ армякѢ — онЪ игралЪ сЪ Фазарди вЪ шахматы и ежеминутно ходилЪ молиться; другой былЪ извѢстный ГельвигЪ, который очень хорошо насвистываетЪ — онЪ акомпанировалЪ себѢ на роялѢ и премило насвистывалЪ. У него много сходства сЪ графомЪ СергѢемЪ КаменскимЪ * и даже сЪ НиколаемЪ КаменскимЪ. У Фазарди были недолго. ЭрдманЪ пришелЪ сЪ нами и такЪ болтали мы сЪ нимЪ до часу; между прочимЪ, онЪ сказалЪ, вѢроятно чтобы меня разсердить, что мой братЪ БервицЪ очень фальшивЪ и не говоритЪ ни обЪ одномЪ человѢкѢ чего нибудь хорошаго. О, если бы даже весь свѢтЪ это утверждалЪ, то я все же бы этому не повѢрила!

НиколаевЪ, 26 ноября 1812.

ОтЪ Герцога сестра уже получила давно отвѢтЪ, онЪ пишетЪ очень вѢжливо и кЪ Языкову. АдмиралЪ прислалЪ приказЪ выпустить насЪ изЪ карантина. Сегодня нашЪ срокЪ, но погода такЪ плоха, что нельзя выйти. Сегодня первый разЪ большой морозЪ и снѢгЪ. До сихЪ порЪ погода была невыразимо прекрасная. ГельмерсенЪ все даетЪ мнѢ понять, что онЪ вЪ меня влюбленЪ — но я дѢлаю видЪ, что ничего не понимаю. Катя К. смѢется надЪ нимЪ за то, что онЪ на меня постоянно смотритЪ большими глазами.

27-го.

Вчера была очень плохая погода, шелЪ снѢгЪ и ужасная мятель. ГельмерсенЪ былЪ у насЪ цѢлый день, — какЪ говоритЪ Катя «сидѢлЪ до перваго обморока». Мы взяли италіанца и француженку — мужъ и жена: она парижанка, а онЪ грекЪ изЪ Италіи. ГельмерсенЪ принесЪ мнѢ газеты; имена, которыхЪ я ищу, не нахожу. Б. и МеншиковЪ должны быть у Платова **. КакЪ я рада, что онЪ графЪ! Сегодня утромЪ были ГельмерсенЪ и ЭрдманЪ. ВЪ КіевѢ и БердичевѢ должна быть тоже чума и мы не знаемЪ, куда Ѣхать. Мы хотѢли вЪ Полтаву, — хоть вЪ чуму опять попасть, — но здѢсь уже не хотимЪ дольше оставаться.

30-го.

БугЪ замерзЪ сегодня и уже люди переходятЪ его. НашЪ экипажЪ мы еще не скоро получимЪ. Какая досада! ГельмерсенЪ былЪ у насЪ: мы вмѢстѢ поѢхали кЪ берегу вЪ саняхЪ тройкой. СейчасЪ я прочла манифестЪ отЪ 3-го ноября. ОнЪ очень хорошо написанЪ, особенно благодарность кЪ народу. Нашу француженку, Madame M..., хвалитЪ весь городЪ. Сегодня «АндреевЪ день». ДокторЪ Д. былЪ здѢсь и гово-

* ГрафЪ СергѢй МихайловичЪ Каменскій (1772 — 1834), старшій сынЪ фельдмаршала и братЪ главнокомандующаго, впослѢдствіи генералЪ отЪ инфантеріи.

** ГрафЪ МатвѢй ИвановичЪ ПлатовЪ (1751 — 1818), Донской атаманЪ.

ритъ, что сегодня идетъ любительскій спектакль — будутъ играть «Чернаго человѣка». Эрдманъ былъ у насъ и къ обѣду пошелъ на праздникъ.

1-го.

Сестра поѣхала съ Катей К. и Гельмерсеномъ въ Карантинъ; по льду ихъ перевезли люди. Эрдманъ былъ у насъ. Въ 5 часовъ пришли наши изъ Карантина и обѣдали.

3-го.

Вчера доставили нашъ экипажъ, мы ѣдемъ черезъ нѣсколько дней. Въ Одессѣ уже чума у консула Кобли въ домѣ. Какъ мнѣ жаль его и его дѣтей.

Вечеръ, 1 часъ.

Мальчики, Гельмерсенъ и Эрдманъ были къ обѣду и онъ сидѣлъ до сихъ поръ, т. е. «до перваго обморока». Изъ арміи самыя лучшія вѣсти, но Богъ знаетъ, всѣ ли онѣ вѣрны, ибо слишкомъ пріятны. Вчера Гельмерсенъ разсердился на меня: я выпила «за здоровье гусаровъ» и была внѣ себя отъ восхищенія какъ всегда, когда я думаю о своихъ гусарикахъ. Гельмерсенъ сказалъ: «я въ состояніи, и буду гусаромъ! Тогда я Вамъ, быть можетъ, также немного больше стану нравиться!» Сегодня я копировала Мимку (habe ich Mimka kopiert). Какъ онъ играетъ на фортепіано пассажи! А потомъ я пѣла Б. его любимыя пѣсни — я должна окончить писать, потому что мнѣ еще нужно прочесть 2 книги: «Матери Соперницы или Коварство» госпожи Жанлисъ. Вчера были госпожа Deldene и госпожа Паскевичъ, бывшая Кайсарова. Гельмерсенъ называетъ меня «милая обожаемая сестра», а я сказала ему, что я обѣщала имѣть брата, думая о М.

5-го.

Вчера была моя Святая; я очень усердно молилась. Къ вечеру пріѣхалъ Бутми въ саняхъ, мы поѣхали съ нимъ къ Фазарди, чтобы попрощаться. Госпожа Прево и Гельвигъ были тамъ и меня просили пѣть, но у меня теперь такой кашель, что я едва могу говорить. Фазарди увѣряетъ, что молодые люди каждый день ходятъ къ нему и хотятъ меня послушать, но напрасно. Госпожа Прево говоритъ, что она охошно бы еще разъ послушала «Не забывайте меня». Она цѣловала меня много разъ и сулила мнѣ всего лучшаго. — Гельвигъ сказалъ: «до сихъ поръ я еще надѣялся услышать Ваше пѣніе, но теперь все пропало»! Эрдманъ и Гельмерсенъ говорятъ, что всѣ молодые люди съ ума сходятъ, чтобы меня увидать. Бутми такъ любезенъ, даетъ намъ въ провожатые одного унтеръ-офицера и двухъ солдатъ и сказалъ имъ въ нашемъ присутствіи, что, если они сестру хорошо проводятъ и мы будемъ ими довольны, то онъ ихъ представитъ къ повышенію. Къ обѣду была наша молодежь. — Погода плохая, мететъ, и мы взяли за обыкновеніе никогда не выѣзжать въ пятницу и все таки поѣхали; это всегда случается съ тѣхъ поръ какъ мы пріѣхали изъ Кіева. Языковъ и всѣ доктора выдали намъ свидѣтельства, что мы изъ благополучнаго города, чтобы насъ въ Крюковѣ опять не задержали 6 недѣль въ Карантинѣ. Наши учителя у насъ и все въ домѣ блеститъ. — Я хочу молиться, завтра Николай Чудотворецъ.

Левицкій: Татіана Петровна Рознатовская, урожденная Резвая.

Levitzky: Madame T. P. Rosnatowsky, née Resvoï.

6-го, Николинъ День.

Сейчасъ мы отъ заутрени, — заказали молебенъ, я усердно молилась и плакала. Авось, Богъ услышитъ мою искреннюю молитву. Николѣ повѣсила малиновую занавѣсь съ золотыми галунами. Наша Madame была съ нами; было еще темно, мы шли въ снѣгу до самой церкви. Мы уже послали за лошадьми и поѣдемъ на колесахъ. Богъ вѣсть, какъ мы проберемся по такому глубокому снѣгу!

Кандыбина 7-го.

Мы теперь на первой станціи отъ Николаева; 22 версты мы ѣхали 10 часовъ; дорога вся занесена. Гельмерсенъ и Эрдманъ хотѣли намъ устроить сюрпризъ и послѣ того, какъ они съ нами попрощались, уѣхали впередъ и чтобы не быть нами узнаны, велѣли себя покрыть и лежали въ саняхъ. — Такъ какъ они насъ долго не слышали ѣдущими за собой, то они хотѣли сами ѣхать навстрѣчу, но такъ мело, что не было видно дороги и они вынуждены были съ терпѣніемъ насъ ожидать. За версту отсюда мы застряли въ снѣгу: мальчики пришли къ намъ пѣшкомъ. Наше удивленіе было велико, когда мы услышали ихъ голоса, они привели съ собой воловъ и людей и съ большимъ трудомъ вытащили насъ изъ снѣгу. Послѣ обѣда мальчики поѣхали въ городъ и сегодня опять хотѣли прибыть съ обыкновенными санями. Мы хотимъ всѣ вещи съ кареты снять въ сани. Сейчасъ только прибылъ солдатъ нашего обоза. Возы остановились въ 10 верстахъ отъ города и ночью чуть не замерзли. Святой Николай Чудотворецъ такъ счастливо помогъ намъ выбраться, иначе намъ пришлось бы въ такомъ видѣ провести цѣлую ночь. Сейчасъ прибылъ курьеръ — Алексѣевъ, офицеръ Мингрельскаго полка; онъ знаетъ князя Мадатова, «Мингрелическаго», какъ нѣкогда говорилъ Мадатовъ. Онъ мнѣ далъ прочесть манифестъ, а мы угостили его кофе и бутербродами. Бѣдняга совсѣмъ замерзъ. Наши добрые мальчики хотѣли пріѣхать къ обѣду, пріѣхали, исполнили всѣ порученія и остаются до утра здѣсь. — Хорошіе мальчики! — Гельмерсенъ проситъ, чтобы я ему написала хотя бы одно слово изъ Полтавы, но я сказала: «нѣтъ» и настаиваю на томъ.

Елизаветъ, 13-го декабря.

Вчера вечеромъ мы прибыли въ Елизаветъ въ 6 часовъ вечера. Мы нашли здѣсь госпожу Малиновскую, Яворскую и М. Шульманъ; онѣ живутъ всѣ три въ маленькомъ домикѣ, а мы поселились у нихъ. О нашемъ путешествіи я еще хочу написать. Оно было невыносимо: въ недѣлю проѣхали мы 160 верстъ на почтовыхъ. Такая ужасная мѣстность, что во всемъ свѣтѣ полагаю нельзя найти хуже — все степь и степь, вѣчная мятель, дороги совсѣмъ не видать и по 3 часа стояли мы на одномъ мѣстѣ. На одной изъ станцій мы не могли получить лошадей, но почтмейстеръ сказалъ, что мы должны оставить одинъ экипажъ и что лошади скоро вернутся и насъ сейчасъ же догонятъ. Мы послушались, оставили учителя съ его бричкой и съ нимъ Эмму. Но Боже, что случилось! Три дня мы не видѣли бѣднаго учителя, а сегодня онъ пріѣхалъ съ нашимъ обозомъ, который нагналъ лишь на послѣдней станціи. — Оказывается, что какъ

только мы уѣхали, почтмейстерѣ потребовалѣ съ него еще разѣ «прогоны». Кѣ счастью бѣдняги на другой день пріѣхалѣ одинѣ купецѣ изѣ Николаева, отѣ котораго бѣдный италіанецѣ получилѣ деньги, чтобы заплатить за лошадей. — Самая большая бѣда вѣ томѣ, что мы ему не оставили ни одного человѣка, онѣ не говоритѣ ни слова по-русски, а Эмма также понимаетѣ немногое. Дабы помочь италіанцу, мы на 2-й станціи оставили солдата, чтобы его подождать и немного съѣстного, и наконецѣ сегодня онѣ пріѣхалѣ совсѣмѣ замерзшій и до сихѣ порѣ еще не можетѣ согрѣться.

Шульманѣ кажется совсѣмѣ спокойной, я не нахожу вѣ ней никакой перемѣны. Мы сказали ей, что мы слышали, что Васильчикову данѣ генеральскій чинѣ и это, кажется, ее очень порадовало. Она попросила Малиновскую, чтобы она послала за петербургскими газетами. Она занимается своей маленькой дочерью, которая очень похожа на своего покойнаго отца. Яворская вѣ интересномѣ положеніи и, что еще неожиданнѣе, госпожа Малиновская также. Сегодня былѣ здѣсь одинѣ генералѣ Шитовѣ и плѣнный австрійскій докторѣ. Завтра рано утромѣ мы хотѣли ѣхать дальше. Эту ночь я видѣла во снѣ Кондратія и Меншикова. — Мальчики Эрдманѣ и Гельмерсенѣ полѣ-версты бѣжали за нашей каретой. Гельмерсенѣ пролилѣ нѣсколько слезѣ, которыя онѣ, однако, старался скрыть. Гельмерсенѣ сказалѣ мнѣ: «Бервицѣ и Меншиковѣ счастливцы, они васѣ интересуютѣ»! «О, очень, очень», отвѣтила я совершенно откровенно, «я люблю ихѣ обоихѣ чрезвычайно, но это еще совсѣмѣ молодые люди, они должны еще много учиться, учиться. О, они настоящіе ангелы!». Сестра сказала мнѣ, что я не должна такѣ много болтать, но я заявила, что не виновата, я люблю говорить то, что чувствую.

Полтава, 24-го января 1813.

Вчера была репетиція неудачнаго «Примирителя». Сестра гововоритѣ, что нашѣ Директорѣ былѣ внѣ себя отѣ радости, какѣ я играла, и сказалѣ г-жѣ Нарышкиной, что никто такѣ хорошо не играетѣ, какѣ я. Третьяго дня была опять репетиція «Урокѣ Дочкамѣ» и «Нѣмецкіе Провинціалы». Мы пробыли весь вечерѣ у Стараго Князя,* мнѣ принесли гитару и я должна была пѣть. Старый Князь игралѣ 10, а сдѣлалѣ только 5; онѣ сказалѣ: «Это все гитара виновата». Послѣ ужина я еще должна была спѣть. На завтра молодой князь пригласилѣ насѣ кѣ обѣду. Шаптыкову говорили его офицеры: «куда ни придешь, только и слышишь, что о Налетовой говорятѣ, какѣ безподобно играла и пѣла на Театрѣ».

26-го.

Вчера мы обѣдали у Молодого Князя и до 6 часовѣ были тамѣ; обѣдѣ былѣ очень хорошѣ. Польскія дамы графиня Ледоховская и Дюкланѣ выпили вина больше, чѣмѣ мужчины. Князь далѣ мнѣ роль

* Надо полагать, князь Яковѣ Ивановичѣ Лобановѣ-Ростовскій (1760—1831), генералѣ-губернаторѣ Малороссіи (1808 — 1816). Упоминаемый ниже «Молодой Князь», вѣроятно, сынѣ его кн. Александрѣ Яковлевичѣ (1788—1866), женатѣ на графинѣ Клеопатрѣ Ильиничнѣ Безбородко.

Екатерина Васильевна Налетова,
авторъ записокъ
(портретъ работы Кордика).

Mademoiselle Catherine Nalétoff,
auteur des mémoires
(d'après le portrait de Cordyck).

графини въ «Честномъ Словѣ». Онъ сказалъ: «Роль очень большая, но прекрасная, вѣдь я вамъ худого не выберу». — Послѣ обѣда я должна была пѣть подъ гитару, Бѣлуха * поцѣловалъ меня въ плечо, — «Спивай намъ!». Старый Князь хотѣлъ насъ удержать на репетицію, но мы не остались. Княгиня сказала мнѣ: «Когда играете вы, то мнѣ нельзя играть». Только что былъ губернаторъ Тутолминъ ** и пригласилъ насъ на вечеръ.

* Не Бѣлуха - Кохановскій ли, генералъ - маіоръ, управлявшій провіантскою частью въ Молдавской арміи (1810 г.)?

** Павелъ Васильевичъ Тутолминъ (1773—1837).

28-го.

Вчера мы были у Губернатора; всѣ играли въ бостонъ, а я пѣла. Передъ ужиномъ мы танцовали только 2 кадрили; первую я протанцовала съ Губернаторомъ, а 2-ю съ однимъ красивымъ молодымъ казакомъ изъ ополченія. Кажется, его зовутъ Позняковъ. — Сегодня мы приглашены къ графинѣ Ламбертъ.

29-го.

У графа была только княжеская семья и Бѣлуха, а то все родственники графини; мы всѣ играли въ бостонъ, я, 2 барышни Бутышевы и красивый офицеръ.

Вторникъ 4-го февраля.

Въ Воскресенье я играла Марину. Послѣ театра князь похвалилъ дѣвицу Марченко и обратившись ко мнѣ сказалъ: «а про васъ ужъ и нечего говорить! Какъ вы Марину играли, такъ я не видывалъ лутче, гдѣ вамъ надо было на сценѣ быть и не говорить, что весьма трудно, вы однако такъ умѣли найтись! — Я не ошибся, когда сказалъ, что она славно сыграетъ всякую роль». — Я отвѣчала: «Хорошій комплиментъ вы мнѣ дѣлаете, находя сходство съ Актрисой». «Нѣтъ это только значитъ, что за что бы вы ни взялись, все славно вамъ удается»! Вчера мы были у генерала Кочубея на именинахъ. Красивый Постниковъ много со мной танцовалъ. Губернаторъ сказалъ мнѣ: «Это слишкомъ замѣтно — три-четыре раза все съ однимъ кавалеромъ; за это я его сегодня вышлю изъ города». — Онъ танцуетъ очень хорошо, въ особенности мазурку, почти еще красивѣе, чѣмъ графъ Войновичъ. Онъ хотѣлъ непремѣнно со мной протанцовать Русскую, но я не захотѣла, потому что мнѣ хочется устроить сюрпризъ Старому Князю, и я буду въ «Честномъ Словѣ» русской дѣвкой танцовать. Молодой Князь просилъ, чтобы я не танцовала; я всѣмъ говорила, что не танцую и графиня Ледоховская промолчала. Постниковъ стоялъ за ужиномъ за моимъ стуломъ и говорилъ всевозможные комплименты; онъ сказалъ, что его лошади стоятъ наготовѣ, и съ бала онъ прямо ѣдетъ въ Кіевъ, и что тамъ онъ все будетъ думать о Мамзель Налетовой. Я сказала: «Вамъ тамъ время не будетъ думать о ней — въ Кіевѣ гораздо веселѣе». — «Нѣтъ я, какъ можно скорѣе, постараюсь воротиться въ Полтаву». Онъ очень хорошо танцуетъ мазурку, а молодой князь прекрасно вальсируетъ, всѣ были въ восторгѣ, когда я съ нимъ танцовала вальсъ. Братъ Полторацкаго здѣсь, но онъ не танцуетъ. Сегодня мы приглашены къ Бѣлухѣ на вечеръ, но у меня нѣтъ никакой охоты ѣхать. — Завтра моя репетиція въ «Честномъ Словѣ», а я еще не готова: моя роль страшно велика — 33 большихъ страницы. Сестра Кочубея имѣетъ сходство съ Меншиковымъ, за что я ее очень люблю, а она меня. У насъ, повидимому, симпатія другъ къ другу. Вчера я говорю Ледоховской (я нашла ея портретъ на стѣнѣ) — какъ она похожа на Меншикова. Ледоховская отвѣчала: «Пріятное сравненіе».

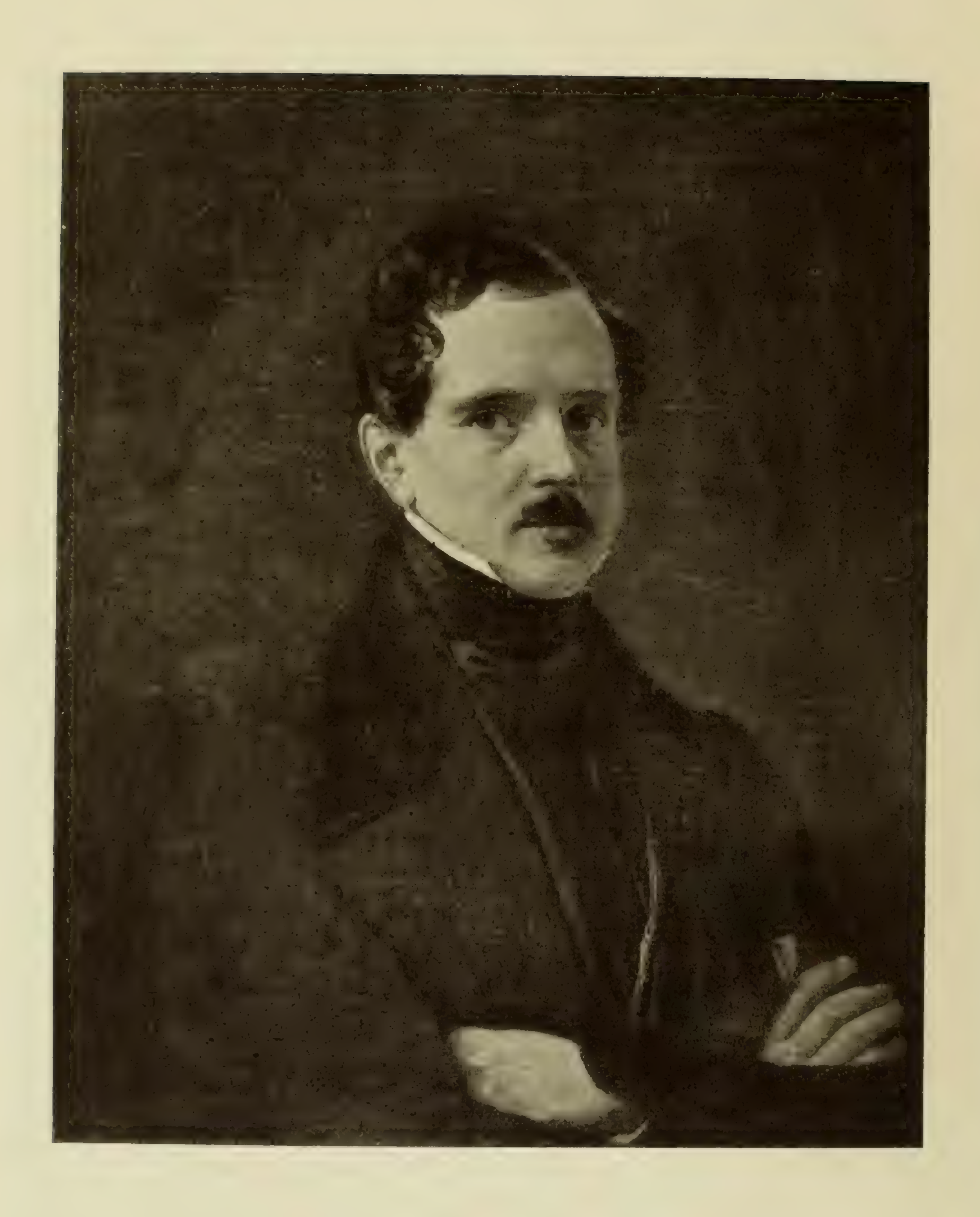
17-го февраля.

Вчера мы играли «Честное Слово» — и очень хорошо. Всѣ были внѣ себя отъ восхищенія. Молодой Князь говорилъ мнѣ послѣ каждаго

Левицкій (?): Графиня Анна Петровна Кутайсова. урожденная Резвая.

Lévitzky (?): La comtesse A. P. Koutaïsoff née Resvoï.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.



Модестъ Дмитріевичъ Резвой
(портретъ раб. П. В. Басина).

Modeste D. Resvoï
(portrait par P. Bassine).

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

Фанни Александровна Резвая,
урожденная Гассингъ.
(Акварель П. Ѳ. Соколова).

M-me Fanny Resvoï,
née Hassing.
(Aquarelle de P. Sokoloff).

Модестъ Дмитріевичъ Резвой.
(Миніатюра раб. М. Д. Резвого).
Modeste D. Resvoï.
(Miniature par lui-même).

Графиня Анна Петровна Кутайсова,
урожденная Резвая.
La comtesse A. P. Koutaïssoff,
née Resvoï.

Фанни Александровна Резвая, урожденная Гассингъ.
(Портретъ раб. Моллера).
M-me Fanny Resvoï, née Hassing.
(Portrait par Moller).

дѣйствія: «Какъ вы славно играете сегодня; вы на репетиціяхъ такъ играли, что казалось, нельзя лутче, а сегодня такъ просто удивленія достойно»! Когда я танцовала Русскую, то я дѣлалась глухой ко всему, но никто кромѣ Молодого Князя этого не замѣтилъ. Котляревскій сказалъ: «Что, племянница, если графу вздумается тебя заставить по-русски поплясать, попляши-ка, я хочу посмотрѣть»! Я отвѣтила: «да съ кѣмъ же»? «Да я найду тебѣ мальчика», сказалъ Котляревскій и закричалъ: «Афонька, Афонька поди-ка сюда»! Прибѣжалъ маленькій мальчикъ ямщичекъ. Молодой Князь самъ стоялъ на хорахъ и говорилъ музыкантамъ когда начинать, и когда я оборачивалась, то каждый разъ меня оглушали любезностями и апплодисментами. Чего они только со мной не выдѣлывали, я не могу и описать: всѣ громко кричали: «Возможно ли лутче сыграть»!

Гельмерсенъ былъ вчера утромъ у насъ, онъ былъ также въ театрѣ, а потомъ мы поѣхали въ клубъ. Я ни съ кѣмъ не танцовала отъ усталости, только разъ прошлась со Старымъ Княземъ. Старый Князь сказалъ мнѣ: «Всего труднѣе быть на сценѣ и молчать; надо умѣть найтись, а на это вы великая штукарка». Прокуроръ сказалъ: «Катерина Васильевна виновата, что у меня руки болятъ отъ хлопанья». Даже наши французы были внѣ себя; молодежь вся кричала: «вы насъ съ ума свели»! а старый Бѣлуха, придя сегодня къ намъ, замѣтилъ: «За то, что вы исполнили Русскую пляску, васъ всѣ обожаютъ и весьма. Кстати, графъ Розмысловъ о вашей прекрасной ножкѣ говаривалъ». Старикъ дѣлаетъ лишь обычные комплименты. Гельмерсенъ разсказывалъ, что онъ поѣдетъ съ Бервицемъ на Кавказъ и что онъ отъ Меншикова получилъ письмо. Я сказала ему, что сердита на Бервица, почему же онъ сюда не ѣдетъ. «Онъ вѣрно не знаетъ, что вы здѣсь» — промолвилъ Гельмерсенъ. Молодой Князь все бѣгалъ по лѣстницѣ со свѣчей, когда я уходила переодѣваться. Онъ говоритъ, что весь постъ будетъ играть на театрѣ. Но, однако, я должна сознаться, что я лучше въ это время буду учиться по-италіански, ибо отъ страшно большихъ ролей мнѣ нѣтъ рѣшительно никакой пользы, а главное не для кого стараться. Паншиковъ сказалъ: «Вы такъ славно играли, что, пожалуй, лутче и невозможно. Я самыми строгими глазами на васъ смотрѣлъ».

Полтава, 18 апрѣля 1813.

Давно я ничего не писала и все таки много замѣчательнаго случилось за это время. Бервицъ пробылъ у насъ 17 дней и остался бы еще, если бы не гусаръ Орловъ, бывшій съ нимъ, который долженъ ѣхать въ Харьковъ. Мы пріятно прожили 17 дней и теперь по старому все грустно въ домѣ. Отъ Бервица мы получаемъ часто письма. Орловъ, котораго мы такъ скоро полюбили, умеръ въ Харьковѣ, онъ былъ боленъ только 3 дня. Бервицъ очень разстроенъ. Тихая недѣля — мы постились и говѣли. У сестры болитъ нога, мы сидимъ дома, но за эти дни приняли много визитовъ. По вечерамъ у насъ всегдашніе гости: семейство Фраполи, Марья Матвѣевна съ мужемъ, сыновья маіора. Всѣ танцуютъ, играютъ въ фанты, но я не принимаю въ этомъ никакого участія, я не могу принудить себя быть веселой...

Молодая Княгиня и Молодой Князь уѣхали. Нарышкинъ пріѣхалъ изъ Петербурга; онъ непремѣнно хочетъ видѣть «Честное Слово», и мнѣ придется опять играть. Старый Князь былъ нѣсколько дней назадъ и также усиленно просилъ меня объ этомъ.

Госпожа Нарышкина сказала мнѣ: «Мужъ мой васъ знаетъ не видавши. Я о васъ къ нему въ Петербургъ писала». «Очень обязана» отвѣтствовала я: «но, между прочимъ, я должна свою роль опять проходить, потому что все позабыла». *

Нѣсколько дней тому назадъ сестра получила отъ Бервица письмо. Онъ пишетъ, что мать его предлагаетъ ему невѣсту, и что онъ въ отчаяніи, но долженъ былъ въ первый разъ матушку ослушаться и проситъ сестру, чтобы она его спасла. «Одно слово Катерины Васильевны можетъ меня избавить. Матери моей все равно, кто моя жена — и она только моего щастья желаетъ».

Мы ходимъ гулять каждый день. Недавно были мы въ монастырѣ. Казенный садъ очень хорошъ; это будетъ мое любимое лѣтнее мѣстопребываніе. Молодой Друковцовъ былъ здѣсь нѣсколько дней, чтобы повидать насъ, изъ Кременчуга. Господинъ Мелинъ, чтобы меня разсердить, ругаетъ Меншикова, но ему это дорого обошлось. Сестра даже разсердилась и сказала, что не позволитъ бранить нашего любимца.

19-го.

Вчера почтовый день, а отъ Бервица не было письма. Чтобъ это значило? Мнѣ надо опять играть «Честное Слово», что весьма непріятно. Не для кого трудиться. Если бы извѣстная особа здѣсь была, о, тогда бы я съ отмѣннымъ удовольствіемъ играла. — Вчера ночью я видѣла во снѣ Николашу Меншикова; онъ мнѣ ежеминутно говорилъ, что меня любитъ. Онъ стоялъ передъ образомъ Божіей Матери и я молвила ему: «если ты правду говоришь, то поцѣлуй Матерь Божію и зажги свѣчку». Онъ это сдѣлалъ, а послѣ него я.

Вечеръ.

Мы сейчасъ вернулись домой съ катанья. Шелъ дождь. Я иду въ церковь ко всенощной.

20-го.

Сегодня утромъ была Madame Нарышкина, она просила, чтобы я въ среду играла «Честное Слово». 30-го именины Стараго Князя. Онъ ничего не будетъ знать о комедіи: ее будутъ играть въ деревнѣ, когда онъ пріѣдетъ къ дочери и будетъ считать, что они одни. Должны быть сыграны двѣ комедіи и сегодня сестра уже писала кн. Хилковой. У нея комедія «Новой Стернъ», которую хочетъ играть Madame Нарышкина потому что Старый Князь любитъ эту пьесу.

24-го.

Вчера шло «Честное Слово». Я играла въ послѣдній разъ, такъ какъ моя роль страшно велика и ужъ мнѣ надоѣла. Отъ Бервица мы получили письмо; онъ пишетъ, что съ нимъ поѣдетъ Кандіотти. Невѣстка Марьи Матвѣевны умерла отъ чахотки и Марья Матвѣевна

---

* Эта часть дневника написана по французски весьма сквернымъ языкомъ и со многими ошибками. Въ запискахъ Налетовой эти же событія записаны и по нѣмецки. Мы придерживались, по возможности, нѣмецкаго оригинала.

Янъ Фейтъ: Кошка, собака и заяцъ. Jan Fyt: Le chat, le chien et le lièvre.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

Фалькенбургъ: Маленькіе хищники. D. Valckenburg: Les petits pillards.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

Фалькенбургъ: Собака и битая дичь. D. Valckenburg: Chien et gibier.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

Фалькенбургъ: Охотничьи трофеи. D. Valckenburg: Les trophées de chasse.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

теперь у насъ потому, что она сильно тоскуетъ. Черниговскій губернаторъ задушенъ въ своемъ собственномъ домѣ однимъ казачьимъ офицеромъ; Старый Князь ѣдетъ туда, слѣдовательно наша комедія еще откладывается.

25-го.

Сегодня утромъ мы были у Madame Нарышкиной. Я получила роль Меланіи въ «Новомъ Стернѣ»; пьесу не будутъ играть ранѣе возвращенія Стараго Князя. Отъ княгини Хилковой мы вчера получили письмо, она пишетъ: «я слышу, что Катерина Васильевна всѣхъ обворожила, это меня ни чуть не удивляетъ, всѣ, кто ее знаетъ, должны ее обожать»! — это слишкомъ сильно сказано. Шаптыковъ былъ въ театрѣ. Губернаторъ Шутолминъ сказалъ мнѣ послѣ театра: «Вы насъ всѣхъ сдѣлали графомъ Розмысловымъ».

6-го мая.

Мы катаемся каждый день въ лѣсокъ близъ города; я люблю это мѣсто, потому что мы тамъ совсѣмъ одни и можемъ быть покойны. Ахъ! какъ я люблю одиночество. Окрестности Полтавы великолѣпны. Какіе чудные сады! Общественный садъ, садъ князя Кочубея и графа Разумовскаго самые красивые. Шаптыковъ здѣсь съ двумя офицерами. Вчера мы были одни въ моемъ любимомъ лѣсочкѣ, танцовали до 10 часовъ, однимъ словомъ, было очень весело.

Шаптыковъ, отъ кого то, пріѣхавшаго изъ Харькова, слышалъ, что Бервицъ женится на вдовѣ, которая очень богата и имѣетъ маленькую дочь. Мы едва этому вѣримъ, потому что онъ изъ Харькова писалъ, что его мать ему предлагаетъ выгодную партію и что онъ въ отчаяніи, потому что привыкъ слушаться, это же исполнить онъ считаетъ невозможнымъ, и что если онъ на той не женится, то лучше вѣчно останется неженатымъ...

7-го.

Сегодня мы были съ Шаптыковымъ въ божественномъ Кочубеевскомъ саду. Послѣ завтра мы ѣдемъ вмѣстѣ къ Madame Кочубей въ Диканьку, а потомъ къ Madame Нарышкиной, тамъ Престолъ Николая.

8-го вечеръ.

Сегодня мы были въ Казенномъ саду, мой графъ Розмысловъ, Свѣчинъ и губернаторъ были также. Завтра въ 10 часовъ мы ѣдемъ въ Диканьку 25 верстъ на почтовыхъ лошадяхъ. Сегодня мы получили отъ брата Бервица письмо эстафетой, онъ пишетъ, что былъ очень боленъ. Муратовъ тоже пишетъ къ сестрѣ, зная ее только по наслышкѣ. Поздно. Всѣ спятъ. Мнѣ надо кончать дневникъ, завтра я встаю рано.

11-го.

Третьяго дня передъ обѣдомъ пріѣхала за нами госпожа Кочубей. Мадемуазель Карлицкую мы взяли въ нашу карету. Жара была невыносимая, но какъ только мы пріѣхали, мы все забыли: среди лѣса стояла церковь, въ большой аллеѣ палатки и накрытые столы. Госпожа Нарышкина прибыла уже давно, а въ лѣсу было много крестьянъ и крестьянокъ, и Кочубей велѣлъ одѣлить всѣхъ дѣвушекъ лентами и сережками; послѣ обѣда крестьяне танцовали «Дубочку» — что

доставило мнѣ неизъяснимое удовольствіе. Послѣ того мы пошли въ домъ къ Нарышкинымъ и тамъ переодѣлись, потому что жара была нестерпимая, пили чай въ саду, а затѣмъ поѣхали домой. Дома мы нашли большое общество, я устала и ушла спать, не посмотрѣвъ на чужихъ. Вчера мой братъ Ося прислалъ свой портретъ; какъ я рада— вѣдь я совсѣмъ не знаю своего брата. Сестра и мать говорятъ, что портретъ похожъ.

13 вечеромъ. *

Портретъ Констанціи оконченъ, я нахожу много сходства, хотя въ дурную сторону. Сегодня послѣ обѣда господинъ и госпожа Нарышкины были у насъ. Каждый вечеръ въ 9 часовъ мы идемъ въ Общественный садъ. Это прямо рай, если только можно его себѣ представить. Теперь я хочу поставить себѣ въ обязанность писать каждый день нѣсколько словъ.

14-го.

Вѣтрено, мы принуждены сидѣть дома, и я довольна, потому, что уже давно не притрагивалась къ клавесину, а сидя дома у меня будетъ достаточно времени. Художникъ былъ сегодня, онъ началъ портретъ Модеста. Я перевожу «Телемака»; италіанскій языкъ для меня очень труденъ.

15-го.

Портретъ Модеста оконченъ, сходства довольно, но гораздо чернѣе, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. Завтра мы отошлемъ оба въ Харьковъ и Бервицъ ихъ отнесетъ въ Армію къ моему зятю.

Вчера мы получили письмо отъ генерала Брюммеръ; онъ пишетъ, что Лилинька Компаньонъ умерла 10 мая. О Боже мой, Боже мой, какое несчастье для родителей, которые ее обожали!

16-го.

Весь день мы сидѣли дома, теперь мы играемъ въ карты съ г. Фраполи. Г. Паптыковъ боленъ; его слуга пошелъ за докторомъ.

31-го.

Десять дней мы провели у госпожи Булычевой въ Харьковѣ; мой дорогой братъ былъ все время съ нами. Городъ Харьковъ гораздо красивѣе Полтавы. Мы познакомились съ вице-губернаторомъ; его жена довольно красивая женщина. Мы все время были у нихъ. Я пѣла, они меня хвалили. Паптыковъ вчера былъ у насъ, онъ нездоровъ.

4 іюня.

Нѣсколько дней уже какъ госпожа Магденко пріѣхала изъ Сангари — она каждый день у насъ — прелюбезная женщина; у нея двое дѣтей, вчера они обѣдали у насъ. Паптыковъ былъ тоже съ однимъ изъ своихъ офицеровъ, который играетъ довольно хорошо на скрипкѣ. Послѣ обѣда мы были въ общественномъ саду, который сталъ очень хорошъ. Весь вечеръ у насъ была семья Магденко и также г. Паптыковъ; я пѣла, офицеръ мнѣ акомпанировалъ. Моя сестра получила письмо отъ моего дорогого брата; мнѣ очень любопытно его прочитать, но мнѣ его не даютъ.

---

* Эта часть дневника переведена непосредственно съ французскаго и въ нѣмецкомъ оригиналѣ отсутствуетъ.

Габрiэль Романо (?): Фазанъ и заяцъ. Gabriel Romano (?): Le faisan et le lièvre.

МАРIЕНГОФЪ — MARIENHOF.

Ферговенъ (?): Добыча охотника.

Vergoeven (?): Le butin du chasseur.

Полтава 1-го Августа. *

ДвѢ недѢли тому назадъ былъ Николаша М. у насъ; наканунѢ его прiѢзда мы уѢхали съ молодымъ княземъ Лобановымъ и барономъ Сердобинымъ къ Нарышкинымъ на дачу. Князь сказалъ намъ, что у Меншикова отнялись руки и ноги и онъ Ѣдетъ въ Россiю лѢчиться и мы жалѢли бѢднаго Николашу. На другой вечеръ мы говорили объ одной комедiи, въ которой намъ недостаетъ актера играть стараго подагрика и я сказала, что Меншиковъ, во что бы то ни стало, долженъ прiѢхать въ Полтаву, чтобы играть эту роль. Едва я это проговорила, какъ прибѢжала Федосья и закричала: «Батюшка мой, князь Николай СергѢичъ прiѢхали»! Мы думали, что его принесутъ къ намъ, но вотъ уже онъ стоялъ весь цвѢтущiй, какъ роза, передъ нашими глазами: ахъ, Великiй Боже, какъ рады мы были видѢть его такимъ. Онъ поправился въ путешествiи, конечно, не совсѢмъ. Онъ Ѣдетъ полѢчиться въ Ахтырку, потому что тамъ хорошiй докторъ, который дѢлаетъ чудеса. Ахтырка въ 90 верстахъ отъ Полтавы; онъ хотѢлъ къ намъ прiѢзжать каждыя 2 недѢли, но теперь мы получили отъ него письмо, что онъ Ѣдетъ въ Москву, потому что докторъ ему это посовѢтовалъ. Черезъ нѢсколько дней послѢ него насъ навѢстила Пащенко, которая живетъ отъ насъ въ 60 верстахъ, въ ПолтавѢ, и пробыла у насъ 4 дня. Семья Ковенько прiѢхала изъ Петербурга; они проживутъ здѢсь мѢсяцъ, да еще Денисьева была у насъ эти дни. Недавно мы познакомились съ двумя дамами: одна полковница Гроссманъ и полковница Штемпель со своей дочкою. Отъ Гельмерсена и Бервица мы получили письма.

6-го.

Я совсѢмъ больна отъ страху, который мы перенесли вчера вечеромъ. Маiорша Савельева пришла къ вечеру къ намъ, мы много смѢялись, играли и послѢ этого веселья пошли ужинать. Вдругъ, у бѢдной маiорши сдѢлался припадокъ. Въ это время я еще играла на гитарѢ въ другой комнатѢ. Катя позвала меня, чтобы посмотрѢть на бѢдную женщину, она была вся покрыта, и я слышала только ея стоны. Моя женщина, Катерина, сказала мнѢ: «не смотрите барынѢ въ лицо, вы можете сами получить болѢзнь». ПослѢ этого разговора мнѢ пришла въ голову глупая мысль: Боже! какое бы было несчастье получить эту болѢзнь! Что сказалъ бы Бервицъ? Въ ту же минуту мнѢ сдѢлалось худо и я упала безъ сознанiя, и должно быть долго пролежала въ обморокѢ, а когда пришла въ себя, то очень удивилась, что лежу на полу и всѢ кругомъ плачутъ. Меня вытерли уксусомъ и мое первое слово было: «дайте мнѢ поцѢловать Ахтырскую Божью Матерь»! Меня положили на постель; однако, я не могла спать цѢлую ночь, такъ какъ при паденiи сильно ушибла правую руку. ПослѢ меня заболѢла Катя К...

8-го.

Вчера мы были въ НѢмецкой церкви; къ обѢду была полковница Гроссманъ, а послѢ стола полковница Штемпель со своей дочерью. Сегодня я опять совсѢмъ здорова.

* ЗдѢсь дневникъ опять начинается по нѢмецки.

11-го.

Мы были цѣлый день въ Диканькѣ и намъ было очень весело. Въ 11 часовъ вечера поѣхали домой, такъ весело и мило. Ваксель былъ тоже тамъ и мы вернулись домой вмѣстѣ. 20-го Нарышкины уѣзжаютъ въ Петербургъ, а сестра ѣдетъ послѣ завтра въ Харьковъ и пробудетъ тамъ двѣ недѣли. Марья Яковлевна просила сестру ѣхать на Ахтырку, чтобы еще разъ быть у нея. Сестра обѣщала, если это составитъ небольшой крюкъ, то всѣ непремѣнно пріѣдемъ и будемъ тамъ ночевать, она хотѣла сводить насъ въ монастырь, устроить намъ фейерверкъ, а на другой день сестра должна ѣхать въ Харьковъ, а остальные въ Полтаву. Сейчасъ былъ Молодой Князь съ барономъ Сердобинымъ; они сказали, что если сестра поѣдетъ на Ахтырку, то сдѣлаетъ 100 верстъ крюку. Сегодня мы были въ Кочубеевскомъ саду, пили тамъ чай; губернаторъ Шутолминъ былъ также.

13-го.

Вчера послѣ обѣда былъ Магденко изъ Харькова; они ѣдутъ въ Ахтырку и увѣряли сестру, что если она поѣдетъ въ Харьковъ на Ахтырку — то проѣдетъ только 40 верстъ крюку. Сестра ѣдетъ на своихъ лошадяхъ, а мы должны до Диканьки ѣхать на почтовыхъ. Лошади были поданы сегодня на нашемъ дворѣ, но я рѣшила послать посовѣтоваться для спокойствія, сколько придется сдѣлать крюку. Оказывается, что Магденко ошиблись, — пришлось бы сдѣлать крюку 80 верстъ. — Почтовыя лошади были отосланы, и сестра поѣдетъ прямо въ Харьковъ, а мы остаемся дома. У насъ полковница Гроссманъ и полковница Штемпель съ своей дочерью и Фраполи.

18-го.

Вчера, совсѣмъ рано, пришли Фраполи. Я лежала еще въ постели. Штемпель прислала мнѣ вкусные крендели къ любимому моему кофе. Едва мы отпили, какъ услышали колокольчикъ; это былъ нашъ бѣлый маіоръ, иначе говоря полковникъ Шаптыковъ; онъ привезъ письмо отъ нашего старика. Марья Матвѣевна пришла къ обѣду и осталась до 10 час. вечера, а послѣ обѣда пришелъ Молодой Князь, который былъ какъ всегда долго у насъ. Къ вечеру Шаптыковъ поѣхалъ въ большой дождь домой; онъ былъ на дрожкахъ, взялъ у Кирилы солдатскую шинель и мы смѣялись до упаду. Катя Рейнхардъ со среды лежитъ больная въ постели. Вчера вечеромъ мы играли втроемъ въ бостонъ: Марья Матвѣевна, я и мать. Эту ночь я видѣла во снѣ сестру и Бервица, ссорилась съ нимъ и очень плакала, — обозначаетъ радость.

5-го іюня.

Молодой князь Лобановъ былъ сейчасъ у насъ. Онъ пріѣхалъ сегодня утромъ и я думала, что это кн. Меншиковъ въ своемъ новомъ мундирѣ, такъ какъ у нихъ есть сходство. Маленькіе усы ему очень идутъ; онъ былъ у насъ до вечера, я ему сказала, что мы очень скучаемъ. «Но скажите же мнѣ, чего бы вы хотѣли», отвѣтствовалъ онъ: «балъ, спектакль? я устрою все, что вы пожелаете». Я его отблагодарила, — баловъ не люблю.

6-го.

Госпожа Мелинъ и госпожа Фраполи, со своимъ сыномъ, были вчера весь вечеръ; мы много смѣялись, что очень рѣдко у насъ съ

I. С. Бейкъ: Утка съ утятами. J. S. Beyk: Canne avec canetons (1764).

нѣкотораго времени. Теперь я читаю съ дѣтьми. Модестъ переводитъ довольно хорошо, Констанція очень лѣнива. Отъ нашей сосѣдки — вдовы одного полковника — я часто получаю прекрасныя книги.

7-го вечеромъ.

Ахъ какой великолѣпный вечеръ! Мы гуляли до сихъ поръ. Я начинаю разговаривать по италіански съ госпожей Фраполи, надѣюсь быстро успѣть. — Эта добрая и любезная женщина каждый вечеръ приходитъ къ намъ и мы проводимъ время довольно весело. Баронъ Сердобинъ пріѣхалъ, — милой молодой человѣкъ. Говорятъ, что онъ незаконный сынъ князя Куракина, и очень хорошо воспитанъ. Екатерина Рейнхардъ больна, — у меня болитъ грудь. Поздно... Варинька хочетъ спать. Катерина мнѣ принесла воды для умыванья.

9-го.

Сегодня утромъ мы получили письмо отъ моего дорогого брата Мориса; онъ намъ посылаетъ изображенія Святой Дѣвы Ахтырской, для меня и дѣтей.

10-го.

Моя сестра и маіорша, которая живетъ на нашемъ дворѣ, варятъ варенье. Она гречанка, добрая женщина. — Всю ночь шелъ дождь, а теперь погода прекрасная, — мы поѣдемъ кататься въ коляскѣ.

Говорятъ, что чума въ Елизаветградѣ; если это вѣрно, мы не останемся здѣсь, это слишкомъ близко и опасно. Первый разъ я замѣтила на портретѣ Меншикова пороховницу.

Мнѣ очень грустно уже три дня и безъ причины, я съ нетерпѣніемъ жду вечера, чтобы можно было идти въ свою комнату и заснуть. Здѣсь, говорятъ, что уже миръ, но я не вѣрю.

18-го.

Какая ужасная новость, которую я услыхала. — Коляска Молодого Князя сломалась около его дома, при возвращеніи изъ Лубновъ — онъ ударился о фонарь и разсѣкъ нижнюю губу. Къ счастью, это было возлѣ дома его отца, тотъ послалъ за докторомъ, который зашилъ губу. Молодой князь находился въ безсознательномъ состояніи во время операціи.

19-го.

Молодой Князь прислалъ за нѣкоторыми книгами и велѣлъ намъ передать, что онъ поправится черезъ 10 дней. Я буду очень довольна видѣть его въ добромъ здоровьѣ.

24-го іюня.

Мы были вчера въ саду графа Разумовскаго до 11 часовъ вечера, и ужинали среди сада. О, какое невыразимое удовольствіе! Мы дѣлали вѣнки, надѣвали ихъ на наши головы и потомъ танцовали кадриль. Въ Ливоніи 23 іюня плетутъ вѣнки и кладутъ ихъ на ночь подъ подушку, чтобы увидать во снѣ суженаго. Я видѣла моего брата Бервица и будто онъ взялъ мой вѣнокъ.

Шаптыковъ у насъ и также генералъ Бѣлуха; говорятъ о чумѣ. Генералъ совѣтуетъ уѣзжать. Очень плохая погода.

25-го.

Губернаторъ былъ сейчасъ у насъ, онъ сообщилъ намъ пріятную новость: Бонапарте убитъ въ своемъ кабинетѣ генераломъ Дюкрэ. Если эта новость вѣрна, у насъ скоро будетъ миръ.

Молодой Князь у насъ съ барономъ Сердобинымъ; его рана почти незамѣтна. Сегодня въ первый разъ онъ вышелъ изъ дому. Бѣдный князь, какъ онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ.

12-го іюля.

Послѣ завтра мы поѣдемъ къ госпожѣ Нарышкиной въ деревню съ Молодымъ Княземъ и барономъ Сердобинымъ. Они сегодня были у насъ. Баронъ красивый молодой человѣкъ, рисуетъ мой портретъ. — Моя сестра говоритъ, что она подаритъ этотъ портретъ моему будущему мужу; но кто мой будущій мужъ?..

Я столько рисовала сегодня, что у меня болятъ глаза, — теперь я пойду играть на клавесинахъ. — Моя сестра очень груститъ. Вотъ три мѣсяца, какъ мы не имѣемъ извѣстій изъ Арміи.

1-го августа.

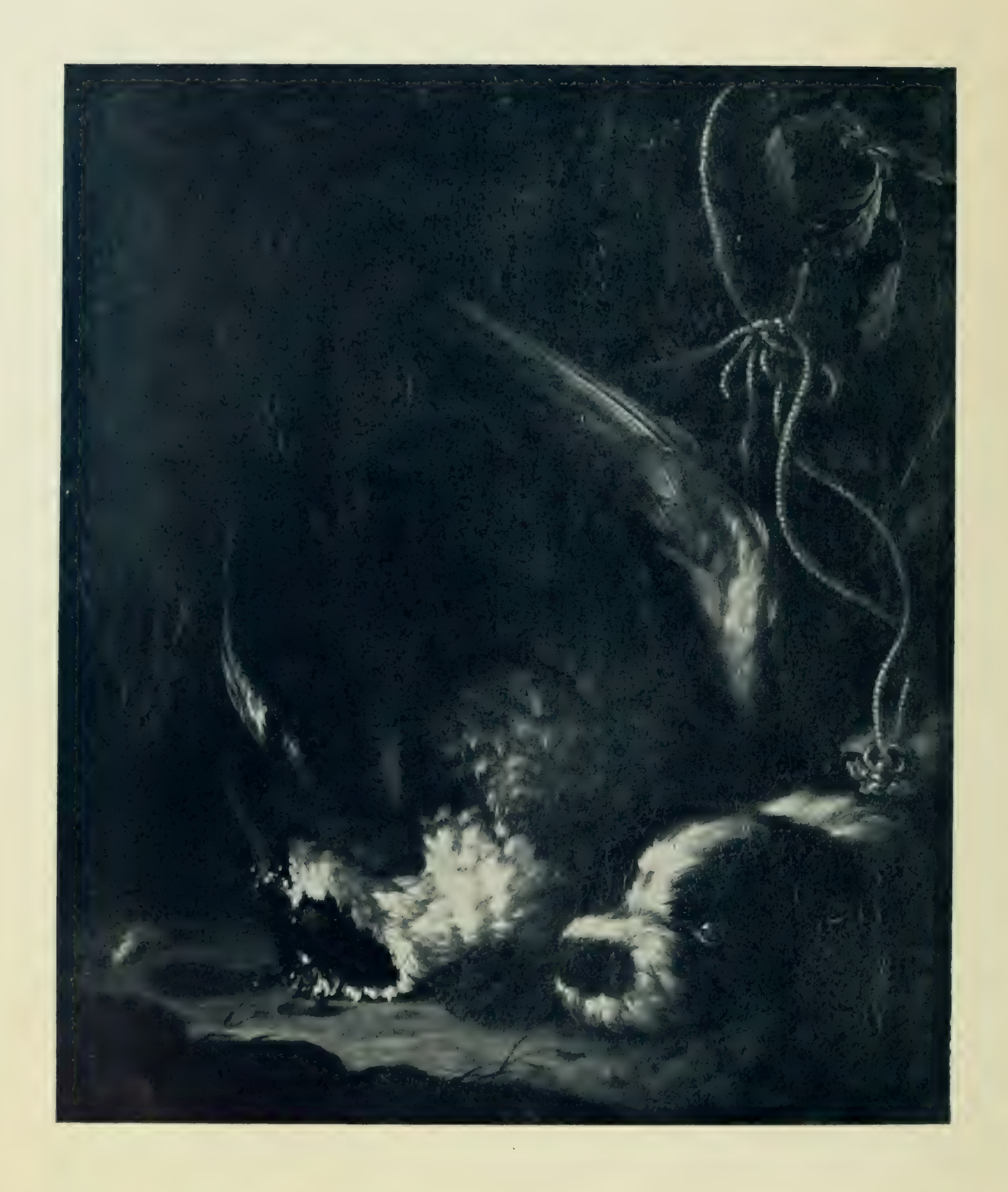
Меншиковъ провелъ пять дней въ Полтавѣ. Мы были очень удивлены, когда увидали его здоровымъ, потому что за день до его пріѣзда намъ сказали, что онъ очень боленъ. Милый Николай, какъ мы его любимъ!

8-го.

Моя сестра ѣдетъ на ярмарку въ Харьковъ, а я останусь. Вчера мы получили письмо отъ г. Дэе; онъ нашелъ намъ двухъ гувернантокъ одна замужемъ, а другая барышня, говоритъ по-англійски и по-нѣмецки и очень учена.

Веениксъ: Мертвая природа. Weenix: Nature morte.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.



Г. X. Гроотъ: Собака на привязи. G. C. Grooth: Le chien-gardien.

Де Вриндтъ (?): Послѣ охоты. De Vriendt (?): Après la chasse.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

Депортъ: Мертвая природа. Desportes: Nature morte.

Модестъ и Констанція * ходятъ заниматься каждый день къ нѣмецкому пастору.

Полтава, 19-го августа, 1813 г.

Нарышкинъ уже въ городѣ, уѣхалъ къ Бѣлухѣ. Вчера послѣ обѣда былъ Шплицтессеръ, госпожа Фраполи, маіорша, а къ вечеру полковница Беккеръ со своей дочерью. Я показала ей свой портретъ, а также и другіе, и когда онѣ увидѣли портретъ Оси, то сказали: «Ахъ, это капитанъ Налетовъ, который у насъ въ Мюнке бывалъ каждый день», и были очень рады. Весь вечеръ мы играли въ бостонъ съ маіоршей. — Мелинъ писалъ, что нашъ старикъ опять у Барклая, а Яшвиль опасно боленъ. Катрина отправилась съ платьемъ и бѣльемъ къ Вѣрѣ. Только что былъ почтальонъ, принесъ письмо отъ сестры изъ Харькова и полный мѣшокъ фруктовъ. Сейчасъ у насъ: Гроссманъ, Марья Матвѣевна и семейство Фраполи — мы угощаемъ ихъ фруктами.

20-го.

Прибыли оба графа Ламбертъ; ** они живутъ у Бѣлухи. Сегодня утромъ мы опять получили письмо изъ Харькова. Сестра пишетъ, что Муратовъ загрустилъ, когда узналъ, что я осталась въ Полтавѣ, а жена стала громко смѣяться: «А ты, было, ужъ обрадовался слушать пѣніе, эхъ братъ»! и все страшно дразнила его мною. Къ обѣду были Гроссманъ и Дашинка, а къ вечеру пріѣхала попадья съ Вѣрой и всѣми дѣтьми; она была недолго, отправилась къ Закъ, а дѣти остались. Я играла на роялѣ и дѣти танцовали до тѣхъ поръ, пока попадья не вернулась и не взяла ихъ домой, семеро въ одну коляску.

22-го.

Вчера послѣ обѣда, были Кованько и съ ними одна родственница, имя которой я позабыла. Я должна была пѣть, между тѣмъ, какъ нѣжные супруги безпрестанно цѣловались. Онъ сказалъ мнѣ, что графъ Ламбертъ ѣдетъ въ армію и я отдала ему письмо къ старику, которое сестра оставила и просила, чтобы онъ его передалъ графу. Какъ я радовалась, что могла отослать письмо! Госпожа Кованько послала за Марьей Матвѣевной и ея взрослой дочерью, которая сейчасъ же пришла. Послѣ, Кованько и мы пошли пройтись до угла, и встрѣтили губернатора, который слѣзъ съ дрожекъ и пошелъ съ нами. Я сказала ему, что у меня къ нему есть письмо отъ стараго папы, но не знаю, какъ переслать. Весь вечеръ мы играли въ бостонъ: маіорша, Марья Матвѣевна, я и мать. Вчера и сегодня очень холодно. Катя хорошо спала ночью.

1-го сентября.

Въ Александровъ день былъ балъ въ казенномъ саду. Князь давалъ его. Молодой Князь тоже былъ имениникъ. Садъ былъ иллюминованъ. Сначала пускали фейерверкъ, потомъ мы танцовали въ загородномъ домѣ. Старый Князь былъ очень веселъ, губернаторъ все время тан-

* По всей вѣроятности, подъ именемъ Констанціи (Constance) подразумѣвается Вѣра Дмитріевна, въ замужествѣ Сапожникова.

** Графы Ламбертъ: Карлъ Осиповичъ (1773—1843), вступилъ въ русскую службу въ 1793 г., генералъ отъ кавалеріи, и братъ его Генрихъ Осиповичъ (1778 — 18..) вступилъ въ русскую службу маіоромъ, впослѣдствіи былъ сенаторомъ.

цовалъ со мной, и былъ какъ репей на шеѣ. Мы кушали въ палаткѣ и Старый Князь услыхавъ, что я очень люблю фрукты, пообѣщалъ мнѣ часто ихъ посылать, такъ какъ онъ получаетъ съ дачи самые лучшіе. Начало свѣтать, когда мы пришли домой. Отъ Меншикова мы получили письмо: онъ пишетъ, что посылаетъ мнѣ образъ и вилочку на память, но до сихъ поръ я ничего не получила. Сейчасъ мнѣ принесли цѣлое блюдо бергамотовъ отъ г-жи Кочубей.

3-го.

Вчера вечеромъ былъ у насъ Юшкевичъ — братъ генерала; я едва его узнала: онъ былъ боленъ въ Сорочинцахъ и теперь ѣдетъ опять въ армію. Мы съ нимъ написали Гельмерсену, С. и брату Морису. Катя Рейнхардъ все еще больна. Сестра давно вернулась изъ Харькова. Ей сказали, что невозможно, чтобы Бервицъ на мнѣ женился, потому что онъ всѣмъ поклялся, что никогда не женится, хоть бы то была сама Екатерина Павловна. Такъ какъ сестра въ Харьковѣ много накупила, то изъ за этого бѣдныя женщины мучаются. Вчера губернаторъ прислалъ мнѣ очень много прекрасныхъ грушъ, а сегодня совсѣмъ рано Старый Князь — винограду и просилъ сказать, что онъ черезъ часъ ѣдетъ въ Кременчугъ. Что меня особенно печалитъ, это то, что мы отъ Мориса не получаемъ писемъ.

6-го.

Вчера былъ Шплицтессеръ. Я рисую очень красивую голову съ Рафаэля. Вечеромъ мы были въ церкви — изъ церкви поѣхали къ генеральшѣ Кочубей; межъ тѣмъ губернаторъ былъ у насъ и къ вечеру пришелъ опять и пробылъ очень долго. Я должна была написать имена дѣтей маіорши. «О, какой у васъ Министерскій почеркъ!» Марья Матвѣевна сегодня рано утромъ поѣхала въ Ахтырку. Теперь мы варимъ варенье.

7-го.

Сейчасъ получили письмо отъ Бервица; онъ пишетъ, что скоро будетъ въ Петербургѣ и также у насъ. Это извѣстіе для насъ необычайно пріятно. Бервицъ должно быть все еще распѣваетъ «На что богатство», — доказательство, что онъ меня еще не забылъ. Я страстно жду отъ него письма.

Вечеръ 9 час.

Полковникъ Штемпель съ семействомъ и Молодой Князь были теперь у насъ; Молодой Князь прибылъ сегодня изъ имѣнія княгини.

Полтава, 10-го ноября 1813.

Завтра мы приглашены на свадьбу: нашъ молодой сосѣдъ Лизавицкій женится на одной барышнѣ помѣщицѣ. Двѣ недѣли тому назадъ выходила замужъ барышня Захновская, на ея свадьбѣ увидалъ Лизавицкій свою теперешнюю невѣсту въ первый разъ; она была уже обручена съ однимъ молодымъ грекомъ, Кондура, лучшимъ другомъ Лизавицкаго. И вотъ изъ чистой дружбы беретъ онъ у Кондуры его невѣсту. Кондура уѣхалъ на короткое время; теперь когда онъ услыхалъ, что невѣста измѣнила, онъ не хочетъ болѣе возвращаться. Завтра мы ѣдемъ на свадьбу — Богъ знаетъ, какъ мы туда попадемъ: нужно съѣзжать съ горы на крутой берегъ, а тамъ такъ грязно,

Стулья XVIII в. и кресло нач. XIX в.

Chaises du XVIII-e s. et fauteuil du début du XIX-e s.

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

Комодъ краснаго дерева.
Нач. XVIII в.

Commode en acajou.
Début du XIII-e s.

Комодъ наборнаго дерева. XVIII в.

Commode en marqueterie. XVIII-e s.

что волы не могутъ подняться. Сегодня мы были у Кочубей, она поѣдетъ съ нами — каково ей бѣдной, вѣдь Лизавицкій былъ ея возлюбленнымъ. Молодая княгиня уже давно пріѣхала изъ Петербурга и сегодня мы были у нея и обѣдали у Стараго Князя. Старый Князь очень веселый милый человѣкъ; у меня нечаянно свалилась перчатка, я этого не замѣтила, такъ какъ болтала и смѣялась съ молодой княгиней. Вдругъ вижу Стараго Князя у моихъ ногъ: «Не удалось вамъ, Катерина Васильевна: вы нарочно перчатку уронили, чтобъ молодой князь поднялъ ее, анъ нѣтъ, старый князь проворнѣе». Это дѣйствительно вѣрно. Молодые поляки — адъютанты Заіончика * бываютъ часто у насъ; одного зовутъ Альбертъ Гржимало, а другого Людвигъ Леманскій, французы называютъ перваго Грималъди и мы также; онъ прекрасно играетъ на скрипкѣ — любезный, кроткій мальчикъ, а другой веселый шалунъ.

12-го вечеромъ.

Вчера мы были на обѣдѣ на крутомъ берегу. Было много гостей и послѣ обѣда танцовали. Просили насъ остаться на ночь, но мы поѣхали въ 6 час. домой; дорога была такъ плоха, что каждую минуту мы думали, что насъ опрокинетъ. Кочубей была долго у насъ, и хотѣла казаться веселой; она разсказывала, что хотя мужъ ее не любитъ, но все таки ревнуетъ — онъ сказалъ ей, чтобы она захватила на свадьбу спирту, если надумаетъ падать въ обморокъ.

Сейчасъ были молодые супруги и попросили насъ къ обѣду и также къ вечеру. Какое хохлацкое обыкновеніе! Это прямо комичная пара: ему 19 лѣтъ и ей также, и оба такъ малы, какъ куропатки. Марья Матвѣевна и Пульевъ играютъ въ бостонъ.

14-го.

Ну, цѣлый день мы пировали вчера, но къ обѣду изъ гостей были только княгиня и мы, но много мужчинъ. Послѣ обѣда мы поѣхали всѣ домой, а въ 9 часовъ опять пріѣхали туда и танцовали до 2-хъ часовъ утра. Губернаторъ злится на меня, потому, что думаетъ, что я его дурачу. Нѣкая дѣвица Руновская была на балу — хорошенькая дѣвушка, но очень глупа и не воспитана. Хотя она и богата, но ее мало знаютъ въ городѣ, потому что она всегда въ деревнѣ. Я еще познакомилась съ ней на свадьбѣ и смѣялась до упаду, когда она танцовала. Губернаторъ не былъ на свадьбѣ, но вчера я показала ему Руновскую: «Посмотрите, какая хорошенькая, да нарядная; ее никто здѣсь не знаетъ, но она такъ хорошо танцуетъ, что заглядѣнье», шутила я, онъ принялъ это въ серьезъ. Послѣ еще, когда я танцовала съ нимъ, онъ сказалъ: «Однако, наша танцорка славная все еще не танцуетъ». «Да ее никто не знаетъ» — отвѣтила я: — «и потому не берутъ танцовать». — «Ну такъ я ее возьму», промолвилъ губернаторъ. Шутъ я испугалась, но не хотѣла все таки подать виду и пошла скорѣе къ одному знакомому и попросила его, чтобъ онъ съ Руновской протанцовалъ. Онъ пригласилъ ее очень неохотно, а губернаторъ подойдя и увидя, какъ она танцуетъ, пришелъ ко мнѣ

* Заіончекъ, польскій генералъ, впослѣдствіи Намѣстникъ Царства Польскаго, возведенный Императоромъ Александромъ I въ княжеское достоинство.

и промолвилъ: «Мадемуазель, вы злая, право вы презлая»! Я чуть не померла со смѣху, а онъ, проказникъ, весь вечеръ отъ меня не отставалъ. Послѣ ужина Молодой и Старый Князь на сей счетъ изрядно посмѣялись: «Поздравляю васъ съ побѣдой — это дѣйствительно что то рѣдкое!»

20-го.

Сегодня былъ Гримальди и я сказала ему, что онъ долженъ 24-го придти на мои именины и что прошлый годъ всѣ пріѣхали на саняхъ. Онъ обѣщалъ въ этомъ году также на санкахъ, хотя бы даже была грязь. Изъ Арміи мы давно не имѣемъ извѣстій

25-го.

Вчера цѣлый день у насъ было очень много гостей, дѣти принесли мнѣ много подарковъ, Гримальди прислалъ пирамиду съ моимъ вензелемъ, а Старый Князь — два большихъ свертка яблочной пастилы съ надписью: «Пирожокъ имениницѣ». Я написала ему слѣдующее: «Память Вашего Сіятельства обо мнѣ обязываетъ навсегда преданнѣйшую изъ Катеринъ». Бѣлуха пожелалъ мнѣ много счастья и много меня цѣловалъ, молодая княгиня была также, словомъ всѣ наши знакомые. Мы играли въ фанты и танцовали. Гримальди танцуетъ очень хорошо, въ особенности мазурку.

Поляки каждый день у насъ; я пою, а онъ акомпанируетъ на скрипкѣ. Большой полякъ разсказывалъ сестрѣ, что Гримальди былъ въ Варшавѣ влюбленъ и его возлюбленная умерла, онъ былъ въ отчаяніи и хотѣлъ застрѣлиться, выкопалъ свою возлюбленную изъ могилы, такъ что едва могли ее у него отнять. Мы теперь опять боимся, потому что, повидимому, ему очень ужъ нравится панна Катарина и онъ сказалъ: «я не знаю что со мною дѣлается, четыре года какъ умерла моя невѣста — я былъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Варшавѣ и не хотѣлъ видѣть ни одной дѣвицы, а теперь въ Полтавѣ я не могу часа усидѣть дома: что то меня сюда тянетъ». Вотъ нѣсколько дней какъ онъ грустить — проситъ... и я должна его пожалѣть, такъ какъ большаго онъ не смѣетъ требовать, а лишь все твердитъ, что отъ этого зависитъ его жизнь. Я смѣюсь и это дѣлаетъ его надолго сердитымъ. Филиппка Бервица насмѣшилъ меня — онъ всегда торчитъ у дверей, когда Гримальди здѣсь, и сердится, когда тотъ сидитъ возлѣ меня. Вотъ вѣрный-то слуга! Сестра сказала длинному поляку, — такъ зовемъ мы Леманскаго, — что я невѣста, и показала ему портретъ Бервица.

5-го.

Вчера вечеромъ я была въ церкви, оттуда мы пошли къ одной имениницѣ, Варварѣ Рутышевой, послѣ обѣда мы были опять у другой, у полковницы Штемпель, а на вечерѣ у попадьи.

Полтава 5-го Декабря 1813.

Воскресенье было у насъ необычайно оживленно; въ субботу пріѣхала Мещерская съ дочерью изъ Харькова. Къ обѣду были полковникъ Пульевъ, Шплицтессеръ, передъ обѣдомъ адъютантъ Заіончека; онъ прислалъ поблагодарить за письмо, которое ему переслала сестра черезъ князя. Онъ весьма красивый молодой человѣкъ, но полякъ. Отъ

Модестъ Дмитріевичъ Резвой.
Modeste D. Resvoï.

Фанни Александровна Резвая, урожденная Гассингъ.
M-me Fanni Resvoï, née Hassing.

(Миніатюры работы неизвѣстнаго. — Miniatures d'un artiste inconnu).

МАРІЕНГОФЪ — MARIENHOF.

Дѣти Модеста Дмитріевича Резвого (миніатюра работы Кордика).

Les enfants de Modeste D. Resvoï (miniature par Kordyk).

Екатерина Васильевна Налетова, авторъ записокъ (миніатюра).
M-lle C. Nalétoff, auteur des mémoires (miniature).

Меншикова мы получили письмо; онъ пишетъ: «Къ Екатеринѣ Васильевнѣ не пишу, боясь наскучить» — значитъ, опять надулся. Отъ матери Бервица мы часто получаемъ письма. Въ воскресенье вечеромъ былъ священникъ, съ женой и всѣми дѣтьми. Они танцовали и играли комедію. Сегодня былъ опять адъютантъ Заіончека и принесъ письма, которыя онъ проситъ черезъ Г. послать родственникамъ его генерала, а чтобы сестра ничего не опасалась, они не запечатаны. Нѣкоторыя, написанныя по французски, я только что прочитала; между прочимъ, генералъ пишетъ одной дамѣ, что его адъютантъ вернулся домой отъ генеральши Резвой и въ восхищеніи отъ ея доброты и привѣтливости, а меня нашелъ премилой, а въ особенности мою маленькую ножку, которая достойна удивленія. Сегодня я его не видѣла.»...

Тутъ обрывается дневникъ Катерины Васильевны и съ нимъ прекращаются и эти милыя, смѣшныя страницы провинціальнаго романа. Катерина Васильевна прожила еще долгихъ, пятьдесятъ шесть лѣтъ, постепенно старилась, замужъ не вышла и одинъ за однимъ уходили ея поклонники: Гельмерсенъ, Бервицъ, Николаша Меншиковъ и адъютантъ Заіончека, который восхищался ея прекрасной ножкой. Съ портрета, висящаго въ красной гостиной «Маріенгофа», глядятъ на насъ строгіе, но добрые глаза начинающей стариться женщины. Такъ незамѣтно прошла ея жизнь, и что же осталось отъ душистыхъ страницъ ея юности, кромѣ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ дѣвичьей рукою?

Катерина Васильевна, госпожа Фраполи съ семействомъ, «капельмейстеръ италіанецъ со страшно длиннымъ носомъ», несчастный господинъ Бервицъ и «добрый господинъ Таптыковъ», — всѣ вы жили, радовались, печаловались, мечтали и любили. Всѣ вы — маленькіе и большіе, значительные и незначительные, думали ли вы, что когда нибудь будутъ читать вашу жизнь? Я, надѣюсь, не оскорбилъ ее. Я позволилъ себѣ развернуть страницы вашего маленькаго существованія, которое насъ теперь такъ занимаетъ. Бѣлая, простая бумага и простыя чернила, которыми, скрипя, наносило ваше гусиное перо ваши слова и мысли, быть можетъ, казались прежде ненужными и незначительными. Но намъ они нужны, нужны потому, что у насъ слишкомъ мало своей личной, наивной жизни. Простите меня, если я позволилъ себѣ къ вамъ вторгнуться.

Баронъ Н. Врангель.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. По семейнымъ документамъ и преданіямъ Д. М. Резвого († 1912 г.)

2. Къ сожалѣнію, не смотря на эти записи очень трудно разобраться въ этой коллекціи болѣе 40 nature morte'овъ, быть можетъ, и потому, что исторія «звѣрописи» въ сущности до сихъ поръ еще мало изслѣдована. Такъ, несмотря на самые тщательные розыски въ разныхъ словаряхъ намъ не удалось найти ни де Вриндта (на рамкѣ стоитъ «Дебриндтъ»), ни Фергювена, ни Габріэлэ Романо. Кромѣ упомянутыхъ въ текстѣ, въ Маріенгофѣ имѣются nature morte'ы еще со слѣдующими подписями: «№ 3. О. Фридерихъ. Въ Дрезденѣ. 1813 г.»; «№ 6. Въ Гамбургѣ. 1814 г.», на картинѣ подпись мастера: «S. C. f. 1655», а на оборотѣ «Louis Koniks»; убитый орелъ «Оригиналъ Г. Эффъ. Въ Гамбургѣ 1815 г.»; зимородокъ «№ 12. Тишбейнъ въ Этинѣ 1815 г.» и его же олени, перепелъ и баранъ; Гроотъ (см. воспроизведеніе); «№ 30. Гандіусъ въ Гамбургѣ»; «№ 26. Ванъ деръ Боргле. Подарокъ А. А. Майкова въ Гамбургѣ 1815 г.»; «№ 39. Брадши въ Гамбургѣ 1815 г.»; «Верниксъ. Подарокъ А. П. Пушкина 1815 г.»; шесть картинъ (птицы) Бейка (на одной изъ нихъ «Пѣтухи» — подпись: I. S. Bevk f. 1764); «№ 24 Фейтъ. Подарокъ Бегунова. 1815 г. въ Любекѣ».

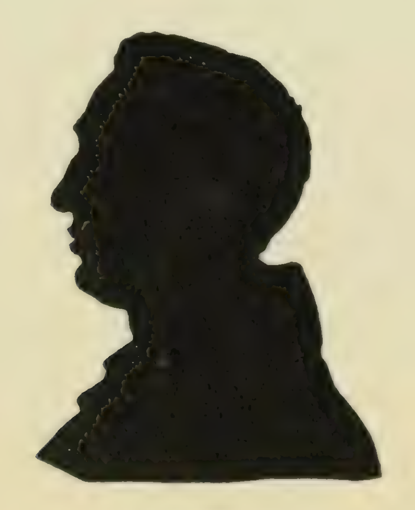
3. Оба портрета были на Елисаветинской выставкѣ въ 1912 г.

4. Оба портрета воспроизведены, какъ работа Левицкаго, въ изд. С. П. Дягилева «Д. Г. Левицкій». Однако, на мой взглядъ второй портретъ врядъ ли его кисти и гораздо ближе къ произведеніямъ Рокотова. Особенно характерна для этого художника живопись волосъ, выраженіе глазъ и немного «грязная» живопись платья и кружевъ.

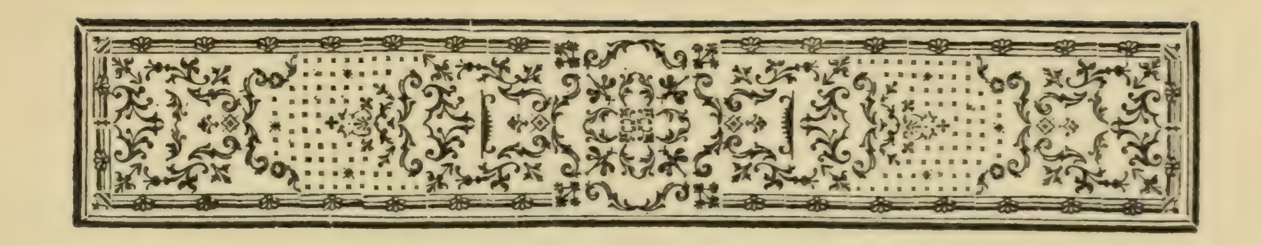
5. Всѣ эти свѣдѣнія, равно какъ и біографическія данныя, заимствованы изъ изд. Великаго Князя Николая Михаиловича «Русскіе портреты» т. IV, табл. 97, 99 и 100.

6. См. воспроизведеніе. По всѣмъ вѣроятіямъ, это крѣпостная работа первыхъ годовъ XIX вѣка.

7. Семья Резвыхъ была въ дружескихъ и родственныхъ отношеніяхъ со многими лицами изъ художественнаго міра. Модестъ Дмитріевичъ Резвой — первый секретарь Общества Поощренія Художествъ, музыкантъ и поэтъ — былъ отличнымъ литографомъ (работы его имѣются въ Эрмитажѣ) и оставилъ цѣлый рядъ портретовъ своей семьи и близкихъ. Сестра его Вѣра была замужемъ за извѣстнымъ художникомъ Андреемъ Петровичемъ Сапожниковымъ — авторомъ «Похожденій Віоль д'Амура». Въ семьѣ имѣются также миніатюры К. Вернэ, Кордика, портретъ Моллера, рисунки Басина, замѣчательныя англійскія гравюры, и проч.



А. П. Сапожниковъ.



ВЫСТАВКА ДРЕВНЕ-РУССКАГО ИСКУССТВА ВЪ МОСКВѢ.

L'Exposition d'ancien art russe à Moscou.

I. ЭПОХИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ИКОНОПИСИ.

(P. Mouratoff: Les époques de la peinture d'icones).

Главное значеніе московской выставки древне-русскаго искусства опредѣляется необычайной силой того художественнаго впечатлѣнія, которое производятъ собранные на ней образцы старой русской иконописи. Для многихъ, почти для всѣхъ, впечатлѣніе это является неожиданностью. Такъ внезапно передъ нами открылась огромная новая область искусства, вѣрнѣе сказать — открылось цѣлое новое искусство. Странно подумать, что еще никто на Западѣ не видѣлъ этихъ сильныхъ и нѣжныхъ красокъ, этихъ искусныхъ линій и одухотворенныхъ ликовъ. Россія вдругъ оказалась единственной обладательницей какого то чудеснаго художественнаго клада.

Въ теченіе вѣковъ мало кто подозрѣвалъ о его существованіи. Собиратели иконъ всегда были на Руси, но они стояли внѣ круга любителей искусства. Иконы собирали, какъ святыню, религіозную или историческую, какъ рѣдкость и драгоцѣнность. Очевидная драгоцѣнность «Строгановскихъ» иконъ заставила собирателей искать ихъ въ первую очередь. Вмѣстѣ съ ними, какъ чтимая старина, въ собранія любителей и въ домашнія старообрядческія молельни попадали и болѣе древнія иконы — московскія и новгородскія. Вкусъ, унаслѣдованный отъ XVII вѣка, заставлялъ отдавать предпочтеніе небольшимъ, «мѣрнымъ» иконамъ; большія новгородскія иконы, къ тому же, плохо умѣщались въ тѣсныхъ домашнихъ молельняхъ. Такой характеръ пріобрѣли знаменитыя собранія Рахмановыхъ, Постникова, Прянишникова, Егорова. Наряду съ этой многолѣтней и усердной дѣятельностью единичныхъ старообрядческихъ любителей, государственныя и церковныя учрежденія проявляли полное равнодушіе къ старинѣ.

Открытіе старообрядческихъ храмовъ въ 1905 году и разрѣшеніе строить новые оказало неожиданное вліяніе на судьбу русской художественной исторіи.. Это событіе какъ бы открыло спросъ на большія иконы, и новая волна древностей, прилившихъ къ Москвѣ съ сѣвера, принесла съ собой на этотъ разъ много новгородскихъ иконъ большого размѣра. Ихъ стали такъ же расчищать отъ грязи, копоти и потемнѣвшей олифы, какъ прежде расчищали «Строгановскія» иконы. Расчистка дала здѣсь результаты болѣе удивительные. «Строгановскія» иконы доходили до любителей всегда въ довольно сохранномъ видѣ. Ихъ всегда берегли и почти никогда не записывали сверху, потому что «Строгановское» мастерство все еще оставалось идеаломъ достиженія для иконописцевъ XVIII и даже XIX вѣковъ. Напротивъ,

очень небольшое число болѣе древнихъ иконъ (XIV — XVI вв.) дошло до насъ безъ позднѣйшихъ прописей. Въ XVII вѣкѣ слишкомъ рѣзко измѣнился вкусъ, и тогда огромное большинство новгородскихъ иконъ было вновь переписано. Въ XVIII и XIX вѣкахъ ихъ вовсе не берегли и не цѣнили и если не разрушали совсѣмъ, то опять «поновляли», опять безъ конца переписывали.

Подъ этими поновленіями и записями древнее новгородское письмо сохранялось превосходно и пріобрѣтало твердость и плотность кости. Расчистка большихъ новгородскихъ иконъ отъ темной олифы и отъ поновленій явилась настоящимъ откровеніемъ, и это новое, великолѣпное, мало еще кому вѣдомое искусство скоро нашло своихъ энтузіастовъ. Быстро сумѣли оцѣнить его неутомимые созидатели новыхъ старообрядческихъ храмовъ, — братья Новиковы и С. П. Рябушинскій, и нѣкоторые московскіе иконописцы и любители. Въ слѣдующей стадіи древнее искусство покорило художниковъ — И. С. Остроухова, В. М. Васнецова. И. С. Остроуховъ проявилъ особенную энергію въ этой новой для него области собиранія и былъ щедро вознагражденъ за то блестящей удачей — пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ исключительно прекрасныхъ произведеній. Слѣдующей еще стадіей благороднаго энтузіазма передъ художественной стариной были, наконецъ, захвачены и музеи. По иниціативѣ П. И. Нерадовскаго, Русскій Музей Императора Александра III приступилъ къ приведенію въ порядокъ и къ расчисткѣ своихъ иконъ, что очень скоро принесло замѣчательные плоды, а также къ пополненію собранія путемъ новыхъ пріобрѣтеній. Съ неменьшимъ чувствомъ удовлетворенія надо отмѣтить и иниціативу архіепископа новгородскаго Арсенія, собирающаго, расчищающаго иконы и организовывающаго музей въ своей епархіи.

Нынѣшняя московская выставка является еще новымъ шагомъ впередъ, знакомя съ искусствомъ иконописи широкіе круги русскаго общества. Конечно, не успѣетъ пройти три-четыре года, какъ о подобной выставкѣ будетъ мечтать Европа и какъ русская иконопись войдетъ почетной гостьей въ западные музеи, и можетъ быть теперь уже не лишнее подумать о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ оградить русскую старину отъ настойчивости и зоркости западныхъ собирателей. Переживаемое десятилѣтіе является, такимъ образомъ, чрезвычайно важнымъ моментомъ для исторіи древне-русской иконописи. Попросту говоря, это моментъ, когда явилась, наконецъ, возможность приступить къ ея исторіи. Результаты, которые дало извлеченіе на свѣтъ Божій и освобожденіе отъ прописей новгородскихъ иконъ, перевернули многіе взгляды, установившіеся въ нашей скудной по этому вопросу литературѣ. Представленія Ровинскаго объ иконописи XIV — XVI столѣтій оказались во многихъ случаяхъ невѣрными, ибо Ровинскій не зналъ древней новгородской иконописи въ ея подлинномъ и первоначальномъ видѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ открытіе и изученіе фресокъ XIV вѣка въ Новгородѣ и фресокъ Діонисія въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ (1500 г.) совершенно измѣнило взглядъ на художественную хронологію. Даты каталога, составленнаго нѣкогда Н. П. Лихачевымъ для отдѣла иконописи въ Музеѣ Александра III, кажутся теперь подви-

Божія Матерь Одигитрія. XII вѣка.
(Собр. С. П. Рябушинскаго въ Москвѣ).

La S-te Vierge Odigitrie. XII-e siècle.
(Coll. S. P. Riabouchinsky à Moscou).

Свв. Флоръ и Лавръ. XV вѣка.
(Собр. С. П. Рябушинскаго въ Москвѣ).

Sts Flore et Laure. XV-e s.
(Coll. S. P. Riabouchinsky à Moscou).

нутыми впередъ по крайней мѣрѣ на сотню лишнихъ лѣтъ. Эпоха расцвѣта русской иконописи опредѣляется не тамъ, гдѣ видѣли ее раньше, не въ XVII и въ XVI вѣкахъ, но въ XV-мъ, и даже XIV вѣкъ оказывается эпохой высоко развитого искусства.

Въ эпохахъ древне-русской иконописи естественно стремится прежде всего разобраться каждый, кто къ ней приближается. Съ оговоркой о неизбѣжности ошибокъ въ этой столь молодой отрасли художественно-историческаго знанія и съ постоянными ссылками на иконы московской выставки, мы попытаемся установить эти эпохи слѣдующимъ образомъ. Икона Смоленской Божіей Матери въ собраніи С. П. Рябушинскаго, освобожденная не только изъ подъ олифы и прописей, но даже изъ подъ новаго наложеннаго на нее левкаса, свидѣтельствуетъ, что не столь ужъ, какъ это казалось прежде, химерична надежда встрѣтить иконописный памятникъ до-монгольскаго періода. Хотя надпись на рамѣ говоритъ за эпоху болѣе древнюю, икона осторожно отнесена каталогомъ къ XIII вѣку. Но, думается, было бы вѣрнѣе выйти изъ этого, какъ разъ самаго темнаго въ русской художественной исторіи, столѣтія, и выйти никоимъ образомъ не впередъ, но назадъ, въ XII вѣкъ, въ вѣкъ значительнаго художественнаго оживленія въ Кіевѣ, Суздалѣ и Новгородѣ. Во всякомъ случаѣ, икона Смоленской Божіей Матери указываетъ, что до графичности иконъ XVI — XVII вѣковъ и до живописности новгородскихъ иконъ XIV — XV вѣковъ существовала иконопись въ духѣ широкаго слабо подкрашеннаго рисунка, очень близкая къ тому пониманію живописи, которое мы встрѣчаемъ въ византійскихъ фрескахъ XI — XII столѣтій. Нѣкоторыя другія иконы на выставкѣ («Рождество Богородицы» С. П. Рябушинскаго, «Св. Іоаннъ Златоустъ» И. С. Остроухова) свидѣтельствуютъ о своей древности большой зависимостью отъ пріемовъ монументальной живописи — фрески и мозаики. Характеристикой этой первой и самой древней эпохи иконописи является, такимъ образомъ, подчиненіе иконописи пріемамъ фресковымъ и мозаичнымъ. Похоже, что иконопись XI — XIII вв. не успѣла еще выработать своего твердаго стиля.

Стиль иконописи вырабатывается въ XIV столѣтіи. Милле, Диль, Дальтонъ, Муньосъ доказали, что XIV вѣкъ Византіи, вѣкъ Палеологовъ, былъ эпохой расцвѣта византійской иконописи. Для русской художественной исторіи этотъ вѣкъ имѣлъ самое рѣшительное значеніе. Онъ былъ настоящей эпохой происхожденія для всей русской живописи, о чемъ съ такой свѣжестью, красотой и подъемомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся новгородскія фрески Успенія на Волотовѣ (1363), св. Ѳеодора Стратилата (около 1370), Спаса Преображенія (1378), Спаса на Ковалевѣ (1380) и Рождества Христова на кладбищѣ (около 1390). «Les origines» русской иконописи — это, прежде всего, та связь, которая существовала между русской живописью XIV в. и византійской живописью эпохи Палеологовъ. Существовала же такая связь несомнѣнно, на что указываютъ хотя бы точныя лѣтописныя данныя о дѣятельности «Ѳеофана Гречина философа», расписавшаго между 1378 и 1405 гг. рядъ новгородскихъ и московскихъ

церквей и соборовъ. То, что Ѳеофанъ Грекъ былъ вѣроятнымъ учителемъ Андрея Рублева, является какъ бы персонификаціей взаимоотношеній между византійской и русской иконописными школами. Русскіе иконники и стѣнописцы были учениками византійскихъ мастеровъ.

Росписи Успенія на Волотовѣ и св. Ѳеодора Стратилата въ Новгородѣ объяснимы только съ помощью опубликованныхъ Милле фресокъ Мистры и описанныхъ Шмитомъ мозаикъ Кахріе-Джами. Для русской иконописи XIV вѣка характерно это «ученичество» у грековъ, и есть цѣлый рядъ иконъ, особенно изображеній Богоматери, которыя свидѣтельствуютъ о русскомъ подражаніи греческимъ образцамъ. Самая замѣчательная изъ такихъ иконъ — икона Смоленской Божіей Матери въ новомъ старообрядческомъ храмѣ Успенія у Покровской заставы въ Москвѣ, а на выставкѣ образцомъ такого рода произведеній является икона Грузинской Божіей Матери изъ собранія С. П. Рябушинскаго.

Съ другой стороны, XIV вѣкъ, — это вѣкъ византійскихъ, сербскихъ и русскихъ росписей. Хотя иконопись этой эпохи вышла уже изъ рабскаго подчиненія пріемамъ монументальной живописи и даже, какъ указалъ Милле, сама воздѣйствовала на нее, все же связь между иконописью и фреской была въ XIV столѣтіи болѣе тѣсной, чѣмъ то можно наблюдать въ послѣдующія эпохи, и въ этомъ союзѣ первенствующее значеніе еще продолжало принадлежать фрескѣ. Такая икона, какъ архангелъ Михаилъ изъ собранія С. П. Рябушинскаго, можетъ быть сопоставлена только съ фресками Волотова, и «фресковый» колоритъ опредѣляетъ ту же эпоху для «Рождества Христова» И. С. Остроухова. Простота композиціи и широта живописныхъ пріемовъ, заимствованныя у монументальнаго искусства, являются характерными пріемами иконописи XIV вѣка, сохраняясь иногда и въ иконахъ, принадлежащихъ, повидимому, слѣдующему столѣтію, какъ «Св. Георгій» И. С. Остроухова, «Св. Екатерина въ житіи» и «Свв. Флоръ и Лавръ» С. П. Рябушинскаго.

«Срѣтеніе Господне» И. С. Остроухова указываетъ на свою связь съ искусствомъ Палеологовъ необычайной граціей формъ и нѣжностью цвѣта. Эта икона проникнута по истинѣ «ренессанснымъ духомъ», но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ее надобно было выводить изъ вліяній италіанскаго Возрожденія. Какъ разъ русская иконопись даетъ могущественную поддержку прозорливости Милле и Диля, увидѣвшихъ признаки настоящаго Возрожденія античности въ мозаикахъ Кахріе-Джами и фрескахъ Мистры и угадавшихъ возможность еще болѣе сильныхъ античныхъ реминисценцій въ станковой живописи XIV вѣка. Русская иконопись XIV — XV столѣтій, происшедшая отъ византійскаго искуства XIV столѣтія, удержала многое изъ его эллинистическихъ традицій: ступенчатыя горы «александрійскаго» пейзажа, архитектурный стаффажъ портиковъ, башенъ, открытыхъ сверху атріумовъ, паволокъ (velum), перекинутыхъ къ одиноко стоящей колоннѣ или дереву. Въ самомъ живописномъ пріемѣ — въ этихъ двуцвѣтныхъ тканяхъ, въ пробѣлкѣ, въ передачѣ формы съ помощью парал-

Св. Георгій Побѣдоносецъ. XIV вѣка.
(Собр. И. С. Остроухова въ Москвѣ).

St. George. XIV-e siècle.
(Coll. E. S. Ostroоukhoff à Moscou).

Вознесеніе. XV вѣка.
(Собр. С. П. Рябушинскаго въ Москвѣ).

L'Ascension. XV-e s.
(Coll. S. P. Riabouchinsky à Moscou).

лельныхъ штришковъ («отмѣтокъ») — русская иконопись удержала, быть можетъ, нѣчто отъ живописныхъ пріемовъ станковой античной живописи. И уже во всякомъ случаѣ тѣ «ренессансныя фигуры», которыя ставятся иногда въ счетъ италіанскому вліянію, гораздо естественнѣе отнести на счетъ имманентной для Византіи способности возрожденія античности, такъ ярко проявившейся во многихъ иллюстрированныхъ манускриптахъ.

Вотъ почему съ большой долей осторожности слѣдуетъ принимать теоріи Н. П. Кондакова и Н. П. Лихачева о передачѣ въ русскую иконопись италіанскихъ вліяній чрезъ иконопись итало-греческую. Въ сущности, вопросъ объ итало-греческой иконописи не можетъ даже имѣть для насъ значенія первостепеннаго и непосредственнаго. Несомнѣнно одно — тѣсная зависимость русской иконописи XIV — XV вв. отъ византійской иконописи XIV вѣка. Дальше остается рѣшать, было ли византійское искусство XIV столѣтія чисто греческимъ, какъ это доказываютъ Милле и Диль и какъ это согласенъ признать въ извѣстной мѣрѣ Н. П. Лихачевъ, или же оно было, какъ готовъ думать Н. П. Кондаковъ, искусствомъ итало-греческимъ. Дѣло какъ бы сводится къ тому, былъ ли Ѳеофанъ Грекъ византійцемъ или итало-грекомъ?

Русская иконопись XV вѣка въ лицѣ Рублева и другихъ, пока не извѣстныхъ намъ по именамъ, учениковъ Ѳеофана и его соотечественниковъ даетъ на это отвѣтъ, недопускающій никакихъ сомнѣній. Цѣлая пропасть отдѣляетъ ея стиль отъ стиля итало-греческихъ иконъ того же XV столѣтія. Московская выставка впервые должнымъ образомъ освѣщаетъ эту эпоху, насчитывая въ своихъ залахъ такіе шедевры ея, какъ «Св. Николай», «Входъ Господень въ Іерусалимъ», «Снятіе со креста», «Положеніе во гробъ» и «Шестодневъ» И. С. Остроухова, «Тайная Вечеря», «Усѣкновеніе главы св. Іоанна Предтечи» и «Чинъ съ праздниками» Б. И. Ханенко и «Вознесеніе» С. П. Рябушинскаго. Такая изумительно прекрасная икона, какъ «Входъ Господень въ Іерусалимъ», очень многимъ приводитъ на память Дуччо. Но, разумѣется, это свидѣтельствуетъ только о томъ, что Дуччо былъ почти византійскимъ мастеромъ и что Б. Беренсонъ не слишкомъ ошибся, когда предположилъ, что онъ учился въ Константинополѣ. Для Италіи и даже для Сіены Дуччо, во всякомъ случаѣ, исключеніе и вскорѣ послѣ него Симоне Мартини является уже готическимъ мастеромъ. Остроуховскій «Входъ Господень», напротивъ, занимаетъ естественное мѣсто въ ряду другихъ русскихъ иконъ XV вѣка, съ ихъ прочно конституированнымъ стилемъ.

Тріумфы этого стиля — цвѣтное богатство «Св. Николая», изысканная линія «Снятія со креста», ритмическая группировка силуэтовъ въ «Тайной Вечери». Кристаллизованность, съ которой въ «Положеніи во гробъ» оставлено только «необходимѣйшее», говоритъ о классическомъ моментѣ въ этомъ искусствѣ. Новгородская иконопись XV вѣка не только успѣла выработаться въ особое искусство, но и успѣла достигнуть высшаго развитія всѣхъ своихъ способностей. Одновременно съ живописью италіанскаго кваттроченто она развивалась

по совершенно инымъ живописнымъ законамъ и традиціямъ. Русская иконопись XV вѣка привела стилистическіе элементы, данные ей византійскимъ XIV вѣкомъ, къ болѣе строгой и болѣе точной формулѣ. Ея глубокая идеалистичность провела болѣе рѣзкую черту, отдѣлившую ее отъ вліяній «природнаго» и отъ реалистическихъ тенденцій въ духѣ Запада. Стиль русской иконописи отлился въ удивительно чистыя формы. Единственной живой и питательной силой этого искусства были великія артистическія традиціи.

Артистичность иконописи XV вѣка опровергаетъ столь долго и безъ всякой провѣрки повторявшееся мнѣніе о «эпическомъ» и «народномъ» характерѣ древне-русскаго искусства. Новгородскія иконы несомнѣнно отвѣчали какимъ то исключительнымъ и аристократическимъ потребностямъ чувствъ и воображенія. Ихъ анонимность также является только простой случайностью. Отдѣльные мастера умѣли чрезвычайно тонко и остро выражать свою индивидуальность въ пониманіи формы, въ пользованіи цвѣтомъ. Какъ опредѣленно индивидуализированъ, напримѣръ, блѣдный серебристый цвѣтъ «Чина» Б. И. Ханенко и какъ далекъ онъ отъ полнозвучныхъ цвѣтныхъ силуэтовъ на прозрачно-зеленомъ общемъ тонѣ «Тайной Вечери» того же собранія.

Руку вполнѣ опредѣленнаго и одного и того же мастера можно угадать въ «Тайной Вечери», «Снятіи со креста» и «Положеніи во гробѣ». И хотя «Усѣкновеніе главы св. Іоанна Предтечи» происходитъ изъ того же мѣста, несомнѣнно оно было написано другимъ мастеромъ и въ другую эпоху. Достаточно сравнить горный пейзажъ этой иконы съ пейзажемъ «Положенія во гробѣ». До насъ дошли даже имена нѣсколькихъ крупныхъ художниковъ XV вѣка, сохраненныя отчасти лѣтописями, отчасти такими описями монастырскаго имущества, какъ та, которую недавно опубликовалъ В. Т. Георгіевскій. Въ этой описи Іосифова Волоколамскаго монастыря (1545) всегда съ особымъ вниманіемъ отмѣчается «письмо Рублева», «письмо Паисіево», «письмо Діонисіево» и т. д. Діонисій уже пересталъ быть для насъ однимъ только именемъ съ тѣхъ поръ, какъ стали извѣстны исполненныя и подписанныя имъ, точно датированныя (1500 г.), фрески Ѳерапонтова монастыря. Есть цѣлый рядъ иконъ, которыя по стилистическому сходству съ этими фресками можно отнести къ обширному кругу дѣятельности высокоодареннаго мастера и его сыновей-учениковъ. На выставкѣ больше всего правъ на это имѣетъ «Шестодневъ» И. С. Остроухова, съ его тонкой граціей, свѣтлымъ спокойствіемъ, преувеличенной удлиненностью фигуръ и цвѣтными пейзажами.

«Шестодневъ», «Флоръ и Лавръ» И. С. Остроухова и «Вознесеніе» С. П. Рябушинскаго знаменуютъ моментъ какой то послѣдней утонченности, достигнутой новгородской иконописью на рубежѣ XV и XVI вѣковъ. Такой ритмъ апостольскихъ позъ, какой достигнутъ въ «Омовеніи ногъ», составляющемъ часть «Шестоднева», можетъ быть достояніемъ только искусства, исчерпавшаго всѣ возможности, и онъ невольно приводитъ на память ритмъ позъ «Disputa» Рафаэля. Такъ же, какъ италіанское, русское искусство не могло удержаться въ равновѣсіи, достигнутомъ новгородской школой XV вѣка. Завоеванная

Житіе Св. Екатерины.
Часть иконы XV вѣка.
(Собр. С. П. Рябушинскаго въ Москвѣ).

Scènes de la vie de S-te Catherine.
Fragment d'icone du XV-e s.
(Coll. S. P. Riabouchinsky à Moscou).

Срѣтеніе Господне. XIV вѣка.
(Собр. И. С. Остроухова въ Москвѣ).

La Purification. XIV-e s.
(Coll. E. S. Ostrooukhoff à Moscou).

Св. Николай Чудотворецъ. XV вѣка.
(Собр. И. С. Остроухова въ Москвѣ).

St. Nicolas. XV-e s.
(Coll. E. S. Ostrooukhoff à Moscou).

Чинъ съ праздниками. Деталь иконы XV вѣка.

Déysis et les douze grandes fêtes. XV-e s.

имъ легкость мастерства рано или поздно должна была увлечь его въ сторону сложности. Первая половина XVI вѣка — это эпоха возрастающей сложности композицій въ новгородскихъ иконахъ и постепенно утрачивающейся чистоты и строгости стиля. Византійская традиція, традиція «большого», монументальнаго искусства, быстро отмираетъ послѣ того, какъ были нанесены тяжелые удары свято хранившему ее, аристократическому въ своихъ вкусахъ, Новгороду.

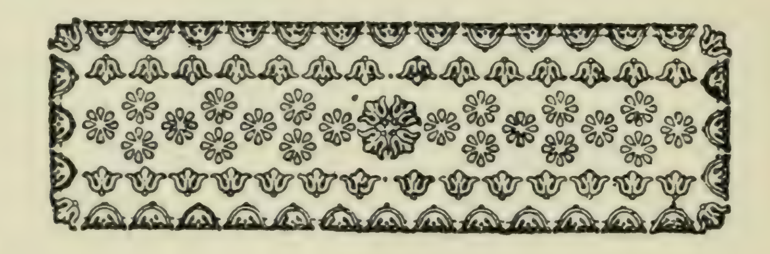
Въ какой именно моментъ «Новгородъ» окончательно смѣняется «Москвой», сказать сейчасъ трудно. Въ царствованіе Іоанна Грознаго и Бориса Годунова — «Москва» во всякомъ случаѣ господствуетъ въ иконописи. Московская школа не совсѣмъ справедливо обижена нынѣшней московской выставкой, что, впрочемъ, естественно въ виду молодого еще увлеченія красотой новгородской школы. Счастливые обладатели «Шестоднева», «Тайной Вечери» и «Вознесенія» понятны въ своемъ пренебреженіи къ болѣе скромнымъ художественнымъ достоинствамъ московскихъ иконъ второй половины XVI вѣка. И тѣмъ не менѣе «Москва» не лишена достоинствъ, — солиднаго, хотя болѣе глухого и тусклаго, цвѣта, любви къ праздничному узору одѣяній и палатъ, главное же — несомнѣнно національныхъ оттѣнковъ въ типахъ лицъ и формахъ зданій. Здѣсь живопись уже опирается на какую то исторію, на какой то бытъ, становясь менѣе «далекой», оторванной, вдохновенной и болѣе народной.

Нѣкоторыя иконы въ Музеѣ Александра III («Крещеніе») и въ старообрядческихъ храмахъ Москвы свидѣтельствуютъ о неугасшихъ еще артистическихъ способностяхъ московской иконописи. Но, въ общемъ, художественный уровень московской школы невысокъ, и за искусствомъ иконописи здѣсь уже начинаетъ плестись огромный хвостъ иконописнаго ремесла. Постепенно выростаетъ пропасть между иконописью для немногихъ и иконописью для всѣхъ. Чѣмъ рѣже встрѣчается способность къ мастерству, тѣмъ болѣе она заостряется, и вотъ на рубежѣ XVI и XVII столѣтій возникаетъ драгоцѣнное и экзотическое «Строгановское» письмо. Строгановская школа — явленіе довольно загадочное, и нѣкоторые русскіе историки, касавшіеся ея (спеціальныхъ изслѣдованій этой школы, впрочемъ, никто не дѣлалъ), готовы были считать самое имя ея случайностью. По ихъ мнѣнію, настоящимъ отечествомъ Строгановской школы была Москва, точнѣе говоря, дворъ московскихъ царей. Не подлежитъ однако сомнѣніямъ, хотя бы на основаніи датированныхъ записей о Строгановскихъ вкладахъ въ церкви Сольвычегодска и другихъ мѣстъ, гдѣ «сидѣли» Строгановы, а также на основаніи сличенія этихъ записей съ иконами указанныхъ церквей, что Строгановская школа возникла вскорѣ послѣ 1550 года на мѣстахъ прежнихъ новгородскихъ колоній по Двинѣ и Вычегдѣ. Первые Строгановскіе иконописцы къ тому же не были миѳическими существами, но часто подписывали свои имена на обратной сторонѣ иконы, не забывая иной разъ назвать себя «людьми Строгановыми». Стиль раннихъ Строгановскихъ иконъ указываетъ на связь съ Новгородской школой. Многія черты Строгановскаго письма, думается, были уже предугаданы въ иконахъ цикла Діонисія. Сейчасъ

не совсѣмъ еще ясны посредствующія звенья, соединившія мастерство Діонисія и его сына Ѳеодосія съ искусствомъ такихъ Строгановскихъ мастеровъ, какъ Никифоровъ и Чиринъ. «Устюжскія» письма, на которыя указываетъ Ровинскій, скорѣе всего могли сыграть роль промежуточной инстанціи.

Ровинскій, повидимому, былъ совершенно правъ въ своемъ отдѣленіи Строгановской иконописи отъ московской. Но разногласіе между нимъ и сторонниками московскаго происхожденія Строгановскихъ иконъ будетъ не такъ велико, если мы признаемъ, что, съ установленіемъ твердаго порядка въ Москвѣ по воцареніи Михаила Феодоровича, Строгановскіе мастера встрѣтили при московскомъ дворѣ широкое гостепріимство. Съ какого то момента, вѣроятно въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія, Строгановская школа, просуществовавшая до того уже полстолѣтія, могла сдѣлаться придворнымъ искусствомъ московскихъ государей. Изолированность и экзотичность не сулили ей долгаго существованія. Въ слѣдующемъ царствованіи измѣнившіеся вкусы и безпорядочно хлынувшія вліянія Запада окончательно поколебали стиль русской иконописи и привели къ эпохѣ Ушакова, которой, несмотря на очевидное дарованіе этого «изографа», нѣтъ другого наименованія, какъ эпоха полнаго упадка въ столь прекрасномъ нѣкогда искусствѣ иконописи.

П. Муратовъ.



II. Нѣкоторыя черты стиля русскихъ иконъ XV вѣка.

(N. M. Chtchékotoff: Sur le style des icones au XV-e siècle.)

Русская иконопись XV вѣка сіяетъ одиноко и загадочно на небосклонѣ современной ей культурной эпохи.

То, что мы до сихъ поръ могли прочесть на страницахъ нашей древней исторіи культуры, находится въ неразгаданномъ противорѣчіи съ плодами художественной дѣятельности XV в. Тяжелая поступь былиннаго эпоса, цѣпь кровавыхъ распрей, буднично запечатлѣнныхъ лѣтописью, и громоздкій переводный стиль церковныхъ проповѣдей ничѣмъ не предвѣщаютъ аристократической граціи св. Георгія, изысканно нѣжной описи архангельскихъ ликовъ или благородной простоты евангельской легенды на многихъ прекрасныхъ иконахъ русскаго кваттроченто. Естественно, что подобныя условія располагаютъ насъ прежде всего остановиться на изученіи художественной формы иконы XV в., причемъ композиція должна стать первымъ предметомъ вниманія.

Омовеніе ногъ.
Часть „Шестоднева“. XV вѣка.
(Собр. И. С. Остроухова въ Москвѣ).

Le lavage des pieds.
Fragment d'icone du XV-e s.
(Coll. E. S. Ostrooukhoff à Moscou).

Архангелъ Михаилъ. XIV вѣка.
(Собр. С. П. Рябушинскаго въ Москвѣ).

L'Archange Michel. XIV-e s.
(Coll. S. P. Riabouchinsky à Moscou).

Слѣдя за тѣмъ, какъ иконописецъ «устраивалъ» части изображенія для наилучшаго выраженія своего художественнаго замысла, мы видимъ, какъ бы на яву, дѣйствіе творческихъ силъ, подъ вліяніемъ которыхъ кристаллизовалась икона. Эта кристаллизація происходила не случайно, но слѣдуя нѣкоторымъ особеннымъ законамъ композиціи, отвѣчавшимъ вкусамъ времени. Особенности композиціи иконъ XV в. уясняются съ бо́льшей легкостью въ лучшихъ, очевидно наиболѣе выразительныхъ, памятникахъ.

Образцовой въ этомъ смыслѣ является икона собранія И. С. Остроухова «Входъ Господень въ Іерусалимъ». Въ основу ея композиціи положенъ евангельскій текстъ. Въ наиболѣе полной редакціи евангелиста Луки этотъ текстъ способенъ вызвать въ представленіи художника два различныхъ образа: образъ шумнаго народнаго праздника, съ радостными восклицаніями дѣтей и славословіемъ толпы (Дуччо), или образъ свѣтлаго, молитвенно-торжественнаго шествія Христа къ Іерусалиму. Иконописецъ избралъ послѣднее, и потому удѣлилъ болѣе, чѣмъ скромное, мѣсто на иконѣ живымъ народнымъ мотивамъ, имѣющимся даже въ евангельскомъ повѣствованіи, какъ то: одеждамъ, простертымъ подъ ноги ослицы или людямъ, срѣзающимъ пальмовыя вѣтви. Зато главная задача — сочетаніемъ неподвижныхъ частей изображенія вызвать въ зрителѣ ясное и сильное представленіе о движеніи — съ чрезвычайной увѣренностью и тонкостью разрѣшена иконописцемъ. Не успѣвъ еще усвоить частностей изображеннаго, мы уже внутренно сопутствуемъ Христу въ его медленномъ, но опредѣленномъ, приближеніи къ сіяющему бѣлизной высокому граду.

Напрасно мы стали бы искать объясненія этого впечатлѣнія въ одномъ переднемъ планѣ иконы, гдѣ въ образахъ Христа на ослицѣ и двухъ группахъ людей, сопутствующихъ Ему и встрѣчающихъ Его, развернута тема композиціи. Закрывъ пейзажъ, занимающій второй планъ иконы, мы тотчасъ замѣтимъ, какъ замерло, почти прекратилось движеніе, составлявшее до того душу и смыслъ композиціи. Если по согнутой шеѣ ослицы, по ея поднятой передней ногѣ и другимъ мелочамъ мы, въ концѣ концовъ, и сумѣемъ угадать, что Христосъ направляется ко граду, то все же безъ пейзажа вся значительность, ясность и непосредственность дѣйствія въ иконѣ пропадаетъ. Ясно, что розово-серебристая Елеонская гора на второмъ планѣ несетъ на себѣ немалую долю художественнаго замысла иконописца. Ея линіи, склоняющіяся къ чистой вертикали, къ подножію града Іерусалима, даютъ движеніе иконѣ, служатъ символической фигурой, въ которой закрѣплено одно изъ событій евангельской легенды. Не даромъ склоны масличной горы, стекающіе къ подножію Іерусалима, повторяютъ линію склоненія шеи ослицы, несущей Христа. Тотъ же изгибъ, то же движеніе и въ пальмѣ, растущей у стѣнъ Іерусалимскихъ.

Но этимъ еще не исчерпано значеніе пейзажа. Если въ теченіи его линій живетъ духъ движенія, — мысль о приближеніи Христа къ Іерусалиму, — то въ симметричномъ расположеніи Елеонской горы налѣво и града направо отъ зрителя выражена торжественность событія. Симметричное расположеніе фигуръ относительно одного центра, въ

искусствѣ, какъ въ обрядахъ религіи или свѣтскихъ церемоніяхъ, воплощаетъ идею торжества. Въ нашемъ случаѣ подобное расположеніе въ пейзажѣ соотвѣтствуетъ двумъ группамъ людей, встрѣчающихъ Богочеловѣка съ одной стороны и сопутствующихъ Ему съ другой. Свѣтлая радость торжества отражается въ серебристомъ озареніи скалистаго пейзажа. Но гора и градъ исполняютъ еще одно назначеніе: ограждаютъ міръ иконы справа и слѣва, подобно тому, какъ отсутствіе перспективы препятствуетъ распространенію композиціи въ глубь. Всѣ эти черты, дѣлающія изъ иконы какъ бы художественный микрокосмъ, являются причиной завершенности, чистоты и цѣлостности нашего художественнаго воспріятія.

Одинаковыя черты композиціи мы найдемъ и въ другой не менѣе прекрасной иконѣ того же собранія «Снятіе со креста». Это не буквальное повтореніе однихъ и тѣхъ же основаній иконнаго «устроенія», но интересная модификація ихъ, отвѣчающая новому художественному замыслу иконописца.

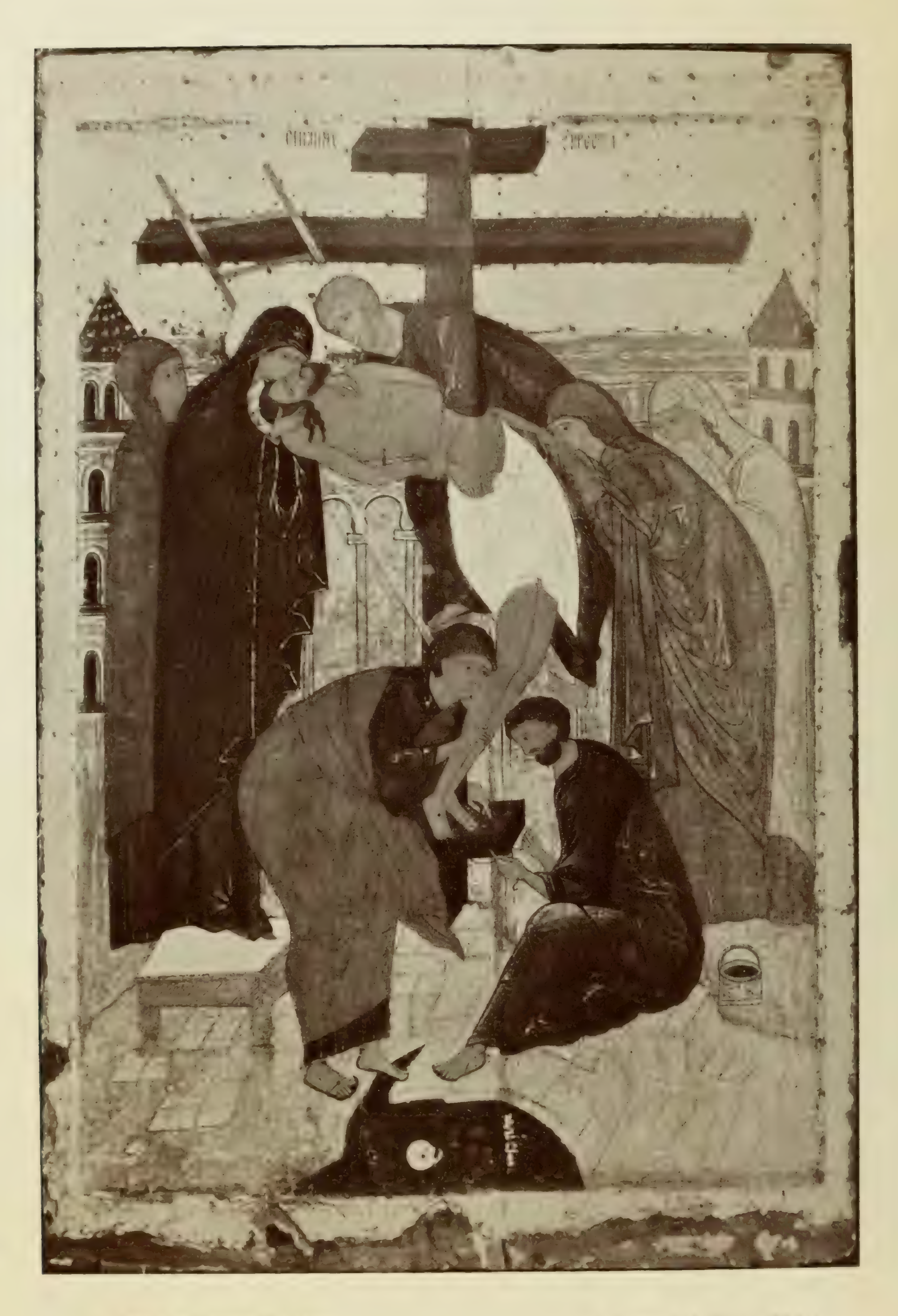
При первомъ взглядѣ на «Снятіе со креста» мы мгновенно проникаемся тѣмъ чувствомъ, которымъ ея мастеру угодно было заразить зрителя. Мы сочувствуемъ печальному склоненію безжизненнаго тѣла Христова на руки его близкихъ, какъ сочувствовали ранѣе приближенію Іисуса къ Іерусалиму. Тамъ дѣйствіе иконы находило себѣ преимущественное выраженіе въ рядѣ линій, текущихъ къ подножію вертикали града; здѣсь склоненіе Христа находитъ себѣ опору въ изображеніи Богоматери, лобзающей Его голову. Тамъ въ симметричномъ расположеніи фигуръ и пейзажа явлена идея торжества, здѣсь въ изгибѣ безжизненнаго тѣла воплощена идея слабости, умиранія. Близкіе, припавшіе ко Христу, усиливаютъ дѣйствіе этого печальнаго движенія, точно такъ же, какъ склоны Елеонской горы подчеркивали движеніе Христа на первомъ планѣ иконы «Входа Господня въ Іерусалимъ».

«Снятіе со креста» преисполнено бо́льшимъ лиризмомъ и хотя элементъ торжественности и явленъ въ симметричной группировкѣ фигуръ, но далеко не съ той настойчивостью, какъ въ первомъ примѣрѣ. Здѣсь эта симметричность группировки, такъ же, какъ и двѣ башни по концамъ зданія на второмъ планѣ, служитъ скорѣе только къ возстановленію равновѣсія въ композиціи, могущаго быть поколебленнымъ силой главнаго ея движенія. Не будемъ удивляться, что крестъ не является опорой всей композиціи иконы. По снятіи тѣла Христова оно падаетъ на руки Его близкихъ: въ этомъ и заключена драма снятія со креста. Кресту отведена иная роль въ общемъ дѣйствіи всей композиціи: его темная могучая горизонтальная перекладина какъ бы заставляетъ склоняться предъ своей инертной силой всю группу людей, несущихъ тѣло Христа.

Въ этихъ прекрасныхъ образцахъ иконописи мы нашли рядъ чертъ, которыя, по нашему мнѣнію, типичны и для другихъ современныхъ имъ произведеній. Такъ, въ иконѣ «Усѣкновеніе главы Св. Іоанна Предтечи», собранія Б. И. Ханенко, особенно ясенъ принципъ повторяемости основного дѣйствія композиціи: мечъ воина, поднятый для нанесенія удара пророку, въ точности повторяетъ линію согнутой

Входъ Господень въ Іерусалимъ. XV вѣка.
(Собр. И. С. Остроухова въ Москвѣ).

L'entrée à Jerusalem. XV-e s.
(Coll. E. S. Ostrooukhoff à Moscou).



Снятіе со Креста. XV вѣка.
(Собр. И. С. Остроухова въ Москвѣ).

La Descente de Croix. XV-e s.
(Coll. E. S. Ostrooukhoff à Moscou).

Усѣкновеніе главы св. Іоанна Предтечи.
XV вѣка.
(Собр. Б. И. Ханенко въ Кіевѣ).

La décollation de St. Jean Baptiste.
XV-e s.
(Coll. B. J. Khanenko à Kieff).

Тайная Вечеря. XV вѣка.
(Собр. Б. И. Ханенко въ Кіевѣ).

La Sainte-Cène. XV-e s.
(Coll. B. J. Khanenko à Kieff).

спины Іоанна. При неустойчивой позѣ Предтечи его паденіе такъ же неминуемо, какъ ударъ меча, занесеннаго надъ его головой, и эта неизбѣжность оставляетъ жуткое чувство въ душѣ зрителя. Симметричное расположеніе горы и зданія на заднемъ планѣ по принципу, который можно назвать «молитвеннымъ стояніемъ» иконной композиціи, вноситъ покой, необходимый для религіознаго настроенія. Наконецъ, деревцо съ сѣкирой у корня — символъ всей темы и художественнаго замысла иконописца, — стоя поперекъ пути главнаго движенія въ иконѣ, блюдетъ, чтобы оно не вышло за ея границы и не разрушило такимъ образомъ самостоятельность ея художественнаго міра.

Въ дополненіе къ этимъ основаніямъ иконной композиціи XV в. слѣдуетъ указать еще на силуэтность въ передачѣ фигуръ. Въ силуэтности, свойственной большинству иконъ этого времени, выражается полное отреченіе отъ скульптурнаго начала, отъ моделировки. Моделировка, какъ наслѣдіе античнаго искусства, сохранялась живописью Византіи едва ли не до самаго ея конца. Русскіе мастера, не желая слѣпо копировать непонятныя имъ линіи, выражавшія объемъ, и не обращаясь за разъясненіемъ къ натурѣ, нашли иную руководящую нить. Любовь къ узору, навыкъ въ изысканіи его ритма помогли имъ внести больше любованія, больше вкуса въ веденіе самой «описи» фигуръ. Дальнѣйшей художественной задачей было заполненіе очерка согласованіемъ сильныхъ и глубокихъ цвѣтовъ. Въ византійской живописи не приходится встрѣчаться съ этой силуэтностью, и мы склонны думать, что она составляетъ національное достояніе нашего искусства. Въ композиціи русскихъ иконъ XV в. она играетъ крупную роль; обобщая подробности фигуръ, она даетъ возможность автору съ исключительной полнотой и ясностью выявить свой художественный замыселъ.

Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ значенія силуэтности можетъ послужить замѣчательная икона «Тайная Вечеря», собранія Б. И. Ханенко. Только силуэтное обобщеніе позволило иконописцу показать здѣсь волненіе апостоловъ въ ритмическомъ расположеніи ихъ, не разрывая въ то же время движенія, исходящаго отъ Христа вправо, внизъ по свѣтлому овалу стола и связывающаго всѣхъ трапезующихъ.

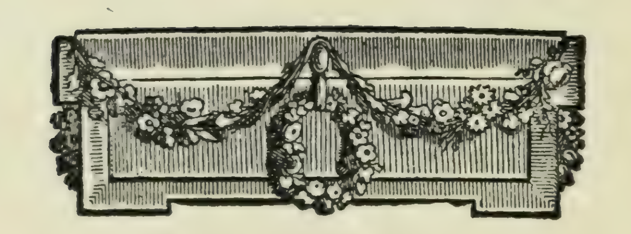
Этотъ ритмъ, въ графическомъ начертаніи I — II — I, изумительно отвѣтствуетъ данному случаю и выраженъ онъ равно на дальней и ближней сторонѣ стола; на дальней — въ образѣ двухъ наклоненныхъ апостоловъ и четырехъ (въ числѣ ихъ Христосъ) прямо сидящихъ фигуръ; на ближней же сторонѣ, внизу, повторенъ тотъ же ритмическій размѣръ въ изящномъ варіантѣ четырехъ прямо сидящихъ апостоловъ. Какое, однако, разнообразіе въ самихъ описяхъ этихъ силуэтовъ! Гибкость линій напоминаетъ здѣсь очеркъ фигуръ на греческихъ вазахъ.

Прекрасенъ также силуэтъ иконы «Чудо Св. Георгія о зміѣ», принадлежащей собранію И. С. Остроухова. Въ ней же интересно примѣнены нѣкоторыя изъ уже найденныхъ нами чертъ многоличной иконной композиціи XV в. Главное дѣйствіе здѣсь не нуждается въ поддержкѣ обстановки. Оно само по себѣ достаточно сильно, хо-

чется сказать, огненно, вспоминая красный развѣвающійся плащъ Георгія. Несмотря на стремительность, движеніе въ этой композиціи слагается изъ двухъ моментовъ: изъ первоначальнаго стремленія коня вправо отъ зрителя, какъ бы за границу иконы, и неожиданно смѣлаго перегиба святого-рыцаря и его коня въ обратную сторону. Линія копья, вонзеннаго въ пасть змія, лишь закрѣпляетъ послѣднее движеніе въ границахъ иконы, по извѣстному уже намъ принципу внутренней замкнутости міра иконы.

Изящный перегибъ Георгія имѣетъ свою разгадку въ желаніи помѣстить голову святого въ нимбѣ на серединѣ доски, какъ главную молитвенную тему иконы. Съ другой стороны, этотъ перегибъ придаетъ особую легкость, избранность подвигу Св. Воина, склонившаго, какъ бы въ печали, на плечо свой ангельскій ликъ.

Н. М. Щекотовъ.



БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ ЛИСТКИ.

Архитекторъ Матвѣй Ѳедоровичъ Казаковъ (1733—1812). Изданіе Московскаго Архитектурнаго Общества. — Московское Архитектурное Общество рѣшило увѣковѣчить память своего великаго предшественника, типичнѣйшаго изъ московскихъ зодчихъ, Казакова — изданіемъ альбома его произведеній. Къ сожалѣнію, выполненіе вышло не совсѣмъ удачнымъ. Слишкомъ плохо исполнены фототипіи, слишкомъ онѣ малы и небрежно наклеены. Для большой публики, напримѣръ, чертежъ экзерциргауза скажетъ очень мало, да, пожалуй, и детали плафона большого зала Окружного суда не прозведутъ впечатлѣнія; для архитекторовъ же на этихъ чертежахъ пропадаютъ детали. Часть деталей, и очень важныхъ, напримѣръ, соотношенія колоннъ съ карнизами и куполами, вовсе не имѣется.

Текстъ составленъ очень кратко, но довольно обстоятельно, указаны кое какія ошибки предыдущихъ изданій.

Во всякомъ случаѣ, это изданіе очень важно, какъ начало, и нужно надѣяться, что и другія художественныя общества послѣдуютъ примѣру московскаго. — В. К.

Старые архитектурные проекты плановъ, фасадовъ и профилей: церквей, домовъ, хозяйственныхъ строеній, заборовъ, воротъ и рѣшетокъ въ стилѣ ампиръ, Александровскаго времени, собранные изъ старинныхъ изданій 1809, 1812 и 1824 г. и изданные В. М. Владиміровымъ. Выпускъ I. Спб. 1913 г. — Переизданіе 21 таблицы изъ «Собранія фасадовъ Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше аппробованныхъ для частныхъ строеній въ городахъ Россійской Имперіи части I — II изд. 1809 г. и части III и IV 1812 г.» и изъ «Собранія плановъ, фасадовъ и профилей для строенія каменныхъ церквей, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію изданные въ Спб. въ 1824 г.» историкъ искусства долженъ привѣтствовать, такъ какъ оригинальныя изданія мало доступны. Но въ изданіи сквозитъ намѣреніе дать образцы русскаго «ампира Александровскаго времени» какъ пособіе для заимствованія зодчихъ или какъ руководство, однако ни для той, ни для другой цѣли эти произведенія не первоклассныхъ зодчихъ (Михайловыхъ и Шарлеманя) не полезны.

Louis Réau: Saint Pétersbourg. Новый выпускъ изъ серіи «Les villes d'art célèbres» разработанъ внимательнѣе, чѣмъ это полагается иностранцамъ, говорящимъ про Россію. Мѣстами даже

слишкомъ много вниманія обращено на злободневные художественные вопросы. Къ сожалѣнію, фотографіи выбраны мало удачно и воспроизведены плоховато. Отмѣтимъ странную опечатку — подпись «Lisière du parc de Tsarskoié Sélo» подъ рисункомъ, изображающимъ террасу Лѣтняго сада. Странное совпаденіе съ тѣмъ, что въ другой статьѣ того же автора подъ Академіей Художествъ подписано «Эрмитажъ». Въ концѣ книги помѣщена небольшая глава «Saint-Pétersbourg et l'art français» и тутъ г. Réau немного увлекается. Конечно Фальконетовскій монументъ — вещь поразительная, Академія и Биржа — превосходныя, Исаакій — неплохая, но у Петербурга есть дивный Суворовъ Козловскаго, чудесный Петръ Растрелли, Смольный, Арка Штаба и все, что создалъ Росси, и наконецъ Адмиралтейство, съ которымъ и близко не могутъ равняться произведенія французскихъ зодчихъ временъ Имперіи.

О русскихъ художественныхъ промыслахъ. Докладъ члена кустарнаго совѣта Московскаго Губернскаго Земства Графа П. С. Шереметева. Москва. 1913 г. Цѣна не указана.

Въ сжатомъ, весьма интересномъ очеркѣ, авторъ прослѣживаетъ исторію русской художественной промышленности съ начала Руси до XVIII в. включительно, причемъ съ любовью очень живо описываетъ хоромы и палаты древняго боярства, работы въ рукодѣльныхъ дѣвичьихъ свѣтлицъ, въ монастырскихъ келіяхъ. Въ концѣ очерка краткіе отзывы о новѣйшихъ художественно-промысловыхъ предпріятіяхъ, а также весьма интересные выписки изъ архива гр. П. Б. Шереметева. Нельзя не порадоваться появленію отдѣльнымъ изданіемъ этого прекраснаго доклада. — Б. М.

Русскіе книжные знаки. (Exlibris). Изъ собранія М. К. Антошевскаго. Изд. въ кол. 210 экз. СПБ. 1913. 4°. 30 стр.

Послѣ интересныхъ изслѣдованій объ русскомъ Ex-libris'ѣ В. А. Верещагина и У. Г. Иваска, настоящее изданіе вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Книга заключаетъ въ себѣ воспроизведеніе всего 44 Ex-libris'овъ, безъ указаній способовъ ихъ воспроизведеній, именъ художниковъ (исключеніе сдѣлано только для пяти), не смотря на то, что всѣ эти Ex-libris'ы современные. Нѣкоторые не только уже описаны раньше въ трудахъ г.г. Верещагина и Иваска, но даже и воспроизведены. Высокая цѣна (3 р.) совершенно не оправдывается содержаніемъ книги, цѣна же за именные экземпляры (25 р.) положительно вызываетъ удивленіе: за напечатаніе трехъ словъ, — имени, отчества и фамиліи и за переплетъ взимается 22 рубля!! — В. Адарюковъ.

Въ издательствѣ «Космосъ» вышла «**Исторія стилей изящныхъ искусствъ**» Cohn-Wiener'а въ переводѣ съ нѣмецкаго подъ редакціей М. С. Сергѣева, съ добавленіемъ главы о русскомъ искусствѣ, написанной редакторомъ перевода. Отъ египетскаго искусства черезъ эллинистическое и древне-христіанское, авторъ прослѣживаетъ въ книгѣ исторію стилей европейскаго искусства вплоть до нашихъ дней, причемъ болѣе подробно останавливается на разновидностяхъ готики. Въ заключительной главѣ проводится различіе между стилями конструктивными (дорическій, романскій, ранній италіанскій ренес-

сансъ), въ которыхъ «предметовъ, не имѣющихъ никакого назначенія не существуетъ», и орнаментальными (поздній римскій, готика, рококо), гдѣ наоборотъ, исчезаютъ «формы, имѣющія практическое значеніе». Добавленіе М. С. Сергѣева, хотя и краткое, вполнѣ грамотно и прослѣживаетъ также и русскую живопись въ отношеніи стиля. Въ книгѣ 84 иллюстраціи; цѣна — 2 р. 25 коп. — Б. М.

Въ недавно изданномъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, подъ редакціей К. А. Военскаго, сборникѣ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи «Московскій университетъ и С.-Петербургскій учебный округъ въ 1812 году» заслуживаютъ вниманія любителей искусства стр. 331 — 352, на которыхъ опубликовано дѣло «объ отправленіи изъ С.-Петербурга въ Олонецкую губернію дѣлъ и вещей Императорской Академіи Художествъ по случаю нашествія непріятеля». Въ этомъ дѣлѣ очень цѣненъ большой рапортъ вице-президента Академіи П. Чекалевскаго, списокъ вещей отправляемыхъ изъ Петербурга, а также списокъ воспитанниковъ Академіи 1812 года. — П. С.

Государемъ Императоромъ пожертвовано 6.000 р. на изданіе Трудовъ Съѣзда Художниковъ. Составится томъ въ 60 листовъ съ большимъ количествомъ репродукцій (большею частью съ предметовъ, бывшихъ на выставкѣ при съѣздѣ). Изданіе тормозится тѣмъ, что доставлены еще не всѣ доклады. Въ исполнительную коммисію по изданію выбраны П. П. Вейнеръ, А. Н. Смирновъ, С. Ѳ. Годлевскій, А. А. Карелинъ и В. В. Матэ.

Академіей ассигновано 3.500 р. на доступное по цѣнѣ изданіе памятниковъ древняго русскаго зодчества изъ имѣющагося въ Академіи матеріала по деревянному зодчеству, церковному и гражданскому. Въ коммисію по изданіямъ выбранъ новый членъ С. А. Жебелевъ.

Съ января настоящаго года въ Лондонѣ началъ выходить новый ежемѣсячникъ «The Imprint», издаваемый гг. Jackson, Mason, Johnston и Megnell, посвященный типографскому дѣлу. Наряду съ теоретическими статьями въ журналахъ помѣщены и любопытныя изслѣдованія о старой печати.

Въ Парижѣ «Société du Dix-Huitième Siècle», состоящее изъ историковъ и критиковъ, выпустило первую книжку новаго журнала «Revue du Dix-Huitième Siècle», въ которой имѣются свѣдѣнія и по исторіи искусства. Складъ изданія у фирмы Hachette. Въ годъ будетъ появляться по четыре выпуска.

ХРОНИКА.

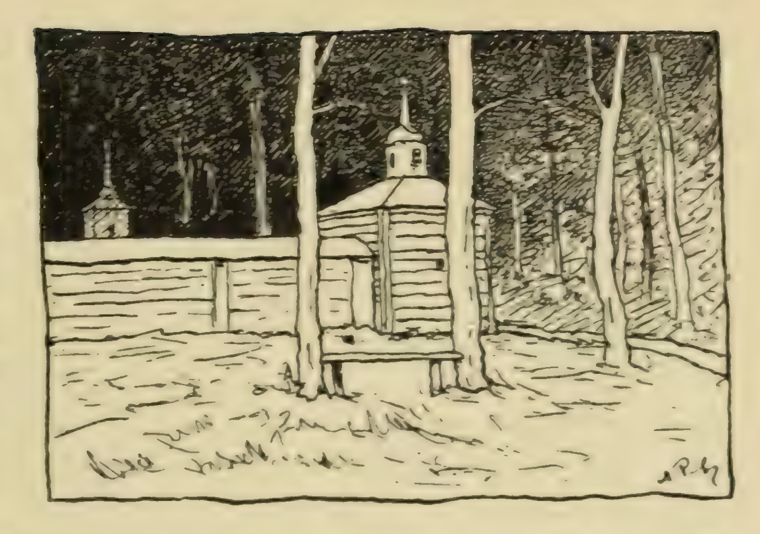
СКИТЪ НИЛОВОЙ ПУСТЫНИ.

Думается, подъ памятниками старины въ широкомъ смыслѣ надо понимать и мѣста, ознаменованныя замѣчательными событіями, тѣсно связанныя съ воспоминаніями объ историческихъ личностяхъ, если даже въ этихъ мѣстахъ и не сохранилось уже древней архитектуры. Вѣдь часто, особенно во многихъ нашихъ древнихъ обителяхъ, такъ изумительно характерны самая мѣстность, природа, говорящія объ основателяхъ, о своеобразности ихъ типовъ. Такова, напримѣръ, Нилова пустынь, затерявшаяся въ дебряхъ Бѣлозерскаго уѣзда.

Когда пробираешься къ ней отъ Шексны сплошнымъ лѣсомъ, такъ вспоминаются «лѣса черные, блата, мхи и чащи непроходимыя», манившія нашихъ подвижниковъ. Отъ узкой дороги не идетъ въ сторону ни одной тропинки, и только мѣстами изъ чащи подбѣгаетъ удивительно красиво до самой воды заросшая деревьями и кустарникомъ рѣчка Сорка, чтобы опять таинственно исчезнуть въ глуши. Кругомъ топь и невысокій, но очень густой лѣсъ изъ ели, осины и березы. Надъ дорогой тучи комаровъ и оводовъ, облѣпляющихъ лицо, руки, оглушающихъ своимъ звономъ и шумомъ. Но вотъ лѣсъ порѣдѣлъ и открывается оцѣпленная имъ широкая поляна съ бѣлымъ монастыремъ по срединѣ и выбѣжавшей на просторъ рѣчкой, отъ которой монастырь и получилъ свое названіе. И дальше, версты на четыре, никакого жилья. Монастырь бѣдный, захудалый, всѣ каменныя постройки насчитываютъ не болѣе 50 лѣтъ. Кругомъ засѣянныя поля, но будто бы еще на памяти старожиловъ лѣсъ подходилъ къ самымъ стѣнамъ и колокола висѣли на соснѣ.

Уже за поляной въ лѣсу, близко другъ отъ друга, два деревянныхъ скита. Одинъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, жилъ преподобный Нилъ, но стѣнъ тогда не было и иноки жили въ отдѣльныхъ кельяхъ, на «верженіе камня» другъ отъ друга. Показываютъ колодезь, ископанный преподобнымъ. Деревянная церковь будто бы построена по плану существовавшей при немъ. Но самое интересное — деревянныя стѣны съ воротами и башнями. Несмотря на недавніе шпили и крыши, отъ стѣнъ вѣетъ большой стариной. Когда то онѣ

окружали самый монастырь и сюда были перенесены послѣ возведенія каменныхъ монастырскихъ построекъ. Такъ характерны на видъ четырехугольные срубы башенъ съ маленькими оконцами и толстые вѣнцы стѣнъ, какъ бы видавшихъ не одно столѣтіе. Во всякомъ случаѣ, типъ старинныхъ монастырскихъ



деревянныхъ огражденій здѣсь очень выраженъ и, думается, въ этомъ отношеніи скитъ Ниловой пустыни замѣчателенъ. Своеобразная красота почернѣвшихъ стѣнъ, въ лѣсной чащѣ, на фонѣ свѣжей сѣверной зелени и бѣлыхъ стволовъ березъ, вся окружающая природа такъ соотвѣтствуютъ представленію о знаменитомъ подвижникѣ. Одни лишенія, сыро, сурово, комары ни секунды не даютъ покоя, но рядомъ очарованіе лѣсной тишины и свѣжести, дивныхъ здѣсь бѣлыхъ ночей, изумительнаго по красотѣ ночного неба, когда въ дальнихъ багровыхъ облакахъ изъ за лѣса изрѣдка сверкаютъ блѣдныя молніи и раздаются глухіе раскаты грома.

Какъ удивительна судьба двухъ обителей, столь отражающихъ черезъ много столѣтій лики ихъ основателей, знаменитыхъ противниковъ на соборѣ 1503 г. Радѣтель монастырскаго благоустройства Іосифъ Волоколамскій предсказалъ передъ смертью относительно своего монастыря: «мѣсто сіе святое не оскудѣетъ и обитель распространится». И вотъ эта обитель одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи, огромная, бѣлокаменная, съ превосходными старинной архитектуры храмами, воротами, башнями, сіяющая золотыми главами. Она какъ бы вышла изъ лѣсу, на опушкѣ котораго стоитъ, и смотритъ на міръ, на открывающуюся далеко передъ ней прелестную долину рѣчки Сѣстры. И изъ долины на обитель волшебный видъ. Какъ бы черезъ 400 лѣтъ — торжество основателя, столь заботившагося о благолѣпіи и привлеченіи «честныхъ и благородныхъ старцевъ». А его ярый противникъ, поборникъ скитскаго житія, Нилъ Сорскій ушелъ въ свои лѣса дремучіе, гдѣ даже и стѣнъ не требовалось и колокольню могла замѣнить сосна, гдѣ, поѣдаемые комарами, спасались такіе же суровые старцы, нарочно жившіе на «верженіе камня», чтобы не мѣшать другъ другу въ своемъ скитскомъ уединеніи. И вотъ бѣдность обители, все еще отрѣзанной лѣсомъ отъ міра, почернѣвшія деревянныя стѣны скита, все та же чарующая суровость природы такъ еще говорятъ о ликѣ ея основателя, объ иныхъ монашескихъ идеалахъ, объ ушедшей въ прошлое красотѣ простоты и суровости.

А. Ростиславовъ.

ВѢСТИ ЗА МѢСЯЦЪ.

Въ ознаменованіе 300-лѣтія Дома Романовыхъ въ Москвѣ возникъ грандіозный проектъ устройства «Всероссійскаго національнаго и Румянцовскаго музея», задача котораго—всесторонне представить культурно-историческое развитіе русской жизни. Въ основѣ его должны быть собранія Румянцовскаго музея. Проектъ, которымъ заинтересованы и нѣкоторые представители Государственной Думы, едвали осуществимъ, и благодаря расходамъ и благодаря трудности устройства одного общаго грандіознаго зданія. Думается также, что едвали желательно касаться такихъ очаговъ культуры, сдѣлавшихся во всей своей цѣльности уже историческими памятниками, какъ Румянцовскій музей.

Исполнилось 50-лѣтіе устройства Румянцовскаго музея. Въ художественномъ отдѣлѣ его сейчасъ до полутора тысячъ картинъ разныхъ школъ, свыше 300 портретовъ разныхъ дѣятелей въ Дашковской галереѣ, болѣе 1.300 произведеній скульптуры, до 35 тысячъ гравюръ и до 30 тысячъ предметовъ въ отдѣлѣ древностей. Почетное предсѣдательство столь своевременно организованнаго, какъ бы къ юбилею, общества друзей Румянцовскаго музея принялъ на себя Великій Князь Николай Михаиловичъ. Предсѣдателемъ избранъ П. И. Харитоненко, товарищемъ его кн. С. Н. Щербатовъ, секретаремъ Н. И. Романовъ, членами совѣта — И. Э. Грабарь, А. А. Карзинкинъ, А. В. Морозовъ, Ф. О. Шехтель и М. Ѳ. Якунчикова, кандидатами И. И. Трояновскій, М. П Безобразовъ, А. А. Брокаръ и Г. К. Рахмановъ.

На устройство Романовскаго Костромского музея было собрано 69.669 р. 50 к.; кромѣ того, по повелѣнію Государя Императора, на его внутреннее устройство и отдѣлку отпущено 35.000 рублей. Пожертвованы мѣстными коллекціонерами: К. Н. Козыревымъ — коллекція историческихъ гравюръ (изъ 11.000 экземпляровъ), И. А. Сахаровымъ — нумизматическая коллекція, М. С. Сидоровымъ — собраніе портретовъ масляными красками всѣхъ царей и императоровъ дома Романовыхъ.

Романовская выставка, въ Императорской Академіи Художествъ, вслѣдствіе неожиданно явившихся затрудненій въ доставкѣ ряда существеннѣйшихъ экспонатовъ, отложена, вѣроятно, до конца текущаго года.

По обыкновенію, очень интересна тоже, въ связи съ 300-лѣтнимъ юбилеемъ Дома Романовыхъ, выставка, устроенная Кружкомъ Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій «Придворная жизнь за триста лѣтъ». Изъ извѣстныхъ коллекцій собрано болѣе 200 старинныхъ гравюръ, литографій, акварелей, рисунковъ, среди которыхъ не мало очень рѣдкихъ и цѣнныхъ экземпляровъ. Представлена, главнымъ образомъ, парадная сторона придворной жизни. Прекрасно, по образцу прежнихъ, изданъ каталогъ выставки.

Къ сожалѣнію, въ него вкрались двѣ ошибки, объяснимыя спѣшною работою. Такъ, портретъ № 1, принадлежащій собранію Ю. Э. Озаровскаго, изображаетъ не Царя Михаила Ѳеодоровича; объ этомъ опредѣленно говорятъ наличіе горностая, неизвѣстнаго русскому быту въ XVII вѣкѣ, и манера живописи. Также рисунокъ гр. Ланского

изображаетъ также не Императрицу Александру Өеодоровну, а великую княгиню Ольгу Николаевну, королеву Виртембергскую.

Изъ средствъ государственнаго казначейства комитету по изданію выставки «Ломоносовъ и Елисаветинское время» отпущено 20.000 рублей. Составъ комитета: предсѣдатель бар. Н. Н. Врангель и члены: В. Я. Адарюковъ, проф. Багалѣй, ген. Баевъ, Ф. А. Витбергъ, В. Н. Гернгроссъ-Всеволодскій, М. Д. Демени, В. Г. Дружининъ, Н. Е. Макаренко, І. В. Михайловскій, Б. Л. Модзалевскій, Н. В. Новиковъ, П. Н. Столпянскій, Д. П. Струковъ и С. Н. Тройницкій.

Епархіальное вѣдомство уже обратилось въ строительную коммисію за разрѣшеніемъ построить передъ сгорѣвшимъ Троицкимъ соборомъ временную деревянную церковь, по проекту епархіальнаго архитектора Аплаксина. Мы уже выражали опасеніе относительно возможности очень долговременнаго существованія подобной постройки.

Согласно представленію Совѣта Общества Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины послѣдовало Высочайшее повелѣніе сохранять въ неприкосновенности настоящій видъ Дворцовой площади, гдѣ, какъ извѣстно, Общество садоводства и Городское управленіе собирались устроить цвѣтникъ.

Согласно проекту распорядительной коммисіи Государственной Думы для новой ея постройки намѣчены два мѣста: Троицкая площадь и выходящая на Мойку часть Михайловскаго сада. Послѣднее было бы поистинѣ ужасно, ибо не говоря о застройкѣ сада, все это старинное мѣсто съ прелестнымъ павильономъ должно быть сохранено навсегда въ полной неприкосновенности.

Снова поднятъ вопросъ о совершенно недопустимой засыпкѣ Лебяжьяго канала въ виду отказа Военнаго Министерства отвести часть Марсова поля для расширенія Лебяжьяго проѣзда. Противъ засыпки въ свое время энергично протестовала Академія Художествъ. Жалоба городской думы на застройку Марсова поля панорамой «Оборона Севастополя» оставлена Сенатомъ безъ послѣдствій.

Согласно постановленію Съѣзда Художниковъ послѣ докладовъ А. Я. Боравскаго и Д. Ф. Богословскаго, Комитетъ Съѣзда обратился въ Академію Художествъ съ ходатайствомъ объ образованіи при высшемъ художественномъ училищѣ школы-мастерской реставраціи и консерваціи картинъ. Необходимость не только спеціальныхъ, а и художественныхъ знаній, художественнаго развитія для реставраторовъ очевидна. Но собраніе Академіи отклонило это ходатайство, ограничившись только согласіемъ оказывать содѣйствіе художникамъ, желающимъ заняться изученіемъ реставраціи.

Утвержденъ дѣйствительнымъ членомъ Академіи Художествъ В. А. Верещагинъ, избранный вмѣсто скончавшагося гр. А. А. Голенищева-Кутузова.

Живописные плафоны на дачѣ бар. Штиглица (нынѣ А. А. Половцова) на Каменномъ островѣ были исполнены вѣроятно тѣми-же мастерами, что и въ Михайловскомъ дворцѣ. Часть ихъ уцѣлѣла, кое что было написано на коленкорѣ, съ другой части старательно

были сдѣланы копіи. Надъ реставраціей этой живописи работаетъ сейчасъ А. Я. Боравскій.

Въ Эрмитажѣ Д. Ф. Богословскимъ реставрирована картина Себастіано дель Піомбо «Положеніе во гробъ»; старый лакъ замѣненъ новымъ. Реставрируются и нѣкоторыя картины Академическаго музея.

Въ даръ библіотекѣ Академіи Художествъ принесены рукописи бывшаго ея президента А. Н. Оленина: «Тайная вечеря» съ 7 рисунками и «Опытъ о вѣроятномъ видѣ священныхъ одеждъ у древнихъ Евреевъ».

Въ Чудовомъ монастырѣ, въ московскомъ Кремлѣ, открыта «Романовская» выставка, составленная изъ предметовъ, принадлежащихъ Патріаршей ризницѣ, Успенскому и Архангельскому соборамъ, Симонову и Новоспасскому монастырямъ. и т. п. Вещи эти — совершенно исключительны по богатству, роскоши и красотѣ. Выставка особенно любопытна какъ дополненіе чудесной выставки Древне-Русскаго искусства на Дѣловомъ дворѣ, гдѣ въ изумительныхъ иконахъ предъ посѣтителемъ встаетъ вся одухотворенность и красочная прелесть иконнаго искусства, такъ долго не находившаго истинной оцѣнки; въ Чудовомъ же монастырѣ — искусство прикладное, церковное, и просящееся въ сокровищницу. Выставкѣ этой будетъ посвящена особая статья въ «Старыхъ Годахъ».

Въ Музей Изящныхъ Искусствъ Императора Александра III, недавно открытый въ Москвѣ, поступилъ еще одинъ весьма драгоцѣнный даръ: цѣлое собраніе французскихъ бронзовыхъ издѣлій XVIII и начала XIX вв., находившееся въ московскомъ барскомъ домѣ съ давнихъ временъ. Имя щедрыхъ жертвователей пока скромно скрывается, самые предметы еще не размѣщены и для публичнаго обозрѣнія недоступны. Выдѣляются бронзовая люстра времени Регентства, большіе настѣнники XVIII вѣка, очень крупные канделябры эпохи Имперіи и часы оригинальной композиціи.

Изъ Курска и Воронежа обратились съ предложеніемъ въ Общество Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины руководить работами по регистраціи мѣстныхъ старинныхъ сооруженій. Примѣръ, заслуживающій общаго подражанія въ провинціи.

Въ Калугѣ не только не оставлена варварская идея застроить бульваръ у Березуйскаго оврага около Каменнаго моста домомъ управленія Сызрано-Вяземской желѣзной дороги (о чемъ сообщалось въ іюньской книжкѣ «Старыхъ Годовъ» за 1912 г.), но настойчиво сейчасъ разрабатывается мѣстными инженерами. Въ разныхъ мѣстахъ буравами пробуется грунтъ. Мѣсто этого бульвара въ связи съ находящимися вблизи старинными постройками (присутственныя мѣста, соборъ, мостъ-віадукъ), — одинъ изъ самыхъ живописныхъ, красивыхъ и оригинальныхъ уголковъ въ городѣ. Почти въ центрѣ его такъ неожиданны зеленый откосъ живописнаго оврага со спускающимися въ него удивительно красивыми старыми деревьями и перекинутымъ черезъ его глубину высочайшимъ мостомъ. Съ аллеи бульвара, какъ и съ

моста, открывается видъ за Оку. Самое красивое зданіе изуродовало бы весь характеръ этого мѣста, привлекательнѣйшей части города. Нелѣпость и безобразіе этой затѣи тѣмъ очевиднѣй, что въ городѣ много пустопорожнихъ мѣстъ и нѣтъ ни малѣйшихъ основаній уродовать его въ угоду удобствъ временно существующаго управленія желѣзной дороги. Право, существуетъ особый отдѣлъ преступности, еще не вошедшій въ уголовный кодексъ, — преступность безвкусныхъ, антихудожественныхъ, варварскихъ проектовъ.

Варшавское общество охраны памятниковъ древности заботливо относится къ возстановленію «Стараго мѣста», наиболѣе древней части города, владѣя уже здѣсь своимъ домомъ. Одну изъ стариннѣйшихъ построекъ, домъ князей Мазовецкихъ XIV в., пріобрѣло «Общество любителей исторіи» и намѣрено капитально его ремонтировать на крупное пожертвованіе въ 50.000 рублей.

Въ газетѣ «Южная Русь» (Херсонъ) въ статьѣ «Защита старины» сообщается, будто бы въ Казани раздаются голоса за снесеніе башни Сумбеки, какъ угрожающей паденіемъ. Голоса эти раздавались и раньше, но, разумѣется, допущеніе такого вандализма сейчасъ невозможно.

Въ Ковнѣ еще въ декабрѣ состоялось открытіе мѣстной Ученой Архивной коммисіи. Для работъ членовъ установленъ рядъ отдѣловъ, между прочимъ, по устройству археологическаго музея, по охранѣ и изслѣдованію памятниковъ старины.

Московскимъ иконописцемъ Дикаревымъ въ Веневскомъ монастырѣ (XV в.), Тульской губерніи, найдены старинныя иконы и фрески XVII в. подъ позднѣйшими записями и шпаклевками.

Въ Елисаветградѣ мѣстнымъ обществомъ распространенія грамотности и ремеслъ устраивается большая выставка съ 7 отдѣлами, въ числѣ которыхъ отдѣлы памятниковъ старины, картинъ, рисунковъ, гравюръ, скульптуры художниковъ разныхъ эпохъ, изъ коллекцій мѣстныхъ владѣльцевъ и учрежденій.

Также и въ программу выставки въ Симферополѣ входятъ старинная живопись, античное искусство, крымская старина и пр.

Состоялись доклады: въ Обществѣ Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины — Н. П. Рѣпникова «Отчетъ о регистраціи въ 1912 году памятниковъ старины Ладожскаго уѣзда» (продолженіе перваго доклада), въ Обществѣ Архитекторовъ-Художниковъ — А. Е. Бѣлогруда «О реставраціи Батуринскаго дворца», въ Обществѣ Любителей Древней Письменности — Н. П. Лихачева «Иконописныя замѣтки» и П. Н. Столпянскаго: въ Императорскомъ Обществѣ-Архитекторовъ «Старый Петербургъ и его историческій планъ» и въ Имп. Обществѣ Садоводства «Старый Петербургъ — Сады и садоводство XVIII в.». — А. Р — въ.

СВѢДѢНІЯ ИЗЪ ЗА ГРАНИЦЫ.

Интересное изслѣдованіе базилики Эмилія на Римскомъ форумѣ произвелъ д-ръ Бартоли. Между прочимъ, ему удалось открыть среди фронтальныхъ пилястровъ рядъ замурованныхъ кладовокъ (средневѣковыя таверны) и подъ ними нѣсколько болѣе просторное помѣщеніе съ нишею, украшенное по стѣнамъ мраморомъ и живописью. Это, вѣроятно, ораторій, возведенный еще въ VII вѣкѣ.

Въ виллѣ Мальта въ Римѣ только что открытъ украшенный фресками Марчелло Фоголино (XVI в.) фризъ. Фрески изображаютъ фигуры, опирающіяся на античныя вазы, нимфъ, ведущихъ львицу, игры дѣтей и животныхъ, амура на черепахѣ, и тому подобныя сцены.

Нашъ сотрудникъ Л. Вентури установилъ недавно принадлежность Рафаэлю фигуры «Силы» и всей большой фрески пророковъ и сивиллъ въ Коллегіи дель Камбіо въ Перуджѣ, а также Ecce homo Перуджійской пинакотеки.

Въ настоящее время въ Флорентійскомъ Баттистеріи замѣняютъ алтарь барокко древне-романскимъ, всѣ фрагменты котораго были найдены вмѣстѣ съ рисунками, относящимися къ эпохѣ его разрушенія.

Въ Компьенскомъ Лѣсу на Mont Berny открыли развалины римскихъ термъ и храма, о существованіи которого подозрѣвали еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Кромѣ того, найдено много древне-галльскихъ утвари и оружія. Вещи эти будутъ сданы въ галло-римскій музей въ С.-Жерменѣ.

Въ Античной галереѣ Лувра выставлена копія Арльской Венеры въ томъ видѣ, какъ она существовала до реставраціи Жирардона, произведенной въ XVII в. въ угоду вкусамъ времени.

Отель Biron въ Парижѣ впредь будетъ открытъ для публики, и сады его останутся въ неприкосновенномъ видѣ.

Основано новое общество друзей исторіи Парижа, подъ именемъ «Centre de Paris». Какъ показываетъ названіе, общество задается цѣлью изученія и защиты памятниковъ спеціально центра города (1 и 2 участковъ).

Въ двухъ залахъ Музея Чернуски въ Парижѣ устроена, при ближайшемъ участіи нашего соотечественника и сотрудника В. В. Голубева, выставка буддійскаго искусства — самыхъ разнообразныхъ видовъ скульптуры и живописи Индіи, Китая, Японіи и Тибета. Тутъ же выставленъ рядъ фотографій, исполненныхъ въ Индіи ученой экспедиціею подъ руководствомъ В. В. Голубева. Выставка продлится до конца іюня.

Въ Герцогенбосхѣ, знаменитомъ своимъ соборомъ голландскомъ городѣ, лѣтомъ открывается выставка стараго церковнаго искусства, съ особенно полными отдѣлами церковнаго облаченія и металлической утвари.

Недавно произведено забавное открытіе, что долгое время считавшіеся античными барельефы съ изображеніемъ экзотическихъ жи-

вотныхъ вокругъ извѣстнаго мраморнаго источника, открытаго якобы, при раскопкахъ въ Помпеѣ, — не что иное, какъ копія великолѣпныхъ гравюръ (1513 — 1515 гг.) Альбрехта Дюрера. Поддѣлыватель, конечно, не подозрѣвалъ, что, слѣдуя въ своей скульптурѣ рисункамъ какой нибудь естественной исторіи XVIII в., онъ копируетъ созданія великаго мастера, и тѣмъ оставляетъ противъ себя неотразимую улику, раскрыть значеніе которой не пришлось, однако, въ теченіе почти двухъ столѣтій.

Въ городскомъ Франкфуртскомъ (на Майнѣ) собраніи скульптуръ произведены существенныя перестановки, а также сдѣланы нѣкоторыя пріобрѣтенія, изъ которыхъ выдаются торсы одѣтой женщины (V в.), стройнаго юноши (IV в.), натягивающей лукъ Артемиды (IV в.) и нѣкоторыя произведенія позднѣйшихъ эпохъ.

Открылось расширенное помѣщеніе городского музея въ Эльберфельдѣ, въ которомъ обращаютъ вниманіе собраніе керамикъ Вейербуша, почти всѣхъ европейскихъ мануфактуръ, и красиво отдѣланная комната фарфоровъ; изъ картиннаго отдѣленія интересна уютная коллекція голландскихъ мастеровъ XVII вѣка.

Нюренбергскій музей также пополнился весьма важными пріобрѣтеніями, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ надо поставить Мадонну съ Младенцемъ Ханса Бальдунга Грина (1530 г.). Весьма интересны также статуя апостола Петра (вторая пол. XVIII в.) и красиво раскрашенная деревянная (липовая) скульптура — Плачъ о Христѣ.

Перевѣски въ Старой Пинакотекѣ до неузнаваемости преобразили галерею. Въ особенности выиграла зала ванъ Дейка.

Нью-Іоркскій Метрополитэнъ-Музей пріобрѣлъ, такъ называемый, алтарь св. Мареы Корреджо, прежде находившійся въ Англіи въ знаменитомъ собраніи Ашбертонъ, и принадлежащій, несомнѣнно, къ юношескимъ работамъ мастера.

Отнынѣ можно считать почти окончательно установленнымъ, кого изобразилъ Рафаэль въ знаменитомъ портретѣ кардинала изъ Музея Прадо. Это епископъ Уэльскій Матвѣй Шиннеръ, получившій мантію въ 1511 г. и умершій въ 1522 г. Таково авторитетное мнѣніе Роберта Дуррера.

Б. Мосоловъ.

Берлинъ. — Л. Юсти намѣревается устроить въ Берлинѣ «національную портретную галерею» на подобіе лондонской National-Portrait-Gallery. Въ основаніе ея будетъ положено собраніе портретовъ, отобранное недавно изъ состава коллекціи музея на Museumsinsel.

ИмператоромЪ уже утвержденЪ проектЪ, по которому все зданіе Строительной академіи (Bauakademie) отходитЪ подЪ новую галерею. ВЪ первомЪ этажЪ будутЪ размЪщены портреты среднихЪ вЪковЪ, печати, миніатюры и т. п., а также портреты эпохи реформаціи; тутЪ будетЪ находиться на ряду сЪ писанными — большое число гравюрЪ, ксилографій и медалей. ВЪ этомЪ же этажЪ будутЪ устроены помЪщенія для администраціи и для научныхЪ занятій. Средній этажЪ предназначенЪ для портретовЪ періода 1550 — 1830 гг., которые при этомЪ будутЪ размЪщены группами вЪ отдЪльныхЪ залахЪ, а именно: эпоха великаго курфюрста, Фридриха Великаго, портреты классическихЪ поэтовЪ, философовЪ времени войны за освобожденіе Германіи, романтиковЪ вЪ художествЪ и литературЪ и т. д. Портреты новЪйшаго времени, начиная сЪ 1830 г., будутЪ помЪщены вЪ верхнемЪ этажЪ. И тутЪ, для большей наглядности, портреты будутЪ разставлены по группамЪ. По расчету Юсти, галерея будетЪ содержать ровно тысячу портретовЪ (Лондонская галерея содержитЪ 1.200).

ПослЪ трехлЪтняго спора, правленію БерлинскихЪ музеевЪ удалось, наконецЪ, доказать законность пріобрЪтенія имЪ алтарной картины изЪ Монфорте вЪ испанской Галиціи, работы ванЪ дерЪ Гуса. Уже вЪ 1910 году музеемЪ былЪ заключенЪ договорЪ на пріобрЪтеніе этой картины за милліонЪ пезетЪ золотомЪ. Правительство и императорЪ стояли за пріобрЪтеніе этой картины, которое, однако, удалось только сЪ большимЪ трудомЪ. Картина была вЪ 1593 году принесена архіепископомЪ севильскимЪ РодригесЪ де Кастро вЪ дарЪ монастырю и церкви вЪ Монфорте. КакимЪ образомЪ она досталась де Кастро — неизвЪстно. Іезуиты преобразовали монастырь вЪ коллегію, которая просуществовала до изгнанія ихЪ изЪ Испаніи вЪ 1767 году. Коллегія была затЪмЪ преобразована вЪ семинарію, позднЪе вЪ свЪтскую коллегію, а послЪдніе сорокЪ лЪтЪ здЪсь помЪщалась школа, устроенная монахами Escuelas Pias, называемыми Escolapios. СтЪсненные вЪ средствахЪ, монахи рЪшили продать картину, на что, однако, не соглашались попечители монастыря, да и правительство испанское желало пріобрЪсти ее для музея Прадо и даже собиралось издать законЪ, запрещающій вывозЪ картины изЪ Испаніи, считая ее принадлежащей правительству на томЪ основаніи, что при изгнаніи іезуитовЪ ихЪ имущество было конфисковано. Несмотря на то, что и герцогЪ Альба ходатайствовалЪ передЪ кабинетомЪ Каналехаса о запрещеніи продажи картины, германское правительство всетаки настояло на своемЪ, и картина наконецЪ перешла во владЪніе Берлинскаго музея.

Эта, совершенно не извЪстная до послЪдняго времени, картина написана ванЪ дерЪ ГусомЪ около 1470 года; величина ея 2 $\times$ 3 метра. На ней изображена Богоматерь, сидящая передЪ развалиной хижины; на колЪняхЪ она держитЪ Младенца, который смотритЪ влЪво на колЪнопреклоненнаго Іосифа; справа подходятЪ волхвы. На заднемЪ планЪ красивый деревенскій пейзажЪ сЪ прудомЪ. ПріобрЪтеніе этой картины является весьма удачнымЪ обогащеніемЪ Берлинскаго музея, обладающаго самой полной коллекціей произведеній старо-нидерландской школы, начиная сЪ Гентскаго алтаря.

По инициативѣ великаго герцога Гессенскаго въ Дармштадтѣ въ прекрасномъ выставочномъ помѣщеніи Ольбриха будутъ устраиваться періодическія выставки частныхъ коллекцій. Недавно была открыта первая изъ нихъ, а именно — картинъ коллекціи К. Ланга. Здѣсь, между прочимъ, выставлены произведенія лучшихъ голландскихъ художниковъ XVII в., «Играющій на арфѣ Давидъ» — Рембрандта, «Амуры съ гирляндами изъ плодовъ» — Рубенса. Среди пейзажей выдаются работы Гойена, Хоббемы и другихъ. Имѣется также одна картина Ф. Хальса. Изъ произведеній французской школы слѣдуетъ упомянуть «Іо» — работы Бушэ, а англійская живопись представлена портретами Рейнольдса, Лоренса и другихъ.

6 и 7 мая въ Берлинѣ будетъ продаваться съ аукціона принадлежащая Эртелю богатая коллекція нѣмецкихъ скульптуръ. Около 34 номеровъ принадлежатъ ко времени до 1450 г.; приблизительно 160 — работы поздней готики и начала эпохи возрожденія. Большинство произведеній церковнаго характера южно-германскаго производства. Среди работъ изъ мастерскихъ Швабіи, Баваріи, Тироля и Зальцбурга встрѣчаются большія рѣдкости.

W. Norbert.

ОБЪ АУКЦІОНАХЪ И ПРОДАЖАХЪ.

Какъ передаютъ газеты, въ Военно-Походной Канцеляріи находится литографія «Воцареніе Михаила Θеодоровича» съ рисунка Г. Львова, отпечатанная въ сороковыхъ годахъ у К. Поля. Листъ этотъ, говорятъ, проданъ за 5.000 р. Всякій, кто хоть какое либо касательство имѣетъ къ художественному рынку, увидитъ всю безобразность такой цѣны, но она представляется еще болѣе дикой послѣ обнаруженія полной несостоятельности пущенной легенды о томъ, что литографія— уника, послѣ напечатанія которой доска была разбита. Въ скромномъ художественномъ интересѣ этой литографіи и, главное, въ томъ что она встрѣчается, могъ легко убѣдиться всякій, кто былъ на выставкѣ гравюръ и литографій «Придворная жизнь», устроенной Кружкомъ Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій: тамъ имѣлся оттискъ, принадлежащій I. I. Леману; кромѣ того, еще извѣстенъ рядъ экземпляровъ въ частныхъ собраніяхъ и у торговцевъ. Если въ данномъ случаѣ играли роль личныя соображенія, то хотѣлось-бы чтобы впредь они знали извѣстные предѣлы. Между тысячами и десятками рублей слишкомъ велика разница.

Мода на миніатюры принимаетъ чуть ли не бѣшеный характеръ. На распродажѣ въ галереѣ Ж. Пти собранія покойнаго Mannheim'а обратимъ лишь вниманіе на цѣны: въ 50.100 фр. за предполагаемые портреты Франклина и его жены, эмалью, безъ подписи, приписанные Weyler'у, и въ 40.000 фр. — за вставленную въ золотую табакерку миніатюру van Blarenberghe'а, изображавшую какой то праздникъ съ огромнымъ количествомъ нарядныхъ гостей. Далѣе, продолговатая золотая коробочка съ эмалированной китайщиной, марка генеральнаго откупщика J. Berthe (20.000 фр.); другая золотая эмалированная продолговатая коробочка съ вакхическими сюжетами гризалью, марка генеральнаго откупщика Prevost (22.500 фр.), и 3 небольшихъ золотыхъ Клодіоновскихъ медаліона съ легкими барельефными изображеніями сценъ изъ жизни сатировъ и нимфъ, марка Fouache (14.600 фр.). Гораздо слабѣе было съ картинами. Правда, 38.000 фр. заплатили за «Дѣвушку съ голубкомъ» — анонимную работу XVIII в., но затѣмъ лучшіе холсты пошли за весьма скромныя, сравнительно, суммы и почти сплошь ниже оцѣнокъ: семейный портретъ К. ванъ Лоо — 16.500 фр., 4 Гварди — 26.000 фр., 2 Г. Робера 18.000 фр. Неудивительно послѣ этого, что 14.500 фр., вмѣсто желаемыхъ 25.000 фр., получилъ довольно деревянный пастельный портретъ неизвѣстной дѣвицы работы Росселя. Также ниже оцѣнки проданы терракоттовый бюстъ дѣвушки, приписанный Роллану (16.500 фр.), мраморная «Дѣвушка съ голубкомъ» временъ Людовика XVI (13.000 фр.) и большіе золоченой бронзы часы, той же эпохи, съ двумя циферблатами, неподвижнымъ и вращающимся, въ видѣ вазы — съ аллегорическими фигурами «науки» и «астрономіи» — (15.000 фр.). Ужъ не симптомъ ли это, что и XVIII вѣкъ, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ пріѣстся?

Особенно много хорошихъ и дорогихъ гравюръ перебывало за этотъ мѣсяцъ у Друо: «Домашнее счастье» Young'а по Хоппнеру

(7.000 фр.), «Деревенское развлеченіе» и «Деревенское занятіе» Dawe'а по Морланду (6.100 фр.), «Любовь» и «Безуміе» Жанинэ по Фрагонару (1.500 фр.), «Spectacle des Tuileries», двѣ гравюрки на одной доскѣ Г. де Сентъ Обэна, вторые отпечатки (11.000 фр.), и т. д. Около 800 японскихъ эстамповъ коллекціи г. Bermond дали 29.000 франковъ.

Собраніе г. Blumerd, проданное въ Бордо, имѣло ту особенность, что, будучи составлено во времена Революціи и Первой Имперіи, оно не подвергалось затѣмъ никакимъ измѣненіямъ и было недоступно для посторонняго любопытства. Составъ его, гдѣ преобладали поздніе италіанцы, испанцы и немодные фламандцы, обусловилъ, однако, малый успѣхъ распродажи. «Берега канала» ванъ Гойена (4.700 фр.) и «Праздникъ» Дрокслоота (4.200 фр.) были наиболѣе дорого оплачены.

На аукціонѣ гравюръ въ Лейпцигѣ, устроенномъ фирмою C. Boerner, о которомъ мы говорили въ прошломъ номерѣ «Старыхъ Годовъ», прекрасный оттискъ въ краскахъ Дебюкуровскаго «Менуэта новобрачной» далъ 6.200 м., «Посѣщеніе фермеромъ его замужней дочери» и «Возвращеніе въ деревню» Морланда дали 4.010 м., «Визитъ къ дѣдушкѣ» и «Визитъ къ бабушкѣ» Дж. Р. Смита — 4.580 марокъ.

У Лепке продавались картины изъ собранія г. Geza von Osmitz и другихъ владѣльцевъ. Прекрасный женскій портретъ А. Кэй (19.500 м.), «Урокъ танцевъ» Янсенса (4.200 м.) явились тутъ лучшими изъ довольно многочисленныхъ и недурныхъ фламандцевъ. За мужской портретъ Ж. Б. Лампи заплатили 4.150 м. и за портретъ графа Цинцендорфа работы Фюгера 11.900 марокъ.

Лондонское собраніе F. Baer'а, продававшееся въ галереѣ Хельбингъ въ Мюнхенѣ, заключало въ себѣ нѣсколько очаровательныхъ фарфоровыхъ фигурокъ: двухъ Кендлеровскихъ раскланивающихся арлекиновъ (5.300 м.), Хёхстскихъ Арлекина и Коломбину (8.800 м.) и крайне рѣдкаго арлекина (около 1770 г.) завода въ Фульдѣ (9.000 м.). Кое что заслуживало также вниманія въ собраніи фарфора, принадлежавшемъ г. Dasch и проданномъ въ Берлинѣ, въ особенности мейсенскія: двѣ пары влюбленныхъ Кендлера (5.950 м. и 7.100 м.) и четыре статуэтки — аллегоріи временъ года Эберлейна (6.700 м.).

Въ Римѣ скончался Пирмонтъ Морганъ. Не приходится много говорить о его значеніи, какъ коллекціонера — оно извѣстно каждому. Въ теченіе 25 лѣтъ, не отступая ни передъ какими суммами, не скупясь на вошедшіе въ пословицу красивые жесты въ пользу музеевъ различныхъ странъ, скупая en bloc огромныя коллекціи и отыскивая единичные шедевры, онъ составилъ собраніе, которому въ частныхъ рукахъ нѣтъ равнаго.

Скончался и его другъ — извѣстный коллекціонеръ J. H. Fitzhenry. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ въ Musée des Arts Decoratifs устроилъ выставку своего фарфора, послѣ чего часть его собранія была продана у Друо. — Е. Л.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

Къ исторіи возникновенія училища живописи, ваянія и зодчества въ Москвѣ.

Въ Отдѣленіи гравюръ Императорскаго Эрмитажа имѣется большой фотографическій портретъ съ подписью на немъ: «М. Тулиновъ 1868 г.», изображающій извѣстнаго художника и собирателя гравюръ Е. И. Маковскаго, отца цѣлой семьи художниковъ. На оборотной сторонѣ портрета находится слѣдующая его надпись:

«Въ Москвѣ съ Октября 1831 года основался натурный классъ, или Художественное общество живописи и ваянія. Первая мысль созданія общества подана мною. Еще въ ранней молодости, въ Звенигородѣ (Московской Губер.:) воспитываясь у крестнаго отца, чиновника Василья Марковича Короткаго, живя въ увѣшанныхъ старинными картинами и гравюрами комнатахъ, я возъимѣлъ страсть къ рисованію. Поэтому я упрашивалъ своего родного отца отдать себя въ ученье по живописи; но отецъ не согласился и совѣтовалъ поступить на службу. Такимъ образомъ я былъ опредѣленъ въ Звенигородскій магистратъ (1813 г.), откуда потомъ перешелъ въ Данковскій Уѣздный судъ, а затѣмъ, въ Московскую Удѣльную контору. Въ свободные часы отъ службы, я занимался копировкою съ эстамповъ, которые я постоянно собиралъ. Наконецъ въ 1827 году, поступилъ въ Экспедицію Кремлевскаго строенія Бухгалтеромъ и посѣщая Дворецъ, гдѣ еще прежде меня заинтересовали картины Зейдемана, писанныя сепіею, я пожелалъ копировать съ нихъ, и вотъ въ 1831 году были кончены два рисунка большого размѣра: Купидонъ и Магдалина. При копированіи съ этихъ картинъ обнаружилась моя неподготовка къ рисованію съ натуры, а потому во мнѣ возникло желаніе по серьезнѣе поучиться живописи. Вслѣдствіе этого я предложилъ своему знакомому художнику Александру Сергѣевичу Ястребилову нанять комнату, поставить натурщика и заняться рисованіемъ. Комната была нанята возлѣ литографіи Ястребилова за 20 р. въ мѣсяцъ, но какъ денежныя средства наши были ограничены, то мы придумали пригласить своихъ знакомыхъ для совмѣстнаго рисованія и участія въ расходахъ. Затѣмъ нанятъ былъ натурщикъ Федоръ, сдѣлана лампа и рисованіе началось.

Первоначально Художественное общество составляли слѣдующіе члены: бывшій при Московскомъ военномъ Генералъ-Губернаторѣ адъютантомъ Федоръ Яковлевичъ Скарятинъ, пожертвовавшій для класса 100 р., художники два брата Василій и Алексѣй Степановичи Добровольскіе, Иванъ Трофимовичъ Дурновъ, Иванъ Петровичъ Витали и другіе любители члены.

Князь Дмитрій Владиміровичь Голицынъ, посѣтивъ классъ и одобривши выставленныя съ натурными рисунками и мои копіи Купидона и Магдалины и въ видахъ поощренія къ занятію художествамъ, пригласилъ въ члены общества любителей изъ Московскаго Дворянства съ годовою платою по 250 руб., почему основатели общества освободились отъ дальнѣйшей платы.

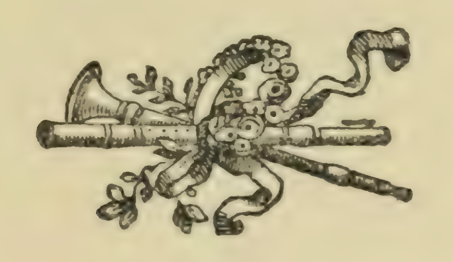
Съ увеличеніемъ числа членовъ для класса нанята была другая, болѣе удобная квартира. Здѣсь нельзя не упомянуть съ благодарностью о директорѣ общества Генералъ-Маіорѣ Михайлѣ Феодоровичѣ Орловѣ, помогавшемъ обществу своими денежными средствами въ самое тяжкое время для класса.

Въ 1833 году помощникъ Директора общества А. С. Добровольскій ѣздилъ въ Питеръ, для представленія въ Академію Художествъ натурныхъ рисунковъ и первая награда серебряная медаль была присуждена мнѣ.

По ходатайству Гражданскаго Губернатора Синявина былъ купленъ для класса домъ Юшкова, напротивъ Почтамта, а затѣмъ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе объ ежегодномъ отпускѣ изъ казначейства по 6000 р. сер. на содержаніе общества; съ этой минуты существованіе въ Москвѣ Художественнаго общества, о чемъ первая мысль принадлежитъ мнѣ, сдѣлалось прочнымъ. Затѣмъ по упраздненіи состоявшаго при Московской Дворцовой Конторѣ Дворцоваго Архитектурнаго Училища, оно присоединено къ художественному обществу, (съ асигнованіемъ каждогодно еще по 6000 р. сер.) при которомъ возникло также и донынѣ существующіе Училище живописи, Ваянія и Зодчества.

Егоръ Маковскій».

Сообщ. В. Адарюковъ.



ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ дополненіе къ сообщенному о статуяхъ Лѣтняго сада въ статьѣ В. Я. Курбатова, помѣщенной въ февральской книжкѣ, полагаю небезынтереснымъ привести здѣсь отрывокъ изъ мемуаровъ извѣстнаго авантюриста Казановы, касающійся тѣхъ же статуй.

Казанова былъ въ Петербургѣ съ декабря 1764 по октябрь 1765 г. Вотъ его слова въ переводѣ съ французскаго:

«Прогуливаясь въ одиночествѣ въ Лѣтнемъ саду, я разсматривалъ статуи, поставленныя по бокамъ аллеи. Статуи эти, сдѣланныя изъ плохого камня и съ весьма дурнымъ вкусомъ, были особенно смѣшны вырѣзанными подъ ними именами. Статуя плачущей женщины оказывалась Демокритомъ; подъ другой, съ такимъ разинутымъ ртомъ, что, казалось, ротъ разорвется, стояло имя Гераклита. Длинно-

бородый старецъ носилъ имя Сафо, а старуха съ оголенной тощей грудью была названа Авиценной. Все было въ этомъ же духѣ.

Я еще смѣялся этимъ несообразностямъ, когда увидѣлъ Царицу, шествовавшую съ двумя дамами, съ графомъ Григоріемъ Орловымъ, шедшимъ нѣсколько впереди ея, тогда какъ графъ Панинъ шелъ рядомъ съ Императрицей по лѣвую ея руку. Я посторонился, чтобы дать имъ пройти, но Императрица, поровнявшись со мной, спросила меня съ усмѣшкой, былъ ли я заинтересованъ красотой этихъ статуй. Я ей отвѣтилъ, слѣдуя за нею, что мнѣ казалось, что эти статуи поставлены съ цѣлью произвести впечатлѣніе на невѣжественныхъ людей (sots) или съ цѣлью разсмѣшить тѣхъ, которые нѣсколько знакомы съ исторіей.

‚Все, что я о нихъ знаю, сказала Императрица, это что обманули мою добрую тетушку, которая къ тому же не старалась доискаться истины въ подобныхъ мелочахъ. Надѣюсь, впрочемъ, что все то, что Вы видѣли у насъ, не показалось Вамъ столь же смѣхотворнымъ какъ эти статуи‘.

Я бы погрѣшилъ противъ правды и противъ вѣжливости, еслибы не отвѣтилъ, на это приглашеніе высказаться, словами, что въ Россіи немногое смѣхотворное составляетъ только тѣнь той величественной картины, которой нельзя не восторгаться».

Любопытно бы доискаться, въ числѣ сохранившихся статуй существуютъ ли подходящія подъ описаніе Казановы, хотя названія безъ сомнѣнія были уже давно исправлены. — Х. Б.

Прим. ред. Несоотвѣтствіе сюжетовъ и подписей наблюдалось еще очень недавно, и исправлено лишь при послѣдней реставраціи въ 1911 — 1912 гг.

Редакторъ-издатель П. П. Вейнеръ.

ИЗДАНІЯ

КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКИХЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНІЙ:

ПОЭМА

Гр. А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

РАЗСВѢТЪ

Съ 8 офортами художника ПЯТИГОРСКАГО.

Цѣна 10 руб.

Подписчики «Старыхъ Годовъ» и лица, выписывающія непосредственно изъ конторы Редакціи, пользуются уступкою въ 20%.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

ПРИДВОРНАЯ ЖИЗНЬ 1613—1913.

КОРОНАЦІИ, ФЕЙЕРВЕРКИ, ДВОРЦЫ.

ВЫСТАВКА ГРАВЮРЪ И РИСУНКОВЪ.

Каталогъ составленъ Е. Г. Лисенковымъ, со вступительной статьей Н. В. Соловьева.

Отпечатано въ ограниченномъ количествѣ, съ 1 геліогравюрою и 11 фототипіями.

Цѣна 3 руб.

ТИПОГРАФІЯ «СИРІУСЪ» САНКТПЕТЕРБУРГЪ, РЫНОЧНАЯ, 10.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

ILLUSTRATIONS

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ

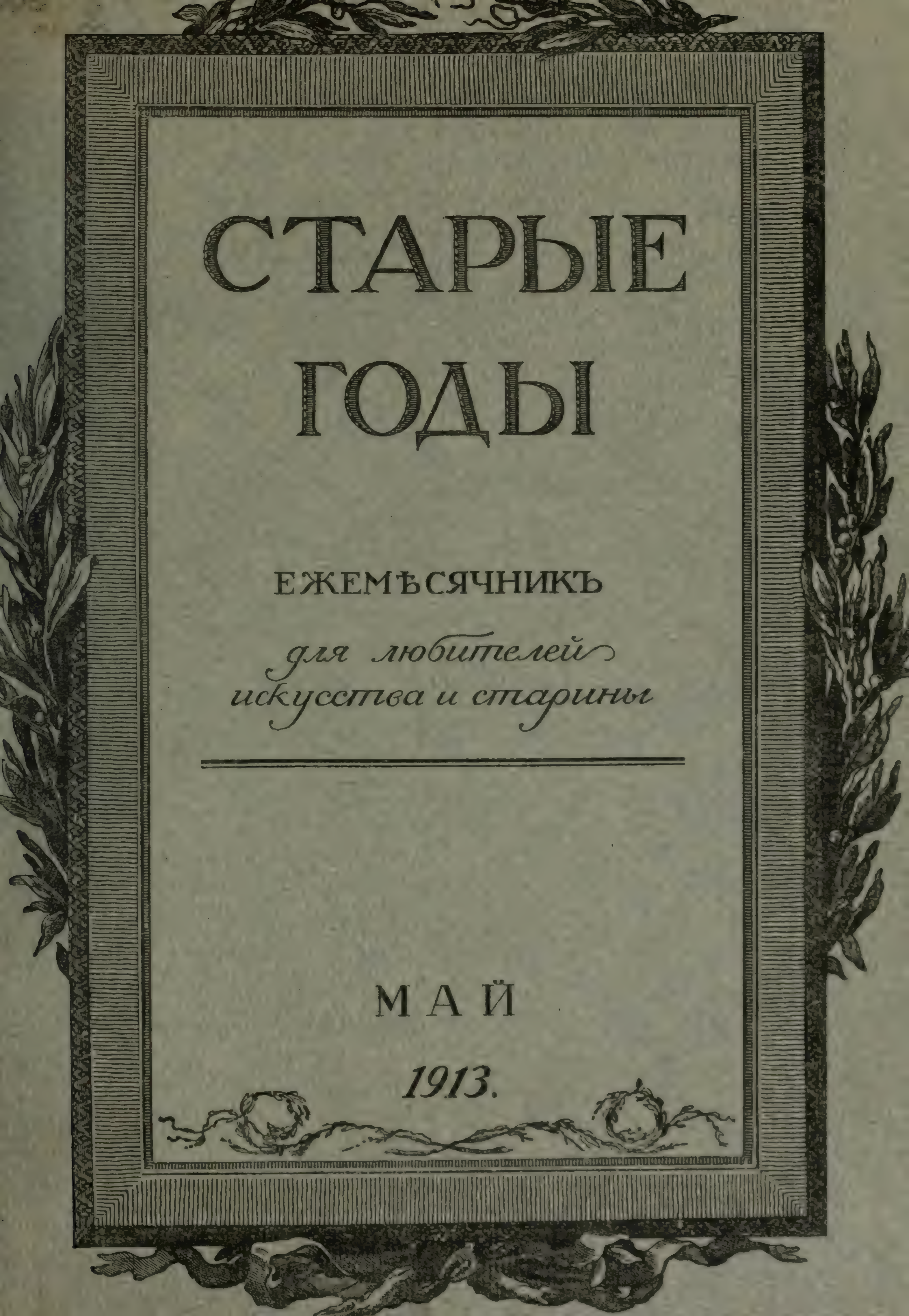
для любителей искусства и старины.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1913 ГОДЪ:

съ доставкой въ Россіи 10 р.,

безъ доставки 9 р., за границу 40 франковъ.

Контора редакціи: СПБ. Рыночная, 10 (тип. «Сиріусъ»).



СТАРЫЕ
ГОДЫ
ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ
для любителей
искусства и старины
МАЙ
1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ

TABLE

Виньетки воспроизведены изъ книгъ:

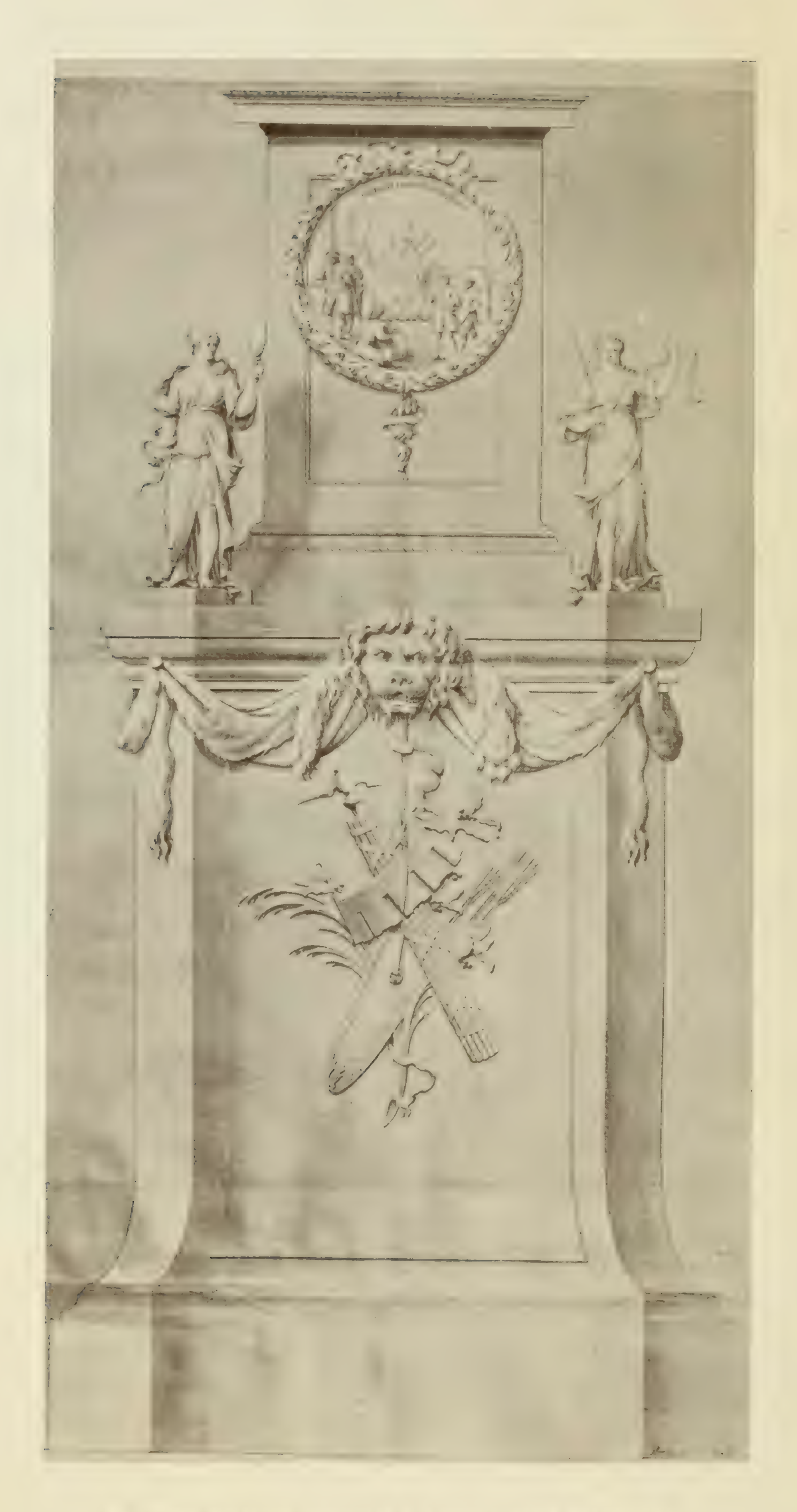
на стр. 3, 21, 22. 32, 33, 41, 42, 45, 46, 50, 51, 54, 55, 58, 59, 60 — La divina Commedia di Dante Alighieri, Venezia. A. Zatta. 1757.

» » 19 — Discours historiques, critiques, théologiques et moraux... par M. Saurin. Amsterdam. 1720.

СТАРЫЕ ГОДЫ

МАЙ

1913.



Н. Пино: Рисунокъ пьедестала для статуи Петра Великаго (?).
(Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Modele d'un piédestal pour une statue de Pierre le Grand (?).
(Musée des Arts Décoratifs. Paris).

РИСУНКИ

НИКОЛАЯ ПИНО,

ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ДЛЯ РОССІИ.

DENIS ROCHE:

Les dessins de Nicolas Pineau pour la Russie.

На долю Николая Пино выпала удача, очень рѣдкая для художника, большая часть произведеній котораго уничтожена: сохранилось множество его рисунковъ. Онъ всѣ ихъ завѣщалъ сыну, «который занимается тѣмъ же искусствомъ», и сынъ въ свою очередь передалъ ихъ своимъ дѣтямъ, и такъ какъ художество процвѣтало среди потомковъ Пино вплоть до нашихъ дней, то и рисунки эти оставались въ его семьѣ до 1870 г. Къ этому времени они оказались въ рукахъ архиваріуса Emile Biais, который часть ихъ продалъ А. А. Половцову и г. Beurdeley (это тѣ, что нынѣ принадлежатъ Музею Штиглица). Другую часть онъ уступилъ барону Пишону, и они, вмѣстѣ съ остававшимися у него рисунками, нашли окончательный пріютъ въ Музеѣ Декоративныхъ Искусствъ въ Парижѣ. Большое число послѣднихъ уже вошло въ прекрасное изданіе, * а Музей Штиглица, минувшей осенью устроившій выставку своихъ листовъ, также вскорѣ обѣщаетъ ихъ издать.

Ознакомленіе съ художественной личностью Пино тѣмъ легче, что еще при жизни его были изданы нѣкоторые изъ его рисунковъ. Въ «L'Architecture française» Маріетта (1727—1738) и въ «L'Architecture à la Mode» г. Дэзэръ отмѣтилъ болѣе 60 плановъ, гравированныхъ съ композицій Пино; въ «Cours d'Architecture» Блондэля — девять; наконецъ, самъ художникъ выпустилъ листы съ рисунками плафоновъ, консолей, медалье, кроватей и т. д. Съ другой стороны, въ біографіи семейства Пино, написанной E. Biais (1892 г.), и въ трудѣ L. Deshairs, изданномъ Музеемъ Декоративныхъ Искусствъ, помѣщенъ цѣлый рядъ документовъ о художникѣ. Многіе другіе обнародованы въ «Художественныхъ Сокровищахъ Россіи» и въ «Старыхъ Годахъ»; кромѣ того,

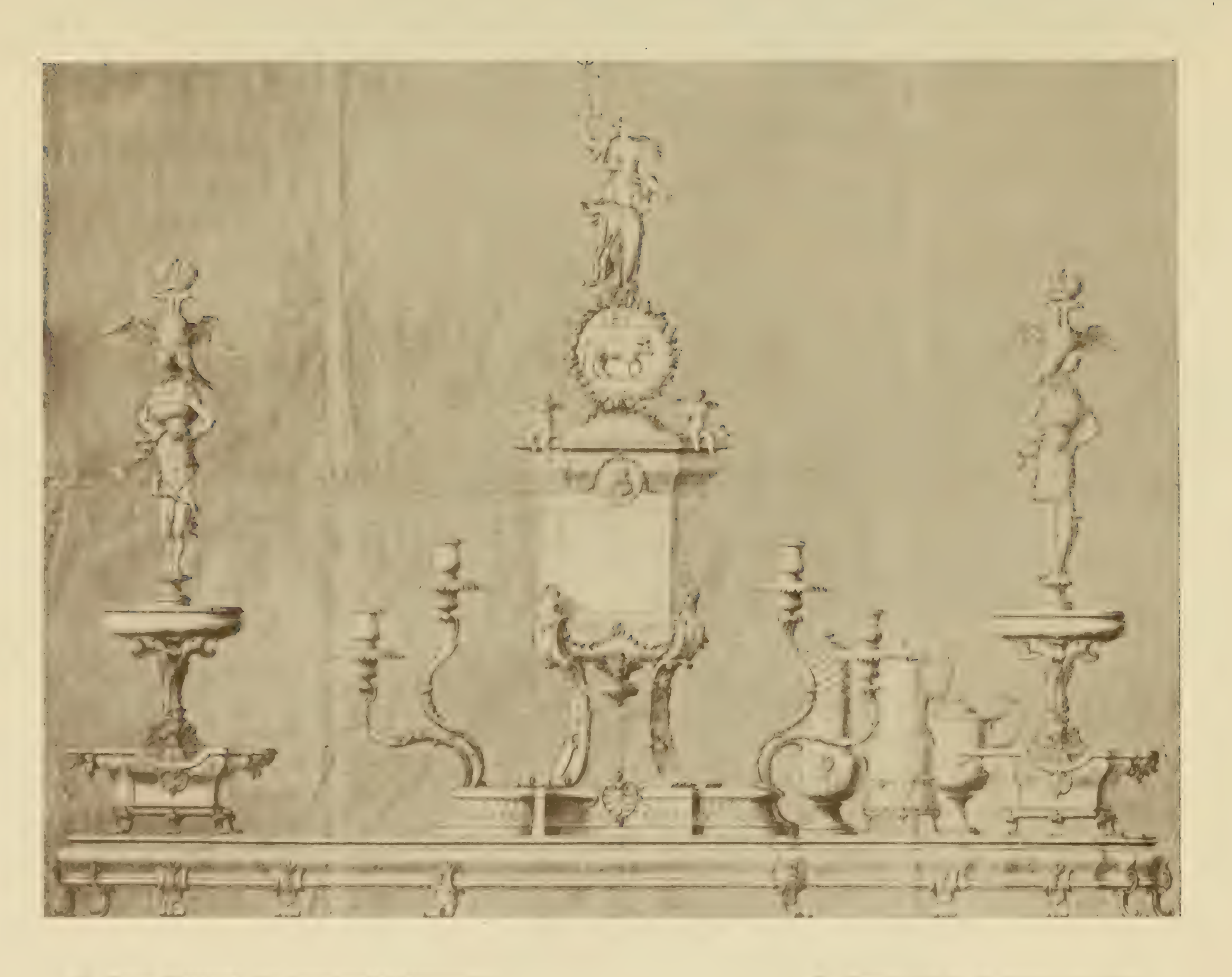
* Léon Deshairs: Les dessins du Musée et de la Bibliothèque des Arts Décoratifs. Nicolas et Dominique Pineau. Paris, 1911, f°. XXXIX стр. и 100 таблицъ.

А. И. Успенскій любезно подѣлился съ нами своими выборками изъ дѣлъ «Канцеляріи Строеній» и, наконецъ, мы лично нашли нѣкоторыя указанія въ петербургскихъ архивахъ, во время поисковъ для работы о французскихъ художникахъ въ Россіи. Поэтому естественна попытка собранія воедино всѣхъ свѣдѣній о петербургскомъ періодѣ Пино и порядковаго размѣщенія его рисунковъ этого времени. Очевидно, и послѣ этого останутся невыясненными нѣкоторые вопросы, но мы надѣемся, что наши предположенія будутъ развиты и дополнены нашими русскими собратьями. Предшественники наши по изученію Пино обнародовали только рисунки спеціальнаго интереса или высокаго художественнаго значенія; такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло со множествомъ неизданныхъ. Изъ общаго числа 580-ти рисунковъ Николая и Доминика Пино, первому принадлежатъ 452; въ книгѣ г. Дэзэръ ихъ опубликовано всего 208.

Николай Пино дѣйствительно былъ большимъ художникомъ, плодовитымъ и приспособляющимся, и Жану Лефорту повезло, когда онъ его пригласилъ на службу къ Петру Великому. Значеніе этого приглашенія, пожалуй, равноцѣнно призыву Леблона. Весьма возможно, что именно послѣдній указалъ на Пино россійскому агенту; художники были сверстниками и, говорятъ, уже работали вмѣстѣ. [1] Если бы они остались во Франціи, они бы несомнѣнно оставили послѣ себя замѣчательныя произведенія; Леблонъ успѣлъ отличиться еще до своего отъѣзда, а Пино обратилъ на себя общее вниманіе по возвратѣ изъ Россіи.

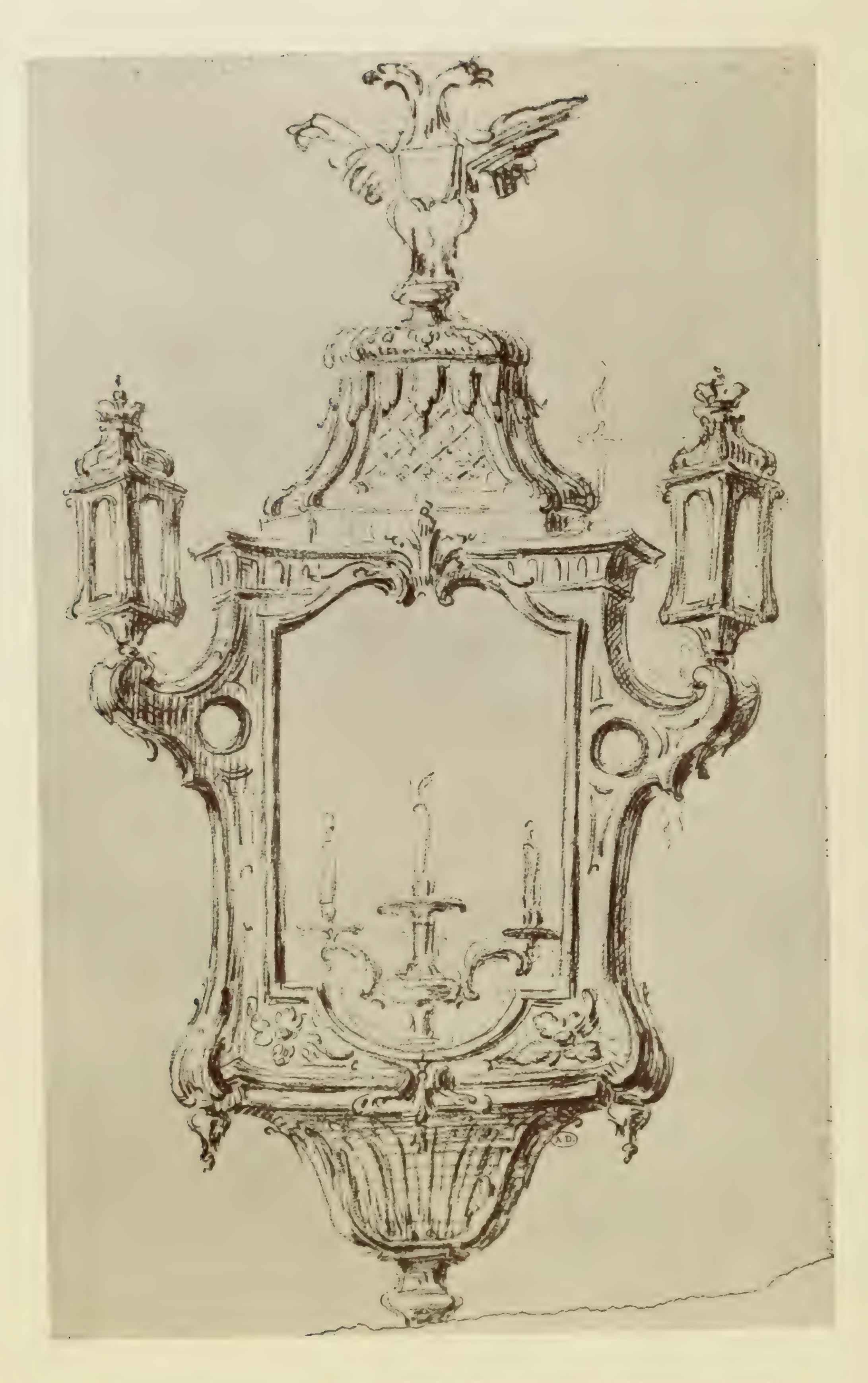
Совершенно невѣрно пишутъ во Франціи, [2] будто Лефортъ пригласилъ «Николая Пино и свояка его Луи Каравака». Послѣдній подписалъ контрактъ 13 ноября 1715 г., въ одинъ день съ Леблономъ и Растрелли, а Пино — лишь 26 февраля 1716 г. Притомъ, если Каравакъ впослѣдствіи и сталъ свояком̆ Пино, то этого свойства еще не было при его отъѣздѣ. Къ этому времени Пино шелъ 32-й годъ; родился онъ 8 октября 1684 г. Отецъ его Жанъ-Батистъ (портретъ котораго сохранился), былъ въ сношеніяхъ съ Jules Hardouin-Mansard, племянникомъ великаго архитектора Людовика XIV, и, говорятъ, работалъ въ Версали, а также, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, въ Petit-Bourg, замкѣ, гдѣ царя Петра принималъ герцогъ d'Antin. Повидимому, отецъ уже умеръ, когда сынъ принялъ зовъ въ Россію; [3] онъ, однако, успѣлъ дать ему первые уроки; дальнѣйшіе въ области архитектуры онъ получилъ отъ Hardouin-Mansard и Boffrand, но, кромѣ того, прошелъ курсъ скульптуры въ Академіи св. Луки и работалъ у Куазевокса и Тома Жермэна. Во время пребыванія въ Ліонѣ, онъ женился на Anne-Marie Guillaume, dite Simon, сестра которой впослѣдствіи вышла за Каравака. Возможно, что жена ему помогала въ калькированіи и тому подобныхъ работахъ, такъ какъ она рисовала вообще и сохранился альбомъ, въ который ею срисованъ рядъ гравюръ. Въ Россію онъ уѣхалъ въ сопровожденіи тещи, свояченицы и двухъ скульпторовъ Barthélémy Guillaume (Simon?) и Nicolas Pérard.

День пріѣзда Пино въ Петербургъ неизвѣстенъ, но врядъ ли онъ далеко отстоялъ отъ 7 августа 1716 г., когда туда пріѣхалъ Леблонъ. Изъ контракта съ Пино видно, что онъ обязанъ былъ дѣлать «лям-

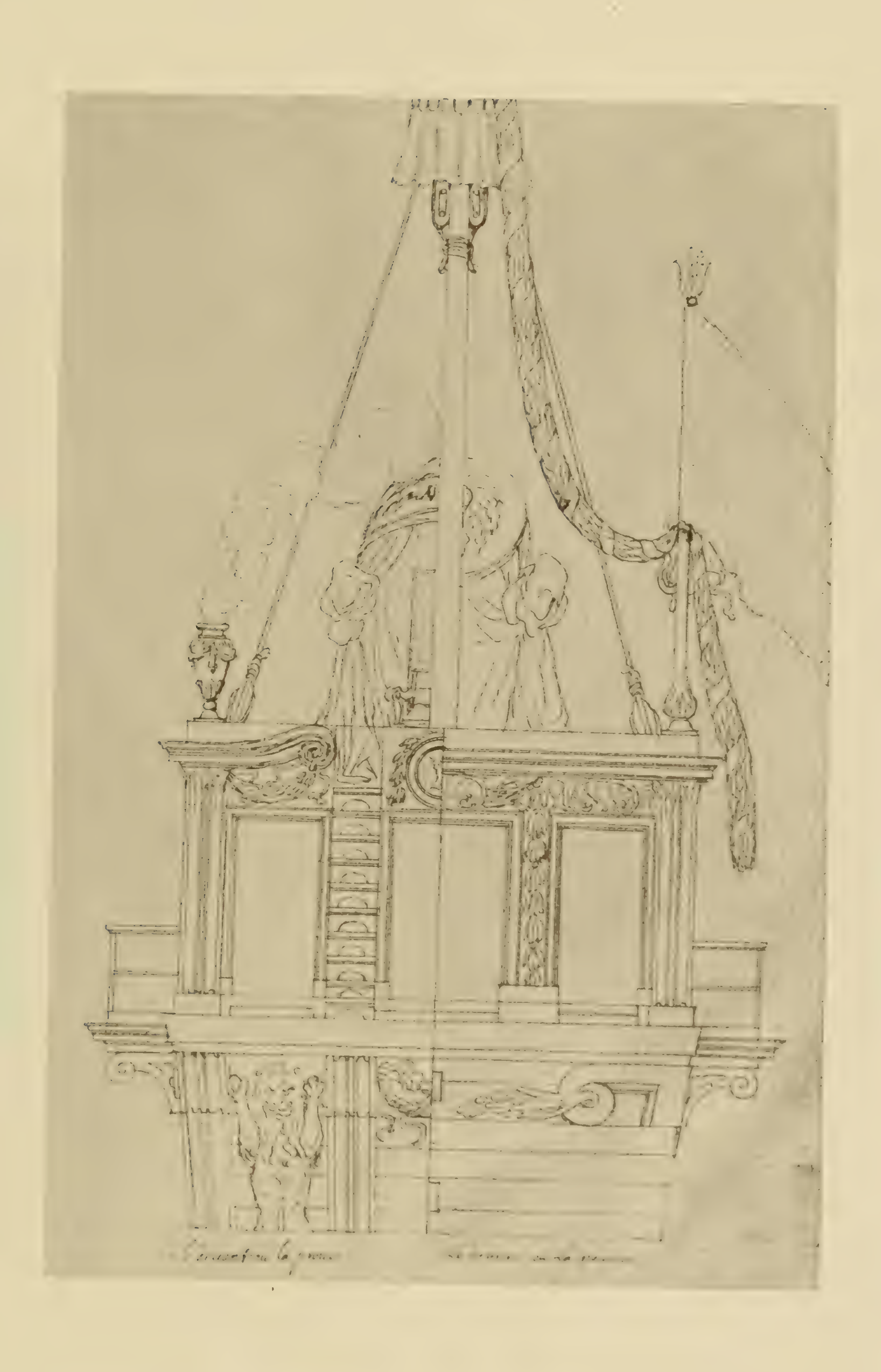


Н. Пино: Рисунокъ для настольнаго украшенія.
(Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).

N. Pineau: Projet de surtout de table.
(Musée des Arts Décoratifs. Paris).



Н. Пино: Рисунокъ для фонаря. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Projet de lanterne. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).



Н. Пино: Рисунокъ носа и кормы корабля.
(Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Dessins juxtaposés de la proue et de la poupe d'un bateau.
(Musée des Arts Décoratifs. Paris).

Н. Пино: Рисунки панно для обшивки кабинета Петра Великаго въ Петергофскомъ дворцѣ.
(Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Esquisses de panneaux de boiserie pour le Cabinet de Pierre le Grand à Péterhof.
(Musée des Arts Décoratifs. Paris).

бриды, двери, камины, рамы, столовыя ножки, геридоны, и прочіе уборы и рисунки». [4] Все это и многое другое онъ исполнилъ въ дѣйствительности, главнымъ образомъ — скульптуры и рисунки. До 1 ноября 1717 г. нѣтъ никакихъ указаній на его работы, а подъ этимъ числомъ Леблонъ жалуется, что мало рѣзчиковъ и работы тянутся, а потому предлагаетъ къ Пино, «который для этого одинъ съ товарищами», присоединить недавно прибывшихъ мастеровъ-скульпторовъ Saint-Laurent, Ruste и Follette съ товарищами [5]. Черезъ годъ послѣ этого рапорта Леблонъ умеръ, и этотъ фактъ, столь гибельный для художественныхъ замысловъ Петра, имѣлъ обратныя послѣдствія для Пино, позволивъ ему показать богатство своего дарованія, — значеніе его возросло; этимъ не хотимъ сказать, что онъ бы не проявилъ его и при жизни Леблона, но при данныхъ обстоятельствахъ онъ пересталъ ограничиваться деревянной рѣзьбою, а сталъ сочинять рисунки и образцы, которые осуществляли другіе скульпторы.

Въ то самое время, какъ онъ работалъ надъ деревянной обшивкой Петровскаго кабинета въ Петергофѣ, а можетъ быть и раньше этого, онъ сочинялъ и рисунки для предметовъ обстановки. Иные изъ нихъ очень совершенны въ исполненіи, хотя все еще робки и неловки. Въ нихъ опредѣленно отражается стиль Людовика XIV и г. Дэзэръ не затруднился отнести ихъ къ самому началу его дѣятельности. На нихъ изображены серебряныя издѣлія, фонари, столы, иная мебель. Настольное украшеніе, вѣроятно, предназначалось къ исполненію кѣмъ либо изъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, прибывшихъ въ Россію одновременно съ Пино (напримѣръ, Jean Lombard) и на слѣдующій годъ (Isaac Dublée, Delamothe или Jean Domes). На овальной подставкѣ среди четырехъ подсвѣчниковъ возвышается своего рода фонтанъ; онъ покоится на четырехъ женскихъ изогнутыхъ торсахъ, вродѣ тѣхъ, что встрѣчаются у Ватто, Жилло и Крессана и назывались тогда «espagnolettes». Такія же «эспаньолеты» видны на рожкахъ люстры, набросанной сангиною и изданной у г. Дэзэръ (№ 209); въ верхней части ея амуры играютъ съ орломъ; спустя десятокъ лѣтъ Пино снова пользуется ими для камина, заказаннаго А. И. Ушаковымъ (Дэзэръ, табл. LV). На крышкѣ фонтана сидятъ амуры и развѣваютъ ленты надъ обвитымъ гирляндою медальономъ съ портретомъ, повидимому, императрицы Екатерины Алексѣевны; увѣнчана ваза фигурою Славы, высоко подымающей вензель изъ двухъ «Е» подъ звѣздою и поставленной на вѣнокъ изъ незабудокъ, въ которомъ изображенъ волъ — зодіакальный знакъ апрѣля — и надпись «LE. 5». По любезному объясненію Г. И. Котова, это число обозначаетъ день рожденія царицы. Боковыя двухъярусныя вазы увѣнчаны фигурами Атланта, держащаго земной шаръ, на который усѣлся двуглавый орелъ съ одной короною. [6] На заднемъ планѣ рисунка видны сахарница, кофейникъ и кувшинчикъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это настольное украшеніе сочинено для царя, но мы не знаемъ исполнено ли оно вообще, по какому случаю и для какого дворца заказано.

Къ тому же времени относятся два проекта фонарей, смѣлаго и твердаго рисунка; общія очертанія напоминаютъ встрѣчаемыя въ ча-

сахъ Булля, увѣнчанныхъ своего рода куполомъ; здѣсь онъ замѣненъ россійскимъ орломъ. На одномъ изъ нихъ любопытная деталь, заимствованная отъ мѣстныхъ образцовъ: по бокамъ поставлены маленькіе орнаментальные фонари, выдѣляющіеся, точно крылья.

Тонкій и старательный рисунокъ кровати (Дэзэръ, табл. LXXV) исполненъ сангиною, и гравированъ уже послѣ возвращенія Пино на родину. [7] Это такъ называемый «lit en niche», «à impériale», съ перьями на балдахинѣ, но никакихъ царскихъ аттрибутовъ на немъ нѣтъ. Извѣстна, при этомъ, простота Петра Великаго въ личномъ обиходѣ, и потому можно предположить, что кровать предназначалась лишь для кого либо изъ придворныхъ. Замѣтимъ, однако, что Леблонъ въ письмѣ 1 ноября 1717 г. предлагалъ царю подобную обстановку: «Если ваше императорское величество желаетъ обставить аппартаменты Петергофскаго и другихъ дворцовъ на французскій манеръ, то есть помѣстить ниши, канапэ, софы и т. п., примѣненіе которыхъ ново, то для сего имѣются обойщикъ Roucheboat, вышивальщикъ Roquenard и столяръ Noblet». [8] Не сдѣланъ ли рисунокъ Пино въ качествѣ лишь показателя того, что представляли собою эти модныя кровати? Въ творчествѣ художника имѣется рисунокъ того же времени, изображающій любопытное софа, затянутое плетеной соломою.

Нѣсколько комодовъ, воспроизведенныхъ г. Дэзэръ (№ LXXVII), мы относимъ къ петербургскому періоду Пино вслѣдствіе архаичности ихъ формъ; въ нихъ по два или три ящика или отдѣленія, а общія очертанія напоминаютъ композиціи Булля. Кстати сказать, что при Дворѣ Петра состоялъ нѣкто Gouet, свойственникъ Леблона, о которомъ русскіе документы [9] говорятъ, что онъ «врѣзываетъ мѣдныя фигуры въ дерево», то есть онъ работалъ по способу Булля.

Такъ какъ главное вниманіе Петра Великаго сосредоточивалось на флотѣ, то и неудивительно, что среди самыхъ первыхъ рисунковъ Пино мы находимъ проекты украшенія носа и кормы судна. Они нарисованы, какъ всегда у французскихъ декораторовъ, рядомъ, но наполовину; кромѣ того есть еще рисунки для «низа судна» и «переда судна». Въ носовой части видны медальонъ съ портретомъ и большое прямое кресло; внизу два характерныхъ стоячихъ льва; корма украшена гирляндами и раковинами; на ней развѣвается штандартъ.

Естественно, что Пино былъ близокъ къ созиданіямъ Леблона; Игорь Грабарь предполагаетъ, что онъ вначалѣ работалъ по рисункамъ архитектора, къ чему зачастую сводится роль скульптора при постройкахъ; вѣроятнѣе, что Леблонъ давалъ мысль для петергофскихъ орнаментовъ, просматривалъ и утверждалъ рисунки, но при множествѣ работъ его за двухлѣтнюю жизнь въ Россіи врядъ ли онъ могъ успѣвать рисовать детали. Къ тому же Пино могъ быть предоставленъ самому себѣ и отличался плодовитостью творчества, которую Леблонъ не могъ не использовать. До насъ дошли три рисунка стѣнной обшивки кабинета въ Петергофскомъ дворцѣ. Они такъ свободны, что несомнѣнно родились подъ рукою исполнителя, тою рукою, которая ихъ воплотитъ и потому не нуждается въ

Н. Пино: Проектъ софа. (Музей Штиглица).

N. Pineau: Projet de sopha. (Musée Stieglitz).

особой точности рисунка. Мы думаемъ, наоборотъ, что филенки этого кабинета исполнены не всѣ рукою самого Пино, а часть только подъ его наблюденіемъ. Этимъ объяснялась бы тяжелость нѣкоторыхъ изъ нихъ, несоотвѣтствующая чудеснымъ рисункамъ Пино. Въ противномъ случаѣ навязывается выводъ, что онъ стоялъ гораздо выше, какъ рисовальщикъ, чѣмъ какъ скульпторъ-рѣзчикъ.

Краткое описаніе филенокъ кабинета Петра Великаго въ Петергофскомъ дворцѣ помѣщено въ «Художественныхъ Сокровищахъ Россіи»; [10] три рисунка въ «Музеѣ Декоративныхъ Искусствъ» соотвѣтствуютъ №№ 2, 12 и 14 этого описанія. Рисунокъ № 2 имѣетъ въ серединѣ щитъ, а подъ нимъ виднѣется сѣть, изъ которой вылѣзаетъ голова дельфина. Здѣсь видно, насколько Пино, опредѣляя крупныя части композиціи, пренебрегаетъ ея деталями и какъ онъ видоизмѣнялъ нѣкоторыя изъ нихъ; такъ, нижнюю часть щита онъ предполагалъ украсить чешуей, но при исполненіи ее откинулъ, чтобы облегчить панно, помѣщаемое въ небольшой комнатѣ. Два другихъ рисунка еще менѣе опредѣленны и такъ какъ бумага одного изъ нихъ попорчена, то разобрать его композицію можно только при сравненіи съ уже исполненной рѣзьбою. Онъ относится къ панно, украшенному аттрибутами искусства (бюстъ, палитра, кисти и т. д.) и торговли (жезлъ Меркурія, линейка и т. д.). Рисунокъ, имѣющій въ

верхней части глобусъ, а въ нижней — лиру и свитокъ, намъ представляется проектомъ того панно, которое художникъ снабдилъ какъ бы завершительною надписью: «La Vertu suprême — ou Pierre — Premier — Empereur De — la Grande Russie».

Замѣчательно свободный рисунокъ наддвернаго украшенія относится къ тому же кабинету и снабженъ надписью рукою Пино: «desus de porte du Cabinet de Sa majesté». Онъ изображаетъ курильницу, крылатыхъ драконовъ, маскаронъ и орнаментъ рокайль, который служитъ звеномъ съ другимъ рисункомъ на томъ же листѣ, озаглавленнымъ «porte de l'antichambre».

Дубовый кабинетъ Петра Великаго въ настоящее время единственное, не утратившее цѣльности, произведеніе Пино. Какую драгоцѣнность придаетъ ему ужъ одно это соображеніе! Прекрасная обшивка залы Совѣта въ Елисейскомъ дворцѣ, которую Шампо и лэди Дилькъ приписываютъ Пино, не имѣетъ серьезныхъ основаній считаться его работой, а остатки его декоративныхъ произведеній имѣются во Франціи только въ министерствахъ общественныхъ работъ (бывшій hôtel de Roquelaure) и земледѣлія (бывшій hôtel de Villeroy) и нѣсколько слѣпковъ въ замкѣ Asnières. [11] По мнѣнію Molinier, очень запутанный шкафъ, работы Жака Дюбуа, будто бы исполненъ по его рисунку; но неизвѣстно, на какихъ документахъ основанъ выводъ нашего ученаго критика.

Кабинетъ былъ законченъ въ 1721 г., и царь его съ удовольствіемъ показывалъ посѣтителямъ Петергофа. Бергольцъ о немъ пишетъ 1 августа: «Онъ отдѣланъ однимъ французскимъ скульпторомъ и отличается своими превосходными рѣзными украшеніями». [12] Въ концѣ XVIII в. онъ продолжалъ пользоваться славою. Императоръ Павелъ его показывалъ Станиславу-Августу лѣтомъ 1797 г. [13]

Но кромѣ Петровскаго, Пино работалъ и надъ японскимъ кабинетомъ. Во первыхъ, его стиль узнается въ обрамленіяхъ лаковыхъ панно и въ изгибахъ каминовъ, причемъ все это подогнано подъ обшивку «на манеръ англійской», которую царь избралъ для Монплезира; но затѣмъ среди рисунковъ Пино встрѣчается такое множество маленькихъ подставокъ, что оно кажется неестественнымъ, если не вспомнить о сотняхъ вазъ и фигурокъ, которыя надо было размѣстить въ японскомъ кабинетѣ и которыя придаютъ ему такую своеобразность. Документъ въ Московскомъ архивѣ министерства Императорскаго Двора показываетъ, что исполнителями этихъ подставокъ были Michel, Follette и Ruste, работавшіе надъ ними еще въ 1723 г. [14] Очевидно, они были приданы въ помощь Пино, и это обстоятельство подтверждаетъ наше предположеніе о характерѣ его дѣятельности. Нѣкоторыя подставки впослѣдствіи гравированы въ изданномъ его сыномъ Доминикомъ сборникѣ «Nouveaux desseins de pieds de tables et de vases et consoles de sculpture en bois», а восемь очень разнообразныхъ помѣщены въ трудѣ г. Дэзэръ (табл. LXXVI).

По даннымъ 1719 г. Пино занятъ внутренними украшеніями. «Онъ исполняетъ въ Петербургѣ разныя украшенія для новой галереи сада Его Ц. Величества; а также фонтанъ и кашкады». Такъ гово-

Н. Пино: Эскизы памятника Петру Великому. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Esquisses pour un monument à Pierre le Grand. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).

Н. Пино: Наброски аллегорическихъ статуй.
(Музей Штиглица).

N. Pineau: Esquisses de statues allégoriques.
(Musée Stieglitz).

Н. Пино: Проектъ мавзолея Р. Брюса. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Projet de mausolée pour Romane Bruce. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).

Н. Пино: Эскизъ для „Храма Мира“. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Esquisse d'un „Templum Pacis“. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).

рится въ документѣ, приводимомъ А. И. Успенскимъ въ недостаточно полномъ видѣ, но нетрудно понять, что рѣчь идетъ о Лѣтнемъ садѣ и что Пино работаетъ надъ галереей, фонтанами и каскадами Леблоновскаго плана. [15] Эскизъ галереи, воспроизведенный на таблицѣ XVI книги г. Дэзэръ, похожъ на ту, что Леблонъ пристроилъ къ Петергофскому дворцу въ 1718 г. и планъ [16] которой сохранился. Это тоже одноэтажное строеніе, состоящее изъ аркадъ съ тосканскими колоннами, поставленными по двѣ. Онѣ поддерживаютъ гладкій карнизъ, увѣнчанный балюстрадой, вазами и трофеями. Свободныя части аркатуръ заняты фонтанами или нишами со статуями, а посреди галереи — двѣ мужскія каріатиды. На эскизѣ другой галереи, почти одинаковой длины и также увѣнчанной вазами и балюстрадами, но безъ гладкаго карниза и безъ тосканскихъ колоннъ, видны высокіе гермы, расположенные вродѣ только что упомянутыхъ каріатидъ. [17] Нѣсколько документовъ могутъ намъ освѣтить вопросъ объ этихъ двухъ рисункахъ. 5 августа 1719 г. Пино, въ качествѣ «рѣзчика» при Канцеляріи Строеній, управляемой княземъ Черкасскимъ, по высочайшему повелѣнію договаривается съ русскими мастерами П. Федотовымъ и Григоріемъ Артемьевичемъ о томъ, что они исполнятъ по даннымъ образцамъ пять «караштинъ» для новыхъ галерей государевыхъ садовъ, по 5 р. за штуку. Французскій столяръ Michel также договаривается съ Васильемъ Шихановымъ объ изготовленіи по двумъ образцамъ 6 «штукъ кзыму» сверхъ 39 уже сдѣланныхъ и 2 наугольника, сверхъ 72 готовыхъ; кромѣ того онъ долженъ сдѣлать 92 «штуки круглыя» (группы, медальоны, трофеи, вазы «къ цвѣты что будутъ на галереяхъ вверху») и, наконецъ, 11 наугольниковъ по образцамъ Пино «въ круглую галерею къ большимъ рѣшеткамъ». [18] 28 августа того же года Пино договаривается съ земляками своими Vaugrenon и Dufourcq (уже за мѣсяцъ до того начавшими работу) о вылитіи изъ олова, согласно образцу, «фонтана или кашкадъ» «въ огородѣ Е. Царскаго Величества». «Вольный рѣзчикъ Фордре вычиститъ кашкаду деревянную, которая будетъ поставлена на фонтанъ въ огородѣ». Тотъ же мастеръ обязуется изготовить четыре пьедестала для фонтановъ того же сада по рисункамъ Пино. Ежемѣсячныя росписки рабочихъ, хранящіяся при этихъ документахъ, еще болѣе ихъ освѣщаютъ. Фордре расписывается въ полученіи платы за «семь консолей для буфета* въ оранжереѣ» и «за дубовыя украшенія пьедесталовъ». 20 сентября 1719 г. Канцелярія удостовѣряетъ, что работа закончена и Мишель все поставилъ на мѣста. [19]

На таблицѣ XVI книги г. Дэзэръ мы видимъ фонтанъ подъ аркадой, несомнѣнно относящійся къ этой же серіи декорацій. Но вообще среди рисунковъ Пино мы встрѣчаемъ три проекта большихъ каскадовъ. Первая мысль, что они проектированы для Большого петергофскаго грота или для каскада Монплезира, отпадаетъ, если вспомнить, что планъ Леблона требовалъ прямыхъ линій, а здѣсь Пино спеціально разрабатываетъ линіи выгнутыя. Поэтому приходится думать о

* Подъ наименованіемъ «буфетъ» понимали въ то время пирамидальный фонтанъ, украшенный кубками и поставленный посреди бассейна, изображающаго какъ бы скатерть (см. Littré).

Стрѣльнѣ, о Лѣтнемъ или даже Италіанскомъ садахъ. Оставляя вопросъ объ ихъ назначеніи невыясненнымъ, нельзя не залюбоваться въ этихъ проектахъ обиліемъ воды, прелестью балюстрадъ и вазъ, декоративностью морскихъ чудовищъ, такъ причудливо и разнообразно извергающихъ водяныя струи...

Большой интересъ для русскаго читателя представляютъ два наброска памятника Петру Великому. Фигура всадника съ выразительно вытянутой рукою поставлена на архитектурно очень разработанный пьедесталъ съ тосканскими колоннами; въ болѣе законченномъ наброскѣ низъ площадки, на которой стоитъ фигура, обвитъ львиной шкурою, а передняя часть пьедестала украшена Нептуномъ, поражающимъ морского коня своимъ трезубцемъ; по сторонамъ этого изваянія есть арабески, напоминающіе петергофскій кабинетъ. Въ базѣ памятника предположены фонтаны и невольно кажется, что авторъ мечталъ связать его съ украшеніемъ одного изъ царскихъ садовъ. Не думалъ ли онъ поставить его передъ Петергофскимъ дворцомъ наверху Большого грота? Тогда передъ императоромъ разстилалась бы вся морская гладь, заканчиваемая Кронштадтомъ.

Акварельный рисунокъ пьедестала, повидимому, тоже относится къ проекту памятника, и исполненъ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ (59 $\times$ 11 сант.), какъ будто долженъ былъ служить моделью для работы. Въ такихъ «épures», какъ выражается самъ Пино, онъ, очевидно, кажется болѣе холоднымъ. Двѣ аллегорическія фигуры — Справедливость и Истина — по стилю напоминаютъ описанное нами настольное украшеніе и на этомъ основаніи г. Дэзэръ отнесъ всю композицію къ раннему творчеству художника. Верхняя часть пьедестала нѣсколько отступаетъ противъ передней; это пріемъ, часто встрѣчающійся въ Россіи, и Пино къ нему еще прибѣгнетъ не разъ. Въ серединѣ ея медальонъ, съ такой удачной простотой символизирующій основаніе столицы, что содержаніе легко угадать даже помимо надписи «Созданіе Санктъ Пітербурха». Слѣва разговариваютъ двое мужчинъ, а справа архитекторъ (не самъ ли Пино?) даетъ указанія русскому рабочему; посрединѣ на мостовую присѣлъ торговецъ и разбираетъ свой товаръ. Военный корабль качается на волнахъ Невы, по направленію къ крѣпости; возлѣ нея — арки гостинаго двора или складовъ. Такъ какъ шпиль Петропавловскаго собора впервые поставленъ въ 1721 г., то можно подумать, что рисунокъ пьедестала исполненъ не раньше этого времени; однако, это недоказательно, такъ какъ онъ показанъ и на гравюрѣ Зубова 1716 г., и кромѣ того куполъ собора, видный на рисункѣ, возведенъ лишь въ 1730 г. Но для художника было нетрудно знать, что именно проектировано, — тѣмъ болѣе для Пино, который имѣлъ отношенія съ Д. Трезини, архитекторомъ крѣпости; самая же мысль о постановкѣ памятника царю существовала среди французскихъ художниковъ уже съ 1717 г., когда 3 сентября консулъ La Vie посылаетъ во Францію проектъ памятника «en forme de pyramide pour consacrer à la postérité la mémoire du plus grand des monarques». Этотъ проектъ былъ переданъ консулу «французскимъ скульпторомъ, служащимъ у царя и работающимъ надъ этимъ дѣломъ». Предположимъ,

Н. Пино: Рисунокъ рѣшетки для балкона. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).

N. Pineau: Panneau de grille de balcon. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).

что конецъ фразы преждевремененъ, но спросимъ себя: какой же другой французскій скульпторъ — нельзя же считать Растрелли — находился въ то время въ Петербургѣ, который могъ бы осуществить подобную задачу? [20] Такъ какъ въ проектѣ, упоминаемомъ La Vie, нѣтъ ничего окончательнаго, наброски Пино указываютъ также на исканіе, а нѣкоторыя выраженія описанія консула совпадаютъ съ надписями подъ рисунками Пино, то весьма вѣроятно, что это сообщеніе 1717 г. имѣетъ въ виду именно описываемые нами варіанты памятника. Восемь набросковъ аллегорическихъ статуй, хранящіеся въ Музеѣ Штиглица, можетъ быть тоже имѣютъ отношеніе къ этому проекту. Пино своимъ яснымъ и жирнымъ почеркомъ подписалъ по французски названія статуй: Согласіе, Осторожность, Добродѣтель героическая, Религія, Справедливость, Любовь къ Отечеству, Миръ, Милость. Проектъ, описываемый La Vie, заключалъ въ себѣ три барельефа, изображающихъ главнѣйшія побѣды Петра, и украшенія изъ трофеевъ; поэтому, консулъ имѣлъ основаніе писать въ 1717 г., что «все составляетъ памятникъ въ формѣ пирамиды, самый роскошный и торжественный, какой когда либо существовалъ».

Письменныхъ свидѣтельствъ о дѣятельности Пино въ 1720 г. не сохранилось, но проектъ надгробнаго памятника, поддающійся опредѣленію, можно отнести къ этому году. Слава витаетъ надъ саркофагомъ, держа въ рукахъ медальонъ съ буквой «В»; на цоколѣ сидятъ левъ и единорогъ возлѣ коронъ, положенныхъ на особыя подставки. Левъ, единорогъ и двѣ короны — королей Роберта и Давида II — входятъ въ гербъ Брюса. [21] Посрединѣ нижней части памятника, въ медальонѣ — изображеніе воина, а подъ нимъ пальмовыя вѣтви. Это какъ бы набросокъ портрета Романа Вилимовича Брюса, «потомка шотландскихъ королей», сподвижника Петра, одного изъ главныхъ созидателей Пе-

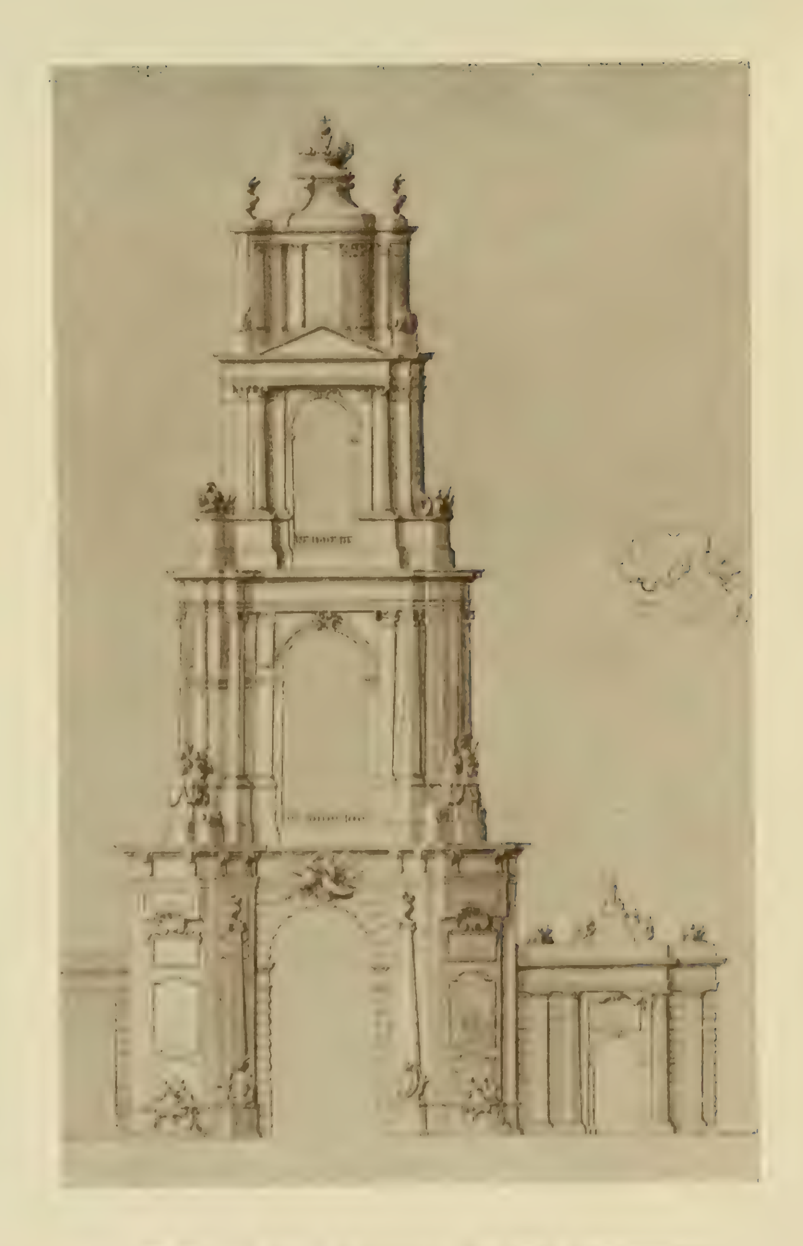
тербурга. [22] Онъ умеръ въ 1720 г. и похороненъ, должно быть, въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ братъ его, знаменитый Яковъ Брюсъ, пожалованный въ графы въ 1721 г., или родственники, вѣроятно, хотѣли поставить ему памятникъ. Но былъ ли онъ поставленъ? [23]

Ништадтскій миръ, подписанный Я. Брюсомъ, послужилъ поводомъ къ большимъ празднествамъ, и рисунки Пино показываютъ, что онъ принялъ участіе въ ихъ устройствѣ. Повидимому, онъ построилъ «Храмъ мира или Януса», ставшій центромъ фейерверка и задуманный, будто бы, самимъ царемъ. 7 ноября 1721 г. о немъ въ донесеніяхъ говоритъ Кампредонъ, а работали надъ нимъ еще въ октябрѣ. На фронтонѣ проекта видна надпись «Templum Pacis». Для увѣнчанія купола Пино предложилъ два варіанта: сначала Цереру, а затѣмъ шпиль, нарисованный на особой приклейкѣ; окончательно принята была корона. По словамъ Кампредона, все украшеніе храма состояло изъ 20.000 фонарей. Царь самъ слѣдилъ за приготовленіями и, «какъ говорятъ дипломаты, лично роздалъ главнымъ придворнымъ рисунки фейерверка, котораго онъ самъ является авторомъ». [24] «Храмъ Януса» постигла печальная судьба многихъ временныхъ декоративныхъ построекъ: въ концѣ ноября разразилась страшная буря, сопровождавшаяся наводненіемъ, храмъ былъ поваленъ и много людей убиты и ранены при его паденіи. [25]

Въ томъ же году лѣтомъ Пино работалъ надъ дельфинами для петергофскихъ фонтановъ [26] и работа эта тянулась до 1723 г. Въ августѣ онъ доносилъ Канцеляріи Строеній, что литейщикъ Pascal Vassou сдѣлалъ 8 мѣдныхъ шаровъ и 4 орла для петергофской желѣзной рѣшетки, про которую А. И. Успенскій замѣчаетъ, что она, вѣроятно, исполнена по рисунку Пино. [27] Это подтверждается нѣсколькими его рисунками для рѣшетокъ; изъ нихъ особенно интересны балконныя перила, замѣтныя въ центрѣ Петергофскаго дворца на планѣ Леблона; другія есть въ Эрмитажѣ, и весьма вѣроятно, что перила лѣстницы павильона Марли исполнены Мишелемъ (?) по пропавшимъ рисункамъ Пино. [28]

Въ декабрѣ 1723 г. Петръ, только что объявившій о предстоявшемъ коронованіи императрицы Екатерины Алексѣевны, торопилъ петергофскія работы. Сенявинъ, замѣнившій кн. Черкасскаго во главѣ Канцеляріи Строеній, передаетъ ей рядъ приказовъ, большей частью относящихся къ Пино: онъ долженъ передѣлать модель каскада по той, которая вышла изъ царской столярной мастерской и будетъ ему передана для рисунковъ; отлагается проектъ Нептуна съ морскими конями, исполненный Растрелли для маленькаго каскада противъ Монплезира; для большого каскада Монплезира принимается проектъ Пино на тему «Геркулеса, борющагося съ гидрой»; для грота Нептуна имѣютъ быть изготовлены четыре маскарона по рисункамъ Пино; наконецъ, для нишей должно сдѣлать изъ дерева четыре фигуры Эзоповыхъ басенъ, а Пино имѣетъ закончить начатыя имъ. [29] Но такъ какъ 17 декабря Пино еще не принимался за послѣднюю работу, то она передана Конраду Оссперу и Францу Циглеру. [30] Еще черезъ три дня Сенявинъ посылаетъ Пино «Эзоповы басни», — кото-

Н. Пино: Проекты тріумфальныхъ воротъ.
(Музей Штиглица).



N. Pineau: Deux élévations de porte monumentale.
(Musée Stieglitz).

Н. Пино: Проектъ тріумфальныхъ воротъ. (Музей Штиглица).
N. Pineau: Elévation d'une porte monumentale. (Musée Stieglitz).

рыми архитекторъ Земцовъ не успѣлъ воспользоваться, — дабы немедленно «по положеннымъ бумажкамъ и по регестру» исполнить рисунки для представленія государю. 20 января 1724 г., повидимому, ни Земцовъ, ни Пино ничего еще не сдѣлали, такъ какъ имъ велятъ хоть какъ нибудь изготовить четыре модели «Эзоповыхъ басенъ» для «маленькихъ галерей противъ пруда». [31] Хотя такихъ крупныхъ рисунковъ Пино не сохранилось (они, очевидно, остались на рукахъ у исполнителей или среди бумагъ въ Канцеляріи), но можно догадаться объ этихъ работахъ по эскизамъ каскадовъ и галерей, которые до насъ дошли. Въ Музеѣ Декоративныхъ Искусствъ есть великолѣпный, но очень блѣдный, рисунокъ каскада Аполлона, который мы можемъ отнести къ петергофскимъ работамъ. На немъ изображенъ Аполлонъ стоя, съ лирой и лукомъ; Пиѳонъ, убитый стрѣлою, лежитъ у ногъ его подъ видомъ дракона, извергающаго воду; растенія подымаются по уступамъ скалы, откуда вода стекаетъ въ бассейнъ; фономъ служитъ трельяжъ, подробности котораго описаны на поляхъ рисунка. Фигура бога должна была имѣть 3 фута 10 дюймовъ высоты. Драконъ (прекрасный рисунокъ котораго сангиною имѣется въ Музеѣ Штиглица), вѣроятно, повторяетъ того, котораго Пино вырѣзалъ изъ дерева, а Каравакъ долженъ былъ немедленно раскрасить къ царскому пріѣзду въ сентябрѣ 1723 г. [32] Послѣдній экземпляръ въ документахъ означается «деревянный дракъ» и «гадъ семиглавый». Если это не драконъ — то гидра, и рисунокъ картуша съ изображеніемъ Цербера, тоже находящійся въ Музеѣ Штиглица, намъ показываетъ, какъ Пино могъ трактовать гидру.

Пино обозначается «архитекторомъ» впервые лишь въ протоколѣ Канцеляріи Строеній 17 апрѣля 1724 г. [33] Это оффиціальное наименованіе подтверждаетъ замѣтку «L'homme du monde éclairé par les Arts», неразъ вызывавшую сомнѣнія. Тамъ сказано: «По возвратѣ въ Парижъ съ семействомъ, онъ (Пино) думалъ заняться архитектурой, какъ то дѣлалъ въ Россіи послѣ смерти Леблона, но, къ удивленію своему, нашелъ въ этой столицѣ такое множество архитекторовъ, что вернулся къ скульптурѣ, и такъ какъ онъ рисовалъ отлично и сочинялъ съ легкостью, то и встрѣтилъ необычайный успѣхъ». [34] Слѣдовательно, изъ словъ Пино выходило, что онъ въ Россіи занимался архитектурой. Возможность этого еще подтверждается множествомъ плановъ, очень любопытныхъ для исторіи Петербурга.

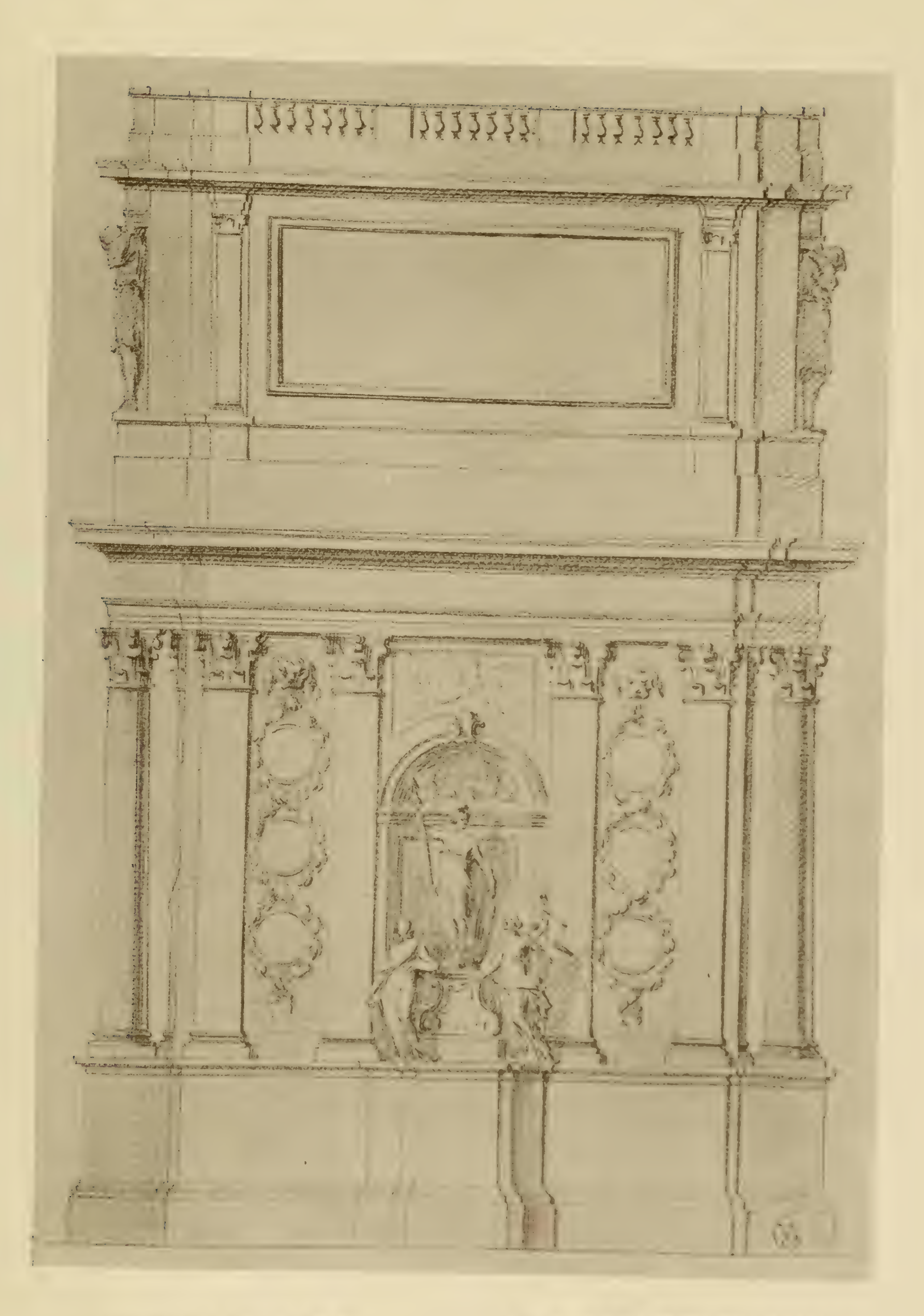
Уже рисунки галерей, «Храма Януса», каскадовъ показываютъ близость Пино къ архитектурѣ. Въ проектѣ башни или тріумфальныхъ воротъ, арсенала и церквей онъ проявляетъ вѣрность французскому стилю; онъ продолжаетъ дѣло Леблона, но не рабски, и еслибы обстоятельства или люди ему благопріятствовали, онъ, вѣроятно, оставилъ бы въ Петербургѣ памятники, достойные сосѣдства Шеделя, Шлютера, Трезини и Матарнови.

Очень возможно, что Пино — какъ и другіе французскіе инженеры въ Россіи, въ то время объявившіеся архитекторами — сначала предложилъ свои услуги въ качествѣ строителя чего либо, касающагося морского дѣла. Таковымъ могъ бы быть проектъ башни или

тріумфальныхъ воротъ, въ трехъ варіантахъ хранящійся въ Музеѣ Штиглица. Эта четырехъярусная постройка, украшенная вензелями Петра, аллегорическими группами, медальонами, барельефами и надписями, увѣнчана короною, окруженной свѣтильниками. Такъ какъ среди украшеній видны корма, флаги, алебарды, военные трофеи, фигуры Беллоны и Минервы, то весьма возможно, что эта башня имѣетъ отношеніе къ арсеналу, надъ которымъ Пино работалъ. Изъ трехъ оставленныхъ проходовъ средній углубленъ ниже уровня земли, и оттого возможно, что башня предназначалась для Кронштадтскаго канала, который рыли въ 1719—1723 гг. и для котораго Микетти проектировалъ маякъ примѣрно въ томъ же духѣ. [35]

Самый оригинальный архитектурный проектъ Пино — тотъ, на оборотѣ котораго написано «Projet de l'Arsenalt pour S. A. Derussie». Первый карандашный набросокъ, повидимому, отвергнутъ самимъ Пино, судя по надписи его рукою «esquisse à corriger». Окончательный планъ (55×58 сант.) исполненъ очень тщательно, тушью, и изображаетъ овалъ, вписанный въ прямоугольникъ, съ четырьмя угловыми дворами. Входъ для судовъ обезпеченъ каналомъ, законченнымъ также оваломъ, что предусмотрѣно и въ первомъ наброскѣ. Притомъ мы знаемъ изъ замѣтокъ польскаго очевидца 1720 г., что такой каналъ существовалъ «въ зданіяхъ, выстроенныхъ въ квадратѣ для ремесленниковъ, которые строятъ фрегаты и яхты неподалеку отъ царскихъ дворцовъ, и куда на зиму приводятъ суда, чтобы ихъ не испортилъ ледоходъ». [36] Въ концѣ канала — двойная лѣстница въ верхнее помѣщеніе, повидимому занятое складами; низъ весь сводчатый. На великолѣпномъ рисункѣ, достойномъ Леблона, мы видимъ главный фасадъ (на другомъ планѣ — задній фасадъ), съ высокимъ павильономъ въ серединѣ и двумя меньшими по краямъ. Балюстраду центральной части подъ башенными часами украшаютъ пушки, а на боковыхъ — трофеи и горки ядеръ. Этотъ прекрасный проектъ не былъ осуществленъ, во всякомъ случаѣ — не въ камнѣ, такъ какъ на мѣстѣ нынѣшняго Окружнаго Суда при Екатеринѣ II находился деревянный арсеналъ, снесенный по волѣ императрицы, и въ 1769 г. замѣненный Баженовской постройкой. [37] Кромѣ того, среди рисунковъ Пино есть проекты церквей, въ томъ числѣ одинъ великолѣпный, воспроизведенный на таблицѣ I книги г. Дэзэръ. На зданіи имѣются вензеля и гербы, еще не разобранные, а подъ рисункомъ подпись: «façade du coté du quay». Мысль наша, что эти проекты предназначались для Россіи, не находитъ еще достаточныхъ подтвержденій, но мы надѣемся со временемъ выяснить этотъ вопросъ.

Въ томъ самомъ документѣ 1724 г., гдѣ Пино впервые именуется архитекторомъ, дается ему порученіе наблюдать за постройкою Лѣтняго дворца, сооружаемаго Земцовымъ на мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка. [38] Въ августѣ того же года Канцелярія Строеній предписываетъ скульптору Кадинкову сдѣлать для сего дворца 26 капителей по рисунку Пино; опять капители по его же рисункамъ дѣлались въ мартѣ 1725 г.; [39] наконецъ, въ октябрѣ того же года Пино заказаны модели фигуръ для этого дворца и онъ ихъ исполняетъ съ по-



Н. Пино: Проектъ бокового фасада.
(Музей Штиглица).

N. Pineau: Projet d'une facade latérale.
(Musée Stieglitz).

Н. Пино: Проектъ аллегорическаго панно. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Projet de panneau allégorique. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).

Н. Пино: Проектъ аллегорическаго панно. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Projet de panneau allégorique). (Musée des Arts Decoratifs. Paris).

Н. Пино: Проектъ саркофага (Петра Великаго?). (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Projet de tombeau (pour Pierre le Grand?). (Musée des Arts Décoratifs. Paris).

мощью другихъ скульпторовъ. [40] Въ Парижѣ имѣется одинъ рисунокъ, повидимому, такой капители, а въ Музеѣ Штиглица ихъ два; къ нимъ же, вѣроятно, относятся въ Музеѣ Декоративныхъ Искусствъ обратный оттискъ сангиною, изображающій львиную морду среди аканѳоваго орнамента, и картушъ въ стилѣ рокайль съ двойнымъ вензелемъ Петра, а также рисунокъ оконнаго замка въ Музеѣ Штиглица — голова кабана среди мертвой природы. [41] Наконецъ, весьма возможно, что фигуры добродѣтелей, которыя мы предположительно отнесли къ памятнику царю, предназначались тоже для Лѣтняго дворца.

Нельзя опредѣленно сказать, относятся ли три изъ лучшихъ рисунковъ Пино къ концу царствованія Петра или уже ко времени Екатерины? Это проекты деревянной обшивки комнаты, которая, будь она осуществлена, по роскоши и красотѣ оставила бы далеко за собою петергофскій кабинетъ. Какъ мы видѣли, Пино въ проектахъ фонтановъ вспоминалъ о С. Клу и Версали; такъ и для убранства дворцовъ онъ всегда помнилъ чертоги Короля-Солнца и его гобелены: въ его творчествѣ жизнь государя должна была претвориться въ изящную миѳологію. Подъ портиками въ стилѣ Берэна, увѣнчанными навѣсами, въ центрѣ композицій мы видимъ двухъ особъ: на одномъ панно герой, въ римскихъ доспѣхахъ, полусидитъ на колесницѣ, везомой амурами и сопровождаемой богиней. «Слава» летитъ передъ нимъ, держа раскрытый планъ; женщина держитъ модель корабля; амуры витаютъ и на самомъ верху поддерживаютъ медальонъ съ двуглавымъ орломъ, а одинъ амуръ упирается на палицу Геркулеса. На другомъ панно сидитъ царица, опираясь на щитъ съ гербомъ; за нею божество въ шлемѣ (Минерва?); передъ нею витаютъ амуры съ лентою ордена св. Екатерины; надъ нею подвѣшенъ медальонъ съ портретомъ, должно быть Петра, окруженнымъ амурами; одинъ изъ нихъ трубитъ въ трубу Славы, а другой держитъ косу. Послѣднее навело г. Дэзэръ на мысль, что это рисунки для погребальнаго торжества Петра Великаго; но мы этого не думаемъ: они слишкомъ сіяютъ радостью во всѣхъ мелочахъ и, очевидно, имѣютъ въ виду дворцовыя стѣны. [42]

Кромѣ этихъ двухъ сангинъ (22 с. выс.) есть еще карандашный эскизъ третьяго панно, нѣсколько большій (33 с. выс.), но дорисованный только до половины; на немъ, повидимому, изображена аллегорія коронованія Екатерины. Она сидитъ здѣсь въ болѣе царственной позѣ и опирается рукою на земной шаръ. Въ правой рукѣ она держитъ нивеллиръ; царь стоитъ возлѣ нея, съ книгою законовъ въ рукѣ, и держитъ надъ ея головой корону; въ глубинѣ надъ колоннадой фигура Славы держитъ щитъ съ государственнымъ гербомъ.

Послѣ кончины Петра Великаго Пино исполнилъ декораціи погребальнаго торжества, о чемъ самъ упоминаетъ въ прошеніи 1726 г.: онъ «нарисовалъ всѣ декораціи въ большомъ залѣ и надзиралъ за мастерами при исполненіи этихъ декорацій, чѣмъ былъ занятъ 6 недѣль дневно и ночію вкупѣ съ живописцемъ Каравакою, рѣзчикомъ Симономъ и столяромъ Мишеломъ, и большая лѣница съ лица для выходу во время помпы черезъ меня состроена была». Прошеніе его имѣло успѣхъ, онъ получилъ прибавку 200 р. въ годъ и тѣмъ былъ сравненъ съ Каравакомъ. [43]

Рисунки въ Музеѣ Декоративныхъ Искусствъ даютъ намъ нѣкоторое понятіе объ этомъ погребальномъ торжествѣ, походившемъ, очевидно, на устроенное засимъ для Екатерины I; существуетъ полное описаніе послѣдняго, гравированіе котораго было поручено заботамъ Каравака, но почему то не осуществлено. Въ бумагахъ Пино нѣтъ слѣдовъ декораціи залъ, а есть только «гробъ на одрѣ подъ балдахиномъ». На двухъ набросках̆ смутно угадываются аллегорическія фигуры и свѣтильники. Третій рисунокъ изображаетъ саркофагъ, законченный сверху фигурой Исторіи и плачущими амурами съ опрокинутыми факелами, по бокамъ аллегорическія статуи, а между подставкой, снабженной надписью, и гробомъ, — щитъ съ императорскимъ гербомъ. (Дэзэръ, табл. XIX). Такая же длинная надпись предполагалась на другомъ, болѣе строгомъ, проектѣ, гдѣ всѣ украшенія сводятся къ трофеямъ, медальону съ портретомъ и двумъ дѣтямъ, изъ которыхъ одно держитъ корону, а другое, плача, чертитъ вензель на щитѣ. (Дэзэръ, тамъ же). Замыселъ этого проекта имѣетъ общее съ уже описаннымъ памятникомъ Брюса.

Вскорѣ послѣ погребенія Петра придворный трауръ былъ прерванъ ради свадьбы цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ. Земцову было поручено возведеніе въ Лѣтнемъ саду деревянной постройки «для славныхъ торжествъ» и сохранился ея чертежъ; вполнѣ ему соотвѣтствующій рисунокъ Пино снабженъ надписью «pour la salle des festins à Pétersbourg» и изображаетъ внутреннее убранство Земцовской постройки, вызвавшее всеобщую похвалу.

Въ октябрѣ 1725 г. Пино работалъ въ залѣ петергофскаго Эрмитажа рѣзную коляску.[44] Для иллюстраціи такой работы его, мы помѣщаемъ здѣсь его рисунокъ кареты, безъ особыхъ эмблемъ, но почему то считающійся проектомъ кареты для дофина. Въ томъ же году Пино «вылѣпилъ вощныя модели для мѣднаго столба, на которомъ разныя баталіи».[45] Это та же тріумфальная колонна, для которой Растрелли дѣлалъ модель уже въ 1721 г.[46]

Послѣдняя петергофская работа Пино относится къ 30 декабря 1725 г., когда императрица чрезъ Меншикова повелѣваетъ изготовить модели собаки и утокъ для фонтана «Фаворитки»,[47] существующаго понынѣ, и для устройства его былъ назначенъ срокъ 1 мая 1726 г. Рисунки фонтановъ съ играющими дѣтьми и съ птицами отвѣчаютъ, можетъ быть, нѣкоторымъ петергофскимъ фонтанамъ, но могли быть предназначены для Стрѣльны (въ такомъ случаѣ лишь изъ дерева) или другихъ упомянутыхъ садовъ. Цѣлый листъ (Музей Декоративныхъ Искусствъ, неизданные рисунки, №№ 94 и 95) покрытъ набросками маленькихъ разнообразныхъ фонтановъ, напоминающихъ тѣ «тритоновые», что идутъ теперь вдоль аллеи къ «менажернѣ» и именуются «клоши». На другомъ рисункѣ струя выбрасывается дракономъ, который могъ бы быть тѣмъ самымъ, что расписанъ Каравакомъ, если мы ошиблись въ своемъ предположеніи выше. Наконецъ, на великолѣпномъ фонтанѣ (Дэзэръ, табл. XVII) мы видимъ группу Самсона со львомъ и фигуры львовъ на пьедесталѣ; это, можетъ быть, тотъ «львиный каскадъ», что былъ на мѣстѣ «Самсона»,

Н. Пино: Картушъ съ головами Цербера.
(Музей Штиглица).

N. Pineau: Cartouche avec Cerbère.
(Musée Stieglitz).

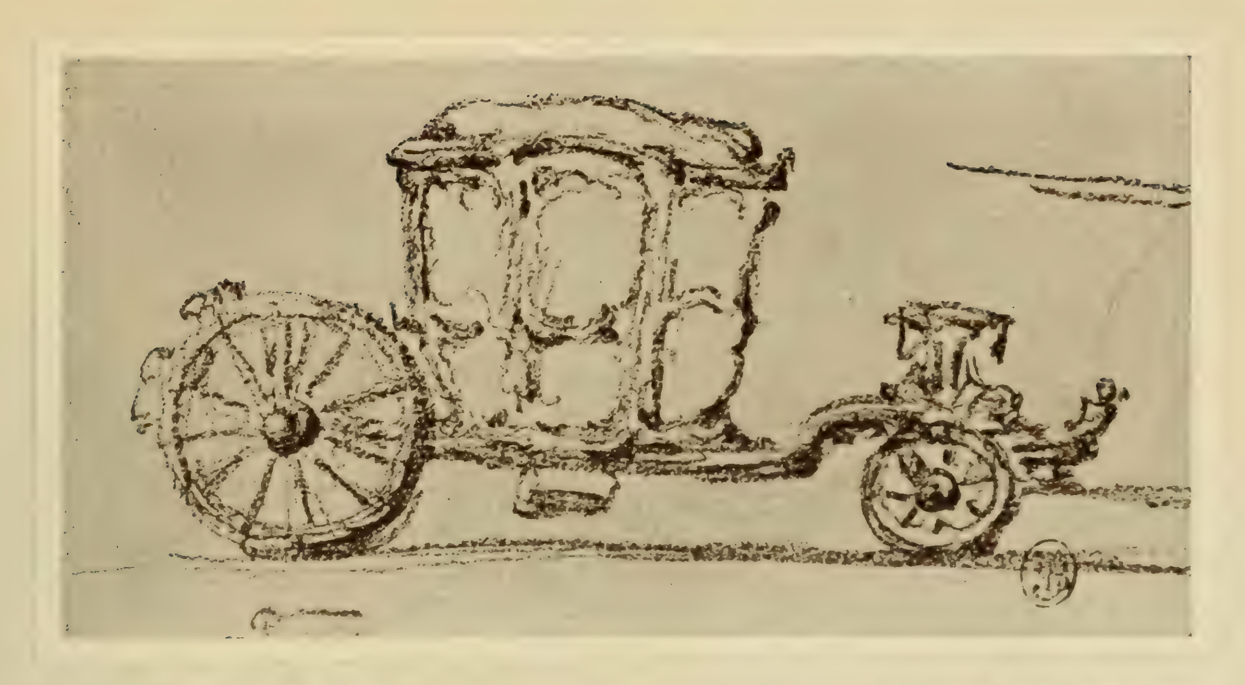
Н. Пино: Проектъ фасада Арсенала въ Петербургѣ. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Elévation de la façade du projet d'Arsenal. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).

Н. Пино: Эскизъ „Залы празднествъ“ въ Петербургѣ. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Esquisse „pour la salle des festins à Pétersbourg“. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).

Н. Пино: Набросокъ галереи. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Esquisse de galerie. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).

Н. Пино: Проектъ отдѣлки Большого грота въ Петергофѣ. (Музей Штиглица).
N. Pineau: Projet de décoration de la Grande Grotte de Peterhof. (Musée Stieglitz).

Н. Пино: Рисунокъ капители и пилястра. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Dessin d'un pilastre et d'un chapiteau. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).



Н. Пино: Рисунокъ для кареты.
(Музей Штиглица).

N. Pineau: Projet de carrosse
(Musée Stieglitz).

впервые упоминаемаго въ дѣлахъ гофъ-интендантской конторы лишь въ 1735 году.

Послѣ кончины Петра и въ виду выраженнаго дворомъ намѣренія сократить расходы, не могло ли у Пино возникнуть опасеніе относительно собственнаго положенія? Связанный контрактомъ, гдѣ онъ обозначенъ только скульпторомъ, не ожидалъ ли онъ полнаго крушенія своихъ архитектурныхъ плановъ или, во всякомъ случаѣ, недостаточной ихъ поддержки? или просто его тяготило десятилѣтнее пребываніе въ Россіи, и его или его семью тянуло на родину? Какъ бы то ни было, въ виду истеченія условленнаго срока въ 1726 г., онъ уже въ 1725 г. начинаетъ хлопотать объ увольненіи. 25 августа 1725 г. на письмо Сенявина, что Пино «непрестанно скучаетъ объ отпускѣ его въ свое отечество», Ягужинскій отвѣчаетъ согласіемъ, разрѣшаетъ выдать ему жалованье, награду «за обученіе учениковъ» и деньги на обратный проѣздъ, какъ обычно дѣлается въ Адмиралтействѣ; [48] онъ велитъ ему прибавить, что его готовы вновь принять на службу на тѣхъ же условіяхъ. Изъ дальнѣйшихъ работъ Пино, однако, видно, что ко времени кончины Екатерины I онъ еще не покидалъ Петербурга. 21 марта слѣдующаго года много иностранныхъ служащихъ отпущены, но Пино все еще велѣно удержать въ Россіи. [49] Врядъ ли онъ послѣ этого долго оставался въ Россіи; имя его больше не встрѣчается въ дѣлахъ Канцеляріи Строеній, а сынъ его, Доминикъ, при вѣнчаніи въ Парижѣ въ 1739 г. объявляетъ себя живущимъ въ Парижѣ свыше 10 лѣтъ, слѣдовательно возвращеніе семьи Пино въ Парижъ состоялось въ 1728 — 1729 гг.; въ одной замѣткѣ Доминикъ Пино отмѣчаетъ, что вернулся въ Парижъ 25 іюня. [50] Такимъ образомъ, Николай Пино провелъ въ Россіи 11 или 12 лѣтъ, а не 24 года, какъ писалось въ XVIII вѣкѣ и какъ повторяли затѣмъ Dussieux и другіе авторы.

Сверхъ придворныхъ заказовъ, Пино работалъ въ Петербургѣ и на частныхъ лицъ. О мавзолеѣ Брюса мы уже говорили. Другой при-

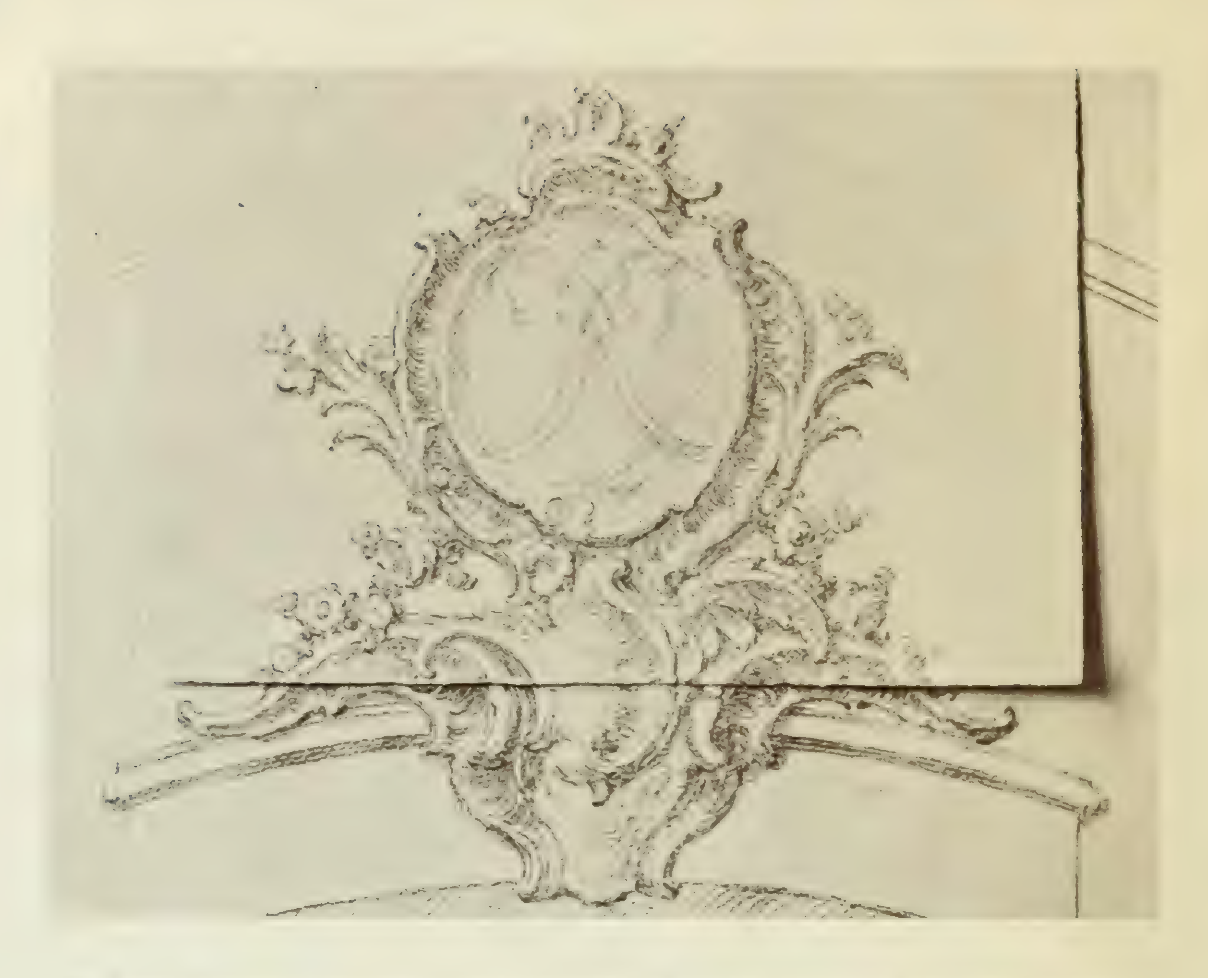
мѣрѣ — сохранившiеся въ Музеѣ Декоративныхъ Искусствъ (№ 23) «Plan et coupe d'une serre pour le jardin de S. E. M-r Le Comte de Rabutin à Pétersbourg». Графъ Рабутинъ былъ австрiйскимъ посломъ, прибывшимъ въ Петербургѣ 30 апрѣля 1726 г., и внезапно умеръ 9 сентября 1727 г. [51] Эти даты опредѣляютъ время, когда Пино могъ для него работать. Двѣ отличныя сангины въ томъ же музеѣ (Дэзэръ, табл. LV) также снабжены надписями. Это рисунки каминовъ изъ бѣлаго мрамора, которые должны были быть исполнены (а можетъ быть и на самомъ дѣлѣ исполнены) въ Россiи. Въ надписи на обоихъ «Pour Mgr. le comte de Le Venvolde» (Левенвольде); затѣмъ фамилiя замѣнена и написано «Ouchacoff». Очевидно, это сдѣлано до 1727 г., такъ какъ при вступленiи на престолъ Петра II Ушаковъ былъ удаленъ. Еще есть рисунокъ двухъ консолей съ очень опредѣленной и развитой «рокайль» и ножками, вокругъ которыхъ извиваются драконы и птицы. На немъ написано: «Pour M. Jean-François Froidebize colonell du regiment de Kioffky sous le général Voisbac, cousin de M. de War». Кѣмъ были Фруадебизъ и де Варъ — мы не знаемъ, но кавалерiйскiй генералъ Вейсбахъ, подъ начальствомъ котораго служилъ первый, командовалъ войсками въ Малороссiи въ 1720 — 1730 гг. и начальствовалъ въ Кiевѣ съ 1731 г. Наконецъ, даже по возвратѣ на родину Пино поддерживалъ отношенiя съ Россiей. Допуская возможность, что и послѣднiй рисунокъ исполненъ уже тогда, отмѣтимъ еще проектъ камина для маркизы Мазарэнъ, гдѣ приписано: «et pour la cheminée à pans coupé de M-r le Comte de Munick, envoyé en février 1740» (Дэзэръ, табл. LVI и Музей Декоративныхъ Искусствъ, № 188).

Этимъ мы закончили нѣсколько длинный списокъ рисунковъ, исполненныхъ Пино для Россiи, хотя вполнѣ возможно, что нѣкоторые еще нами пропущены и будутъ опредѣлены впослѣдствiи. Къ числу такихъ сомнительныхъ мы относимъ проекты церквей (?) и рисунки нарядныхъ каминовъ, предназначенныхъ для «Зала Элементовъ», «Зала Мира» и «Зала празднествъ». [52] Еще назовемъ трофеи, символизирующiе времена года и объясненные тремя знаками зодiака на каждомъ, [53] и, можетъ быть, рисунки для стѣнной обшивки въ китайскомъ духѣ и такихъ же комодовъ [54]; наконецъ, рядъ рисунковъ Музея Декоративныхъ Искусствъ, не помѣщенныхъ у г. Дэзэръ, по стилю могъ бы относиться ко времени пребыванiя Пино въ Петербургѣ. Мы ихъ перечисляемъ въ примѣчанiи, [55] дабы обратить на нихъ вниманiе русскихъ историковъ искусства, которымъ, можетъ быть, посчастливится ихъ отожествить съ работами въ Россiи.

По смерти Доминика Пино вся движимость его была продана съ аукцiона въ St. Germain-en-Laye 28 марта 1786 г. Среди вещей были многiя, перешедшiя къ нему отъ отца, часть ихъ прiобрѣлъ «le Sr. Ador». Это, весьма вѣроятно, ювелиръ Жанъ-Пьеръ Адоръ, работавшiй въ Петербургѣ. Вещи, имъ купленныя, имѣли довольно высокую стоимость и, возможно, являлись царскими подарками: черепаховая овальная табакерка, оправленная въ золото, съ тремя портретами (оцѣнена безъ портретовъ въ 80 ливровъ), золотая часовая цѣпочка, такъ называемая «de Pinchebeak» (102 ливра), охотничiй

Н. Пино: Рисунокъ для стола
(Музей Штиглица).

N. Pineau: Dessin d'une table.
(Musée Stieglitz).



Н. Пино: Картушъ съ вензелемъ Петра Великаго. (Музей Декоративныхъ Искусствъ. Парижъ).
N. Pineau: Cartouche avec le chiffre de Pierre le Grand. (Musée des Arts Décoratifs. Paris).

Н. Пино: Рисунокъ для стола. (Музей Штиглица).
N. Pineau: Dessin d'une table. (Musée Stieglitz).

флаконъ золоченаго серебра, три печатки, оправленныя въ золото, изъ нихъ одна агатовая, изображающая обезьяну, наконецъ, серебряная медаль и маленькій медальонъ. Мѣха Николая Пино были проданы за 48 ливровъ съ чѣмъ то; это былъ «vide-choura» зеленаго сукна и жилетъ, подбитые petit-gris. Мѣховыя вещи и портретъ Петра Великаго, писанный Каравакомъ и оставшійся въ семьѣ, являлись, повидимому, послѣдними воспоминаніями о Россіи того, кто по возвратѣ на родину былъ прозванъ «Pineau le Russe». Это прозвище онъ вполнѣ заслужилъ за прекрасныя вещи, которыя онъ создалъ для украшенія Петербурга или для славы Петра Великаго.

Denis Roche.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Biais: Les Pineau. Paris, 1892, стр. 18.
2. Тамъ же, стр. 17, и Deshairs, стр. 6.
3. Biais, стр. 12, 13 и 18.
4. Гос. Арх., Каб. Петра Вел., 89, л. 651.
5. Тамъ же, 34, л. 405.
6. Императорская корона примѣнялась художниками еще задолго до принятія Петромъ титула Императора (1721 г.). Она видна на портретѣ Кнеллера (1697 г.), на гравюрѣ Шхонебека († 1705), на царскомъ кортикѣ, исполненномъ на Олонецкомъ заводѣ въ 1718 г. (Оруж. Пал., № 6222).
7. Nouveaux dessins de lits, inventés par le Sr. Pineau, à Paris, chez Mariette, rue St. Jacques.
8. Гос. Арх., Каб. Петра Вел., 32, л. 870.
9. Гос. Арх., Каб. Петра Вел., 20, л. 392.
10. 1902 г., стр. 204, опис. табл. 83.
11. Deshairs, стр. 8.
12. Игорь Грабарь: «Ист. Русск. Иск.», III, стр. 132.
13. «Старые Годы», 1908, стр. 607. — С. М. Горяиновъ: «Художественныя впечатлѣнія короля Станислава-Августа».
14. «Худ. Сокр. Рос.» 1902, стр. 206, табл. 90. Та же работа узнается въ прекрасной рамкѣ трехъ мѣдныхъ медальоновъ въ Эрмитажѣ (осада Эльбинга, Нейшлота, планъ Штеттина). Медальоны не отливалъ ли Vassou? («Худ. Сокр.», 1903, табл. 7).
15. Грабарь, III, стр. 41, 37 и 39.
16. Тамъ же, стр. 130 и 131.
17. Всѣ эти излюбленныя Петромъ галереи или «berceaux», какъ ихъ называетъ французскій дипломатъ, очень похожи одна на другую. Кромѣ Лѣтняго сада онѣ находились и въ Италіанскомъ, въ Петергофскомъ и въ Ораніенбаумскомъ. Трудно установить, — для котораго изъ первыхъ трехъ проектировалъ ихъ Пино, но Ораніенбаумъ подлежитъ исключенію, такъ какъ ничѣмъ не доказано, что Пино работалъ для князя Меншикова.
18. Арх. Мин. Имп. Дв., оп. 480/1423, д. 43/82, л. 263.
19. Тамъ же, д. 46/85, л. 267.

20. Извѣстно, что и Растрелли работалъ надъ ней, но только въ 1720 г., когда за это онъ получилъ 300 р. 15 апрѣля. Онъ исполнилъ «модель маленькую Е. И. В. персоны верхомъ, съ подстольникомъ, со многими торжественными украшеньями и статуей 6 добродѣтелей» (Бар. Врангель: «Русскій Музей Имп. Александра III», стр. 537). Вообще же однѣ и тѣ же темы неоднократно задавались одновременно нѣсколькимъ художникамъ, въ порядкѣ своего рода конкурса. Дальше мы увидимъ еще доказательства сего. Такъ, Растрелли и Пино оба разрабатывали проекты каскада и грота Нептуна.

21. Здѣсь любопытное геральдическое сочетаніе разныхъ вѣтвей семьи Брюсъ, которое на основаніи «Armorial général» Rietstap'а объяснить невозможно (Gouda, 188). Но, повидимому, это и не входило въ задачу Пино.

22. Тутъ можно спросить себя, не относится ли къ Брюсу тотъ пьедесталъ съ медальономъ, который мы сочли проектомъ пьедестала для памятника Петру? Но намъ это казалось бы невѣроятнымъ.

23. Мы видимъ, слѣдовательно, что Пино имѣлъ отношенія къ Брюсамъ, первымъ комендантамъ крѣпости. Но, какъ таковые, они имѣли постоянно дѣло съ Доменико Треззини, а Пино былъ друженъ съ послѣднимъ: когда въ 1718 г. у него родился сынъ, его воспріемницею была г-жа Трезини и назвали его Доминикомъ.

24. Affaires Etrangères. Paris, XI, Correspondance de Russie, f° 312.

25. Тамъ же, f° 396.

26. Сообщ. А. И. Успенскаго, Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., д. 69421, л. 17.

27. Тоже, д. 69424, л. 82.

28. «Худ. Сокр. Рос.», 1902, стр. 194 и 195 и табл. 93.

29. Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., д. 69425, л. 37.

30. Тамъ же.

31. Тамъ же, д. 69426.

32. «Худ. Сокр. Рос.», 1902, стр. 199.

33. Тамъ же, д. 69428, л. 73.

34. Deshairs, p. 7.

35. Еще возможно, оставаясь въ области догадокъ, что это проектъ воротъ Адмиралтейства, соотвѣтственно плану, представленному Леблономъ въ 1717 г. Такое же недоумѣніе вызываетъ проектъ (сангина), гдѣ на коринѳскія колонны опирается прямоугольный антаблементъ съ каріатидами по бокамъ и балюстрадой на верхнемъ карнизѣ. Въ нишѣ видна фигура Беллоны, между Справедливостью и Силою, — почти такая же, какъ на проектѣ башни. По бокамъ три медальона подвѣшены къ львинымъ мордамъ. По профилю база напоминаетъ Кунсткамеру Матарнови (Грабарь, III, стр. 79).

36. «Русская Старина» 1879 г., іюнь, стр. 268.

37. Грабарь, III, стр. 329—330. Повидимому, это мѣсто было судьбою предназначено для работы французскихъ строителей, такъ какъ, по мнѣнію Иг. Грабаря, въ постройкѣ Баженова сотрудничалъ Валленъ де Ла Мотъ.

38. Грабарь, III, стр. 157.

39. Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., д. 69432, л. 81, 82, 87; д. 69439, л. 139.

40. Тамъ же, д. 69448, л. 38.

41. Воспр. «Старые Годы», 1907, стр. 255.

42. Можетъ быть, эти рисунки предназначались для шпалеръ? Но изъ числа художниковъ, которымъ въ 1724 г. были заказаны картоны, извѣстны лишь Каравакъ и Пильеманъ («Худ. Сокр. Рос.», 1903, стр. 235, статья Н. М. Спиліоти), и если на нашъ современный взглядъ Каравакъ былъ гораздо менѣе талантливъ, чѣмъ свякъ его, то мнѣніе это не раздѣлялось Дворомъ того времени. Съ другой стороны, красочное осуществленіе этого прекраснаго рисунка врядъ ли не затруднило бы Пино гораздо болѣе, чѣмъ Каравака.

43. «Старые Годы», 1907, стр. 603, замѣтка В. И. В. — Это еще не удовлетворило художника, который въ 1726 г. вновь просилъ о награжденіи за тѣ же работы «медаліею золотою или другимъ чемъ», какъ получили другіе мастера послѣ «изготовленія той помпы».

44. Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., д. 69948, л. 72.

45. «Старые Годы», 1907, стр. 287.

46. Бар. Н. Н. Врангель: «Русскій Музей Имп. Александра III», стр. 537.

47. Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., д. 69448, л. 97. «Худ. Сокр. Рос.», 1902, стр. 201, 202.

48. Обязанный по контракту «обучать россійскихъ людей», Пино этимъ дѣйствительно занялся. Въ іюнѣ 1725 г. Канцелярія Строеній ему предписываетъ сдѣлать «модель, которая именуется мошкеронь, и съ орнаментомъ... для свидѣтельства учениковъ, которые учились у литейщика Васу мѣдной работѣ». Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., д. 69442, л. 6.

49. «Старые Годы», 1907, стр. 602.

50. E. Biais: «Les Pineau», стр. 85 — 94.

51. Arch. Aff. Etr. Paris. Corresp Russie, t. XX, f° 278.

52. Deshairs, табл. LI, LII, LIII.

53. Тамъ же, табл. LXXI и неизд. рис. 165.

54. Тамъ же, табл. LXXIX; г. Biais въ своей книгѣ, на стр. 57, утверждаетъ, что они нарисованы въ Россіи.

55. Перечисляемъ по нумераціи, установленной г. Дэзэръ (стр. 27 и слѣд.):

Томъ I. 6. Планъ вестибюля и лѣстницы. 13, 14, 15. Набросокъ монументальной двери между двумя потайными. 17. Деталь галереи. 18. Фасадъ дворца съ куполомъ. 19. Разрѣзъ купола. 20. Бельведеръ съ тремя аркадами надъ гротомъ. 24. Четырехкупольная церковь. 25. Церковь съ куполомъ. 29. Зданіе съ пятью куполами. 43. Украшеніе воротъ: орелъ между двумя крылатыми геніями. 47 — 48. Фронтоны съ аттрибутами садоводства. 66 — 67. Трофеи надъ дверью; аттрибуты напоминаютъ «подвиги Геркулеса», а внизу надпись «La Vertu». 91 — 92. Колоннада и фонтаны. 101. Ваза въ паркѣ.

Томъ II. 131 — 132. Альковы. 133. Зеркало. 134 bis. Наддверное украшеніе. 135. «Буфетъ» и фонтанъ. 760. Стѣнная обшивка. 165. Трофеи, символирующіе осень. 170. Завѣнчаніе панно (орелъ или пеликанъ). 173. Проектъ консоли. 182. Капитель іоническаго пилястра. 185. Печь въ нишѣ. 196. Двѣ подставки. 197, 198. 206. Рамки. 202. Настѣнники для свѣчей. 209. Балконныя перила кованнаго желѣза. 212 — 220. Модели для исполненія рамокъ и обшивокъ. 239. Лежачій левъ (набросокъ перомъ).

Лазуревый камень (лаписъ-лазули, лазурикъ)—великолѣпный синій непрозрачный минералъ, встрѣчающійся въ природѣ въ видѣ плотныхъ, твердыхъ и крайне мелкозернистыхъ массъ. Греки называли его «кіаносъ», а римляне—lapis cyaneus, lapis caeruleus. Французы его называютъ pierre d'azur, нѣмцы—Asur-Stein, Lasner-Stein. Италіанское обозначеніе lapis-lazuli идетъ отъ lazalus, происходящаго отъ арабскаго (также испанскаго) azul или еврейскаго isul, обозначающихъ «синій». Всю цѣнность и красоту камня составляетъ его цвѣтъ. Онъ—синій, въ лучшихъ кускахъ темносиній, а иногда даже черносиній, что, однако, уже является недостаткомъ. Этотъ глубокій синій тонъ гораздо красивѣе окраски всѣхъ другихъ непрозрачныхъ камней, даже бирюзы, которая всегда голубая, тогда какъ лазуревый камень имѣетъ синій тонъ, даже если принадлежитъ къ свѣтлымъ сортамъ, Впрочемъ, оттѣнки синяго бываютъ различной силы, встрѣчаются куски почти не окрашенные и кажущіеся тогда почти бѣлыми. Иногда камень окрашенъ ровно, но иногда чередуются бѣлыя и синія пятна и слои, образуя болѣе или менѣе пеструю окраску. Часто бываетъ, что въ синій цвѣтъ какъ бы вкраплены металлическія, съ золотымъ отблескомъ, точки и жилки; но это не золото, какъ принято думать, а особый видъ сѣрнаго колчедана. Когда эти точки и жилки разлагаются, то превращаются въ бурыя пятна, которыя значительно измѣняютъ видъ камня и рѣзко понижаютъ его стоимость. Изрѣдка встрѣчаются разновидности, окрашенныя въ зеленый, фіолетовый или красно-фіолетовый цвѣтъ, но это исключенія, о которыхъ мы говорить не будемъ, такъ какъ въ искусствѣ они примѣненія не находили. Цвѣтъ лазуреваго камня можетъ быть улучшенъ искусственно, путемъ нагрѣванія свѣтлыхъ кусковъ до краснаго каленія; при охла-

Медальоны изъ лазуреваго камня въ золотой оправѣ съ каменьями. Итал. раб. XVII в. (Императорскій Эрмитажъ).

Médaillons en lapis-lazuli montés en or et pierreries. Travail italien. XVII-e s. (Ermitage Impérial).

Кувшинъ изъ лазуреваго камня въ золотой эмалированной оправѣ. Италіанская раб. начала XVII в. (Императорскій Эрмитажъ).

Aiguière en pierre d'azur, montée en or émaillé. Travail italien. Début du XVII-e s. (Ermitage Impérial).

жденіи выступаетъ тогда глубокій синій цвѣтъ, камень легко поддается шлифовкѣ и оказывается вполнѣ пригоднымъ для примѣненія. Но опытъ такой довольно опасенъ, такъ какъ случается, что послѣ охлажденія цвѣтъ оказывается зеленоватымъ, а при слишкомъ большомъ нагрѣваніи наступаетъ полное обезцвѣченіе. Тѣмъ не менѣе, способъ этотъ бываетъ очень удачнымъ для превращенія въ синій цвѣтъ кусковъ, отъ природы зеленыхъ или фіолетовыхъ. Въ цѣльныхъ кускахъ вовсе не замѣтно спайности и разломъ получается неровный. Лазуревый камень поддается полированію, но полишура держится недолго, въ виду его небольшой твердости, и большой блескъ поверхности малодостижимъ. Шлифованные куски при употребленіи дѣлаются матовыми и неприглядными. Твердость камня невелика (около $5^1/_2$) и потому онъ легко надрѣзается кварцемъ и даже полевымъ шпатомъ, но самъ свободно рѣжетъ оконное стекло. Съ точки зрѣнія состава лазуреваго камня, достаточно разсмотрѣть его невооруженнымъ глазомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что этотъ минералъ не состоитъ изъ однородной массы; ясно видно, что въ немъ связаны нѣсколько веществъ; среди нихъ преобладаютъ бѣлый известнякъ, роговая обманка и ультрамариновыя крупинки.

Главныя залежи лазуреваго камня находятся въ двухъ мѣстахъ. Самыя старыя и извѣстныя копи — въ Бадакшанѣ на сѣверо-востокѣ Афганистана при верховьяхъ Аму-Дарьи, древняго Oxus'a. Знаменитый венеціанецъ Марко Поло уже посѣтилъ ихъ въ 1271 г. Невдалекѣ отъ нихъ, въ долинѣ Кокчи, притока Аму-Дарьи, расположены еще другія копи, изстари извѣстныя и донынѣ разрабатываемыя. Весьма вѣроятно, что древніе египтяне, рѣзавшіе лазуревые скарабэ, а за ними и позднѣйшій античный міръ грековъ и римлянъ, получали камень уже изъ Бадакшана. Нынѣ вывозъ его продолжаетъ держаться довольно стараго порядка: большая часть камня съ копей везется въ Бухару, а оттуда въ Россію, гдѣ дальнѣйшее распредѣленіе ея производится на Нижегородской ярмаркѣ; другая часть идетъ въ Китай и Персію. Въ Бадакшанскомъ камнѣ особенно часто встрѣчается блестящій колчеданъ, о которомъ мы упоминали.

Другое мѣсторожденіе лазуреваго камня находится на западѣ отъ Байкала; но здѣсь онъ въ рѣдкихъ случаяхъ отличается глубиной и красотой синяго цвѣта, отличающаго Бадакшанскій, и содержитъ меньше колчедана, но по виду онъ свѣжѣе и блестящѣе. На берегахъ рѣки Слюдянки, близъ села Култука, онъ гнѣздится въ бѣломъ мраморѣ, на границѣ гранитныхъ слоевъ. Самыя богатыя залежи — открытыя въ 1854 г. возлѣ рѣчки Малой Быстрой, доставляющей и нынѣ великолѣпный матеріалъ. Кромѣ того, довольно большое количество лазуреваго камня находится въ чилійскихъ Андахъ, около притоковъ Ріо Гранде, но онъ отличается отъ азіатскаго свѣтлымъ цвѣтомъ, переходящимъ въ зеленый, и бѣлыми полосами, почему и цѣнится невысоко. Наконецъ, ляпись-лазули встрѣчается въ лавѣ Monte Somma близъ Везувія и въ албанскихъ горахъ.

Лазуревый камень издревле употреблялся въ Индіи и Персіи при изготовленіи драгоцѣнной для художника краски ультрамарина. Съ

этой цѣлью камень жгли и растирали въ тонкій порошокъ; послѣдній смѣшивали со смолой, воскомъ и масломъ, промывали, и тогда краска осѣдала въ видѣ чуднаго тончайшаго синяго порошка, который сушился и затѣмъ шелъ въ употребленіе, но естественно былъ очень дорогъ. Всѣ эти свѣдѣнія намъ передаютъ и подтверждаютъ всѣ старые писатели Востока, какъ Ибнъ Хаукалъ, Исстахри, Эдризи, Абулфеда, Шехабеддинъ, Ибнъ Батута, Тейфаши, Марко Поло и т. п.

Лазуревый камень въ примѣненіи къ искусству былъ излюбленъ еще въ древнемъ мірѣ; особенно часто на немъ гравировали, что облегчалось его мягкостью, и рѣзали изъ него выпуклыя фигуры и рельефы. Также на Востокѣ и въ Китаѣ имъ пользовались часто; въ Китаѣ его примѣняли для чашъ, шкатулокъ, флаконовъ, колецъ, статуэтокъ, амулетовъ и множества бездѣлушекъ; магометанскій Востокъ прибѣгалъ къ нему болѣе для врѣзныхъ и мозаичныхъ работъ, какъ то видно на воспроизводимомъ здѣсь персидскомъ флаконѣ для розоваго масла.

Въ Европѣ лазуревый камень былъ очень рѣдокъ, пока въ XIX вѣкѣ не поступило на рынокъ большое его количество, привезенное съ Байкала. Въ прежнее время издѣлія изъ лазореваго камня изготовлялись лишь изъ цѣльныхъ кусковъ, а такъ какъ послѣдніе рѣдко имѣли достаточные размѣры и были дороги, то и число дошедшихъ до насъ такихъ предметовъ очень ограничено. Болѣе мелкіе куски шли на мозаичныя работы, на работы «pietra dura», на отдѣлку драгоцѣнностей и, въ соединеніи съ другими камнями, на украшеніе мебели, къ чему особенно пристрастились въ XVII вѣкѣ. Императорскія гранильныя фабрики въ Екатеринбургѣ и Петергофѣ въ серединѣ XIX столѣтія указали совершенно новые пути использованія лазореваго камня; онѣ изобрѣли облицовку тонкими слоями этого дорогого и прекраснаго матеріала, вродѣ фанеровки столярныхъ работъ дорогими породами дерева, и довели эту технику до той степени законченности, выше которой едва ли можно что либо ожидать. Такимъ способомъ стали отдѣлывать не только предметы средней величины, какъ ящики и шкатулки, колонки для шкаповъ, столовые часы и т. п., но и работы громадныхъ размѣровъ, каковы колонны въ Исаакіевскомъ соборѣ, стѣны въ покояхъ Большого Царскосельскаго и Зимняго дворцовъ, вазы и столы въ Эрмитажѣ и другихъ Императорскихъ дворцахъ. Достигается это такимъ путемъ, что остовъ болѣе мелкихъ вещей — то есть, въ сущности, самыя вещи — изготовляются изъ металла и лишь обкладываются тонкими пластинками дорогого матеріала, составленными, въ свою очередь, изъ маленькихъ кусочковъ; по отношенію къ крупнымъ предметамъ примѣняется въ общихъ чертахъ тотъ же способъ, но остовъ дѣлается изъ простого камня. Искусство этой работы заключается въ томъ, чтобы не только пригнать отдѣльные куски настолько слитно, что соединеніе ихъ для глаза почти неуловимо, но и придать имъ всѣ мельчайшіе изгибы, выпуклости и закругленія, соотвѣтствующіе сложнымъ очертаніямъ.

Всегда цѣнившая краски, Италія издавна пристрастилась къ лазуревому камню, какъ для римскихъ и флорентійскихъ мозаикъ, такъ и

для всевозможныхъ подѣлокъ. Почти всѣ такія издѣлія, дошедшія до нашихъ дней или извѣстныя намъ по инвентарямъ XV—XVII столѣтій, оказываются италіанскаго происхожденія. Таковы чаша, богато убранная жемчугомъ, алмазами и рубинами, купленная въ 1534 г. королемъ Францискомъ I, или столъ, верхняя доска котораго почти вся состояла изъ лаписъ-лазули и возбудила особый восторгъ французскихъ гостей, прибывшихъ въ 1600 г. во Флоренцію на свадьбу Генриха IV съ Маріей Медичи. Людовику XIV принадлежало 14 подобныхъ предметовъ, считавшихся исключительно драгоцѣнными, въ томъ числѣ 4 вазы, 4 чашки, 2 кубка и 3 «гондолы» — какъ назывались удлиненные кубки, своею формою напоминающіе бокалы изъ раковины «наутилусъ». Въ XVII столѣтіи лазурикомъ особенно охотно украшали рамы зеркалъ. Мода эта болѣе всего привилась во Франціи, а въ виду дороговизны и рѣдкости матеріала, привозимаго издалека, вскорѣ обратились къ поддѣлкамъ, замѣняя каменныя вставки крашенными деревянными подражаніями. Очевидно, такія поддѣлки могли обманывать лишь на разстояніи. Въ это же время началось примѣненіе лазореваго камня къ отдѣлкѣ роскошной мебели и столь распространенныхъ тогда «кабинетовъ» чернаго дерева. Одинъ изъ лучшихъ образцовъ такой мебели принадлежалъ кардиналу Мазарини. Тутъ же упомянемъ, что въ XVIII вѣкѣ самымъ крупнымъ изъ существовавшихъ вообще кусковъ лазореваго камня почитался подносъ, длиною въ 9 дюймовъ; находился онъ въ Парижѣ еще съ предыдущаго столѣтія и неоднократно переходилъ отъ одного владѣльца къ другому, всегда оставаясь въ частныхъ рукахъ; наконецъ, его пріобрѣлъ Лебренъ, у котораго онъ находился еще въ 1791 г. Дорогія лазуриковыя вещи находились во всѣхъ сокровищницахъ въ Италіи, особенно много во Флоренціи у Медичи, и уже оттуда они шли на западъ и сѣверъ, въ видѣ подарковъ, приданаго и даже товара.

Китайскій символическій плодъ изъ лазореваго камня. XVII в.
(Императорскій Эрмитажъ).

Fruit symbolique chinois en pierre d'azur.
XVII-e s.
(Ermitage Impérial).

Въ Россію лазуревый камень въ старое время доставлялся прямо съ востока, караваннымъ путемъ, изъ Персіи и Бухары; поэтому старыя вещи, имъ украшенныя, находимыя у насъ — почти всѣ восточной работы. Лишь при Императрицѣ Екатеринѣ II впервые близъ Байкала обнаруженъ онъ въ Россіи. Открылъ его цеховой мастеръ Н. Лапшинъ, занимавшійся звѣринымъ промысломъ, и совершенно случайно нашедшій «лазурикъ» на берегу Слюдянки (она же называется Карча), о чемъ немедленно донесъ въ Иркутскъ академику Лаксману, которому одновременно какой то мужичекъ доставилъ еще другой подобный кусокъ. Однако, когда пожелали воспользоваться этимъ открытіемъ, оказалось, что ни Лапшинъ, ни другой находчикъ не могли точно указать то мѣсто берега, гдѣ они нашли камень и откуда взяли образцы. Въ 1809 г. у той же Слюдянки ошибочно возвѣщено было нахожденіе лазореваго камня, но онъ оказался главконитомъ. Лишь черезъ нѣсколько десятилѣтій, благодаря непрестанной работѣ по русскимъ горнымъ изысканіямъ, открыты были залежи въ Байкальскихъ горахъ и на рѣчкѣ Слюдянкѣ, раскапываемыя понынѣ. Въ 1859 г. эти пріиски принадлежали Пермикину, обнаружившему нѣсколько кусковъ лазурика въ руслѣ рѣчки Малой Быстрой еще въ 1841 г. Въ 1851 и 1852 гг. этотъ Пермикинъ былъ посланъ графомъ Перовскимъ на розыски «цвѣтныхъ камней для изготовленія мозаики на подобіе флорентійской», и при этомъ именно случаѣ открылъ названныя мѣсторожденія. Всѣ посланные имъ графу Перовскому куски вѣсили 20 пудовъ; они замѣчательной красотой превосходили, по отзыву въ 1850-хъ гг. инженера Н. А. Версилова, бухарскій камень — знаменитый Бадакшанскій. Кромѣ синяго, тогда же были найдены куски лиловаго и свѣтло-фіолетоваго цвѣта, и даже «розовый лазурикъ», до тѣхъ поръ нигдѣ не встрѣчавшійся. Въ 1858 г. добыча достигла уже 570 пудовъ и съ отправкою предыдущаго года въ Петербургъ было доставлено 1000 пудовъ, что, по оцѣнкѣ бухарскаго камня, составляло стоимость свыше милліона рублей. Изъ отдѣльныхъ кусковъ добычи 1859 г. выдѣлялась глыба вѣсомъ въ 7 пудовъ; это самый большой изъ понынѣ извѣстныхъ кусковъ. Второе мѣсторожденіе лазуреваго камня въ Россіи было обнаружено въ Иркутской губерніи, въ Тункинскихъ горахъ, близъ Ниловой пустыни на рѣкѣ Снѣжной. Большая часть всей русской добычи съ 1859 г. поступаетъ на Императорскую Петергофскую гранильную фабрику. Произведенія ея пользуются міровой извѣстностью не только по точности и прочности работы, но и по необыкновеннымъ ихъ размѣрамъ. Такъ, прославленныя колонны въ Исаакіевскомъ соборѣ имѣютъ 6 аршинъ $14^1/_4$ вершковъ высоты при діаметрѣ въ 14 вершковъ; оцѣнены онѣ были, по изготовленіи, въ 62.000 рублей. Громадные размѣры отличаютъ также столы и вазы, исполненные на фабрикѣ при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, и нынѣ установленные въ залѣ Испанской живописи въ Эрмитажѣ. Одну изъ этихъ вазъ мы здѣсь воспроизводимъ; высота ея $40^1/_2$ вершковъ при діаметрѣ въ $31^1/_2$ вершковъ. Императоръ Александръ II въ 1873 г. подарилъ германскому императору нѣсколько лазуриковыхъ вазъ, письменный приборъ и небольшую модель

Серебряная флажка для розоваго масла, украшенная филиграномъ и лазуриковымъ камнемъ. Персидская работа XVII в. (Императорскій Эрмитажъ).

Flacon pour huile de roses. Argent décoré de filigrane et pierre d'azur. Travail persan. XVII-e s. (Ermitage Impérial).

Часы и цѣпочки изъ лазореваго камня и золота съ брилліантами. Англійская работа XVIII в.
(Императорскій Эрмитажъ).
Montres et châtelaines en lapis-lazuli et or enrichi de brillants. Travail anglais. XVIII-e s.
(Ermitage Impérial).

Нессессеръ и цѣпочка изъ лазуреваго камня и золота съ бриллiантами. Англiйской работы XVIII в.
(Императорскiй Эрмитажъ).
Nécessaire et châtelaine en lapis-lazuli et or enrichi de brillants. Travail anglais. XVIII-e s.
(Ermitage Impérial).

Ваза изъ лазуреваго камня (высота 1.72 м., діаметръ 1.42 м.). Работа Г. Налимова. 1852 г. (Императорскій Эрмитажъ).

Vase en pierre d'azur (hauteur 1 m. 72, diamètre 1 m. 42). Travail russe. 1852. (Ermitage Impérial).

памятника Петру Великому, въ которой скала изображена превосходнымъ кускомъ лазуреваго камня.

Съ давнихъ поръ лазуревый камень окруженъ множествомъ суевѣрій; ему приписывались всевозможныя таинственныя и лечебныя силы. Напримѣръ, дѣти, носившія такой амулетъ, считались предохраненными отъ испуга. Еще въ началѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ нѣмецкое указаніе, что лазурикъ, «если носить его на рукѣ (въ видѣ камня въ кольцѣ или украшенія браслета) улучшаетъ кровь, уничтожаетъ меланхолію и сумасбродныя мысли, укрѣпляетъ сонъ и исцѣляетъ отъ бородавокъ(!)».

Еще одно замѣчаніе относительно поддѣлокъ: послѣднія довольно удачно достигаются посредствомъ стекла, но въ немъ цвѣтъ жиже, а на малѣйшемъ разломѣ легко отличить блестящій своеобразный переломъ стекла отъ неровнаго матоваго перелома камня.

Нельзя отрицать, что лазуревый камень — правда, только въ лучшихъ своихъ образцахъ — таитъ въ себѣ очарованіе, которому трудно противостоять. Дѣйствительно, роскошный цвѣтъ хорошихъ бадакшанскихъ кусковъ производитъ необыкновенно благородное впечатлѣніе, точно — какъ ни парадоксально это сопоставленіе — холодный огонь. Впечатлѣніе еще значительно усиливается золотистыми, блестящими вкраплинами, появляющимися то одиночными крупинами, то въ затѣйливыхъ сочетаніяхъ, то въ извилистыхъ жилкахъ. Самъ по себѣ синій цвѣтъ, какъ извѣстно, уже физически дѣйствуетъ успокоительно, имѣя въ себѣ нѣчто, внушающее чувство довольства и радостности, въ чемъ онъ прямо противоположенъ раздражающему красному.

Лучше всего лазуревый камень сочетается съ золотомъ, особенно тамъ, гдѣ служитъ только фономъ, какъ на прелестной дощечкѣ, здѣсь воспроизводимой, на которой золотымъ рельефомъ изображено «Омовеніе ногъ Спасителемъ». Менѣе удачно, съ чисто художественной точки зрѣнія, использованіе синяго камня для рельефной рѣзьбы, передающей портреты или измышленныя головки, хотя бы исполненіе ея, какъ, напримѣръ, въ воспроизводимыхъ здѣсь медальонахъ и подвѣскахъ, было вполнѣ законченнымъ и художественнымъ; къ такимъ работамъ побуждала, очевидно, только мягкость камня и сравнительная легкость рѣзьбы. Тяжелый вѣсъ лазурика и невозможность дѣлать изъ него очень тонкія пластинки удерживали отъ изготовленія изъ него табакерокъ и коробочекъ, предназначенныхъ къ ношенію въ карманѣ; тѣмъ не менѣе, попытки такого рода бывали и доказываются воспроизводимыми здѣсь нѣсколькими вещами.

О разнообразіи примѣненія лазуреваго камня въ предметахъ искусства прекрасно свидѣтельствуютъ помѣщаемыя нами воспроизведенія. Китай представленъ рѣзаннымъ изъ ляписа-лазули плодомъ, покоящимся на ажурной рѣзной подставкѣ чернаго дерева, и повторяющимъ мотивъ, который въ китайскомъ искусствѣ исполнялся изъ всевозможныхъ матеріаловъ; мы встрѣчаемъ его рѣзаннымъ изъ нефрита, горнаго хрусталя, корала, жировика, или отлитымъ изъ серебра, бронзы, лѣпленнымъ изъ фарфора и глины, точенымъ изъ

Лазуриковая дощечка съ золотымъ рельефомъ „Омовеніе ногъ“. Итал. раб. XVII в.
(Императорскій Эрмитажъ).
Plaquette en pierre d'azur avec relief en or „Le Lavement des pieds“. Travail italien. XVII-e s.
(Ermitage Impérial).

дерева, янтаря и лака. Это тотъ плодъ, что общими чертами напоминаетъ человѣческую руку и слылъ за подражаніе въ природѣ руки чтимаго святого. Владѣніе имъ должно приносить счастье и защиту, поэтому онъ стоитъ въ ряду тѣхъ символическихъ изображеній, которыми такъ богатъ Дальній Востокъ, каковы «персикъ долголѣтія», «грибъ счастья», летучая мышь, рыбы и т. п. Эрмитажный экземпляръ, должно быть, относится по работѣ къ XVII в., такъ какъ уже съ начала 1700-хъ годовъ принадлежитъ къ числу Императорскихъ драгоцѣнностей.

Персію и магометанскій востокъ представляетъ серебряная, обвитая филиграномъ съ накладными кусками лазурика, фляжка для розоваго масла, какая составляетъ обязательный предметъ обихода восточной женщины и которая отдѣлывалась весьма разнообразно. Чѣмъ излюбленнѣе или необходимѣе предметъ, тѣмъ изощреннѣе и изобрѣтательнѣе мысль объ его украшеніи, всякій разъ различномъ, съ сохраненіемъ лишь общей формы, установленной житейскимъ опытомъ. Этотъ сосудъ встрѣчается и золотой и серебряный, украшенный, даже вымощенный, драгоцѣнными камнями, обдѣланный филиграномъ, чеканный, гравированный, финифтяный, словомъ исполненный всевозможными видами техники. Неудивительно оказывавшееся ему вниманіе: въ немъ заключалось драгоцѣнное масло, доставленное розовыми садами Шираза и Тавриза, необходимый спутникъ любовныхъ утѣхъ, благоуханное сокровище, цѣнимое на землѣ и обѣщанное въ раю.

Безспорно лучшею работою среди всѣхъ воспроизводимыхъ здѣсь вещей и однимъ изъ лучшихъ вообще лазуриковыхъ издѣлій является

Подвѣска изъ жемчужины, золота и эмали на лазуриковомъ фонѣ. Итал. раб. XVII в.
Pend-à-col en perle baroque, or et émail sur fond de lapis-lazuli. Travail italien. XVII-e s.

Флаконъ изъ лазурика въ золотой оправѣ. Нѣм. раб. XVIII в.
Flacon en lapis-lazuli monté en or. Travail allemand. XVIII-e s.

Подвѣска изъ лазурика (итал. раб. XVII в.) въ золотой оправѣ XVIII в.
Pend-à-col en lapis-lazuli (travail italien. XVII-e s.). Monture en or (XVIII-e s.).

(Императорскій Эрмитажъ. — Ermitage Impérial).

Чаша изъ цѣльнаго куска лазуреваго камня (длина — 24 сант., ширина — 18 сант., глубина — $4\frac{1}{2}$ сант.) на ножкѣ. Италіанская работа. (Императорскій Эрмитажъ).

Vase en pierre d'azur, la partie supérieure taillée d'une pièce (longueur — 24 cent., largeur — 18 cent., profondeur — $4\frac{1}{2}$ cent.). Travail italien. (Ermitage Impérial).

кувшинъ италіанскаго производства конца XVI или начала XVII вв. Исключительно благородныя формы Ренессанса и богатое сочетаніе тоновъ — глубокаго синяго корпуса, золота оправы и эмали украшеній — въ этомъ роскошномъ сосудѣ сливаются въ аккордъ рѣдкой красоты. Онъ вызываетъ въ мысли имя Бенвенуто и въ то же время отражаетъ лучи волшебной античности. Неясный отзвукъ флорентинскаго сонета возникаетъ въ душѣ, погружаетъ ее въ сказочныя грезы... Какое благородство линій, какое богатство красокъ!

Тому же времени и той же озаренной солнцемъ Италіи принадлежитъ большая овальная подвѣска съ изображеніемъ вымышленной женской головы; ея загадочная улыбка и замѣчательно своеобразная прическа кажутся еще страннѣе и сказочнѣе въ темно-синемъ матеріалѣ. Ажурная золотая оправа украшена бѣлой, желтой и голубой эмалью, двѣнадцатью восточными гранатами и столькими же трилистниками изъ этихъ же камней.

Также италіанской работы, вѣроятно конца XVII в., золотой рельефъ, посредствомъ заклепокъ придѣланный къ великолѣпной лазуриковой дощечкѣ и изображающій омовеніе ногъ Спасителемъ, стоящимъ на колѣняхъ предъ св. Петромъ и окруженнымъ остальными апостолами у входа въ храмъ. Вещь эта поступила въ Эрмитажъ въ составѣ собранія кн. Голицына.

Особенно хорошій кусокъ лазореваго камня мы видимъ въ подвѣскѣ, состоящей изъ срѣзаннаго овала, служащаго фономъ для исключительно тонко чеканеннаго золотого рельефа съ изображеніемъ «Снятія со креста». Серебряная, частью позолоченная, рамка — ажурной работы; орнаментъ ея состоитъ изъ разводовъ, цвѣтовъ и листьевъ, вымощенныхъ рубинами, изумрудами, алмазами и сафирами; большой верхній камень—свѣтлый сафиръ. Камень третьей изъ воспроизводимыхъ нами подвѣсокъ относится еще тоже къ XVII вѣку, тогда какъ золотая его оправа съ изящными гирляндами розъ на цѣлое столѣтіе моложе.

На четвертой подвѣскѣ италіанской работы, относящейся къ самому началу XVII в., мы видимъ прямоличный бюстъ римскаго героя. Туловище его состоитъ изъ одной крупной барочной жемчужины, голова изъ золота, покрытаго эмалью натуральныхъ цвѣтовъ; одежда также разноцвѣтно эмалирована. Бюстъ этотъ покоится на дощечкѣ лазореваго камня.

Какъ отличный примѣръ цѣлаго ряда мелкихъ вещей, весьма излюбленныхъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, мы здѣсь воспроизводимъ въ натуральную величину одну изъ пары лазуриковыхъ вазочекъ въ бронзовой оправѣ, принадлежащихъ П. П. Вейнеру. Подобные предметы, совершенно независимо отъ ихъ индивидуальной красоты, съ точки зрѣнія декоративной, какъ красивыя красочныя пятна, всегда очень умѣстны для убранства комнатъ. На шкафчикѣ или «кабинетѣ» чернаго дерева и на фонѣ затянутой желтымъ штофомъ стѣны такія вещи изъ лазуриковаго камня всегда производятъ впечатлѣніе благородной роскоши.

Плоская чаша на высокой ножкѣ, которую читатели видятъ здѣсь на таблицѣ, является особенно драгоцѣннымъ кускомъ лазуре-

ваго камня. Цвѣтъ его нѣсколько теменъ, въ извѣстной степени черноватъ, но золотистыя блестящія вкраплины очень многочисленны. Особый интересъ чашѣ придаетъ то обстоятельство, что она состоитъ всего изъ двухъ, слѣдовательно весьма крупныхъ, кусковъ камня. Размѣры верхняго куска — 24 сант. длины, 18 сант. ширины и 4½ сант. толщины, что является исключительной рѣдкостью. Возможно, что она тоже происходитъ изъ Италіи, такъ какъ такіе большіе куски, поступавшіе туда непосредственно изъ Азіи, почти никогда не переправлялись въ остальную Европу необработанными.

Восемнадцатый вѣкъ, во второй своей половинѣ предпочитавшій пышному блеску и величественной роскоши изящество легкихъ линій, нашелъ для лазуреваго камня и его ярко опредѣленнаго тона другое примѣненіе въ декоративномъ искусствѣ. Тому времени, полюбившему блѣдныя краски и полутона, во всемъ цѣнившему нѣжность и грацію, глубокій синій цвѣтъ лазурика долженъ былъ казаться слишкомъ назойливымъ, откровеннымъ и рѣзкимъ. Казалось, что изнѣженные нервы утонченныхъ людей того времени не въ силахъ были переносить громкіе тона, какъ въ музыкѣ, такъ и въ живописи, а также все, обладавшее вѣсомъ или имѣвшее видимость тяжелаго. Къ переливамъ музыки Моцарта, звукамъ флейты Фридриха Великаго, менуэту Версальскаго Двора и всеобщимъ пастушескимъ идилліямъ подойти могли лишь свѣтлорозовый и нѣжноголубой, желтый цвѣтъ соломы и зеленый селадона; ультрамарину доставалось лишь скромное мѣсто. Поэтому въ этомъ столѣтіи мы видимъ не по заслугамъ выдвинутыми малоцѣнные болѣе свѣтлые оттѣнки лазуреваго камня. Онъ появляется вообще рѣдко и большей частью только въ видѣ небольшихъ вставокъ. Ему опредѣленно предпочитали всѣ нѣжныя разновидности агата или блѣдный корналинъ, лунный камень, моховикъ, топазъ, аквамаринъ, столь отвѣчавшіе сердцу людей, переживавшихъ вѣкъ влюбленности и одно, можетъ быть, было только исключеніе — это мода на кровавую яшму, несмотря на ея полный зеленый цвѣтъ, объяснимая, можетъ быть, соображеніями символики и сентиментальности, основанными на сходствѣ красныхъ пятнышекъ съ каплями крови, откуда и пошло названіе «кровавой» яшмы (jaspe sanguin).

Образцомъ примѣненія лазурика въ прикладномъ искусствѣ середины XVIII столѣтія служатъ двое часовъ съ цѣпочками-шателэнами, сдѣланные изъ золота, лазуреваго камня и бриллiантовъ. Они англійской работы и это очень характерно: здоровый и, несмотря на эпоху, оставшійся нѣсколько менѣе изощреннымъ вкусъ жителей Альбіона еще переносилъ полноту красочныхъ тоновъ и не такъ легко могъ быть ими покоробленъ, словно нѣжное созданіе при звукѣ грубаго слова. — Одни часы происходятъ изъ мастерской славнаго лондонскаго часовщика Charles Chabrier, другіе исполнены его не менѣе знаменитымъ соперникомъ Dufour; тѣ и другіе принадлежали Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ то время въ pendant къ часамъ, которые носились подвѣшенными у пояса на такой роскошной цѣпочкѣ, часто дѣлались для ношенія на другой сторонѣ пояса подобные имъ приборы (несессеры) на одинаковой или подходящей цѣпочкѣ. Мы воспроизводимъ

подобный образецъ тоже лондонской работы, но на нѣсколько десятилѣтій болѣе поздній, относящійся уже ко второй половинѣ столѣтія. Чтобы уменьшить впечатлѣніе тяжести камня и возможно ослабить силу синяго тона, ювелиръ обработалъ лазуриковыя вставки ажурно, благодаря чему онѣ стали похожи на какіе то синіе узоры или рѣшетки, чрезъ которыя блеститъ золото фона. Этотъ очень замысловатый пріемъ совершенно въ духѣ XVIII вѣка. Брилліантовая отдѣлка увеличиваетъ впечатлѣніе богатства всей вещи. Приборъ заключаетъ въ себѣ обычное количество золотыхъ, всегда повторяющихся въ подобныхъ приборахъ, очень изящно сработанныхъ,

Лазуриковая коробочка для мушекъ въ золотой оправѣ.
Русская раб. XVIII в.
(Императорскій Эрмитажъ).
Boîte à mouches en pierre d'azur montée en or.
Travail russe. XVIII-e s.
(Ermitage Impérial).

но болѣе или менѣе ненужныхъ предметовъ, приближающихъ самую вещь къ игрушкѣ: маленькія узкія таблетки изъ слоновой кости для переписки въ присутствіи постороннихъ, крошечныя ножницы, щипчики, перочинный ножъ, ухочистка и т. п., а въ особой подвѣскѣ сбоку помѣщается и золотой наперстокъ. Приборъ этотъ принадлежалъ Императрицѣ Екатеринѣ Второй.

Изъ четырехъ табакерокъ, соединенныхъ нами здѣсь на одной таблицѣ, одна — англійской работы; по крайней мѣрѣ въ ней замѣтны тѣ же техника и обработка камня, что и въ описанномъ приборѣ. Относительно трехъ другихъ мы врядъ ли ошибемся, если признаемъ ихъ происхожденіе изъ Германіи, вѣроятно, изъ Дрездена, гдѣ въ то

время извѣстные мастера Neuberg и Taddel отличались произведеніями такого рода, то есть издѣліями изъ цвѣтныхъ и полудрагоцѣнныхъ камней. Ни на одной изъ табакерокъ этихъ мы не нашли клеймъ мастера, что тоже говоритъ въ пользу нашего предположенія: Парижъ или Петербургъ не преминули бы поставить клейма, и только въ Германіи ювелирныя работы не штемпелевались. То же нужно сказать про плоскій флаконъ, составленный изъ двухъ совершенно одинаковыхъ и выдающихся по красотѣ кусковъ лазуреваго камня; онъ когда то принадлежалъ Екатеринѣ Великой. Эта Государыня владѣла и воспроизводимой нами коробочкой для мушекъ, представляющей особый интересъ. Чеканный золотой рельефъ ажурной работы покрываетъ крышку, состоящую изъ пластинки лазурика, бѣлыя пятна котораго должны вызывать представленіе объ облакахъ. Рельефъ изображаетъ мальчиковъ, катающихъ яйца, и группу молодыхъ людей, развлекающихся на качеляхъ. Такъ какъ подобныя праздничныя игры всегда были незнакомы западной Европѣ, то мы можемъ думать, что табакерка эта исполнена въ Россіи и послужила пасхальнымъ подаркомъ. Внутри она тоже прелестна; лазуриковый корпусъ дѣлится на три части, прикрывающіяся крышками изъ горнаго хрусталя, фасетированнаго съ обѣихъ сторонъ, въ золотой оправѣ, пропускающими видъ на синее дно коробки.

Бар. А. Фелькерзамъ.

Табакерки изъ лазуреваго камня. XVIII в.
(Императорскій Эрмитажъ).

Tabatières en lapis-lazuli monté en or et pierreries. XVIII-e s.
(Ermitage Impérial).

Вазочка изъ лазуреваго камня въ бронзовой оправѣ. Французская раб. XVIII в. (Собр. П. П. Вейнера).

Vase en pierre d'azur, monté en bronze doré. Travail français. XVIII-e s. (Coll. P. P. Weiner).

Если и въ настоящее время Петербургъ не можетъ похвалиться обиліемъ мѣстъ для продажи художественныхъ произведеній, то уже a priori можно предположить, что въ XVIII вѣкѣ продажа художественныхъ произведеній была вовсе не организована и принимала весьма любопытныя формы.

Оговоримся: мы не хотимъ разсматривать продажу художественныхъ произведеній меценатамъ и истиннымъ любителямъ искусства. Насъ интересуетъ рядовой, средній обыватель; намъ хотѣлось бы прослѣдить и выяснить распространеніе художественныхъ произведеній въ массѣ; намъ хотѣлось бы, — выражаясь экономически, — опредѣлить размѣръ рынка сбыта и выяснить продукты этого сбыта. Къ сожалѣнію, тотъ матеріалъ, который нами розысканъ, носитъ случайный характеръ и очень немногочисленъ; поэтому мы лишены возможности нарисовать широкую картину, высказаться вполнѣ опредѣленно и дадимъ только рядъ эскизовъ, быть можетъ, небезынтересныхъ и выскажемъ рядъ предположеній и догадокъ. Но такъ какъ, насколько намъ извѣстно, наша работа является почином въ этомъ направленіи, то, смѣемъ думать, она будетъ небезполезна хотя бы тѣмъ, что дастъ довольно подробную сводку хотя части матеріала и послужитъ толчкомъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Извѣстно, что спросъ всегда рождаетъ предложеніе, а не наоборотъ. Одной изъ формъ видимаго проявленія спроса является общепринятая съ незапамятныхъ временъ форма объявленій, твердо воцарившаяся съ появленіемъ газетъ на газетныхъ столбцахъ. Мы и взяли на себя трудъ собрать объявленія о продажѣ художественныхъ про-

изведеній, появлявшіяся въ единственной, издававшейся въ Петербургѣ, газетѣ «Санктпетербургскія Вѣдомости».

Первое объявленіе, найденное нами, относится къ 1733 году. Оно гласило: «2 Апрѣля сего 1733 года въ началѣ 5 часа имѣютъ въ домѣ Генерала ле Форта чрезъ Меклера Павла Шамеца проданы различныя живописныя картины, зеркала, ящики, кабинеты». [1]

Извѣщеніе, какъ видимъ, въ достаточной степени лаконическое; присоединимъ къ нему второе по времени, относящееся къ 1736 году: [2] «Въ будущую пятницу то есть 17 Декабря, чрезъ публічнаго Аукціониста при Кадетскомъ корпусѣ въ большомъ деревянномъ домѣ у саду, имѣютъ разныя изрядныя картіны, также и другія живописныя вещи славныхъ Мастеровъ проданы быть, которыя можно за два дня до продажи въ домѣ г-жи Ветекінды видѣть».

Это объявленіе представляетъ собою какъ бы образецъ подобныхъ извѣщеній; въ этой редакціи извѣстія о продажѣ художественныхъ произведеній печатались долгое время. Разберемъ нѣсколько подробнѣе это извѣщеніе. Продажа картинъ, какъ видимъ, была публичная и дѣлалась «чрезъ аукціониста», т. е. помощью аукціона. Начало аукціона, какъ видно изъ перваго объявленія, назначалось въ пятомъ часу. Здѣсь нельзя не указать на маленькую подробность: обыкновенные аукціоны, на которыхъ продавались нужные для всѣхъ предметы обихода, назначались на утро. Выборъ болѣе поздняго времени, конечно, свидѣтельствовалъ о томъ, что эти аукціоны были не продолжительны и, кромѣ того, что на нихъ съѣзжались люди болѣе или менѣе знатные, которые не то, чтобы поздно вставали — въ то время день и у знатныхъ людей начинался рано — но бывали по утрамъ заняты государственной службою. Затѣмъ, изъ второго объявленія, мы видимъ, что разрѣшался предварительный осмотръ картинъ, въ данномъ случаѣ за 2 дня, но обыкновенно эта предварительная выставка картинъ была болѣе долговременной, не менѣе недѣли или даже двухъ. Самыя картины въ извѣщеніяхъ обозначались анонимно, безъ именъ мастеровъ: «изрядныя», «живописныя», «лучшихъ мастеровъ» и т. д. Но вскорѣ почти на каждомъ аукціонѣ покупателямъ предлагали и «реестры картинъ», то есть каталоги; есть рядъ указаній, что они были печатные — на русскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ, а иногда и на обоихъ вмѣстѣ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось отыскать ни одного экземпляра. Такимъ образомъ первая и наиболѣе распространенная форма продажи художественныхъ произведеній была аукціонъ. Приведемъ рядъ примѣровъ. Вотъ какъ извѣщали о продажѣ картинъ въ 1748 г.: [3] «Охотникамъ до хорошихъ картинъ симъ объявляется, что довольное число оныхъ 27 Іюля по полудни въ 4 часу въ бывшемъ Риддеровъ домѣ у Галернаго двора чрезъ Аукціониста Меллера, съ публичнаго торгу продано быть имѣетъ. Оныя картины показываны будутъ охотникамъ съ 21 числа Іюля по самой день продажи, а росписи имъ на Рускомъ и Нѣмецкомъ языкѣ въ помянутомъ домѣ во второмъ жильѣ, (т. е. этажѣ) и у Аукціониста Меллера на Васильевскомъ острову безденежно раздаваны быть имѣютъ». Съ этимъ аукціономъ вышла какая то заминка, и появилось

такое второе извѣщеніе: [4] «Симъ объявляется, что отложенная картинамъ продажа въ бывшемъ Риддеровомъ домѣ по ту сторону крюкова канала (не забудемъ, что Крюковъ каналъ шелъ изъ Невы по нынѣшней Благовѣщенской улицѣ; въ этой своей части, при постройкѣ Николаевскаго моста, онъ заключенъ былъ въ существующую и по днесь трубу) въ верхнемъ жильѣ, въ будущую среду то есть 3 числа будущаго Августа въ 4 часу по полудни всеконечно начнется и оныя картины до помянутой продажи всегда видѣть можно».

Иногда давалось болѣе подробное указаніе на составъ аукціона: [5] «Сего Декабря 24 числа у Галернаго двора въ домѣ дворянина Демидова у Аглінскаго трактирщика Рубло съ публичнаго торгу продаваться будетъ собраніе нѣсколькихъ живописныхъ ландшафтовъ, морскихъ картъ и другихъ піэсъ славныхъ живописцовъ». Въ 1764 г. читаемъ: [6] «Въ Миліонной въ домѣ дворянина Прокофья Акинфіевича Демидова, сего 8 Мая то есть въ субботу по полудни въ 4 часу будетъ продажа чрезъ аукціонъ многимъ Италіанскимъ картинамъ историческимъ, портретнымъ и ландшафтнымъ, о чемъ чрезъ сіе объявляется». Вотъ еще одно странное, на нашъ современный взглядъ, опредѣленіе картинъ, странное тѣмъ болѣе, что относится къ позднѣйшему времени, 1795 году: [7] «Марта 2 и въ послѣдующіе дни продаваться будетъ на Невской перспективѣ въ маскерадныхъ Ліона покояхъ собраніе отборнѣйшихъ живописныхъ кабинетныхъ и галлерейныхъ картинъ работы славнѣйшихъ мастеровъ. Продажа будетъ по утру отъ 10 часовъ до обѣденнаго времени, а послѣ полудни отъ 3 часовъ до вечера. Любители живописи могутъ картины сіи до продажи смотрѣть вседневно». [8]

Всѣ вышеприведенные аукціоны были, такъ сказать, добровольными, но бывали аукціоны и обязательные — въ случаѣ конфискаціи имущества или смерти владѣльца. Изъ первыхъ укажемъ особенно на одинъ, интересный по имени того лица, у котораго онъ производился; въ 1737 г. почти цѣлый годъ печаталась, [9] «роспись вещамъ князя Кантеміра, назначенныхъ въ аукціонный торгъ». Въ этой росписи, кромѣ домовъ, мебели и другого имущества Кантеміра, были и «Святые Іконы въ окладахъ серебреныхъ, вызолоченныхъ, картины печатные по бумагѣ и живописные въ рамахъ». Какъ на примѣръ продажи послѣ умершихъ укажемъ на слѣдующее извѣщеніе: [10] «По указу Санктпетербургскаго Надворнаго суда Времяннаго 2-го Департамента продаваться будетъ послѣ умершаго Маркиза Деграведя не малое количество живописныхъ лутчихъ мастеровъ картинъ. Продажа имѣетъ быть каждую недѣлю въ среду и субботу пополудни въ 3 часа, выключая табельныхъ дней, при Полиціи въ казенныхъ покояхъ съ задаткомъ 10-ти процентовъ».

Хотя, какъ мы и указали выше, аукціоны были обычаемъ времени, но они были не выгодны для продавцовъ, такъ какъ извѣстный процентъ шелъ въ пользу аукціониста; положимъ съ другой стороны, при аукціонной продажѣ продавецъ не долженъ былъ дѣлать объявленій отъ себя лично и могъ, кромѣ того, имѣть большую увѣренность въ относительно скорой продажѣ, такъ какъ аукціонныя камеры посѣщались охотно. Параллельно съ указанной нами аукціон-

ной продажею, нѣсколько позднѣе, начался торгъ «по вольной цѣнѣ»,[11] какъ говорили въ то время. Можно до извѣстной степени сдѣлать классификацію этого торга, раздѣливъ его на слѣдующія группы: продажа у лицъ отъѣзжающихъ, продажа у художниковъ, у переплетчиковъ, у лицъ неопредѣленныхъ категорій.

Начнемъ съ послѣдней группы. Въ 1750 г. появилось, напримѣръ,[12] извѣщеніе, что «въ большой Морской въ домѣ портнова Кригера продаются изрядныя картины». Кто продавалъ эти картины, самъ ли портной Кригеръ или жилецъ его дома, изъ текста объявленій не видно. Въ 1767 г. наталкиваемся на извѣщеніе, что «въ состоящемъ

„Аукціонъ". Изъ книги: „Зрѣлище природы и художествъ, ч. VIII. Спб. 1788 г.".

противъ Адмиралтейства новопостроенномъ домѣ штукатурнаго мастера Партира продаются высокой работы живописныя картины».[13] Штукатурной или квадраторной работы мастеръ въ то время очень часто именовался художникомъ и во всякомъ случаѣ присоединялъ себя къ подобнымъ, понятно у него могли быть картины.

Приведемъ еще рядъ подобныхъ объявленій: «На дворѣ Аглинской церкви близъ Галернаго двора по задней улицѣ, продаются купферштихи въ рамкахъ и безъ рамокъ повольною цѣною» (1768 г.).[14] «По набережной Невы рѣки въ 8 линіи въ домѣ купца Льва Романова продаются разныя картины за настоящую цѣну». (1775 г.).[15] «На дворѣ Католицкой церкви у Италіанца Піетра Сартори продаются разныхъ сортовъ печатные картины Парижскіе и Лондонскіе, также собраніе

картинъ г. Пиранези и многіе другіе» (1779 г.). [16] «На Васильевскомъ острову въ 7 линіи въ домѣ г. Коллежской Совѣтницы Козловой № 53 будетъ 17 и 18 Октября по полудни въ 3 часа продажа живописнымъ картинамъ оригинальнымъ и копіямъ, гравированымъ, для чтенія служащимъ книгамъ, также оставшимся отъ прежнихъ аукціоновъ вещамъ; хотя и былъ назначенъ аукціонъ Октября 11 дня, но онъ за малымъ собраніемъ отмѣненъ. Картины же можно смотрѣть во всякое время и покупать, кому угодно и безъ аукціона, за сходную цѣну» (1791 г.). [17] «Подлѣ дровянаго магазейна по Мойкѣ № 576 продаются лучшихъ мастеровъ живописныя картины и до 2000 Аглинскихъ эстамповъ» [18] (1793 г.). «Продаются за сходную цѣну 17 маслянымп, а 28 сухими красками писанныхъ картинъ,... которыя видѣть можно идучи отъ Аничкова мосту къ церкви Знаменія на правой рукѣ въ каменномъ подъ № 1758 домѣ» (1793 г.). [19] «На Васильевскомъ острову въ 5 линіи по набережной подлѣ г. Смирнова дома подъ № 35 продается собраніе старинныхъ картинъ разныхъ мастеровъ за 600 рублей, колекція новѣйшихъ картинъ славнѣйшихъ Аглинскихъ мастеровъ и нѣсколько картинъ и рисунковъ древнихъ мастеровъ» (1793 г.). [20] «За Галернымъ дворомъ подлѣ запаснаго дровянаго магазейна № 576 продается собраніе оригинальныхъ живописныхъ картинъ въ золотыхъ рамахъ. Желающіе оное купить или вымѣнять на продукты или иныя какія вещи, могутъ для сего пожаловать къ самому продавцу. У него же имѣются еще аглинскіе и итал. естампы, статуи въ человѣчей ростъ, бюсты изъ мрамора, рѣзные столы и прочая скюлптурная работа» (1795 г.). [21] «3 Адмиралтейской части по Екатерининскому каналу въ церьковномъ домѣ, гдѣ училище, продаются 8 живописныхъ высокой работы картинъ. Желающіе оныя купить могутъ спросить въ томъ же домѣ, взошедъ на дворъ по правой рукѣ въ нижнемъ этажѣ у жилицы Губернской Секретарши Марьи Евреиновой» (1799 г.). [22]

Къ сожалѣнію, изъ приведенныхъ примѣровъ трудно сдѣлать общіе выводы, но всетаки видно, что продажа производилась въ разныхъ концахъ Петербурга, лицами всѣхъ состояній, отъ штукатурнаго мастера до губернской секретарши, въ рѣдкихъ случаяхъ указывалась цѣна картинамъ, и цѣна эта, какъ видно изъ приведеннаго выше примѣра, 600 рублей, не можетъ быть названа низкою, особенно принимая во вниманіе цѣнность денегъ того времени, въ 6 или 7 разъ большую. Видно также, что торгъ картинами не могъ считаться выгоднымъ, когда находили возможнымъ — вымѣнивать ихъ на продукты или откровенно заявлять, что «за малымъ собраніемъ прошлый торгъ былъ отмѣненъ». Наконецъ, изъ этихъ же объявленій видно, что къ концу XVIII вѣка усилилось предложеніе картинъ англійскихъ мастеровъ, а также англійскихъ эстамповъ, что особенно любопытно, въ виду крайней рѣдкости ихъ въ Россіи въ настоящее время.

Что отъѣзжающіе изъ Петербурга иностранцы — особенно чужеземные министры — продавали свои вещи и между ними «изрядныя картины разныхъ мастеровъ» [23] или «градоровальныя фигуры въ золотыхъ рамахъ» [24] весьма понятно: при тогдашнихъ путяхъ сообщенія

перевозка была затруднительна, а продавъ выгодно сѣвернымъ варварамъ, вернувшись съ деньгами домой, легко составить новую коллекцію.

Группа извѣщеній о продажѣ картинъ художниками любопытна и въ томъ отношеніи, что она даетъ нѣкоторыя біографическія данныя. Первый живописецъ, помѣстившій такое объявленіе, былъ нѣкто Яганъ Адолфъ Шевалье [25] — у него въ 1755 г. въ Большой Милліонной въ домѣ купца Дальмана (на углу Зимней канавки, противъ нынѣшняго зданія 1 баталіона лейбъ гвардіи Преображенскаго полка) продавались «новопривезенные изъ заморя живописные шпалеры». Затѣмъ въ 1758 г. съ 17 іюня по 2 іюля происходила продажа [26] «на Васильевскомъ острову въ 1 линіи противъ Кадетскаго корпуса оставшихся «послѣ умершаго Академическаго живописнаго Мастера Гриммеля» вещей, а именно: живописныя изрядныя картины, всякія краски, Казанскіе сани съ крышкою и съ домашнимъ уборомъ». Черезъ два года, въ 1760 г. другое, еще болѣе извѣстное въ Елисаветинское время, лицо, графъ Растрелли, производилъ распродажу своего имущества: «На Адмиралтейской сторонѣ на большой першпективой противъ Гостинаго двора въ домѣ г. Саблукова у г. Графа Растрели, продаются преизрядныя картины лучшихъ мастеровъ, хорошіе уборы, карета, двѣ пары лошадей, одни сѣрые съ яблоками, другіе гнѣдые, съ конскою збруею». [27] Считаемъ умѣстнымъ указать, гдѣ помѣщался домъ Саблукова. Въ настоящее время Армянская церковь занимаетъ по Невскому два мѣста, подъ №№ 40 и 42. Мѣсто подъ № 40 принадлежало первоначально армянскому купцу Назарову, отъ котораго перешло къ придворному ювелиру Ивану Лазареву, мѣсто же подъ № 42 было сквозное, на нынѣшнюю Италіанскую улицу, и имъ владѣлъ Саблуковъ. Здѣсь у него былъ рядъ построекъ, дома, выходившіе на Невскій и на Италіанскую; при послѣднемъ, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ, имѣлись регулярный и фруктовый садъ съ рыбнымъ прудомъ и надворные флигеля. Мраморная доска съ лаконическимъ: «здѣсь жилъ Растрелли» должна была бы украшать современный флигель Армянской церкви и заставлять петербуржцевъ вспоминать о геніальномъ русскомъ италіанцѣ.

Въ 1768 г. публиковалъ о продажѣ картинъ италіанскій живописецъ «Антоніа Перезинотта», [28] который жилъ позади Католицкой церкви; у него продавались «разныя древнихъ и новѣйшихъ живописцовъ картины, представляющія баталіи, архитектуру, звѣрей, плоды, цвѣты»; въ томъ же году продавались «разныя преизрядныя картины и эстампы у живописца Николая де Пери, [29] жительствовавшаго на Литейной улицѣ въ домѣ церкви Великомученика Пантелеймона священника Самуила Васильева»; объ этой продажѣ публиковалось и въ слѣдующемъ 1769 г. [30]. «Придворный живописецъ Эриксенъ, [31] живущій на концѣ большой Милліонной, противъ Лѣтняго саду въ домѣ Грузинскаго Царевича», продавалъ съ публичнаго торга въ 1771 г. золото, серебро, картинки живописныя и печатныя. Наконецъ въ 1788 г. мы нашли слѣдующее характерное извѣщеніе: [32] «Охотникамъ до живописи представляется для покупки славнѣйшихъ мастеровъ собраніе отборнѣйшихъ живописныхъ подлинниковъ, собранныхъ покойнымъ двора Ея Императорскаго Величества живописцемъ Лукасомъ К. Фанцель-

домъ. Картины сіи, составляя все имущество и охоту (?!) сего художественника, которой совершенно зналъ искуство, древнія и избраннѣйшія картины въ цѣлости сохранять и сколько бы онѣ повреждены ни были, доставлять имъ прежнюю ихъ изящность, что не только въ Академіи Художествъ хранящеюся и съ дерева на мѣдную доску имъ снятою славною живописною картиною Алберта Дюра, но и многими другими въ армитажѣ находящимися рѣдкими живописями доказано, въ лучшемъ ихъ состояніи». Что сталось съ этою коллекціею намъ неизвѣстно.

Переходя теперь къ дѣятельности правительственныхъ учрежденій, укажемъ на нѣкоторые единичные примѣры, а также на уста-

„Рисованіе“. Изъ книги: „Зрѣлище природы и художествъ, ч. II. Спб. 1784 г.“.

новившійся съ конца 1770-хъ гг. особенный способъ продажи художественныхъ произведеній.

Однимъ изъ характерныхъ признаковъ 1750—1760-хъ гг. было обиліе лотерей; примѣръ этому дало само правительство Елисаветы Петровны, устроившее для поправленія финансовъ особую государственную лотерею. Частныя лица воспользовались этимъ примѣромъ и разнообразныя лотереи процвѣтали въ Петербургѣ—розыгрывались и драгоцѣнныя вещи, и часы, и «домовые уборы», и «лошадь съ коляскою» и т. д. Въ 1750 г. «у Ягана Самуйла Гейрата, [33] въ домѣ Петра Мейера, подлѣ почтоваго двора скоро разъигрываема быть имѣетъ лотерія, состоящая изъ картинъ, уборовъ и другихъ дорогихъ вещей съ платежемъ за лотъ (т. е. билетъ) по три рубля». Но вообще

картины, какъ выигрышъ, не особенно привлекали публику и такихъ лотерей картинъ было сравнительно мало.

Затѣмъ изрѣдка попадались объявленія о заграничной продажѣ: [34] «Амстердамскіе маклеры Жанъ де Бошъ, Іеронимъ Корнелій Плугъ Фанъ Амстель, І. Корнецъ, Генрихъ де Винтеръ, Бернардъ де Бошъ, Іеронимъ и Жанъ Иверъ будутъ продавать съ публичнаго торгу въ Мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1773 года многочисленное собраніе дорогихъ и самыхъ лучшихъ рисунковъ славнѣйшихъ Голландскихъ и Фламандскихъ живописцевъ, также и преизрядныхъ естамповъ изъ собранія Діонисія Мильмана совѣтника города Амстердама».

Но одной изъ самыхъ распространенныхъ формъ сдѣлалась продажа картинъ на биржѣ до и послѣ биржевого собранія, причемъ картины продавались въ оригинальномъ соединеніи съ другими вещами. Такъ, «14 Генваря 1793 года [35] при С.-Петербургскомъ портѣ по окончаніи биржи» продавались «1 боченокъ гуммію капель, 339 поленъ краснаго сандалу, 6 бочекъ пемзы и нѣсколько живописныхъ картинъ». 11 Мая того же года [36] была «продажа партіи живописныхъ картинъ и партіи чернослива въ ящикахъ»; въ 1794 г. продавались одновременно «живописныя лучшихъ мастеровъ картины и точильные камни»; [37] въ 1799 г. «собраніе изящныхъ живописныхъ картинъ да нѣсколько бочекъ нюхательнаго табака». [38] Объясняется это просто: шкипера заграничныхъ судовъ привозили какой нибудь товаръ и за одно брали нѣсколько картинъ отъ знакомыхъ изъ Голландіи, Гамбурга и другихъ городовъ.

Но иногда на биржѣ производилась и спеціальная торговля картинами, такъ [39] «въ 1779 году 5 Сентября и вь слѣдующіе дни, «во время биржи въ биржевой залѣ будутъ продаваться послѣ обѣда въ три часа разныя собранныя кабинетныя картины славныхъ мастеровъ, желающіе покупать, могутъ ихъ осмотрѣть за благовременно за 3 дни до продажи. Каталогъ означеннымъ картинамъ получить можно въ биржевой залѣ у служителя онагожъ зала». Покупатели являлись, аукціонъ шелъ бойко, картины распродавались и записывались за покупателями — владѣлецъ собранія радостно потиралъ руки, но, оказывается, радость его была преждевременная: покупатели не вносили деньги за купленныя картины и, конечно, не брали ихъ изъ биржевого зала. Тогда появлялась угроза со стороны торговца: [40] «господамъ покупщикамъ, кои въ Іюнѣ и Іюлѣ купленныя ими картины не взяли, объявляется, чтобъ они къ новому аукціону благоволили ихъ взять; въ противномъ случаѣ таковые впредь къ торгу безъ задатку допущены не будутъ; а не взятыя картины на щетъ оныхъ съ показаніемъ ихъ имянъ перепроданы будутъ». Но, кажется, эта угроза не была дѣйствительною, потому что мы очень часто встрѣчаемся съ повтореніемъ продажи «на щетъ покупщиковъ живописныхъ въ прошломъ году купленныхъ, но покупщиками (коихъ имена при продажѣ объявлены будутъ) еще не взятыхъ картинъ». [41]

Одна изъ подобныхъ биржевыхъ продажъ безусловно любопытна, такъ какъ приводится и имя мастера и описаніе этой картины: [42] «на биржѣ выставлена для продажи оригинальная картина славнаго

живописца Фандика (ванЪ ДейкЪ), представляющая Рыцаря, лѣтописателя и стихотворца Корнеліуса Питерса Гофта, Муйденскаго градоначальника, сЪ женою, сыномЪ и двумя дочерьми (двойни), со служанкою, лошадью и двумя гончими собаками, а вЪ дали видны городЪ и замокЪ МуйденЪ, на оной же картинѣ показано лѣто MDCXLIIII или 1644 годЪ, вышиною же она 53, а шириною 57 дюймЪ».

П. Столпянскій.

(Продолженіе слѣдуетЪ).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. «С.-Петербургскія ВѢдомости», 1733, № 26, ст. 110. 2. ТамЪ же, 1736, № 101, ст. 810. 3. ТамЪ же, 1748, № 37, ст. 456. 4. ТамЪ же, 1748, № 61, ст. 486. 5. ТамЪ же, 1761, № 102. 6. ТамЪ же, 1764, № 35. 7. ТамЪ же, 1795, № 16, ст. 322. 8. Укажемъ, что нами найдены, кромѢ приведенныхъ въ текстѢ, слѢдующія извѢщенія объ аукціонныхЪ продажахЪ картинЪ: «С.-Петербургскія ВѢдомости»: 1745, ст. 568; 1750, ст. 167; 1759, ст. 247, 415; 1761, №№ 9, 19, 97; 1762, № 3; 1763, №№ 65, 75; 1764, №№ 6 (два объявленія) 20, 70; 1766, №№ 15, 44, 71, 95; 1772, №№ 34, 83; 1795, №№ 30, 35. 9. ТамЪ же, 1737, № 19, ст. 155. 10. ТамЪ же, 1799, ст. 867. 11. Такого сорта объявленія мы нашли: 1750, ст. 16; 1761, № 75; 1767, № 1; 1768, № 49; 1771, № 58; 1775, № 10; 1779, № 63; 1791, № 82; 1793, №№ 26, 31, 36, 37; 1794, № 103; 1795, №№ 11, 12, 17, 24; 1799, № 22. 12. ТамЪ же, 1750, № 2, ст. 15. 13. ТамЪ же, 1767, № 1. 14. ТамЪ же, 1768, № 49. 15. ТамЪ же, 1775, № 10. 16. ТамЪ же, 1779, № 63, ст. 956. 17. ТамЪ же 1791, № 82, стр. 1651. 18. ТамЪ же, 1793, № 26, ст. 568. 19. ТамЪ же, 1793, № 36, ст. 803. 20. Тамъ же, 1793, № 37, ст. 825. 21. ТамЪ же, 1795, № 1, ст. 9. 22. Тамъ же, 1799, № 22, ст. 495. 23. ТамЪ же, 1761, № 54. 24. Тамъ же, 1762, № 1. 25. ТамЪ же, 1755, № 49. 26. ТамЪ же, 1758, №№ 46, 51. 27. ТамЪ же, 1760, № 86. 28. ТамЪ же, 1768, № 10. 29. ТамЪ же, 1768, № 69. 30. ТамЪ же, 1769, № 69. 31. ТамЪ же, 1771, № 100. 32. ТамЪ же, 1788, ст. 494. 33. ТамЪ же, 1750, № 37, ст. 294. 34. ТамЪ же, 1772, № 103. 35. ТамЪ же, 1793, № 3, ст. 48. 36. ТамЪ же, 1793, № 36, ст. 806. 37. ТамЪ же, 1794, № 82, ст. 1918. 38. Тамъ же, 1799, № 41, ст. 979. 39. ТамЪ же, 1779, № 71, ст. 1073. 40. ТамЪ же, 1792, № 62, ст. 1205. 41. Тамъ же, 1794, № 45, ст. 1092. 42. ТамЪ же, 1790, № 65, ст. 1060.

В. А. Верещагинъ. Русская карикатура III. А. О. Орловскій.

По обыкновенію и этотъ третій выпускъ Русской карикатуры отличается поразительной любовностью и тщательностью изданія и самаго изслѣдованія. Изданіе превосходно во всѣхъ отношеніяхъ: обиліе отлично выполненныхъ воспроизведеній (болѣе 45 внѣ текста и 25 въ текстѣ), бумага, печать типографіи «Сиріусъ», красивая обложка и заглавный листъ Е. Нарбута, очень хорошо подобранныя виньетки и концовки и пр. Очень хорошо и живо, по обыкновенію, написанъ текстъ, гдѣ помимо оцѣнки дарованія и біографическихъ подробностей такъ интересны нравы эпохи, быта, среды, окружавшихъ художника. Авторъ выходитъ за предѣлы своихъ скромныхъ задачъ. По обилію матеріала передъ нами подлинное изслѣдованіе.

И вотъ чувствуется нѣкоторое сожалѣніе, что столько труда, вкуса, любовности какъ бы въ несоотвѣтствіи съ значительностью темы. Авторъ отлично видитъ недостатки Орловскаго, какъ художника, несовершенство его техники, неправильность и слабость рисунка и пр. Но тѣмъ не менѣе находитъ у него «смѣлый и размашистый штрихъ, которымъ онъ съ изумительной ловкостью схватывалъ типичныя особенности изображаемыхъ предметовъ». Едва ли съ этимъ можно согласиться. Рисунки Орловскаго представляютъ крупнѣйшій интересъ, какъ реалистическія попытки, какъ изображенія быта, типовъ, обстановки эпохи. Въ нѣкоторыхъ карикатурахъ его, особенно сдѣланныхъ перомъ, напримѣръ на Кваренги, есть характерность и бойкость. Но почти вездѣ у него слишкомъ силенъ элементъ посредственности и дилеттантства. Стоитъ только сравнить его работы

съ рисунками хотя бы Кипренскаго и Венеціанова. И въ карикатурахъ его слишкомъ чувствуется именно невладѣніе формой, часто даже неумѣнье поставить фигуры, справиться съ простыми раккурсами. Весь обликъ, вся фигура Орловскаго, вся его жизнь дѣйствительно живописны, интересны и характерны для эпохи, мимо него нельзя пройти, не отмѣтивъ, какъ слишкомъ замѣтное явленіе въ исторіи нашей живописи начала XIX в.; наконецъ, его художество влечетъ къ себѣ, какъ всякая старина. Но какъ то обидно, что онъ дождался такого прекраснаго изданія, котораго не дождались еще нѣкоторые мастера, гораздо болѣе значительные. Впрочемъ, сами по себѣ изданія В. А. Верещагина такого высокаго культурнаго и художественнаго порядка, что темы всегда какъ бы исчерпываются внѣшностью и историко-художественная цѣнность изданій кажется абсолютной. — А. Ростиславовъ.

Калуга. Опытъ историческаго путеводителя по Калугѣ и главнѣйшимъ центрамъ губерніи. Составилъ Д. Малининъ при участіи С. Чернышева и С. Персональнаго. (Съ приложеніемъ 17 снимковъ, карты губерніи и плана Калуги). Изданіе Калужской экскурсіонной коммисіи. Цѣна 1 р. 25 к.

Нельзя не отнестись съ полнѣйшей симпатіей къ изданію этихъ историческихъ путеводителей, предпринимаемому экскурсіонными коммисіями Министерства Народнаго Просвѣщенія. По своей внѣшней скромности они не могутъ претендовать на художественность, но могутъ оказать большую услугу для ознакомленія со стариной въ провинціи.

Большую часть настоящаго изданія, удачнаго по формату, занимаетъ хорошо, подробно и любовно составленный историческій очеркъ Д. Малинина, мѣстнаго преподавателя исторіи и члена мѣстной ученой архивной коммисіи. Не претендуя на научность, авторъ тѣмъ не менѣе впервые опубликовываетъ нѣкоторые мѣстные матеріалы. Кромѣ того, что особенно цѣнно, въ немъ замѣтенъ большой интересъ къ художественной сторонѣ памятниковъ старины и знакомство съ литературой по такимъ вопросамъ. Благодаря этому, вѣроятно, путеводитель и иллюстрированъ, мѣстами очень удачно взятыми, спеціально для изданія сдѣланными фотографіями. — А. Р—въ.

Вышла изъ печати книга бар. Н. Н. Врангеля «Вѣнокъ Мертвымъ». Въ этотъ сборникъ вошелъ рядъ статей, появившихся въ «Старыхъ Годахъ» — «Романтизмъ въ живописи Александровской эпохи и Отечественная война» (1908 г.), «Помѣщичья Россія» (1910 г.), «Иностранцы XVIII в. въ Россіи» (1911 г.) — и «Русская женщина въ искусствѣ», написанная по поводу выставки, устроенной Кружкомъ Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій въ 1911 г. Изданія, въ которыхъ были помѣщены эти статьи, давно распроданы и въ виду вызваннаго ими интереса появленіе ихъ вновь въ отдѣльномъ сборникѣ можно считать услугою читателямъ. Книга украшена прелестными силуэтами на мѣстахъ заставокъ, очень удачно подобранными, и иллюстрирована довольно обильно, причемъ цѣлый рядъ воспроизведеній появляется въ печати впервые. Цѣна книги очень скромная — 2 р. 25 к.

А. В. Морозовъ: Каталогъ моего собранія гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ. Т. II. Д — Л. Москва. 1913.

Во II-мъ томѣ, какъ и въ I, немало чрезвычайно рѣдкихъ и интересныхъ листовъ, среди которыхъ имѣются уники; изъ числа портретовъ Императрицы Елисаветы Петровны — работы Шмидта съ Токкэ до подписи (изъ собранія гр. Д. И. Толстого), листъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ оцѣненный Фельтеномъ въ 3.000 р. и другая уника — правая половина богословскаго тезиса 1743 г., гравированнаго Зубовымъ. Изъ числа рѣдчайшихъ листовъ мы можемъ указать на гравюру съ аллегорической картины Лагренэ 1758 г. въ память основанія Академіи Художествъ и портреты: патріарха Ефрема I, Іоанна Антоновича, С. А. Кожина, вел. кн. Константина Павловича, гравированный Березниковымъ, Е. И. Кострова, М. А. Львовой работы Майеръ, неоконченный портретъ Г. Дау (изъ собранія гр. Д. И. Толстого) и др.

Въ числѣ портретовъ и различныхъ ихъ отпечатковъ, не описанныхъ Ровинскимъ, указано 20 отпечатковъ различныхъ портретовъ одной Императрицы Екатерины II, между которыми описанъ портретъ (№ 273), гравированный А. Вороновымъ, имя котораго совсѣмъ не значится въ изданіяхъ Ровинскаго, а также портреты: кн. Е. Р. Дашковой, гравированный и изданный самимъ Скородумовымъ въ Лондонѣ, В. Х. Дерфельдена, И. И. Дмитріева, И. С. Дорохова, гравированный Храмцовымъ, совсѣмъ не указанный Ровинскимъ, ранній портретъ 1814 г. Д. С. Дорохова (у Ровинскаго самый ранній 1817 г.); и др.

Что касается приложенныхъ фототипій, то воспроизведеніе нѣсколькихъ портретовъ одного лица, какъ пяти портретовъ кн. А. Б. Куракина, намъ кажется нѣсколько излишнимъ и было бы интереснѣе, если бы вмѣсто нихъ были воспроизведены тѣ, которые не описаны у Ровинскаго. Въ числѣ воспроизведенныхъ портретовъ имѣются даже тѣ, доски которыхъ существуютъ донынѣ и даютъ еще весьма недурные оттиски, что является излишнимъ, такъ какъ удорожаетъ изданіе, и безъ того малодоступное широкой публикѣ.

В. Адарюковъ.

Въ только что вышедшемъ пятомъ (послѣднемъ) томѣ «Полнаго Собранія Сочиненій М. Ю. Лермонтова», входящаго въ составъ Библіотеки Русскихъ Писателей, издаваемой Разрядомъ изящной словесности Императорской Академіи Наукъ, между прочимъ, отведено мѣсто Лермонтову, какъ художнику. Сначала бар. Н. Н. Врангель съ обычнымъ мастерствомъ даетъ характеристику такого его творчества, сохранившагося въ набраскахъ, рисункахъ, аквареляхъ и даже картинахъ масляными красками; затѣмъ въ особой статьѣ Б. С. Мосоловъ составляетъ подробный списокъ произведеній поэта. Находятся послѣднія, главнымъ образомъ, въ Лермонтовскомъ музеѣ и въ Императорской Публичной Библіотекѣ, остальныя — въ частныхъ собраніяхъ, между прочимъ автопортретъ у г. Пантелѣева.

Въ этомъ же томѣ бар. Врангель описываетъ иллюстрированныя изданія Лермонтова и приходитъ къ грустному выводу, что современники не иллюстрировали его сочиненій, а послѣдующія попытки всѣ удручающе неудачны. — П. В.

Въ брюссельскомъ издательствѣ G. van Oest только что вышла очень изящно изданная и хорошо иллюстрированная книжка «Valentin Séroff. Etudes sur sa vie et son œuvre», написанная нашей соотечественницей г-жей Marie Kovalensky. Можно только горячо привѣтствовать починъ издательства знакомить иностранныхъ читателей съ русскимъ искусствомъ посредствомъ отдѣльныхъ книжекъ объ нихъ и будемъ надѣяться, что за этимъ первымъ опытомъ послѣдуютъ не менѣе удачные другіе, посвященные нашимъ старымъ мастерамъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

F. Ingersoll-Smouse: La sculpture funéraire en France au XVIII-e s.
Paris, Schemit. — 8°. Илл. — 15 фр.

Emile Bayard: L'art de connaître les styles. Le style Louis XIV.
Paris, Garniers. — 8°. 188 илл. — 3 фр.

E. Depitre: La toile peinte en France au XVII-e et au XVIII-e siècles.
Paris, Rivière. — 8°. — 9 фр.

E. Gorer, J. F. Blacker: Old Chinese Porcelain and Hard Stones.
London, Quaritch. — 4°. 2 т. 254 цв. илл. — 10 гиней.

Luzio: La galleria Gonzaga venduta all' Inghilterra nel 1627 — 1628.
Milano, Cogliati. — 8°. Илл. — 28 л.

A. Mayer: Der Gefühlsausdruck in der bildenden Kunst.
Berlin, Cassirer. — 8°. 14 илл. — 3 м. 50 пф.

M. Stübel: Christian Ludwig von Hagedorn, ein Sammler des XVIII. Jhrh.
Leipzig, Klinkhard & Biermann. — 8°. — 6 м.

Internationale Bibliographie der Kunstwissenschaft. Hersg. v. O. Fröhlich.
Berlin, B. Behr. — 8°. 8-й т. — 18 м.

НАСЛѢДІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ.

Такое названіе носитъ открывшаяся въ Эрмитажѣ 30 апрѣля выставка картинъ. Она устроена Обществомъ Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины, и по счету является уже третьей этого Общества. Общество намѣтило рядъ выставокъ, цѣль которыхъ — ознакомить широкую публику съ малодоступными ей произведеніями искусства, находящимися въ частныхъ рукахъ. Нельзя отъ души не привѣтствовать этой затѣи и не ожидать съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ послѣдующихъ выставокъ. Настоящая выставка составлена изъ картинъ, принадлежащихъ С. В. фонъ Денъ и С. В. Шереметеву, которымъ онѣ перешли по наслѣдству отъ ихъ бабушки, великой княгини Маріи Николаевны. Конечно художественное наслѣдіе, оставшееся послѣ великой княгини, просвѣщенной собирательницы, не исчерпывается выставкой и въ этомъ случаѣ названіе «Наслѣдіе великой княгини Маріи Николаевны» можетъ быть нѣсколько широко и неточно. Едва ли не лучшія вещи (изъ нихъ многія появились на выставкѣ «Старыхъ Годовъ» 1908 г.), собранныя великой княгиней составляютъ нынѣ собственность наслѣдниковъ герцога Г. М. Лейхтенбергскаго, кн. Кочубей, Принцессъ Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской и Маріи Максимиліановны Баденской.

Осмотримъ выставленныя на мольбертахъ среди колоннъ вестибюля картины, начавъ съ италіанцевъ. Среди нихъ наиболѣе замѣчательными являются: чудесная по горестному выраженію «Скорбящая Богоматерь» работы Сандро Боттичелли * (по мнѣнію Э. К. фонъ Лип-

* Л. Вентури приписываетъ ее Я. дель Селайо.

гарта — парная къ изображенію Христа въ галереѣ въ Бергамо) и другая Богоматерь типично-умбрійская съ младенцемъ Христомъ мастерской Перуджино. Хорошъ и «Святой Севастіанъ», приписанный Джакомо Франча. Молодой святой спокойно прислонился къ стволу дерева, не чувствуя боли отъ пронзившей его тѣло стрѣлы, въ той равнодушно мечтательной позѣ, въ которой обыкновенно изображали Св. Севастіана художники кваттроченто и начала чинквеченто. Другой «Святой Севастіанъ», выставленный тутъ же (№ 19), кисти неизвѣстнаго болонца XVII вѣка уже весь страдаетъ отъ боли мученія, онъ театрально возвелъ глаза къ небу, полные слезъ. Въ этой разницѣ передачи сказывается эволюція пониманія италіанскими художниками задачъ живописи въ теченіе разныхъ столѣтій.

Что касается головы Христа, опредѣленной какъ работа Тиціана, то живопись ея настолько пострадала (переписана верхняя часть головы, вся картина какъ бы смыта и затѣмъ затерта битюмомъ), что развѣ только нѣсколько густыхъ мазковъ и смѣлыхъ бликовъ осталось отъ кисти великаго венеціанца. Близкая картина Ecce Homo находится въ Амброзіанѣ въ Миланѣ (кат. № 22).

Назовемъ остальныя италіанскія картины: голову дѣвочки, приписанную Бароччо, большую широко писанную композицію Леандро Бассано «Милосердіе самарянина» и двухъ Тіеполо. № 27 — «боцетто» кисти старшаго Тіеполо являетъ мученическую кончину какого то святого (въ каталогѣ значится Николая Мирликійскаго. Почему ?) съ явленіемъ ему въ небесахъ Святой Троицы. Картина Тіеполо младшаго * — декоративные «Амуры», очевидно часть комнатной декораціи. Рисунки, напоминающіе эту композицію хранятся въ музеѣ Корреръ въ Венеціи, а одинъ изъ нихъ въ собраніи П. П. Вейнера. Наконецъ, интереснымъ италіанскимъ произведеніемъ является граціозный эскизъ Стефана Торелли, придворнаго живописца Екатерины II, изображающій эту Императрицу въ образѣ Минервы. Варіантъ этой композиціи въ значительно увеличенномъ размѣрѣ находится у кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова въ Петербургѣ. Мнѣ кажется, что № 17 «Бытовая сцена въ Италіи», опредѣленная каталогомъ какъ работа неизвѣстнаго Французской школы, скорѣе работа италіанскаго мастера XVII вѣка.

Нидерландская школа представлена одной картиной, автора которой каталогъ правильно, по всѣмъ вѣроятіямъ, ищетъ вокругъ Схореля; фламандская школа — шестью. Изъ нихъ самая интересная подписная картина Яна Зибрехтса. Зибрехтсъ — прекраснѣйшій и интереснѣйшій пейзажистъ, который все болѣе и болѣе входитъ въ моду. И правда, трудно не любить его индивидуальное творчество, которое стоитъ особнякомъ, какъ творчество Вермэра или братьевъ Ле-Нэнъ. Нельзя не полюбить его пейзажи, такъ своеобразно трактованные, съ трепетными серебристо зелеными деревьями, съ силуэтомъ антверпенскихъ церквей, съ фигурами широко и цвѣтисто писанными, дѣлающими его ландшафты жанровыми картинами. Выставленное произведеніе Зибрехтса помѣчено 1666-мъ годомъ — той же датой, какъ и

* Л. Вентури приписываетъ ихъ Якопо Гверана, по его мнѣнію, автору также панно музея Штиглица.

его шедевръ Антверпенскаго музея «Святой Францискъ проповѣдуетъ звѣрямъ», гдѣ въ лѣсу, въ зелени глубокой, многоцвѣтной и манящей, художникъ разсыпалъ множество пестрыхъ птицъ и звѣрей.

Интересенъ и подписной «Видъ у канала», авторъ котораго Схувардтсъ (въ каталогѣ онъ ошибочно названъ Схуверд съ и подпись дана невѣрно). Берегъ канала оживленъ множествомъ фигурокъ въ пестрыхъ одеждахъ, повозками, пирующими крестьянами; на водѣ плаваютъ лодки, люди толпятся на мосту, это какой то народный праздникъ — ярмарка. Стаффажъ доминируетъ надъ пейзажемъ и разбивъ картину на группы, получаешь массу мелкихъ веселыхъ и остроумныхъ сценокъ. По композиціи она напоминаетъ творенія Схувардтса въ галлереѣ князя Арамберга въ Брюсселѣ. Третья миніатюрная картина фламандской школы «Голгоѳа» близка къ маленькой круглой также миніатюрной композиціи Д. Винкбонса Эрмитажа (кат., № 1701); четвертая, неизвѣстнаго портретиста, изображаетъ одѣтаго въ темное мужчину. Портретъ принадлежитъ къ «вандейковскому» кругу; къ сожалѣнію, его сгубила позднѣйшая реставрація (такъ же, какъ и № 6 «мужской портретъ», приписанный Корнелису де Восъ). «Реставраторъ» оживилъ губы вермильономъ, прорѣзалъ ихъ карминомъ и причудливо растрепалъ волосы — придавъ портрету совсѣмъ не тотъ видъ, который хотѣлъ ему придать художникъ.

№ 4 «Любовная сценка», приписанная Бредалю, возбуждаетъ сомнѣніе и совершенно правильно въ каталогѣ поставленъ при ней вопросительный знакъ.

Картинъ голландскихъ на выставкѣ имѣется пять. Прежде всего вниманіе, конечно, идетъ къ зеленоватой картинкѣ съ изображеніемъ на ней головы старухи. Это — мать Рембрандта. На фонѣ замѣтны: буква R и годъ 1627 или 1623. Въ послѣднемъ случаѣ ее пришлось бы отнести къ самымъ раннимъ изъ до сихъ поръ извѣстныхъ твореній Рембрандта, подлинныхъ образцовъ которыхъ мы еще не видѣли. Въ каталогѣ за именемъ Рембрандта стоитъ вопросительный знакъ, и мнѣ кажется, что составитель каталога правильно думаетъ, что картина исполнена по гравюрѣ. Дѣйствительно, по техникѣ ни одна ранняя вещь Рембрандта не походитъ на разбираемую нами: ни Берлинскій «Мѣняла» (1627 г.), ни Штутгартскій «Апостолъ Павелъ въ темницѣ» (1627 г.). Гравюра, по которой могла быть исполнена выставленная картина, помѣщена въ VIII томѣ Klassiker der Kunst, на стр. 125 въ числѣ сомнительныхъ и называется «La vieille à la bouche pincée» (1628, Bartsch, 352). Правильно и остроумно, намъ кажется, опредѣленъ бар. Н. Н. Врангелемъ пейзажъ «рейсдалевскаго» типа, который слѣдуетъ считать за работу не самого знаменитаго Якоба Рейсдаля, а произведеніемъ его двоюроднаго брата Якоба Рейсдаля II, сына извѣстнаго Саломона. Маленькій ночной пейзажъ не внушаетъ никакого подозрѣнія. Это — типичная работа Арта ванъ деръ Нэра, поэтичнаго передателя голландскихъ ночей. Спокойная лунная ночь надъ каналомъ съ тѣнями лодокъ, мельничныхъ крыльевъ, парусовъ и деревьевъ, съ жирно написанной луной. Очень красивъ и портретъ, приписанный Морельсе. Мягко написаны лицо и тонкіе расчесанные во-

лосы, ниспадающіе на пѣну кружевъ бѣлаго воротника. Рядомъ съ этимъ портретомъ, упомянемъ изображеніе Меланхтона мастерской Кранаха. Такихъ изображеній было написано во время реформаціи чрезвычайно много. Обыкновенно они являются парными къ изображенію Мартина Лютера. Во многихъ провинціальныхъ музеяхъ Германіи встрѣчаются подобныя картины.

Французская школа представлена нѣсколькими красивыми холстами. Къ сожалѣнію, на выставку не попалъ портретъ мальчика графа Артуа съ собаченкой въ рукахъ кисти Друэ, недавно проданный владѣльцами въ Парижъ, и познакомиться съ нимъ мы можемъ только по репродукціи, помѣщенной въ каталогѣ выставки, изящно изданномъ Обществомъ Защиты и Сохраненія Памятниковъ Искусства и Старины. Интересенъ портретъ Маріи Манчини, Миньяра, котораго имѣются многочисленныя повторенія, но особенно красивъ и нарядeнъ «Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ» писанный въ Вѣнѣ въ 1793 г. Виже Лебренъ. Объ этомъ портретѣ, равно какъ и самой модели художница упоминаетъ въ своихъ запискахъ («Souvenirs de madame Vigée Lebrun» Paris, 1835. Tome II, p. 210):

«Нѣсколько дней спустя по моемъ пріѣздѣ въ Вѣну я познакомилась съ барономъ и баронессой Строгановыми, которые оба меня попросили написать ихъ портретъ. Баронъ обладалъ исключительнымъ даромъ очаровывать; отъ него всѣ въ Вѣнѣ были въ восторгѣ: онъ давалъ ужины, спектакли, празднества, на которыя всѣ жаждали быть приглашенными. Я мало въ жизни знала людей болѣе любезныхъ, болѣе веселыхъ чѣмъ Строгановъ».

Очень красива и небольшая композиція Гюбера Робера. Она являетъ не разъ трактованную художникомъ тему «Публичной купальни». Въ моей статьѣ о Роберѣ («Старые Годы» январь 1913 г.) при перечисленіи картинъ мастера мной было упущено это произведеніе и я радъ здѣсь исправить эту свою неточность. Типиченъ портретъ дамы въ голубомъ платьѣ, гуляющей въ саду, который приписанъ Фальконэ-сыну. Менѣе интересны головка дѣвочки, приписываемая Грезу, и портретъ графа А. С. Строганова, копія съ Рослина, исполненная въ его мастерской. Оригиналъ ея поколѣнный, изображающій нашего извѣстнаго мецената XVIII вѣка въ нарядной обстановкѣ, находится въ Петербургѣ у М. П. Родзянко и воспроизведенъ въ изданномъ «Старыми Годами» Каталогѣ Академіи Художествъ (стр. 20).

Теперь мы подошли къ послѣдней французской картинѣ — къ маленькому пейзажу, изображающему виды въ Голландіи. Благодаря невѣрно прочитанной подписи Fjchard она сдѣлалась загадочной, и въ газетные отчеты о выставкѣ уже помѣстили, что работы рѣдкаго мастера Фишара отсутствуютъ въ Эрмитажѣ. Но это — немудрено, такъ какъ такого мастера Фишара никогда и не существовало. Уже одно начертаніе Fjchard съ j должно было показаться подозрительнымъ. Авторъ этого пейзажа — незначительный французскій мастеръ Шарль Эшаръ (Charles Eschard); о немъ нѣсколькими словами упомянуто въ словарѣ французскихъ художниковъ Auvray et la Chavignerie. Родился художникъ въ Caen 1748 г. и былъ ученикомъ Дешана-

отца. Скончался въ началѣ XIX вѣка. Онъ писалъ большею частью голландскіе пейзажи. Его картины имѣются въ музеѣ Алансона. Мнѣ случилось видѣть его работу въ музеѣ города Руана (№ 544), изображающую море.

Просмотрѣвъ всѣ выставленныя картины, хочется въ заключеніе еще разъ сказать, насколько важны такія выставки, затѣянныя Обществомъ: на нихъ публика знакомится съ малодоступными картинами; а историки искусствъ изучаютъ новыя для нихъ вещи и подписи.

А. Трубниковъ.

ОБЩЕСТВО ЗАЩИТЫ И РЕГИСТРАЦІЯ.

Досадно и обидно, что когда у насъ зарождается хорошее дѣло и энергичные люди берутся за безкорыстную работу, то встрѣчаютъ непремѣнно критику и нападки. Конечно, полнаго совершенства не бываетъ, и критика очень полезна, но только критика основательная и освѣдомленная.

Въ послѣдней книжкѣ «Аполлона», на стр. 48 и 49, помѣщена статья подъ заглавіемъ «Общество Защиты Памятниковъ Искусства», полная нападокъ на регистраціонную дѣятельность Общества. Насколько мало авторъ освѣдомленъ — доказываетъ помѣщенное ниже разъясненіе секретаря Общества, но, кромѣ того, его нападки неосновательны и по существу.

Для того, чтобы защищать и сохранять что либо, нужно знать, что защищать и что сохранять. Къ этому и ведетъ регистрація. Общеизвѣстные памятники у всѣхъ на глазахъ и постоянная дѣятельность Общества не можетъ сводиться къ ихъ обереганію, такъ какъ, слава Богу, они не каждый день искажаются и уничтожаются, а въ случаѣ посягательствъ на нихъ необходимыя со стороны Общества мѣры являются чрезвычайными; при этомъ матеріальная сторона спасенія такихъ памятниковъ молодому Обществу, очевидно, непосильна, а путь ходатайствъ и нравственнаго воздѣйствія не можетъ отвлекать многихъ работниковъ. Къ тому же подобные случаи всецѣло ложатся на центральный органъ Общества.

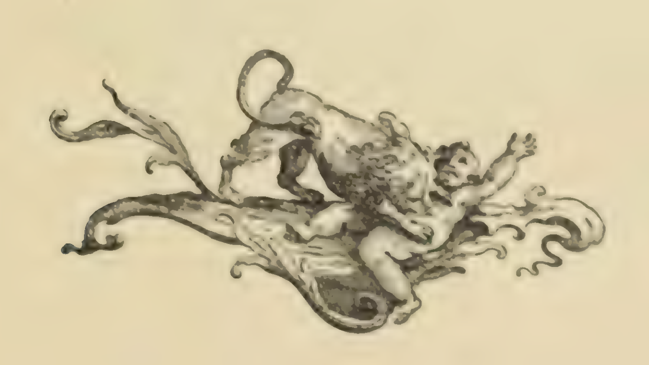
Памятники второстепеннаго значенія, какъ приводимые авторомъ статьи въ примѣръ Ярославскій гостиный дворъ, домъ гр. Милорадовича въ Черниговѣ, дворецъ въ Ляличахъ, Коренная Пустынь въ Курскѣ, являются такими памятниками, на которые обращено вниманіе именно вслѣдствіе «частичныхъ регистрацій» въ видѣ случай-

ныхъ поѣздокъ на мѣста членовъ Общества или не менѣе случайныхъ сообщеній мѣстныхъ оберегателей. По отношенію къ отдѣламъ Общества (къ сожалѣнію, еще не успѣвшихъ основаться повсюду) подобные вандализмы имѣютъ такое же значеніе, какъ посягательства на общеизвѣстные памятники по отношенію къ центральному органу Общества и поэтому не могутъ занимать все ихъ вниманіе.

Ограничиваясь заботами объ упомянутыхъ памятникахъ, Общество являлось бы лишь еще однимъ среди нѣсколькихъ учрежденій, давно обязанныхъ въ этихъ случаяхъ проявлять свою дѣятельность. Довольствоваться несистематично получаемыми свѣдѣніями Общество не можетъ, если оно хочетъ принести пользу дѣлу. Можетъ быть, регистрація и составляетъ задачу другихъ учрежденій, какъ указываетъ авторъ статьи, но задача эта не рѣшена и работа Общества не является повтореніемъ уже кѣмъ то исполненной. Конечно, одна перепись памятниковъ старины дѣлу не поможетъ и если работа ограничится внесеніемъ въ списки, то авторъ, можетъ быть, и будетъ правъ, но есть ли у него основаніе это предполагать? Напротивъ того, крайне интересная и никому неизвѣстная церковь XVII вѣка, назначенная къ сносу, была обнаружена только благодаря регистраціи и спасена только вмѣшательствомъ Петербургской регистраціонной коммисіи.

Авторъ пишетъ: «А вѣдь сколько еще неизвѣстныхъ Обществу вандализмовъ, которые совершаются въ глухой провинціи». Именно для того, чтобы препятствовать вандализмамъ — нужны мѣстные отдѣлы Общества, а для того, чтобы «провинція» перестала быть «глухою» въ этомъ смыслѣ — нужна ихъ регистраціонная работа!

Можетъ быть Общество пропустило вниманіемъ какой нибудь печальный случай, можетъ быть оно еще не достигло своей цѣли по какому нибудь данному дѣлу, можетъ быть оно оказалось не въ силахъ справиться съ надвигавшимся вандализмомъ? Все это можетъ быть, такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ совершенства и рѣдка удача во всемъ, но все это не имѣетъ никакого отношенія къ регистраціоннымъ работамъ. По счастью, регистрація началась, ведется энергично въ доступныхъ размѣрахъ и можно только горячо пожелать, чтобы прекрасный примѣръ Петербургской губерніи поскорѣе нашелъ подражателей повсемѣстно. — Н. В.



Къ вопросамъ о старинѣ, ея изученіи и сохраненіи у насъ сейчасъ вполнѣ примѣнима поговорка: «хвостъ вытащишь, носъ завязнетъ» и. т. д. Столько насущныхъ нуждъ и такъ мало средствъ въ широкомъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, настоятельно необходима сейчасъ самая широкая регистрація; но въ то же время нельзя достаточно настаивать на необходимости заботъ объ уже извѣстныхъ крупныхъ памятникахъ, которымъ всюду грозитъ такая опасность. Вотъ одна изъ нагляднѣйшихъ иллюстрацій ихъ беззащитности. Въ Курскѣ, въ алтарѣ собора Знаменскаго монастыря архіепископомъ Стефаномъ уничтожены мраморныя колонны, окружавшія престолъ, чѣмъ конечно совершенно обезображена внутренняя архитектура этой замѣчательной постройки первой четверти XIX вѣка. Поучительнѣе всего то, что этому безобразному, на глазахъ у всѣхъ, вандализму не помѣшали своевременные протесты ни мѣстной Ученой Архивной Коммисіи, ни Императорской Археологической. Чего здѣсь больше, какой то упрямой и злобной невѣжественности, столь свойственной нашему духовенству въ отношеніяхъ къ памятникамъ старины, или безсилія оффиціальныхъ учрежденій, которымъ ввѣрена ихъ охрана?

Впрочемъ, что говорить о провинціи, о провинціальномъ соборѣ, когда и у насъ, въ Исаакіевскомъ соборѣ по свѣдѣніямъ, проникшимъ въ печать, творится непозволительный вандализмъ. Какъ извѣстно, внутри настѣнная живопись замѣняется мозаиками, и роспись знаменитыхъ въ свое время художниковъ не вырѣзается и не снимается, а скалывается самымъ грубымъ способомъ, разсыпаясь на мелкіе куски.

Г. И. Котовымъ было внесено въ собраніе Академіи Художествъ предложеніе о перенесеніи Румянцевскаго обелиска, въ виду ремонта, изъ Соловьевскаго сквера на прежнее мѣсто на Марсово поле. Въ вопросѣ заинтересованы городское управленіе и военное вѣдомство. Академія Художествъ отложила его рѣшеніе. Мысль сама по себѣ заслуживаетъ одобренія.

Въ странный фазисъ вступилъ вопросъ о «дворцѣ Бирона», пеньковомъ буянѣ у Тучкова моста. Къ новому конкурсу по застройкѣ всего буяна коммисіей при городской думѣ привлечены художники-архитектора Фоминъ, Мунцъ и Дубинскій, причемъ имъ предоставлено рѣшеніе вопроса о сохраненіи самого зданія. Но вѣдь этотъ вопросъ о сохраненіи стариннаго художественнаго памятника долженъ быть рѣшенъ разъ на всегда принципіально, а не въ зависимости отъ вкуса и взгляда того или другого архитектора.

Въ музеѣ Академіи Художествъ между Кушелевской галлереей и заломъ библіотеки, будетъ устроена комната, посвященная личности и дѣятельности Великаго Князя Владиміра Александровича, какъ Президента Академіи, его портретамъ, принадлежавшимъ ему картинамъ, изданіямъ и пр. Здѣсь же будутъ сосредоточены книги, которыя Великій Князь пріобрѣталъ и жертвовалъ Академіи, а также будетъ поставленъ столъ для занятій посѣтителей. Такимъ образомъ, наряду съ увѣковѣченіемъ памяти покойнаго Президента, достигается и весьма желательное расширеніе Академической библіотеки.

Коллекціи музея бар. Штиглица, особенно въ китайскомъ и японскомъ отдѣлахъ, пополняются все новыми предметами, напримѣръ вазами, блюдами, издѣліями изъ цвѣтныхъ твердыхъ камней. Пополнены и коллекціи русскаго фарфора, подобныхъ которымъ по полнотѣ и выбору нѣтъ ни въ одномъ изъ нашихъ музеевъ. Готовится путеводитель по заламъ.

Обществомъ Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины устроена выставка «Наслѣдіе Великой Княгини Маріи Николаевны». Выставлены картины италіанской, нидерландской, французской и нѣмецкой школъ изъ части собранной ею коллекціи. Снимки со всѣхъ выставленныхъ произведеній и свѣдѣнія о нихъ помѣщены въ очень хорошо изданномъ, по обыкновенію, каталогѣ.

Въ началѣ мая закончились лекціи въ Институтѣ исторіи искусствъ гр. В. П. Зубова. Курсъ исторіи голландской живописи XVII вѣка, прекратившійся было, вслѣдствіе неожиданной кончины П. В. Деларова, дочитанъ былъ директоромъ Института.

Попечителемъ Третьяковской галереи вмѣсто отказавшагося И. С. Остроухова, весьма удачно избранъ И. Э. Грабарь, заявившій себя какъ своими выдающимися трудами по исторіи искусства, такъ и собственной художественной дѣятельностью.

Въ «Новомъ Времени» возникла цѣлая полемика по поводу посылки на историческую выставку въ Бреславль историческихъ и художественныхъ предметовъ изъ нашихъ хранилищъ. Оставляя въ сторонѣ пристегнутую, какъ водится, къ дѣлу политику и авторитетность лицъ, стоящихъ во главѣ коммисіи по выбору и отправкѣ, едва ли надо пережевывать ту ясную, какъ дважды два четыре, истину, что отправляемые предметы подвергаются всевозможнымъ случайностямъ болѣе, чѣмъ находящіеся на мѣстѣ. Но едва ли желательно прямолинейное проведеніе этого мотива и отказываніе въ отправкѣ, благодаря которымъ станетъ невозможнымъ устройство столь интересныхъ международныхъ выставокъ. Въ данномъ случаѣ рѣшающими должны быть соображенія о степени художественной и исторической цѣнности отправляемыхъ предметовъ и о значеніи такой отправки для научныхъ выводовъ данной выставки.

Совѣтъ Общества Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины одобрилъ проектъ реставраціи интендантскихъ складовъ въ Воронежѣ, постройки Екатерининскаго времени, приспособляемой подъ помѣщеніе мѣстнаго музея и архивной коммисіи.

Сильную и интересную дѣятельность проявляетъ въ Харьковѣ художественно-архитектурный отдѣлъ Харьковскаго литературно-художественнаго кружка, примкнувшій къ нашему Обществу Защиты. Образовался онъ въ концѣ ноября прошлаго года, но при содѣйствіи Московскаго археологическаго общества настоялъ на сохраненіи безъ искажающаго ремонта старинной церкви Рождества, озаботился объ охранѣ тѣмъ же обществомъ стариннаго Покровскаго собора въ монастырѣ, составилъ списокъ болѣе 200 церквей Харьковской епархіи, построенныхъ болѣе ста лѣтъ назадъ, наконецъ устроилъ

«первую выставку украинскаго зодчества», фотографій, рисунковъ набросковъ и чертежей. Пользуясь матеріаломъ ея, рѣшено издать альбомъ украинскаго строительства. Въ связи съ ней былъ прочитанъ докладъ объ украинской архитектурѣ, а часть экспонатовъ ея отправлена на художественную выставку въ Елизаветградѣ.

Отдѣлъ «Стараго Кіева» при Кіевскомъ городскомъ музеѣ пополняется гравюрами, литографіями и фотографіями, изображающими виды Кіева, старинными планами, старинными кіевскими изданіями и описаніями Кіева и его достопримѣчательностей.

Къ предстоящему во Псковѣ Археологическому съѣзду обществомъ архитекторовъ предположено выпустить альбомъ «Памятники псковской старины».

Въ Баку была устроена выставка предметовъ востока и рѣдкихъ ковровъ бакинскихъ, уже не изготовляемыхъ сейчасъ, татарскихъ, армянскихъ, грузинскихъ, среди которыхъ особенно замѣчательны: коврикъ съ изображеніемъ персидской народной пѣсни, оцѣниваемый въ 3.500 р., фамильный молитвенный коврикъ, насчитывающій уже третье столѣтіе и пр.

Московскимъ археологическимъ институтомъ предположено лѣтомъ произвести раскопки въ Смоленской губерніи, ближайшими участниками которыхъ явятся слушатели мѣстнаго отдѣленія института и члены мѣстной Архивной коммисіи.

Въ Вологдѣ Г. К. Лукомскимъ была прочитана организованная «Сѣвернымъ кружкомъ любителей изящныхъ искусствъ» большая лекція «О старинной архитектурѣ въ Россіи» и на другой день состоялась экскурсія для осмотра мѣстныхъ памятниковъ старины.

Состоялись доклады П. Н. Столпянскаго: въ Императорскомъ Обществѣ Архитекторовъ: «Старый Петербургъ и его историческій планъ» и «Сады стараго Петербурга».

Въ Совѣтѣ Общества Защиты произошли нѣкоторыя перемѣны: на основаніи § 20 устава выбылъ С. К. Маковскій и вмѣсто него избранъ кн. М. К. Горчаковъ. — А. Р — въ.

Въ № 4 «Аполлона» появилась статья г. Георгія Лукомскаго, въ коей онъ отмѣчаетъ «отклоненіе отъ своей основной цѣли» Общества Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. «Обвиненія» г. Лукомскаго, въ общихъ чертахъ, могутъ быть сведены къ слѣдующему:

1) Общество Защиты памятниковъ искусства занялось, не отвѣчающей его задачамъ, регистраціей, «занявшей не только значительное мѣсто въ работѣ Общества, но и поглотившее большую часть его средствъ».

2) Общество, кромѣ реставраціи Батуринскаго дворца (по иниціативѣ г. Лукомскаго) ничего не сдѣлало «для поддержанія гибнущихъ зданій».

3) Общество будто бы не обратило вниманія на рядъ заявленій «хотя бы изъ докладовъ» г. Лукомскаго о разрушаемыхъ зданіяхъ.

Всѣ эти отмѣченные недочеты не соотвѣтствуютъ, однако, истинѣ, почему и считаю необходимымъ выяснить слѣдующее:

1) Регистрація памятниковъ С.-Петербургской губерніи ничуть не отвлекла силы Общества, такъ какъ велась всецѣло спеціально образованной коммисіей подъ предсѣдательствомъ С.-Петербургскаго губернатора графа А. В. Адлербергъ, причемъ не можетъ быть и рѣчи о «поглощеніи средствъ Общества» такъ какъ на эту работу было выдано заимообразно всего лишь 1.000 р., при общей расходной суммѣ Общества свыше 18 тысячъ.

2) Въ смыслѣ реставраціи Общество, помимо (указаннаго г. Лукомскимъ) Батуринскаго дворца, приступило и отчасти осуществило слѣдующее: организовало комитетъ по реставраціи Ѳерапонтова монастыря и изыскала суммы для этихъ работъ; организовало коммисію для поддержанія храма Василія Блаженнаго въ Москвѣ; содѣйствовало ремонту древнихъ воротъ во Псковѣ, поддержанію церкви на Лисьемъ Носу, пріобрѣтенію Курскимъ дворянствомъ дома князей Ромодановскихъ, сохраненію незастроеннымъ Таврическаго сада, а также сохраненію старой екатерининской церкви въ Екатеринодарѣ, Ивангородской крѣпости, пеньковаго буяна, дома Коробовыхъ въ Калугѣ, древнихъ построекъ города Суздаля, мѣста раскопокъ въ Херсонесѣ Таврическомъ, Климентовской церкви во Псковѣ, Воронежскаго музея и пр.

3) Общество постоянно откликалось на всѣ заявленія: черезъ два дня (1 апрѣля) послѣ появленія статьи г. Лукомскаго въ «Старыхъ Годахъ» (29 марта) вступилось въ защиту Тульскихъ воротъ и не выступало въ другихъ случаяхъ только потому, что никакихъ сообщеній отъ г. Лукомскаго не получало.

Кромѣ того, Общество организовало спеціальный отдѣлъ въ Ярославлѣ и командировало архитекторовъ въ провинцію для выясненія и проведенія многихъ реставраціонныхъ работъ.

Секретарь Общества Баронъ Н. Врангель.

ПОЖЕРТВОВАНІЕ КОСТРОМСКОМУ РОМАНОВСКОМУ МУЗЕЮ.

Во время майскихъ торжествъ въ городѣ Костромѣ послѣдуетъ открытіе сооруженнаго въ память трехсотлѣтія дома Романовыхъ Костромского Романовскаго Музея. Среди его коллекцій видное мѣсто должно занять собраніе гравюръ по мѣди К. Н. Козырева, пожертвованное имъ Музею. Будучи результатомъ 28-лѣтняго собирательства, даръ этотъ представляетъ собою цѣнность въ историческомъ и въ художественномъ отношеніяхъ. К. Н. Козыревъ — бывшій директоръ Московскаго Коммерческаго училища, страстный любитель гравюры, для пожертвованія избралъ Кострому, какъ мѣсто своей родины.

Въ собраніи болѣе 4.000 листовъ; лишь незначительная часть состоитъ изъ сюжетныхъ гравюръ (по русской исторіи), а остальное почти исключительно портреты нашихъ дѣятелей. Ихъ собраніе такъ полно и интересно, что представляетъ собою, какъ бы въ лицахъ, исторію русской государственности и культуры. Въ этотъ отдѣлъ входятъ портреты Государей и особъ царствующаго дома, дѣятелей церковныхъ, государственныхъ, военныхъ и общественныхъ, представителей науки, литературы и искусства. Кромѣ того, изображенія иностранцевъ, если они имѣли какое либо отношеніе къ Россіи: Фридриха Великаго, Наполеона, иностранныхъ ученыхъ, оказавшихъ вліяніе на русскихъ (профессора Ломоносова и т. п.).

Но собиратель, положивъ въ основу своей коллекціи соображенія историческаго характера, не упускалъ изъ виду и требованій искусства: онъ останавливался только на такихъ экземплярахъ, которые исполнены выдающимися граверами и притомъ съ лучшихъ оригиналовъ. Помимо, однако, историческаго и художественнаго значенія, собраніе К. Н. Козырева отражаетъ въ себѣ еще исторію самого гравировальнаго искусства. Всѣ способы гравированія (рѣзцомъ, холодной иглой, офортомъ, черной манерой и т. п.) нашли себѣ мѣсто въ его коллекціи, притомъ въ листахъ полной сохранности, нерѣдко въ самыхъ первыхъ оттискахъ, помѣченныхъ граверомъ, въ пробныхъ листахъ, гравюрахъ съ замѣтками и т. п.

Козыревское собраніе займетъ въ Романовскомъ Музеѣ особый залъ имени жертвователя и будетъ носить названіе: «Собраніе портретовъ русскихъ дѣятелей за послѣднія триста лѣтъ». Въ этомъ залѣ часть портретовъ размѣстится на щитахъ въ рамкахъ, какъ это принято на выставкахъ, остальное же должно храниться въ особыхъ папкахъ и витринахъ. На постоянной выставкѣ будутъ находиться 150 портретовъ государей и ихъ супругъ и столько же портретовъ русскихъ дѣятелей; послѣдніе черезъ извѣстные промежутки времени должны замѣняться другими и для этой цѣли рамки для нихъ устроены съ особыми откидными задками. Собраніе недавно отправлено изъ Москвы въ Кострому и ко дню открытія Музея должно быть размѣщено по выработанному жертвователемъ плану.

Нечего и говорить, насколько дорогъ и цѣненъ описанный даръ, особенно для провинціи, которая, въ общемъ, такъ бѣдна настоящими собраніями произведеній искусства.

Н. В. Н.

СВѢДѢНІЯ ИЗЪ ЗА ГРАНИЦЫ.

Въ Неаполѣ въ старомъ палаццо случайно найдена статуя Венеры, смѣло могущая быть причисленной къ лучшимъ образцамъ древнегреческой пластики.

Въ окрестностяхъ виллы Лудовизи въ Римѣ, найдены развалины античнаго дома, лежавшаго нѣкогда среди садовъ Саллюстія, и тамъ же найденъ постаментъ для обелиска, убраннаго отсюда въ 1789 г. по приказанію Пія VI.

Въ базиликѣ «св. Павла внѣ стѣнъ» въ Римѣ великолѣпный киворій работы Арнольфо ди Камбіо нынѣ освобожденъ отъ скучнаго нео-классическаго малахитоваго балдахина, которымъ въ свое время покрылъ его реставраторъ Полетти.

Открыты двѣ фрески въ церкви св-ыхъ Джованни и Паоло въ Венеціи, исполненныя въ манерѣ Джотто.

Только что найдена недостававшая часть гробницы Иларіи дель Каретто, изваянной, какъ извѣстно, Якопо делла Кверча въ началѣ XV в., и найдена въ музеѣ того же города (Лукки), гдѣ находится возстановленная въ XVI в. сама гробница.

На привлекшей всеобщее вниманіе выставкѣ работъ Давида и его учениковъ въ Petit Palais въ Парижѣ собраны картины со всей Франціи, изъ Брюсселя и даже изъ Москвы. Произведенія самого Давида распредѣлены по эпохамъ: первая — XVIII в.; вторая — революція и Имперія, и наконецъ — Реставрація. Большая зала отведена портретамъ Жерара и Гро. На выставкѣ есть много произведеній Энгра, Жиродэ, Друэ, Делафонтена, Ружэ, Гранэ, Фабра де Монпелье, Гоффье, Эвариста Фрагонара, зала многочисленныхъ бельгійскихъ учениковъ Давида, зала миніатюръ и рисунковъ (изъ которыхъ 21 — Давида, и 150 — его учениковъ). Выставка заставляетъ лишній разъ убѣдиться въ огромномъ значеніи Давида для всей французской живописи первой половины XIX в. Конечно, многіе изъ учениковъ великаго художника интересны только въ историческомъ отношеніи, какъ образцы широкой распространенности манеры Давида.

Въ апрѣлѣ въ Парижѣ торжественно праздновалось трехсотлѣтіе со дня рожденія знаменитаго архитектора и разбивателя садовъ Ле Нотра, причемъ въ созданныхъ имъ садахъ Тюильери былъ поставленъ его бюстъ, взятый съ гробницы мастера въ церкви св. Роха.

Въ Львовѣ открылась выставка старыхъ мастеровъ изъ собраній кн. Любомирскихъ и гр. Пининскаго. Среди картинъ (всего болѣе 70) выдаются «Поклоненіе волхвовъ» нюренбергскаго мастера, «Смерть св. Іосифа» Тіеполо, работы Хельста, Рейнольдса, Рэбёрна и Гойи.

Ганноверскій Kesstner-музей удержалъ за собой лучшіе хрустали, майолики, серебро и дерево изъ собранія Опплера, недавно распродававшагося у Лепке въ Берлинѣ.

Египетскій музей въ Берлинѣ обогатился прекраснымъ бюстомъ фараона Аменофиса IV, напоминающимъ изваяніе того же царя изъ восточнаго отдѣленія Лувра.

Найденъ въ Петербургѣ исчезнувшій 24 года тому назадъ изъ веймарскаго музея портретъ Гете работы Джоржа Дау. Портретъ возвращенъ музею однимъ меценатомъ изъ Гамбурга.

Нашъ сотрудникъ Л. Матерлинкъ доказываетъ въ нѣсколькихъ бельгійскихъ журналахъ, что извѣстный мастеръ фламандской школы, прозванный Maître de Flémalle, звался Набуръ Мартинсъ. Онъ былъ вполнѣ современникомъ Рожера ванъ деръ Вейдена и Жака Дарэ; получилъ званіе мастера въ Гентѣ въ 1435 г., и работалъ тамъ же до самой смерти, приближаясь въ манерѣ болѣе всего къ Губерту ванъ Эйку, котораго былъ ученикомъ или послѣдователемъ.

Артуръ Моррисонъ пожертвовалъ Британскому музею свою замѣчательную коллекцію китайскихъ и японскихъ картинъ, всего болѣе 650 вещей X — XIX вв.

Въ продолженіе 1912 г. Метрополитенъ-Музей въ Нью-Іоркѣ по отдѣлу классической древности пріобрѣлъ 7 скульптуръ, 14 бронзъ, 6 терракоттъ, 13 вазъ (цѣлыхъ и частями) и еще 9 разныхъ предметовъ. Среди скульптуръ выдается колоссальный портретный бюстъ воина, сдѣланный изъ краснаго порфира, римской работы. Великолѣпна бронзовая эллинистическая Афродита книдскаго типа.

Б. Мосоловъ.

ПИСЬМО ИЗЪ БЕРЛИНА.

Въ историческомъ отдѣлѣ выставки «Старый и Новый Кельнъ» устраиваемой въ Кельнѣ, будетъ около 70 портретовъ бургомистровъ этого города, начиная съ 1500 года по настоящее время. Только небольшая часть этихъ портретовъ принадлежитъ городу; большинство ихъ послано на выставку частными лицами. Многіе изъ портретовъ интересны не только въ историческомъ отношеніи, но являются и выдающимися художественными произведеніями. Вся коллекція образуетъ галерею съ произведеніями четырехъ столѣтій, и ни одинъ нѣмецкій городъ не имѣетъ ничего подобнаго.

Въ принадлежащей бывшему государственному канцлеру князю Бюлову виллѣ Мальта въ Римѣ недавно открыта стѣнная живопись временъ расцвѣта Возрожденія. Страннымъ образомъ, авторъ ея не римскій художникъ, а уроженецъ сѣверной Италіи Марчелло Фоголино, работавшій послѣ 1520 года; имъ, между прочимъ, написанъ большой алтарь, находящійся нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ. Вышеуказанная

живопись окружаетъ, въ видѣ фриза, весь залъ. На фонѣ иллюзорной архитектуры и крытыхъ аллей изображены различныя сцены: люди, прислоняющіеся къ развалинамъ и вазамъ, нимфы, ведущія льва, запряженнаго въ тріумфальную колесницу — вѣроятно колесницу Діониса, — игра собакъ и другихъ животныхъ, амуръ верхомъ на черепахѣ. Между картинами написаны гербы различныхъ италіанскихъ родовъ.

Въ Берлинѣ недавно состоялся аукціонъ монетъ и медалей. Продавались медали владѣтельныхъ князей, медали историческаго и религіознаго характера эпохи войны за реформацію и серебряныя монеты, начиная съ XVI в. Въ этомъ собраніи встрѣчались имена почти всѣхъ городовъ, пользовавшихся правомъ чеканить монету. Среди медалей выдавались работы италіанскихъ художниковъ XV и XVI вв.

Въ первомъ залѣ второго этажа Дрезденской галереи директоръ Поссе выставилъ всѣ картины, пріобрѣтенныя для галереи въ періодъ его директорства. Залъ убранъ съ изящнымъ вкусомъ. Выставленныя картины — ихъ всего 26 — частью пріобрѣтены на средства правительства, частью пожертвованы музею. Вслѣдствіе этого, онѣ въ художественномъ отношеніи весьма различнаго достоинства. Поссе пріобрѣталъ исключительно картины цѣнныя съ точки зрѣнія художественной или исторической и характерныя для ихъ исполнителей. Между ними слѣдуетъ назвать Беркхейде, Лукаса Кранаха старшаго (1515 г.) и ванъ деръ Венне. Но среди 26 картинъ есть и такія, которыя не представляютъ никакого интереса.

Богатая коллекція произведеній Адама Эльсхеймера въ Берлинскомъ музеѣ увеличилась еще одной картиной этого художника, принесенной въ даръ галереѣ. На картинѣ изображенъ св. Христофоръ; она написана на мѣди и до настоящаго времени была мало извѣстна, принадлежа частной коллекціи въ Вѣнѣ. Эта картина отличается отъ другихъ произведеній Эльсхеймера своимъ свѣтлымъ солнечнымъ настроеніемъ, сильными контрастами и рѣзкимъ, но увѣреннымъ рисункомъ, благодаря чему она, на нѣкоторомъ разстояніи, производитъ впечатлѣніе современной живописи. Въ виду этой картины становится понятной слава Эльсгеймера среди его современниковъ и глубокое уваженіе къ нему Рубенса.

Въ прошломъ мѣсяцѣ той же галереей была пріобрѣтена картина «Распятіе» Бернарта ванъ Орлей; въ кабинетъ эстамповъ поступилъ рисунокъ Эльсхеймера, въ которомъ чувствуется вліяніе Дюрера.

W. Norbert.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Перечень находящихся въ Россіи произведеній Гюбера Робера, составленный А. А. Трубниковымъ въ его статьѣ объ этомъ художникѣ въ январскомъ выпускѣ «Старыхъ Годовъ», слѣдуетъ пополнить еще однимъ цѣннымъ холстомъ мастера, который хранится въ музеѣ покойнаго Петра Ивановича Щукина въ Москвѣ. Какъ извѣстно, этотъ музей теперь входитъ въ составъ Историческаго Музея и, увы, пока на неопредѣленный срокъ закрытъ для обозрѣнія, вслѣдствіе чего нѣтъ въ настоящій моментъ возможности провѣрить, снабжена ли картина подписью. Картина виситъ на главной стѣнѣ гостиной и представляетъ одинъ изъ любимыхъ Роберомъ архитектурныхъ мотивовъ съ широкой лѣстницей, оживленной нѣсколькими мелкими фигурами. Небольшого размѣра холстъ хорошо сохранился и очарователенъ своей свѣтлой гаммой тоновъ. Со словъ покойнаго Щукина помню, что картина имъ пріобрѣтена на аукціонѣ имущества покойнаго князя Владиміра Андреевича Долгорукова, бывшаго московскаго генералъ - губернатора. — Р. Е.

Результаты непрекращающагося вандализма по отношенію къ старой живописи, при сопоставленіи съ развивающимся фальсификаторствомъ, побудили меня приступить къ спеціальному научному труду, съ которымъ думаю въ скоромъ будущемъ ознакомить наглядно широкіе круги.

Желая пополнить имѣющійся у меня иллюстраціонный и научный матеріалы, обращаюсь съ убѣдительной просьбой къ г.г. любителямъ и коллекціонерамъ дозволить мнѣ воспользоваться тѣми изъ принадлежащихъ имъ произведеній, которыя были когда либо варварски реставрированы, или же принадлежатъ къ живописнымъ поддѣлкамъ.

Сообщенія покорнѣйше прошу направлять по адресу: СПБ. Кирочная, 34; тел. 535-36. — Александръ Боравскій.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины

Принимается подписка на 1913 годъ.

Въ седьмомъ году изданія «Старые Годы» выходятъ по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ.

В. С. Арсеньевъ, Александръ Н. Бенуа, Ѳ. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, Wilhelm Bode, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. П. Верещенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Fierens Gevaert, Max Geisberg, В. Ш. Георгіевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодской), В. В. Голубевъ, Georg Gronau, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабарь, Loÿs Delteil, С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, П. П. Муратовъ, W. Norbert, А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont, Н. К. Рерихъ, Н. П. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, Pascal Forthuny, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Фоминъ, П. Д. Эттингеръ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 10 руб., безъ доставки — 9 руб., за границу — 40 франковъ.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ — 5 р., 1 апрѣля — 3 р. и 1 іюля — 2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, «Новаго Времени», Клочкова и Митюрникова; въ Москвѣ — въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, «Новаго Времени», Шибанова и Веркмейстера и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста: въ С.-Петербургѣ — Морская 38 и въ Москвѣ — Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: страница 50 р., 1/2 стр. — 30 р., 1/4 стр. — 20 р., 1/8 стр. — 12 р. За перемѣну адреса 50 коп.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ИМѢЕТСЯ ВЪ ОГРАНИЧЕННОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ:

Каталогъ старинныхъ произведеній искусствъ, хранящихся въ Императорской Академіи Художествъ. (Введеніе. Портреты зала Совѣта и Скульптура). Сост. бар. Врангель. Ц. 10 р.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакціонный Комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, І. І. Леманъ, С. К. Маковскій, С. Н. Тройницкій и А. А. Трубниковъ.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

ИЗДАНІЯ

КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКИХЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНІЙ:

ЧЕТЫРЕ БАСНИ КРЫЛОВА съ неизд. рис. А. Орловскаго. Ц. 2 руб.

РАЗСВѢТЪ, поэма гр. А. А. Голенищева-Кутузова, съ 8 офортами худ. Пятигорскаго. Ц. 10 рублей.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БИБЛІОГРАФІИ РУССКИХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ.

Выпускъ первый. — Сост. В. А. Верещагинъ. Распроданъ.
Выпускъ второй. — Сост. Н. К. Синягинъ. Ц. 3 рубля.
Выпускъ третій. — Сост. Е. Н. Тевяшовъ. Ц. 2 рубля.
Выпускъ четвертый. — Сост. Н. К. Синягинъ. Ц. 3 р. 50 к.

Подписчики «Старыхъ Годовъ» и лица, выписывающія непосредственно изъ конторы Редакціи, пользуются уступкою въ 20%.

ИЗДАНІЯ

ОБЩЕСТВА ЗАЩИТЫ И СОХРАНЕНІЯ ВЪ РОССІИ ПАМЯТНИКОВЪ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ:

«**А. Г. ВЕНЕЦІАНОВЪ ВЪ ЧАСТНЫХЪ СОБРАНІЯХЪ**», сост. бар. Н. Н. Врангель. 1911. (съ илл.). 1 р. 75 к.

«**О. А. КИПРЕНСКІЙ ВЪ ЧАСТНЫХЪ СОБРАНІЯХЪ**», сост. бар. Н. Н. Врангель. 1911. (съ илл.). 3 р. 50 к.

«**БАТУРИНСКІЙ ДВОРЕЦЪ**», сост. Г. К. Лукомскій. 1912. (съ илл.). 75 к.

«**ЦЕРКОВЬ ВАСИЛІЯ БЛАЖЕННАГО**», сост. В. В. Сусловъ. 1912 (съ илл.). 50 к.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

«**НАСЛѢДІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ**», сост. бар. Н. Н. Врангель. Ц. 2 р.

Продаются въ магазинахъ Т-ва Вольфъ, Карбасникова, Клочкова, «Новое Время», Мелье, Митюрникова и др.; въ Москвѣ — Шибанова, Веркмейстера и др.

Складъ изданія въ тип. «Сиріусъ». Спб., Рыночная, 10.

3—0

ТИПОГРАФІЯ «СИРІУСЪ» САНКТПЕТЕРБУРГЪ, РЫНОЧНАЯ, 10.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

ILLUSTRATIONS

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ

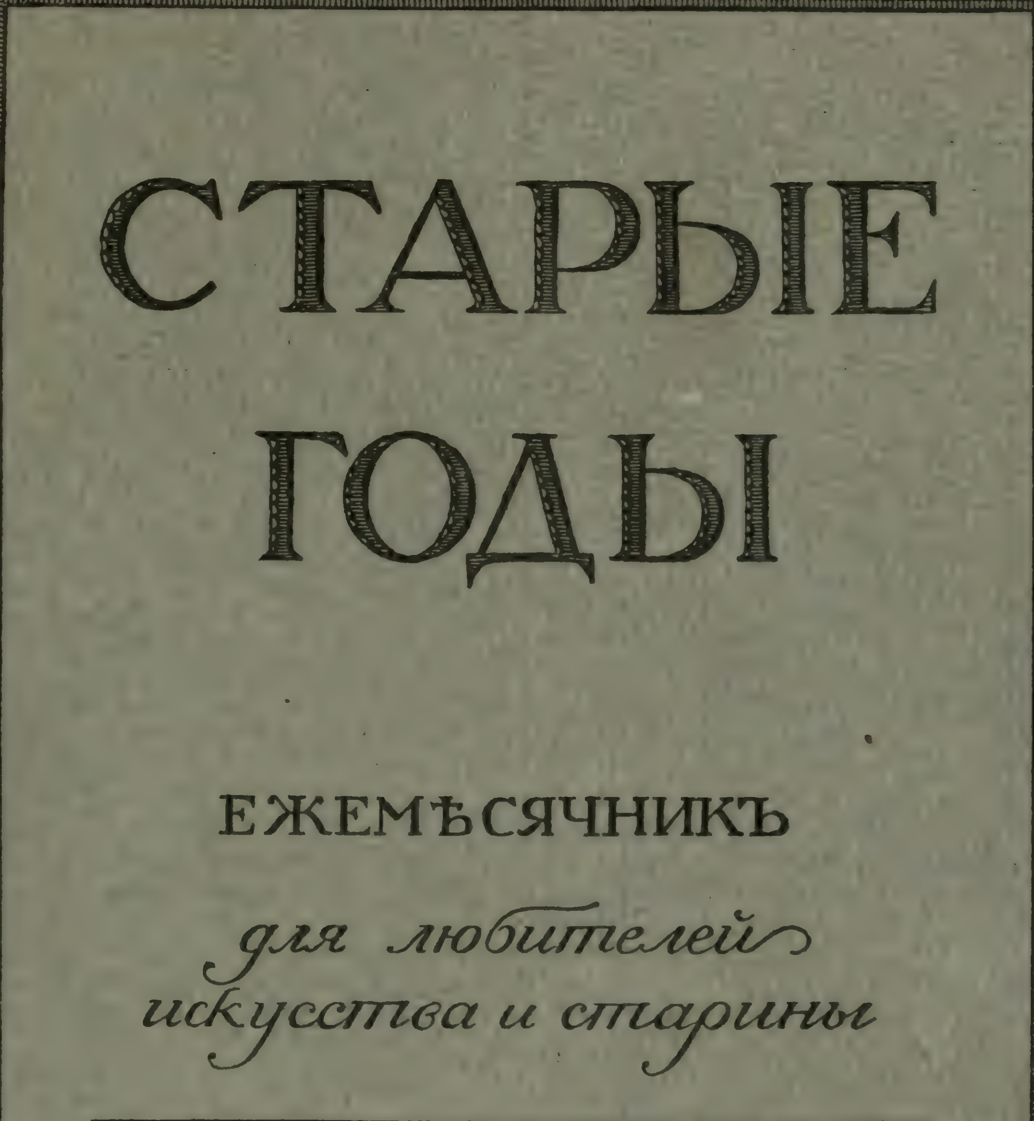
для любителей искусства и старины.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1913 ГОДЪ:

съ доставкой въ Россіи 10 р.,

безъ доставки 9 р., за границу 40 франковъ.

Контора редакціи: СПБ. Рыночная, 10 (тип. «Сиріусъ»).



СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины

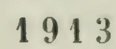
ІЮНЬ

1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ		TABLE	
Бар. А. Фелькерзамъ: Герцогиня Кингстонъ и ея пребываніе въ Россіи	3	Baron A. de Foelkersam: La duchesse de Kingston et ses séjours en Russie	3
В. Трутовскій: «Романовская» церковно-археологическая выставка въ Москвѣ	36	W. Troutowsky: L'exposition Romanoff à Moscou	36
П. Столпянскій: Старый Петербургъ. Торговля художественными произведеніями въ XVIII вѣкѣ	44	P. Stolpiansky: Le vieux Pétersbourg. La vente d'objets d'art au XVIII-e s.	44
Хроника.		Chronique du mois	54
В. Пигаревъ: Худжабскій монастырь на Кавказѣ	54		
А. Р-въ: Вѣсти за мѣсяцъ	57		
Б. Мосоловъ: Свѣдѣнія изъ за границы	61	Correspondances	61
В. Норбертъ: Письмо изъ Берлина	63		
Е. Л.: Объ аукціонахъ и продажахъ	65		
Некрологъ С. Н. Шубинскаго	70		
Почтовый ящикъ	71	Boîte à lettres	71

Виньетки воспроизведены изъ книгъ:

на стр. 3, 44, 54, 56, 64, 69, 70, 72. — Della architettura della pittura et della statua di Leonbatista Alberti. Bologna. 1782.
» » 32, 34 — раб. J. W. Meil изъ собр. М. А. Остроградскаго.
» » 35. — Traité des pierres gravées par P. J. Mariette. Paris. 1750.
» » 36. — Notizie de'professori del disegno Da Cimabue. Firenze. 1681.
» » 43. — Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга. Г. Богдановъ, изд. В. Рубаномъ. 1779.
» » 62. — La vie des peintres flamands, allemands et hollandais... M. J. Descamps. Paris. 1753.



1913

По примѣру прежнихъ лѣтъ, «Старые Годы» выйдутъ въ сентябрѣ однимъ тройнымъ выпускомъ (за іюль, августъ и сентябрь), пріуроченнымъ къ

ЮБИЛЕЮ ЦАРСТВУЮЩАГО ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СОДЕРЖАНІЕ:

А. М. Мироновъ: Портреты царя Михаила Өеодоровича.

П. П. Муратовъ: Иконопись при первомъ царѣ изъ Дома Романовыхъ.

Бар. Н. Н. Врангель: Романовы-меценаты.

Эрмитажъ при Николаѣ Павловичѣ.

А. А. Трубниковъ: Матеріалы для исторіи царскихъ собраній.

А. Н. Бенуа и Н. Е. Лансере: Дворцовое строительство Николая Павловича.

В. К. Лукомскій: Жалованныя грамоты Романовыхъ.

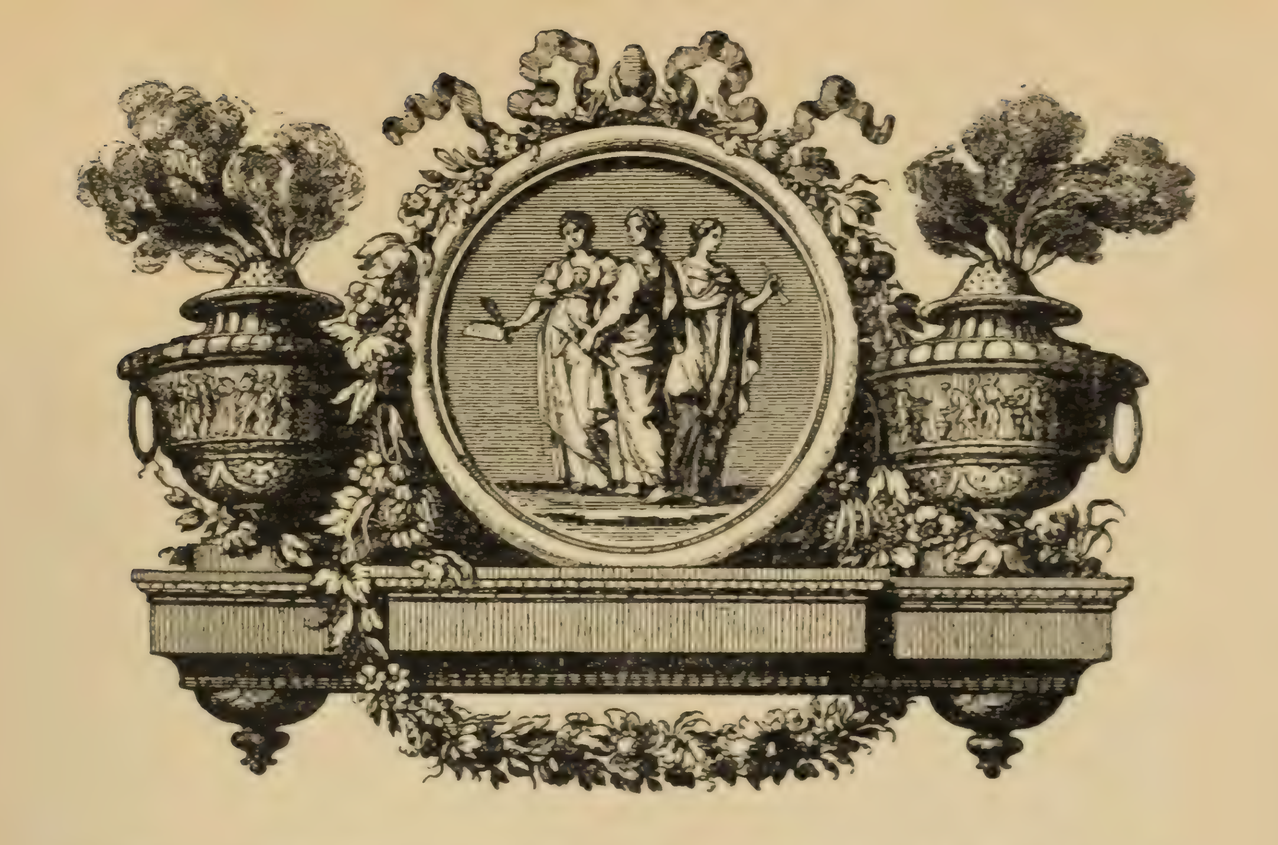
и др.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ІЮНЬ

1913.

Герцогиня Кингстонъ въ нарядѣ, въ которомъ она была представлена Императрицѣ Екатеринѣ (современная гравюра).



ГЕРЦОГИНЯ КИНГСТОНЪ И ЕЯ ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ РОССІИ.

(Baron A. de Foelkersam: La duchesse de Kingston et ses séjours en Russie).

Наши читатели могутъ удивиться, увидавъ въ журналѣ, посвященномъ вопросамъ искусства, статью, кажущуюся — судя по заголовку — чисто историческою. Мы спѣшимъ поэтому пояснить, что пребываніе герцогини Кингстонъ въ Россіи сопряжено было съ необычайнымъ приливомъ къ намъ всевозможныхъ произведеній искусства, которыя почти всѣ, послѣ ея отъѣзда и смерти, остались здѣсь и дальнѣйшую судьбу которыхъ было бы весьма интересно прослѣдить. Донынѣ изъ сокровищъ, привезенныхъ англійской знатной дамою, намъ извѣстно доподлинно лишь немногое. Поэтому цѣлью нашей статьи является привлеченіе вниманія читателей, — среди которыхъ немало любителей и собирателей, — на этотъ пока малоизвѣстный источникъ многихъ цѣнныхъ предметовъ, находящихся, вѣроятно, въ русскихъ собраніяхъ. Чтобы возбудить интересъ какъ къ такимъ изысканіямъ, такъ и къ личности самой герцогини, мы должны вкратцѣ описать жизнь этой необыкновенной женщины и въ этомъ повѣствованіи поневолѣ чаще вдаваться въ область чистой исторіи, чѣмъ исторіи искусства.

Рамки статьи не позволяютъ намъ разсмотрѣть всю, богатую приключеніями, жизнь герцогини Кингстонъ и изслѣдовать неясную, запутанную ея исторію во всѣхъ подробностяхъ. Чтобы хоть нѣсколько исчерпывающе передать жизнеописаніе этой удивительной женщины — потребовались бы цѣлые тома. Поэтому мы лишь вкратцѣ изложимъ событія, предшествовавшія ея пріѣзду въ Россію.

Елисавета Чудлэй (Miss Elisabeth Chudleigh) происходитъ изъ старой англійской семьи. Она рано потеряла мать и жила въ деревнѣ съ отцомъ той нормальной здоровой англійской жизнью, которая развиваетъ тѣло и здоровье, не давая застывать и уму. Мѣсто матери

занимала жизнерадостная и веселая тетка, мистрисъ Ганмеръ, слѣдившая за тѣмъ, чтобы Елисавета при всей своей самостоятельности сохраняла женственность. Отецъ ея, полковникъ Томасъ Чудлэй, нѣкоторое время управлялъ госпиталемъ въ Челъси и по службѣ часто долженъ былъ оставлять дочь въ одиночествѣ съ теткой въ деревнѣ. Какъ всѣ представители его семьи, полковникъ Томъ былъ сильной личностью, прямодушнымъ помѣщикомъ стараго склада; онъ унаслѣдовалъ отъ отца, баронета сэра Томаса Чудлэй изъ Астона и Девона, не богатства, но часть тѣхъ земель, которыя переходили изъ рода въ родъ.

Первая любовь коснулась Елисаветы на шестнадцатомъ году и превратилась въ трагическую идиллію. Дѣвушка отдаетъ свое сердце красивому юношѣ, сыну сосѣда по имѣнію. Во время случайнаго отсутствія жениха, у Елисаветы обнаруживается оспа и еще больная она пишетъ ему въ Лондонъ, извѣщая о постигшемъ ее несчастіи и о томъ, что болѣзнь ее обезобразила; если любовь его пересилитъ такую перемѣну — пусть онъ спѣшитъ къ ней, но если чувство его было только поклоненіемъ ея красотѣ, то пусть онъ болѣе никогда ее не увидитъ. Въ порывѣ любви, сочувствія, благородства и печали юноша поспѣшно шлетъ отвѣтъ, что любовь его неизмѣнна и онъ скоро будетъ у ногъ возлюбленной. Радость Елисаветы и молодой организмъ дѣлаютъ чудеса: она выздоравливаетъ, хорошѣетъ и не сохраняетъ никакихъ слѣдовъ ужасной болѣзни. Но за это время, можетъ быть зараженный чрезъ письмо своей невѣсты, женихъ заболѣваетъ въ Лондонѣ и умираетъ. Біографы Елисаветы единодушно отмѣчаютъ, какъ легко она перенесла этотъ ударъ судьбы, и въ этомъ безразличіи молодой красавицы видятъ зерно и первый признакъ того непостоянства, которое они ей и впредь будутъ ставить въ упрекъ. Перемѣнилось ли ея чувство во время болѣзни или вообще оно было неглубоко — такъ или иначе она быстро и легко забыла, какъ билось ея сердечко ради умершаго юноши.

Вскорѣ послѣ того Елисавета легко подчинилась дружескому и безкорыстному вліянію другого сосѣда — Пультенея, графа Батскаго (Pulteney, Earl of Bath) — побудившаго ее переселиться въ Лондонъ. Тутъ онъ въ 1738 г. устроилъ ее, въ 18-лѣтнемъ возрастѣ, фрейлиной къ молодой принцессѣ Уэльской Августѣ (1719 — 1792), урожденной принцессѣ Саксенъ-Готской и вступившей въ 1736 г. въ бракъ съ принцемъ Фредерикомъ-Льюисомъ, умершимъ въ 1751 г. * До тѣхъ поръ дворъ принцессы Уэльской держался въ сторонѣ отъ королевскаго, гдѣ Георгъ II, давно разлюбившій королеву, предавался любовнымъ развлеченіямъ съ графинями Суффолькъ и Ярмутъ. Принцесса была счастливой, любящей женой и отличной матерью; за 15 лѣтъ брака у нея родилось девять дѣтей, изъ нихъ шесть — въ первые восемь лѣтъ. Это обстоятельство показываетъ, что въ то время, когда Елисавета находилась при этомъ дворѣ, въ немъ шла тихая,

* Сынъ ея, родившійся въ 1738 г., вступилъ на англійскій престолъ въ 1760 г. подъ именемъ Георга III.

семейная жизнь, а страстная натура и всѣми воспѣтая красота дѣвушки подвергалась гораздо меньшимъ искушеніямъ, чѣмъ могло бы казаться. За то Елисавета прекрасно изучила высшее лондонское общество, въ которомъ тогда было множество французовъ, бывшихъ желанными гостями какъ при королевскомъ, такъ и при Уэльскомъ дворахъ. Кромѣ того, она не безъ пользы проводила время въ Лондонѣ: неутомимый ея покровитель графъ Батскій заботился объ ея образованіи, а собственный умъ и способности дали ей возможность быстро усвоить знанія и опытъ, которые, наряду съ блестящей красотой, легко выдвинули ее изъ ряда подругъ и сверстницъ. Всѣ приходили въ восторгъ отъ ея мѣткихъ замѣчаній и всегда готовыхъ отвѣтовъ.

Собственныя ея замѣтки намъ показываютъ, что она съ ранней молодости зорко наблюдала и не только записывала эти наблюденія, но и искала имъ объясненія и давала себѣ отчетъ въ причинахъ и послѣдствіяхъ того, что она примѣчала. О степени ея наблюдательности говорятъ сопоставленія достоинствъ и недостатковъ французской и англійской золотой молодежи того времени. Сначала она отмѣчаетъ, что англичанинъ еще ищетъ удовольствія, когда французъ уже наслаждается, а затѣмъ длинныя свои разсужденія сводитъ къ тому, что сравниваетъ англичанъ съ неуклюжими, добродушными, неотесанными, сильными медвѣдями, а французовъ съ подвижными обезьянами, поверхностными, обращающими вниманіе на внѣшность, на пустяки. «Но лучше быть обезьяною, нежели медвѣдемъ», заключаетъ она. Эта склонность къ сатирѣ и насмѣшкѣ, несомнѣнно ей присущая и при живости ея ума превратившаяся въ опасное оружіе, возбудила противъ нея вражду и месть; имъ и слѣдуетъ приписать сплетни по поводу ея отношеній къ графу Батскому. Говорятъ, однако, что оживленіе и остроуміе, съ которыми она сумѣла какъ то передать подробности приключенія, происшедшаго на ея глазахъ, завоевали ей восхищеніе и любовь молодого герцога Хамильтонъ, не замедлившаго предложить ей руку и сердце.

Джемсъ Дугласъ, шестой герцогъ Хамильтонъ, родомъ изъ шотландской семьи, въ 1742 г., восемнадцати лѣтъ отъ рода, наслѣдовалъ крупныя богатства своего отца. Онъ былъ на 4 года моложе Елисаветы и, хотя и являлся уже самымъ завиднымъ женихомъ въ Англіи, еще былъ совсѣмъ юношею. Мать умерла при его рожденіи, отца онъ тоже потерялъ рано, но близкая родня настояла на томъ, чтобы онъ, согласно обычаю, предпринялъ путешествіе по Европѣ, считавшееся необходимымъ для образованія вельможи тѣхъ временъ. Несмотря на горе разставанія, женихъ и невѣста подчинились этому требованію, но на ихъ судьбѣ скоро сказалось, что разлука — ядъ для любви, и не успѣлъ онъ переѣхать проливъ, какъ около покинутой имъ голубки сталъ кружиться коршунъ. То былъ сверстникъ Хамильтона Августъ Джонъ Хёрвэй, сынъ графа Бристоль. Онъ давно горѣлъ любовью къ красавицѣ-фрейлинѣ и, въ числѣ другихъ ея поклонниковъ, повѣрялъ свои чувства ея жизнерадостной теткѣ мистрисъ Ганмеръ, всегда сочувствовавшей всѣмъ влюбленнымъ. Эта тетка —

какъ опасны и какъ полезны такія тетки! — обезпечивала ему частыя встрѣчи съ возлюбленной и простирала свою любезность такъ далеко, что скрывала нѣжныя и частыя письма жениха; въ итогѣ, Елисавета вскорѣ забыла и вторую свою любовь. Впрочемъ, сама она въ краткой своей біографіи нѣсколько иначе передаетъ эту исторію: ей, будто бы, сообщили объ измѣнѣ Хамильтона и хотя это свѣдѣніе, быть можетъ, было вымышлено врагами, но такъ сильно на нее подѣйствовало, что она письмомъ отказала герцогу; все же, увѣряетъ она, во всю свою жизнь она не могла забыть предмета этой своей первой и настоящей страсти. Говорятъ, что Хамильтонъ долго былъ безутѣшенъ; во всякомъ случаѣ, онъ только десять лѣтъ спустя, въ 1752 г., обвѣнчался съ другой Елисаветой, дочерью Джона Гуннингъ (Gunning of Castle Coote), которая надолго его пережила и умерла въ 1790 г., тогда какъ онъ скончался уже въ 1758 г., оставивъ одного сына, отъ котораго происходятъ всѣ послѣдующіе герцоги Хамильтонъ.

Хотя лэди Елисавета и называетъ свою любовь къ Хамильтону «первою и настоящею», она недолго раздумывала передъ слѣдующей помолвкой и въ 1744 г. обвѣнчалась въ Винчестерѣ съ лордомъ Августомъ-Джономъ Хёрвэй. Такъ какъ родители жениха были противъ этого брака, имѣя для сына другую невѣсту въ виду, да и Елисавета дорожила своимъ положеніемъ фрейлины, цѣня внѣшнія стороны придворной жизни, то молодые рѣшили временно сохранять свой бракъ въ тайнѣ, тѣмъ болѣе, что лордъ Хёрвэй состоялъ капитаномъ морской службы и могъ легко получить назначеніе, связанное съ долгой отлучкой. По однимъ источникамъ, этотъ случай быстро наступилъ: лордъ надолго уѣхалъ въ Индію и оставилъ жену въ негодованіи на его безчувственность; по другимъ — онъ согласился на отъѣздъ только когда между супругами участились раздоры и отношенія ихъ стали несносными. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что лэди Елисавета одна предприняла поѣздку на континентъ. Она посѣтила Берлинъ и Дрезденъ, гдѣ обворожила все общество красотой, умомъ и остроуміемъ. Августъ III, король польскій и курфюрстъ саксонскій, въ особенности королева, оказали англійской «miss» самый милостивый пріемъ; въ Берлинѣ же она достигла совершенныхъ тріумфовъ и Фридрихъ Великій настолько былъ ею увлеченъ, что въ теченіе ряда лѣтъ поддерживалъ съ нею оживленную переписку. Фридрихъ въ самомъ началѣ пребыванія Елисаветы въ Берлинѣ писалъ маркграфинѣ Байрейтской: «Здѣсь нѣтъ ничего новаго, развѣ только то, что у насъ гоститъ англійская лэди, которая за ужиномъ выпила двѣ бутылки вина и во время танцевъ покачивалась». Однако, мы не должны придавать этому замѣчанію большого значенія; оно основывалось на первомъ впечатлѣніи отъ этой жизнерадостной, развязной и нѣсколько шумной особы, впечатлѣніи мимолетномъ, такъ какъ вскорѣ Фридрихъ перемѣнилъ свое сужденіе и письма его къ прекрасной англичанкѣ часто начинались словами «украшенію человѣчества». Это особенно доказываетъ умъ и интересъ ея личности, такъ какъ врядъ ли великій Фридрихъ, при извѣстной холодности своего темперамента, могъ поддаться чисто женскому ея очарованію. Поэтому мы можемъ отне-

Лордъ Хёрвэй графъ Бристоль, съ портрета Гainсборо.
Lord Hervey, comte de Bristol (d'après le portrait de Gainsborough).

Miſs Chudleigh in the Character of Iphigenia;
at the Venetian Ambaſsadors Masquerade.

Миссъ Чудлэй въ образѣ Ифигеніи на маскарадѣ у венеціанскаго посланника (современная гравюра).

стись съ недовѣріемъ къ жалобамъ недовольнаго супруга, въ своихъ письмахъ обвиняющаго ее въ исключительномъ пристрастіи къ удовольствіямъ, нарядамъ, развлеченіямъ; недовольный, онъ могъ замѣчать только эту сторону, а она, вѣроятно, свое вниманіе и свой умъ приберегала для тѣхъ, кто лучше ихъ цѣнилъ. Но такая жизнь, такіе разъѣзды стоили немало, а при плохихъ отношеніяхъ на средства мужа она много не могла разсчитывать, — и красивой «замужней дѣвушкѣ» пришлось вернуться въ Лондонъ. Тутъ снова началась распря съ мужемъ, который грозилъ обнаружить тайный бракъ: Елисавета ему подчинилась, но только для видимости, чтобы вѣрнѣе побѣдить, и вскорѣ тайно отправилась въ Винчестеръ, гдѣ перехитрила преемника стараго пастора, который ее вѣнчалъ, выпросила у него церковныя книги на просмотръ и, пока ея подруга занимала священника разговоромъ, вырвала листъ съ записью о бракѣ. Вернувшись изъ поѣздки, она уже спокойно объявила лорду Хёрвэй, что онъ можетъ принцессѣ Уэльской и кому угодно донести на нее, она же будетъ все отрицать, такъ какъ доказательствъ больше нѣтъ. Сразу ее возненавидѣвшій и униженный лордъ неохотно отрекся отъ своихъ правъ, но свобода была и ему нужна, такъ какъ онъ уже затѣялъ новый романъ; Елисавета радовалась своей свободѣ, повела веселую жизнь, стала образцомъ моды и бывала вездѣ, гдѣ собирался «весь Лондонъ». Вмѣстѣ съ подругами своими лэди Харрингтонъ и миссъ Ашъ она, по словамъ современниковъ, въ отношеніи туалетовъ и манеръ, служила предметомъ подражанія для знаменитой куртизанки Китти Фишеръ, которая сумѣла разорить цѣлый рядъ молодыхъ англійскихъ аристократовъ, но все таки отличалась прекраснымъ характеромъ и была окружена всеобщей симпатіей. Лэди Елисавета часто упоминаетъ о ней въ своихъ запискахъ и была освѣдомлена о ея жизни и поведеніи даже гораздо болѣе, чѣмъ ей слѣдовало бы. Рой ея ухаживателей снова возросъ, среди нихъ выдѣлялись герцогъ Анкастръ и лордъ Говъ; послѣдняго даже называли ея суженымъ; но втайнѣ она поощряла третьяго поклонника, несмѣтно богатаго Эвелина Пьерпонта герцога Кингстонъ. Среди этихъ любовныхъ затѣй, которымъ она отдавалась съ кокетствомъ, доведеннымъ до степени спорта, неожиданный случай спуталъ ея планы: лордъ Хёрвэй, тѣмъ временемъ наслѣдовавшій послѣ брата титулъ графа Бристоль и связанное съ нимъ большое состояніе, опасно заболѣлъ и врачи не надѣялись спасти его. Недолго думая, миссъ Чудлэй отправилась къ больному и пустила въ ходъ всѣ способы примиренія; такъ какъ при этомъ она повсюду стала говорить о тайномъ бракѣ и о послѣдовавшемъ будто бы рожденіи ребенка, то и немудрено, что всѣ угадали ея желаніе воспользоваться именемъ и состояніемъ умирающаго. Однако, вопреки ожиданіямъ, послѣдній выздоровѣлъ и, вѣрный девизу своего герба «Le n'oublieray jamais», отвергъ всѣ попытки примиренія и даже самъ пригрозилъ процессомъ противъ нея, чтобы доказать, что брака не было никогда. Предъ такимъ исходомъ лэди Елисавета испугалась и поспѣшила положить конецъ колебаніямъ, вступивъ 8 марта 1769 г. въ бракъ съ герцогомъ Кингстонъ, бывшимъ значительно ея старше.

Достигнувъ желанной цѣли, герцогъ, отъ природы добродушный и флегматичный, легко подчинился женѣ и жизнь ихъ протекала мирно и ладно. Въ 1773 г. онъ умеръ и все свое огромное состояніе завѣщалъ женѣ, къ тому времени уже 53-лѣтней, въ обходъ всѣхъ другихъ наслѣдниковъ. Немудрено, что послѣдніе немедленно оспорили завѣщаніе и дабы лучше достигнуть успѣха гражданскаго иска, возбудили и уголовное дѣло, обвиняя герцогиню въ двоебрачіи. Первый процессъ рѣшенъ былъ въ ея пользу, такъ какъ въ завѣщаніи она была обозначена дѣвичьимъ именемъ Елисаветы Чудлэй и тожественность ея съ этимъ лицомъ не поддавалась оспариванію. За то уголовное преслѣдованіе грозило ей страшной опасностью: публичнымъ, чрезъ палача, выжиганіемъ раскаленнымъ желѣзомъ клейма на лѣвой рукѣ и заключеніемъ въ тюрьму. Дѣло это настолько интересовало всю Европу, что о немъ неоднократно писали даже въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Наконецъ, судъ лордовъ призналъ ее законной женою лорда Хёрвэя, а бракъ съ герцогомъ Кингстонъ объявленъ недѣйствительнымъ, причемъ, въ виду смягчающихъ обстоятельствъ, она отъ всякаго наказанія избавлена и только лишена титула герцогини Кингстонъ; однако, неизвѣстно почему, послѣдняя часть приговора исполнена не была, и лэди Елисавета до конца жизни безпрепятственно пользовалась этимъ титуломъ даже въ оффиціальныхъ актахъ. Можно смѣло сказать, что ей повезло и врядъ ли она сама ожидала такого благополучнаго исхода. Впрочемъ, имъ она немало обязана собственнымъ энергіи, рѣшимости и присутствію духа, такъ какъ она сама себя защищала на судѣ.

10 9bre 1776 Elizabeth duchesse de Kingston née Chudleigh

Факсимиле подписи герцогини Кингстонъ.

На этомъ, однако, дѣло не кончилось и графъ Бристоль предъявилъ имущественныя требованія. Объ этомъ она впервые узнала во время путешествія по Италіи. Въ концѣ 1776 г. она была на пути въ Римъ и пріѣхала 9 ноября въ Мюнхенъ. Первой ея заботой было разыскать князя Карла Радзивилла, жившаго подъ Мюнхеномъ, которому она хотѣла предложить услуги для Вѣны, Венеціи и Рима, гдѣ намѣревалась провести зиму. Въ Римѣ была принята Папою, какъ владѣтельная принцесса, окружена кардиналами и лучшимъ обществомъ, пріобрѣла палаццо и стала его устраивать; тревожныя вѣсти вызвали ее на родину. 3 февраля 1777 г. она вновь въ Мюнхенѣ, уже на обратномъ пути, и вновь не застаетъ Радзивилла, которому наспѣхъ пишетъ, ссылаясь на какое то важное письмо, «qui était dictée du fond du coeur d'une sincère amie», посланное князю въ Голландію, и заканчивая припиской: «Je cours à Paris en toute hâte à la rencontre de mes Avocats, car on pretends me donner un Mari sans mon consentement et juger mon procé sans l'écouter». По пріѣздѣ въ Лондонъ она пишетъ 7 марта князю Радзивиллу

и мы узнаемъ, что онъ тоже собирался ѣхать туда, дабы поддержать ее въ трудную минуту, но она настоятельно его отговариваетъ. Адресуетъ она это письмо въ помѣстье князя подъ Мюнхеномъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ его отъѣзда оно послѣдовало за нимъ въ Голландію, и выражаетъ надежду, что вмѣсто Лондона онъ поѣдетъ въ Польшу «pour ranger Vos affaires» и продолжаетъ: «Je m'interesse à tout ce qui regarde Vos avantages et il faut que Vous, comme moi, nous nous soumettions à notre malheureux sort. Je crois que cet été j'irai à Pétersbourg pour un mois, j'ai beaucoup de choses en conséquence la; je Vous prie de ne pas parler à qui que ce soit de cette intention». Дѣйствительно, она исполнила это свое намѣреніе.

Когда лэди Елисавета разобралась въ своихъ дѣлахъ, она стала широко пользоваться жизнью: огромное богатство давало ей возможность удовлетворять всѣ прихоти, а внѣшность ея — подобно Нинонъ де Ланкло и немногимъ прославленнымъ красавицамъ — какъ будто была внѣ власти времени. Ея красота влекла къ ней все новыхъ и новыхъ поклонниковъ: неужели же всѣ эти сердца покорялъ только золотой фонъ ея красоты? Но какъ нерушимы были стройность ея стана, нѣжность цвѣта лица, блескъ очей и прелесть улыбки, такъ неисчерпаемъ былъ и жизненный запасъ этой необыкновенной женщины. Что только не пережила она съ того злосчастнаго дня, когда оспа нарушила ея первый, дѣвичій романъ, до момента приговора грознаго суда! Сколько волненій, сколько страсти она пережила, но все это какъ будто скользило по поверхности ея души. Какъ только миновала опасность, герцогиня вновь замечтала о новыхъ радостяхъ, о новыхъ ощущеніяхъ, о подвигахъ и интересныхъ приключеніяхъ. Въ то время уже всюду гремѣла слава Россійской Императрицы Екатерины Второй. Герцогиню всегда привлекало все необычайное, стоящее внѣ обыденныхъ рамокъ; не естественно ли ея стремленіе подойти и къ этой великой женщинѣ? Рѣшительность и смѣлость, любовь къ искусству и ко всякой красотѣ, щедрость и наклонность къ роскоши, снисходительный взглядъ на романическія приключенія, эти черты характера, которыя она видѣла въ Екатеринѣ, она знала ихъ въ самой себѣ, и въ этомъ сходствѣ вкусовъ она черпала надежду на дружбу съ Императрицей. Навстрѣчу этой дружбѣ она и рѣшилась ѣхать въ далекую Россію. Но она ошиблась съ разсчетѣ: въ самомъ дѣлѣ, герцогиня имѣла много общихъ чертъ съ Екатериной, но не было у нея ея величія, и это она поняла только потомъ. Сходство характеровъ именно стало роковымъ для взаимной симпатіи: обѣ женщины видѣли другъ въ другѣ свое же отраженіе, но особенно Императрицѣ не могло нравиться, что въ герцогинѣ она встрѣчала лишь карикатуру на самое себя, свой общій обликъ, лишенный величія и силы.

Однако, какъ же могла герцогиня, только что обезславленная громкимъ уголовнымъ процессомъ, привлечь вниманіе Русской Царицы? Какъ умная женщина, лэди Елисавета боялась рисковать и хотѣла до поѣздки заручиться милостью и расположеніемъ Императрицы. Пріемъ, къ которому она для этого прибѣгла, въ наше время показался бы наивнымъ, но былъ удаченъ: среди драгоцѣннаго наслѣдства ея вто-

рого мужа ей достался рядъ картинъ знаменитыхъ мастеровъ, и часть ихъ она придумала поднести Императрицѣ, въ знакъ своего глубокаго почитанія Сѣверной Семирамиды. О желаніи своемъ она сообщила Россійскому послу въ Лондонѣ, поставивъ лишь условіемъ, чтобы выборъ былъ произведенъ лично Екатериною. По этому поводу завязалась длительная переписка между Петербургомъ и Лондономъ, завершившаяся согласіемъ Государыни на принятіе цѣннаго дара, отправленнаго въ Россію морскимъ путемъ. Императрица приказала благодарить лэди Елисавету въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ. Какъ ни странно, однако, какъ списокъ картинъ, такъ и дальнѣйшая ихъ судьба остались неизвѣстными и мы напрасно старались выяснить вопросъ; можно лишь предполагать, что онѣ вошли въ составъ Эрмитажнаго собранія.

Удача этого шага обезпечивала герцогинѣ достаточно милостивый пріемъ въ Петербургѣ и она отправилась туда въ 1777 г. на собственной яхтѣ, подъ французскимъ флагомъ (такъ какъ Англія только что начала войну со своими сѣверо-американскими колоніями). Послѣ вполнѣ благополучнаго плаванія она бросила якорь на Невѣ недалеко отъ Зимняго дворца. Появленіе герцогини было событіемъ для петербуржцевъ. Вся знать поспѣшила воспользоваться ея приглашеніемъ осмотрѣть яхту, а толпа любопытныхъ облѣпляла набережную. Лэди Елисавета любезно принимала посѣтителей и всѣмъ говорила, что такое далекое, дорогое и небезопасное путешествіе предприняла съ единственной цѣлью — хоть разъ взглянуть на великую Императрицу. Тотчасъ по пріѣздѣ герцогиня стала хлопотать о позволеніи представиться Государынѣ. Предрасположенная разсказами придворныхъ, Екатерина полюбопытствовала лично увидать пріѣзжую и назначила ей пріемъ въ присутствіи всего Двора. Взорами, полными любопытства и удивленія, встрѣчали заморскую гостью всѣ придворные. Шепотомъ передавали они другъ другу то, что успѣли о ней узнать: ея имя, романическое прошлое, сплетни о сказочномъ богатствѣ, легенды о сокровищахъ ея нарядовъ и украшеній. На гравюрѣ, воспроизводимой при этой статьѣ, видна герцогиня въ драгоцѣнномъ нарядѣ, послужившемъ ей для появленія предъ Императрицей. Вокругъ англійскаго посланника тѣснилась толпа; его засыпали комплиментами и разспросами, и удивленно принимали его сдержанные, холодные, уклончивые отвѣты. Ихъ спѣшили дома заносить въ дневникъ и сообщать въ письмѣ друзьямъ и пріятелямъ. Одни объясняли ихъ политикой, приписывали гостьѣ тайныя порученія англійскаго министра или короля, говорили о союзѣ и строили всевозможныя предположенія; другіе ограничивались велерѣчивыми описаніями нарядовъ и драгоцѣнностей англійской лэди; третьи, наконецъ, смотрѣвшіе на нее глазами волокитъ, обсуждали ее, какъ женщину, и лелѣяли фантастичныя мечты для себя или близкихъ, — словомъ, ни для кого не прошла она незамѣченной. Сама Императрица пишетъ Гримму: * «Герцогиня Кингстонъ пріѣхала сюда подъ французскимъ флагомъ; у нея голова хороша и въ умѣ нѣтъ недостатка. Она находитъ меня очень любезной, но такъ какъ она глуха, а я не могу воз-

* Я. К. Гротъ. См. «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ». Спб. 1879.

Портретъ герцогини Кингстонъ. Увеличенное воспроизведеніе слѣпка съ оригинала, рѣзаннаго Брауномъ. Конецъ XVIII в. (Императорскій Эрмитажъ).
Portrait de la duchesse de Kingston. Agrandi d'une contreépreuve d'intaille gravée par Brown. Fin du XVIII-e s. (Ermitage Impérial).

Оборотная сторона медальона съ портретомъ герцогини Кингстонъ.
Revers du médallon au portrait de la duchesse de Kingston.

высить голоса, то она этой любезностью не воспользуется». Милость Царицы послужила знакомъ для петербургской знати и герцогиню засыпали приглашеніями, на которыя она отвѣчала обѣдами и балами на яхтѣ. Русское общество считало ее чуть не владѣтельной особой, родственницей королевскаго дома, такъ какъ на пріемахъ во дворцѣ она появлялась, по англійскому обычаю, въ герцогской коронѣ, осыпанной драгоцѣнными камнями, а представленіе о ея богатствѣ выросло до сказочныхъ размѣровъ. По высочайшему приказанію ей былъ отведенъ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Петербургѣ (выяснить мѣстонахожденіе его точно не удалось) и ей жилось прекрасно среди широкаго русскаго гостепріимства и барскаго хлѣбосольства. Очевидно, въ этомъ завоеваніи Петербурга немалую роль сыграли ея умъ, любезность, умѣніе очаровывать людей и находить удачный выходъ изъ всякаго положенія. Но въ средѣ представителей большого свѣта нашлось одно исключеніе въ лицѣ англійскаго посланника, не только не поддававшагося ея чарамъ, но даже явно ея избѣгавшаго и, очевидно, такъ дѣйствовавшаго въ силу полученныхъ изъ Лондона указаній. Естественно, что лэди Елисавета всѣ претерпѣнныя въ Англіи непріятности объясняла клеветою и завистью, и старалась за пренебреженіе родины вознаградить себя полнѣйшимъ признаніемъ ея иностранцами. Необычайный успѣхъ въ Петербургѣ внушилъ ей мысль навсегда въ немъ поселиться, а чтобы укрѣпить подъ собою почву и чувствовать свое положеніе твердымъ, она задумала добиться званія статсъ-дамы. Но такъ какъ она была нерусской подданной и никакой связи съ Россіей не имѣла, то для достиженія своей цѣли сочла полезнымъ хотя бы обзавестись недвижимостью и уже черезъ нѣсколько недѣль по пріѣздѣ купила у барона Фитингофа за 74.000 р. серебромъ живописное имѣніе на берегу моря въ Эстляндіи. Свою усадьбу она назвала «Чудлэй» и названіе это сохранилось донынѣ. Кромѣ того, въ Петербургѣ она пріобрѣла домъ на Фонтанкѣ (у Измайловскаго моста, впослѣдствіи перестроенный Гарновскимъ, нынѣ принадлежащій военному вѣдомству) и рядъ земельныхъ участковъ подъ столицей. Несмотря на это, она не достигла успѣха: Императрица въ очень любезныхъ, но рѣшительныхъ, выраженіяхъ отклонила назначеніе ея статсъ-дамою на томъ основаніи, что званіе это никогда не жаловалось иностраннымъ подданнымъ. Жестоко разочарованная герцогиня ускорила свой отъѣздъ, втайнѣ обиженная, но отпущенная Императрицею милостиво и даже сердечно. 11 ноября 1777 г. герцогиня пишетъ Радзивиллу, что она готовится къ отъѣзду и очень занята сборами; а 15 декабря, уже изъ Кенигсберга, она приглашаетъ его выѣхать ей на встрѣчу въ Виттенбергъ на Эльбѣ близъ Дессау, дабы выслушать какое то важное ея сообщеніе, но никто не долженъ знать содержаніе этого письма и цѣль поѣздки князя, если онъ поѣдетъ на свиданіе съ нею. «Это тайна для всѣхъ кромѣ васъ». Даже лицо, писавшее это письмо подъ ея диктовку, не знало, къ кому оно обращено; оно ею собственноручно составлено по англійски, но на томъ же листѣ другимъ почеркомъ написаны переводы на польскій и французскій языки, подписанные ею самою. Заканчивается посланіе словами:

«Я покидаю это мѣсто (Кенигсбергъ) завтра и въ плохомъ состояніи здоровья, въ которомъ я нахожусь, не могу достигнуть Берлина въ менѣе чѣмъ 10 дней, такъ что вы черезъ двѣ недѣли отъ сегодняшняго дня сможете со мною говорить въ одномъ изъ двухъ названныхъ мѣстъ. Но ни въ коемъ случаѣ не пріѣзжайте въ Берлинъ»! Въ дѣйствительности, герцогиня прослѣдовала въ Берлинъ и Дрезденъ, а съ дальнѣйшаго пути въ Калэ писала Радзивиллу въ Золкіевъ письма, столь интересныя во многихъ отношеніяхъ, что мы не можемъ удержаться отъ приведенія ихъ здѣсь съ соблюденіемъ курьезной орѳографіи.

J'ai reçu l'honneur de votre lettre monsieur le Prince à Dresde il m'etoit rendu par ma chere amie L'Electrice douairière de Saxe, avant de l'avoir reçu je vous ai écrits de Koenigsberg en Prusse, pour vous prier de venir à ma rencontre à Leipzik ou à Franfourt sur le Main, que j'avois-quelque chose à vous dire de ce qui regarde vos interets tres particulièrement. L'interet que vous prenez à tout ce qui me regarde, si bien que les amitiés et les bontés que votre très chère Belle Mère * avoit pour moi en voiage et l'amitié que nous nous sommes promis l'un à l'autre setend à toute sa famille et vous pouvez être assurè que je m'interesse à tout ce qui vous regarde. Je pris cette route espérant de vous voir, à présent il ne me reste qu'à vous dire que je vous prie instamment que vous ne voulez pas retarder d'arranger vos affaires avec le Roi ne perdez pas de temps cet autant de Perte pour vous. La guerre et le trouble entre les Russes et la Turcie pouront survenir ne vous y melez pas je vous en prie. Ceux qui n'ont rien «à perdre» voudroient peut-etre vous tenter de les joindre. Au nom de Dieu n'en faites rien, vous pourrex sans crainte vous fier à les Graces de Sa Majesté Jmpériale. N-at-Elle pas déjà rendu rout à Monsieur le Prince Czartorichsky, pourquoi ne ferait Elle pas autant pour vous. Si vous avez la moindre confiance dans les Conseills que je vous donne ne perdez pas de temps pour faire votre reconciliation avec le Roi de Pologne. Je m'en vai a Calaie vous m'ecriez vos intentions et je ferai tout mon possible avec mes amis à Pétersbourg pour les engager dans vos intérets; soyez sûr monsieur le Prince que ceux qui voudroient vous tenter d'agir autrement ne sont pas tant des vos amis que celle qui a l'honneur d'être votre tres-humble servante

Ce 16 du mois Janvier l'année 1778. «Elizabeth Duchesse de Kingston».

Monsieur le Prince, J'ai eu l'honneur de vous écrire de Dresde en reponse à celle que ma chère amie, L'Electrice Douairiere de Saxe ma rendue, elle la tenue de Munich; la dernière du 25 Janvier 1778, je l'ai reçu à Bruxelles par Estafête, avec d'autres lettres que Monsieur le Prince de Boriatinskoy * Ambassadeur de la Cour de Russie à Paris, m'a fait tenir, il est sûre Monsieur le Prince que j'ai simphatisé avec votre Altesse dans tous vos chagrins, et je souhaite les voir finir, je crains que si vous

* Вторая жена князя Михаила-Казиміра Радзивилла, княгиня Анна-Луиза, урожденная гр. Мыцельская.

** Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій (1738 — 1811), флигель-адъютантъ Петра III, впослѣдствіи генералъ-поручикъ и посланникъ въ Парижѣ (1773 — 1785); женатъ на принцессѣ Екатеринѣ Петровнѣ Гольштейнъ-Бекской.

ne vous arangez pas avec le Roy, vous verrez passer dans les mains des autres toutes vos belles terres à present dans la possesion de la Russie, il est vrai que beaucoup sont déjà donnés mais le reste mérite bien votre attention, Sa Majesté Imperiale est gracieuse, compatissante et génereuse, elle n'a pas son égal dans le monde pour les qualités de l'ame; et si Votre Altesse, et si vos amis s'intéressent pour des restitutions, Elle le fera de bonne grace et je suis persuadé que vous serez content, vis-a-vis de moy elle s'est comportée comme un ange — en veritable amie et je ne désire rien de plus que de la revoir ce que je ferai sûrement; si je puis trouver une personne de ce pais pour me reconduire; ne tardez pas je vous prie de faire les pas les plus précipités pour votre raccomodement vous êtes fait pour faire tout de bonne grace, ne donnez pas à croire à vos ennemis que vous tardez pour voir quelle tournure les affaires prendront aux portes et dans ce moment vous en recevrai beaucoup plus de gloire q'au tout autre tems je vous ai attendu à Leipzic et à Francfort sur le Main quoiqu' à Dresden j'ai pensé ne le pas faire; j'ai reflechis après que vos Corespondans à Munich pouvoit vous faire tenir ma lettre ayant après que vous étiez en visite chez Madame Votre Soeur près Derchau et que vous pouriez bien nous suivre à Leipzic, ou Francfort, j'étois pourtant si pressée que je n'ai pas pu rester à Berlin ou j'avois par lettre promis au Roy, de reposer trois jours, et le Prince Henry, fut en voiture pour me faire la visite lorsque je me suis mis en chemin; ce qui me pressoit tant fut une lettre qui m'attendoit à Berlin pour m'avertir, que si je n'arrivoit à Calais à la rencontre de mes Jurisconsuls le 19 de février que je risque de perdre le proces que le comte de Bristol m'a intenté pour établir un mariage avec moy et se rendre maître de tous mes Biens, j'ai manqué de m'y trouver par quelques jours, le 20 du mois dans mon absence il lui ont permis de plaider contre moy, quoique je fut en voyage sans la possibilité d'instruire mes jurisconsuls pour me deffendre, j'ai appellée à une plus haute cour de justice. Dieu sait seulement s'il ne sont pas déterminé pour mon adversaire parmi toutes mes traverses je benis le bon Dieu du courage et de la philosophie que par sa grace je possede et qui me soutient, contre toutes mes persecutions; mais pour revenir Monsieur le Prince à vos affaires je vous prie de me donner réellement vos intentions dans quel moment vous contez vous arranger vis-a-vis du Roy, et quand vous pouriez aller à St Pétersbourg pour faire la Cour à sa Majesté Imperiale, j'espere que vous vous adresserez au Prince Potemkin en arrivant c'est le seul moyen de réussir puisque Sa Majesté I. avec raison à toute confiance en Lui, je suis persuadée que vous serez content de lui, c'est un homme qui n'est pas fier rempli de Belles et de grandes qualités il a le coeur compatissant, génereux et désintéressé, c'est un homme de lettres, vous pourrez vous assurer Monsieur le Prince que moy et tous mes amis feront tout au monde pour vottre succès, il se peut que j'y serai, je suis dans l'intention d'aller à Rome pour reprendre mes effets de conséquences, car je crois qu'on a bien envie de me tout enlever; je retournerai assurement par Venise peut-être que j'y passerai mais ne vous mètez pas en chemin pour Pétersbourg, tant que vous m'en ayez pas ecrit et attendu ma reponse puisque je voudrais écrire au Prince Potemkin et au Comte

de Czernichew * etc. pour faire le petit peu qui dépend de moy pour assurer lagrement que vous désirez en arrivant ce que je souhaite de tout mon coeur, et je suis avec toute la considération possible Monsieur le Prince

Votre tres humble servante

Le 3 de mars 1778. «Elizabeth Duchesse de Kingston»

Dans ce moment je viens de recevoir Mons-r le Prince L'honneur de vôtre Lettre du 31 de Mars, qui a estée quarante et cinq jours en route. A l'avenir pour quelque chose qui presse adressée en droiture a Calais par Ostende, mais quand il ne sagist pas d'expedition il vaut mieux pour suretée faire tenir vos lettres à vôtre correspondant à Paris.

Dans la tristesse ou je suis il y a peu de choses au monde qui auroit pu me faire tant de plaisir que de scavoir que vous etes dans le droit chemin pour rassurer votre tranquilitée et le Réetablissement de votre Grandeur avec toutes les Interest de vôtre Illustre Famille. Je ne doute nullement que la reception que vous aurez à la Cour sera telle que vous la désirée, aprésent il ait qestion seulement que vous preniez de bonnes mesures pour St. Petersbourg, et je crois que tout ce que vous désirez despends de vos premières pas. En veritable et vraie amie je vous donne la bonne Route. Vous aurez donc la bonté de ne pas prendre une Lettre de qui que ce soit excepté les deux que j'aurai l'honneur de vous faire tenir; c'est pour mes deux amis Monsieur le Prince de Potemkin, qui est en verité un grand ministre, rempli d'esprit, tres honnete brave officier et en un mot tout ce qui peut faire un honnête et Gallant homme, il est justement distingué de Sa Majesté Impériale, comme il le doit être par l'attachement qu'il a pour ses Jntérets, et je suis persuadé que rien au monde pourroist L'en detourner, sitôt que Vous arriverez-vous enverrée ma lettre chez le Prince et vous ne manqerez pas de lui faire la première Visite que vous ferez à St. Pétersbourgh et le même jour vous irez chez le Comte de Chernichoff l'Amiral de la Russie, c'est un excelant Bon homme et tout ce que vous pouvez désirer il fera pour vous mon bon amy, et ne cherchez pas à écouter la moindre chose qui pourra vous detourner de ses deux Personnes. La comtesse de Chernichoff est une charmante femme ma bonne amie et qui ressemble beaucoup à La Princesse vôtre Belle Mere. C'est une femme vrai et de bonne Foy, ou je ne l'aimerois par tant. Je vous conseile Mons-r Le Prince de ne pas aller à St. Pétersbourgh avec grand éclat, ne prenez pas avec vous aucune personne, mais ceux a qui vous pouvéz ordonner, Si votre Amy qui Ecript le francois pour vous, vous accompagne il faut bien lui recommander Le secret sur vos affaires priez les Princes de vôtre Famille de se contenter de ne pas aller avec vous car on pourra former de differente liaisons et la moindre chose produit des Jalousies a la Cour, il faut aussi vous déterminer à ne pas faire part de cette lettre a qui que ce soi au monde, n'y que vous marchez sur mes conseilles; on pensera peut-etre que je ne devroit pas me mesller de cela, et beaucoup

* Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ (1726 — 1797), генералъ-аншефъ, Андреевскій кавалеръ, первоприсутствующій въ адмиралтействъ-коллегіи; при Императорѣ Павлѣ пожалованъ президентомъ сей коллегіи, съ чиномъ ген.-фельдмаршала по флоту; женатъ два раза: на Елисаветѣ Осиповнѣ Ефимовской (1734 — 1755) и на Аннѣ Александровнѣ Исленьевой († 1794).

Большой серебряный чанъ. Лондонской раб. около 1715 г. (Императорскій Эрмитажъ).

Grand vase en argent. Travail anglais vers 1715. (Ermitage Impérial).

Мейсонье: Серебряная миска, принадлежавшая герцогинѣ Кингстонъ.
(Собраніе А. А. Половцова, распроданное въ Парижѣ въ 1909 г.).

Meissonnier: Soupière en argent, ayant appartenu à la duchesse de Kingston.
(Vente Polovtzoff. Paris. 1909).

de Personnes sollicite vos Terres; Je croy même qu'il y en a de donnée, mais sy sa Majesté Jmperiale le veut Elle a bien de quoi remplir ses vuides, c'est une femme si forte, si Digne de toutes les Louanges qu'on pourroit la donner, que Mon Esprit et mon Coeur en ait tout rempli, et je l'aime plus que je ne puis exprimer en cas que vôtre secretaire ne peut pas vous accompagner à Cronstadt vous trouverez un Pauvre et tres honnete homme Allemand, Maitre des Langues pour le François à L'academie du Corps des Cadets il estoient mon Secretaire, — mais comme il ne connoissoit point L'anglois, je l'ai placé sous la protection de ce Corps. L'amiral qui commande à Cronstadt est un anglois de mes amis, et cet homme obtiendra aisement la permission de venir chez vous, pour ecrire une lettre pour moy, En Cas qu'il y en ayent une qui doit etre secrete, sans dire a l'amiral pour quelle raison il a l'honneur de se présenter devant vous Et je lui ferai avertir que peut-etre il sera honorée de vos ordres et il vous obeira. J'espère que votre Altesse ne me parlera plus de votre reconnoisance pour de si petits bagatelles que je puis faire pour votr Altesse et pour témoigner le respect que j'ay pour vous et l'Amitié que j'ai toujours eu pour votre chere mère et je souhaite de tout mon coeur que je pouvoit parvenir à persuadé L'impératrice et le Roy de Pologne de vous retablir dans touts le Droits que vous avez malheureusement perdue jusques a asteur. * J'ay l'honneur d'estre avec toute la considération possible De Vôtre Altesse La tres humble Servante.

«Elizabeth Duchesse de Kingston & & &».

Calais 28 May 1778.

J'ouvre ma lettre du 28 May pour vous faire scavoir Monsieur le Prince que j'ay reccu l'honneur de vôtre lettre de Varsovie. Je vous est bien assure de la reception que vous recevrez de cette Cour, et je croy que les honnetetee que vous avez reccu de L'Ambassadeur de Russie vous rassurera sur L'acceuil que la chere et tres charmante Imperatrice de toutes les Russies vous fera avotre arrivee dans sa capitale. Vous verrez Monsieur le Prince par la lettre que je vous ait ecrit du 28 combien vo projets sont contrairees au miennes.

En premier si vous n'allez pas vous meme a St. Pétersbourg vous n'obtiendrai la moindre avantage de cette Cour. En second votre Frere ne doit pas vous accompagner ny aucune de votre Famille ny personne qui pourroit prendre aucune connextion differend de ceux que j'ai l'honneur de vous offrir. Si vous poursuivee les pas que je vous ait tracee je ne doute nullement que vous reusseree a tout ce que vous desiree et si vous etes determinee que vôtre frère aille a St. Petersboug au moins faites en sorte qu'il arrive un mois apres vous, il est jeune et pourra former des liaisons qu'i vous sera contraire. Je vous prie de ne lui pas dire que c'est par mes conseilles qu'il ne vas pas avant vous à St. Pétersbourg, il est plein de feu et de vivacitée et pouroit prendre mauvais les conseilles que je donne également pour son avantage et pour les votres. Si vos affaires sont si derangéz que vous ne pouvez pas les abondoner dans le moment je ne vois rien qui presse et vous pourrez aussi bien aller

* Jusqu'à cette heure.

à St. Pétersbourg dans les Gélées qu'asteur. * Les lettres que je vous envoye du Prince Potemkine et le Comte De Chernichoff ne peuvent servir que pour vous, puisque j'ai dit que c'est par votre main qu'ils doivent etre rendue et je lui explique bien le merite de votre conduite de vous rendre à la Cour dans un temps si critique pour toute l'Europe. Je lui assure du respest que j'ay pour votre Altesse et que j'accepterée comme des amitié pour moi même toutes les honnétetée qu'il vous fera et des avantages qu'il obtiendra pour vous et votre maison. Je conte partir pour Rome Lundi prochain je passe par Lion et Marseilles et en Feloucre sur les cotes de L'italie ou je resterois jusques au millieu de Julliet et retournerois par le même chemin si je puis vous être utile à quelque chose vous pourrez m'escrire à Rome jy vais pour sauver du naufrage le peu qui me reste mais je n'embitionne ny la grandeur ny les Richesses je me porte bien et suis content je suis enchantée du bon Procedée du Roy et j'ay l'hon neur déstre

Monsieur le Prince de vôtre Altesse

avec beaucoup de respect et toute la considération possible

«Calais Vôtre très humble servante

Ce 4 Juin 1778». «Elizabeth Duchesse de Kingston &&&».

Какъ мы видимъ изъ писемъ герцогини, въ Берлинѣ она нашла извѣстіе о какомъ то новомъ судебномъ дѣлѣ съ графомъ Бристоль. Повидимому, оно окончилось благополучно, такъ какъ дальше мы о немъ упоминаній не встрѣчаемъ.

Конецъ путешествія опять былъ совершенъ на яхтѣ, съ которой лэди Елисавета сошла въ Калэ, гдѣ была торжественно встрѣчена городскими властями и разряженныя дѣвочки поднесли ей цвѣты; привѣтствіе это объясняется распущеннымъ въ городѣ слухомъ, будто она въ Калэ намѣрена основаться и обратить въ его пользу свои богатства. Но скоро жизнь въ маленькомъ городкѣ ей прискучила; несмотря на признательность горожанъ, которымъ она щедро благотворила, и на расточаемые ей фиміамы, герцогиня опять начала разъѣзжать по свѣту. Въ это время она посѣтила Вѣну, гдѣ Іосифъ II оказалъ ей не особенно любезный пріемъ, но австрійскіе и венгерскіе магнаты окружили ее свойственной имъ предупредительностью и вниманіемъ. Либеральничавшій, поддававшійся утопическимъ мечтамъ и фантазіямъ, неаристократичный — какъ ни странно звучитъ такой парадоксъ — императоръ Іосифъ II, этотъ самодержавный дилеттантъ во всѣхъ начинаніяхъ, по самому существу своему не могъ сочувствовать вельможной дамѣ старой аристократичной Англіи. Поэтому герцогиня сократила свое пребываніе въ Австріи и проѣхала въ Баварію, гдѣ пріобрѣла помѣстье Вартъ.

Вѣроятно, къ этому же періоду относится новое ея любовное приключеніе, въ которомъ она оказалась жертвою, такъ какъ герой его оказался мошенникомъ и проходимцемъ высокаго полета, достойнымъ прообразомъ современныхъ намъ корнетовъ Савиныхъ. Очевидно, это униженіе больно отозвалось на самолюбіи лэди Елисаветы и она горько раскаивалась въ своемъ легковѣріи, хотя бы изъ одного тщеславія. Все происшествіе это довольно темно, такъ какъ свѣдѣнія, находи-

* A cette heure.

мыя въ разныхъ источникахъ, повидимому, путаютъ двѣ различныя личности. Мы не могли разобраться въ нихъ вполнѣ и изложимъ этотъ эпизодъ вкратцѣ, основываясь главнымъ образомъ на изслѣдованіи Е. П. Карновича, тоже, однако, недостаточно выяснившемъ вопросъ. Его свѣдѣнія объ этомъ любовникѣ герцогини таковы. Нѣкто Стефанъ Зановичъ странствовалъ по Европѣ подъ разными именами и въ 1773 г. пытался выдать себя въ Черногоріи за императора Петра III; потерпѣвъ неудачу, онъ переселился въ Польшу, гдѣ принялъ имя Вартъ, то самое, которое съ графскимъ титуломъ носила герцогиня Кингстонъ по названію купленнаго ею въ Баваріи помѣстья. Мы здѣсь помѣщаемъ воспроизведеніе подписи одного изъ ея писемъ князю Радзивиллу, гдѣ она сама подписывается «Comtesse de Warth». Зановичъ сумѣлъ втереться въ довѣріе нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, особенно же князя Карла Радзивилла, котораго онъ зналъ еще по Риму, до появленія княжны Таракановой; весьма вѣроятно, что онъ тогда служилъ князю однимъ изъ главныхъ помощниковъ въ политической интригѣ противъ Императрицы Екатерины. Когда Зановичъ тоже въ Римѣ впервые познакомился съ герцогиней, онъ носилъ богато расшитый и украшенный драгоцѣнностями албанскій нарядъ и выдавалъ себя за албанскаго князя; онъ былъ молодъ, красивъ, очень ловокъ, находчивъ и уменъ; по словамъ герцогини онъ былъ «лучшимъ изъ Божьихъ созданій». Она была въ опасномъ возрастѣ второй молодости, серьезно въ него влюбилась и, будто бы, намѣревалась вступить съ нимъ въ бракъ, несмотря на то, что онъ, по утвержденію Карновича, родился въ 1752 г. и былъ, слѣдовательно, на 32 года ея моложе. Не останавливаясь на многихъ любопытныхъ подробностяхъ бурной жизни Стефана Зановича, укажемъ лишь, что когда онъ въ 1783 г. появился въ Амстердамѣ подъ именемъ Царабладаса, онъ былъ посаженъ въ тюрьму за долги, но польскіе друзья его выкупили и онъ, уже называясь княземъ Зановичемъ Албанскимъ, принялъ видное участіе въ возстаніи Голландіи противъ Императора Іосифа II; повстанцы щедро снабдили его деньгами, за что онъ имъ обѣщалъ вторженіе черногорцевъ въ австрійскія земли. Однако, въ виду вмѣшательства турецкаго посланника въ Вѣнѣ, подозрѣніе родилось и въ Амстердамѣ; самозванство его было обнаружено и онъ былъ арестованъ. Такъ какъ улики были подавляющи и онъ чувствовалъ себя погибшимъ, то въ тюрьмѣ перерѣзалъ себѣ жилы и былъ найденъ мертвымъ 25 мая 1785 г. Герцогиня утверждаетъ, будто онъ отравился ядомъ, который постоянно носилъ въ кольцѣ. Передъ смертью онъ ей написалъ признаніе въ томъ, что жилъ подъ чужимъ именемъ и что онъ не тотъ, за кого его принимали. Письмо это голландское правительство ей переслало нераспечатаннымъ.

Въ 1779 г. герцогиня вновь ѣздила въ Петербургъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго письма ея къ князю Радзивиллу:

Mon Prince,

Il y a bien longtems que je n'ai reçu de vos nouvelles; je suis dans ce moment cy sur le Bord de l'admiral russe à 20 lieux d'Elsenau, je dirige mes pas pour me rendre à St.-Pétersbourg aux pieds de Sa Majésté

que j'aime de tout mon coeur; si je puis vous etre de quelqu'utilité, vous savez bien que je ferai de mon mieux pour vous prouver les sentimens de considération avec lesquels je suis

De votre altesse

La tres Humble et Très Obeissante Servante

aubord de l'admiral russe. «E Duchesse de Kingston».

Le 12 may 1779.

J'espère que vous viendrez pour sollicitee ce que vous désirez tant De S. M. I. J'y serai pour vous assister avec mes amis.

Въ Петербургъ герцогиня, вѣроятно, прибыла въ іюнѣ и жила тамъ, какъ свидѣтельствуетъ объявленіе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 6 декабря 1779 г. «У ея свѣтлости герцогини фонъ Кингстонъ пропала маленькая бѣлая испанская сучка до половины обритая съ черными ушами, естьли кто оную сучку принесетъ или подастъ въ гр. Воронцова домъ за Обуховымъ мостомъ извѣстье, тому будетъ дано хорошее вознагражденіе». Собственноручныя письма герцогини показываютъ, когда она покинула Петербургъ:

Monsieur le Prince!

L'officier qui aura l'honneur de Vous remettre cette lettre, Vous informera que je comte me mettre en Route le premier de May Selon le style de la Russie pour Riga, je voyagerai très doucement et je dois passer par Reval ou je dois m'arreter cinq jours; Vous pouvez Vous assurer que tout ce qui dépend de moi sera fait por Vôtre avantage, et Monsieur l'Officier Vous informera des pas nécessaires à faire et de meilleure façon de Vous arrager pour que Vôtre prière soit accordé. Je ne crois pas que c'est moi qui pourroit contribuer à Vôtre bonheur, je ferai cepandant mon possible; mai les personnes à qui je souhaite que Vous Vous adressiez peuvent tout faire? Je suis sûre qu'un des deuz sera Votre véritable amy; Je me soucie pa de Vous ecrire davantage, parceque j'aurai l'honneur de vous voir dans peu de tems; Jai oui dire Monsieur Le Prince que Vous payé des Intérets énormes pour de l'argent, même jusqu'a 15 pour Centje suis persuadée qu'en Angleterre en donnant des bonnes Suretés que Vous pourriés l'avoir pour 5 pour Cent je Vous donnerai l'adresse d'un ou de deux Banquiers de Conséquence. C'est bien malheureux de penser conment Vous êtes maltraité de tout lemonde, mais j'espère que Vous allez être tran quille et que vous voulés bien être assuré que je suis avec toute la Considération possible

Monsieur Le Prince

Vôtre trèsz humble Servante

«Elizabeth Duchesse de Kingston Comtesse de Warth».

St.-Petersbourg le 11 Avril 1780.

Monsieur Le Prince!

Ce jour Le vinq cinq De juin j'ai reçu L'honneur De Vôtre Lettre par les mains De Mr. Berevd Joh. Jurgensohn. Je suis très malheureuse Donque ma mauvaise santée ma empéché Dequitter Petersbourg au tems meme que javoit pensé De le faire quoique mon voyage a tant tardé. J'ai cependant a maplaudir D'me trouver si avancé vu ma faible santé qui toujours semble mettre obstale a mes plaisirs. aux terres Du Prince Pot-

Припис. Натье: „Комедія" — предполагаемый портретъ герцогини Кингстонъ.
(Находилась въ собраніи г. Кремеръ въ Парижѣ).

Attr. à Nattier: „La Comédie" — portrait présumé de la duchesse de Kingston.
(Ancienne collection Kraemer à Paris).

Деталь пушки герцогини Кингстонъ.
(Собств. А. Г. Кирштена въ Чудлэй.
Эстляндской губ.).

Détail d'un canon au chiffre de la duchesse
de Kingston.
(App. à M. Kirschten. Chudleigh en Estlande).

tienkin jeu la fièvre, à Narva je me fit seigné et j'ai eté obligé De me reposer chez le Baron Ber qui à quelques postes Dela (une terre), la fièvre m'a repris et Des trois jours que j'ai resté je nai put sortir que pour une heure, restant au lit le premier et le segond jours. J'ai eut toute la difficulté au monde a parvenir jusqua Reval ou je suis arrivée hier. Cette lettre me Devance pour vous assurer que je me mettrai en chemin Lepremier moment qu'il me sera possible et je Vous Le marquerai a vant que Defermer Cette Lettre.

Apresent Monsieur Le prince je Vous avoue que j'ai été très choqué De ne pas recevoir De reponse à la lettre «ou message» que Je Vous «ait fait» ou écrite par Monsieur l'Officier Pollonois qui est parti Dernièrement De Petersbourg pour Vous Donner mes Conseils sur Vos affaires, et Vous annoncer l'intention ou j'étoit De venir jusqu'a chez Vous. Il y avoit Bien allors De temps pour avoir une reponse avant mon départ de St.-Pétersbourg et si je navoit pas reçu Votre lettre aujourd'hui Je serai partis Dans Deux ou trois jours pour retournes à St.-Petersbourg craignant que quelques malheur éts arrivé à L'officier qui aurai Dut me faire savoir Votre reponse? Jenevous Dirai pas combien je me Dérange en faisant ce voyage Dans ce moment puisque je devrais me trouver Dans la Capital, L'empereur D'Allemagne y étant en Visite et je pense même que je devrois y être avant son Départ et n'étant D'Ailleurs pas encore sur, Si Jeneserai pas obligé de faire levoyage D'Angleterre ou De France. Je suis satisfaite cepandant que vous serez covaincu qu'il nia pas de ma faute si je n'ai pas encore eté chez vous jusqu'aprésent. et je me reserve le plaisir de Vous assurer Devive voix que je prend beaucoup D'intérets a ce qui Vous regarde ainsi que votre famille et j'ai l'honneur d'être avec toute la considération possible Monsieur Le Prince Votre très humble et très obeissante Servante.

«Elizabeth Duchesse de Kingston Comtesse de Warth».

«Mon départ de Revel Sera Fixé pour Mardi le 30-me de Juin 1780 4 ou 5 jour en vojage à Riga a cause de ma...»

Къ этому второму пребыванію въ Петербургѣ относится передаваемый въ двухъ источникахъ разсказъ о доставленіи герцогинѣ однимъ вельможей давно желаннаго ею развлеченія — присутствія при ловлѣ китовъ въ открытомъ морѣ. Чтобы вполнѣ насладиться зрѣлищемъ, она велѣла вести судно, на которомъ находилась, вплотную за судами ловцовъ и поэтому не разъ подвергалась нешуточной опасности. Однако, какъ истая англичанка, у которой увлеченіе спортомъ таится въ крови, она ни разу не выдала своего страха и лишь смѣялась надъ трусостью окружающихъ.

Какъ мы видимъ изъ приведенныхъ писемъ, герцогиня ѣхала навѣстить своего стараго поклонника князя Карла Радзивилла. Князь — весьма интересная личность, давно ожидающая своего біографа.

Князь Карлъ-Станиславъ Радзивиллъ (сынъ Михаила Радзивилла воеводы Виленскаго, гетмана польнаго литовскаго, и Урсулы, урожденной княжны Вишневецкой, дочери Кастеляна Краковскаго), родился въ 1734 году, воспитывался на родинѣ, съ юныхъ лѣтъ вступилъ на поприще общественной дѣятельности и былъ неоднократно депу-

таномъ на сеймахъ. Послѣ смерти отца унаслѣдовалъ громадное имущество съ годовымъ доходомъ, достигающимъ 1.300.000 талеровъ; владѣлъ нѣсколькими укрѣпленными замками и держалъ до 6.000 собственнаго войска. Воспитанный въ неограниченной свободѣ, отличался всегда честными, благородными порывами, но и необузданнымъ, вспыльчивымъ характеромъ. Король Августъ III въ 1762 году, желая имѣть во вліятельномъ князѣ опору противъ партіи князей Чарторыйскихъ, — назначаетъ 27-лѣтняго князя Карла, послѣ смерти его отца, великимъ гетманомъ литовскимъ и воеводой виленскимъ. Сохраняя и впослѣдствіи свое расположеніе къ Саксонскому двору, князь сдѣлался ярымъ противникомъ короля Станислава-Августа Понятовскаго, но не въ силахъ былъ помѣшать его избранію. Со вступленіемъ Понятовскаго на престолъ въ 1764 году, онъ былъ его опаснымъ врагомъ и устроилъ противъ него извѣстную Радомскую конфедерацію; будучи за это изгнанъ съ родины и лишенъ имѣній, князь Карлъ въ сопровожденіи 200 вѣрныхъ конныхъ воиновъ переправился черезъ Днѣстръ и ушелъ въ Турцію; постановленіемъ сейма 1764 года былъ лишенъ воеводства, послѣднее было передано князю Михаилу Огинскому. Лишенный имѣній и сана князь Карлъ проживалъ затѣмъ въ Саксоніи, но недолго оставался въ бездѣйствіи и въ скоромъ времени сталъ во главѣ новой Барской конфедераціи, основанной подъ вліяніемъ Россіи. Возвратившись на родину, гдѣ постановленіемъ сейма 1768 года ему были возвращены имѣнія и достоинства, онъ, во главѣ 2.000 шляхты, совершилъ тріумфальный въѣздъ въ Вильно, затѣмъ, послѣ вступленія короля въ ту же конфедерацію, названную послѣднимъ генеральной, князь Карлъ съ Русскими вступилъ въ Варшаву; но убѣдившись однако скоро, что, какъ король, такъ и онъ самъ, сдѣлались только орудіями въ рукахъ русской власти и разсчитывая удалиться незамѣченнымъ, онъ ушелъ въ Литву въ свой замокъ Несвижъ, но въ скоромъ времени подвергся тамъ нападенію, а его сторонники были разсѣяны. Въ такомъ положеніи собралъ 600 вѣрныхъ людей, которыхъ рѣшилъ употребить на пользу родины, но когда обстоятельства помѣшали и этому намѣренію, то, поручивъ сихъ храбрецовъ завѣдующему конфедераціей, устраиваемой въ пользу партіи Саксонскаго двора, — самъ съ остатками своихъ драгоцѣнностей удалился въ Австрію. Встрѣтивши тамъ княжну Тараканову, разсчитывалъ при помощи ея вредить Россіи, но недостатокъ средствъ заставилъ его отказаться отъ этого намѣренія. Будучи въ концѣ концовъ удрученъ всѣми этими неудачами, вернулся въ Литву, гдѣ пользуясь громадной популярностью извѣстенъ былъ подъ названіемъ короля Литвы и гдѣ, удалившись отъ политической жизни, мирно окончилъ жизнь свою въ своемъ замкѣ Бяла въ 1790 году. Похороненъ въ фамильномъ склепѣ Несвижскаго бывшаго Іезуитскаго монастыря. Былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на княжнѣ Маріи Любомирской, дочери старосты Болимовскаго, вторымъ — на Терезіи Ржевуской дочери Вацлава, великаго коронааго гетмана, но ни отъ одной не оставилъ потомства.

Положеніе его, какъ перваго литовскаго магната и владѣльца необозримыхъ земель, заставляло съ нимъ считаться, а неспокойный

духъ, большое самомнѣніе и постоянная подвижность дѣлали изъ него неудобнаго противника, но роль его въ жизни государыни сыграна была уже давно. Князь «пане-коханку» — прозвище Радзивилла, имѣвшаго обыкновеніе въ разговорѣ постоянно повторять эту присказку — пришелъ въ восторгъ отъ возможности принять блестящую путешественницу и приготовилъ празднества, которыя должны были затмить все, чѣмъ до тѣхъ поръ чествовали герцогиню. Онъ принималъ ее какъ рыцарь, какъ щедрый вельможа, какъ польскій магнатъ, и съ большой свитою выѣхалъ ей навстрѣчу въ родовое имѣніе Бирже, возлѣ курляндской границы, въ нынѣшней Ковенской губерніи. Тутъ для нея наскоро былъ выстроенъ роскошный домъ и наутро по ея пріѣздѣ явился съ привѣтомъ самъ князь съ 40 экипажами, запряженными шестерками великолѣпныхъ коней; въ этихъ экипажахъ сидѣли дамы и дѣвицы, приглашенныя на торжества. Между кавалерами, приглашенными письменно на эти празднества, находились, между прочими: Храповицкій, инстигаторъ великаго княжества Литовскаго, Мориконн, судовой староста Вилкомирскій (шуринъ князя) и хорунжій каменецкаго уѣзда Забѣлло. * Затѣмъ слѣдовала кавалькада изъ 600 всадниковъ — созванныхъ шляхтичей, егерей, доѣзжачихъ, прислуги, ведшей за собой еще свободныхъ лошадей и своры собакъ. Самъ хозяинъ ѣхалъ, въ богатомъ польскомъ одѣяніи, верхомъ на чистокровномъ арабскомъ конѣ, окруженный гусарами, казаками и гайдуками.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, торжественный поѣздъ тронулся въ ближнее имѣніе князя Бирже. Тутъ на полянѣ спѣшно былъ выстроенъ бутафорскій городокъ съ особымъ домикомъ для герцогини. Къ вечеру доѣхали до него и начались празднества: сперва фейерверкъ и бой двухъ кораблей на сосѣднемъ озерѣ. Тѣмъ временемъ всѣ лавки въ этомъ волшебномъ городкѣ были ярко освѣщены и заполнены товаромъ; герцогиня должна была выбирать, что ей нравилось, и такимъ образомъ получила множество цѣнныхъ подарковъ. Затѣмъ все общество направилось въ особый залъ торжествъ, гдѣ Радзивиллъ открылъ балъ въ парѣ съ лэди Елисаветой. Когда же кончились танцы и всѣ гости вышли изъ зала, онъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ и былъ сожженъ, а всѣ отправились на роскошный ужинъ въ усадьбу. Сама герцогиня говорила впослѣдствіи, что этотъ праздникъ обошелся хозяину въ 50.000 ф. ст. Двѣ недѣли длилось пребываніе въ Литвѣ; между прочимъ, состоялось посѣщеніе замка Несвижъ, колыбели рода Радзивилловъ, откуда была устроена охота на кабановъ ночью при свѣтѣ факеловъ. Вообще во всѣхъ ночныхъ поѣздкахъ дороги были освѣщены горящими кострами и смоляными бочками, а самый поѣздъ сопровождался верховыми съ зажженными факелами. Всѣ мѣстечки, принадлежавшія князю и попадавшіяся по пути, привѣтствовали путешественницу пушечными выстрѣлами, мѣстныя власти торжественно встрѣчали, а мелкая шляхта старалась посильно почтить, уважить и угостить гостью. Такъ великолѣпный польскій магнатъ отмѣчалъ свою давнюю любовь, забывая полученный въ Римѣ отказъ, когда, влюбленный безъ ума, онъ добивался руки лэди Елисаветы.

---

* Собственноручныя письма князя Карла Радзивилла въ Несвижскомъ архивѣ.

Изъ дикихъ, но столь для нея гостепріимныхъ, лѣсовъ Литвы герцогиня измѣнила свое намѣреніе ѣхать во Францію и повернула путь вновь въ Петербургъ, какъ видно изъ ея писемъ.

Monsieur le Prince!

J'ai remis pour quelques jours l'honneur d'ecrire à Vôtre Altesse pour vous faire scavoir que Je pars d'ici cette Nuit pour retourner à St.-Pétersbourg. Vôtre Altesse peut être persuadée que tout le petit credit que j'ai à cette Cour sera employé pour vous, et ce sera pour moy un plaisir si je puis réussir a vous être utile en quelque chose.

Je vien de recevoir une lettre de Monsieur Drozytoirski (Drozylowski) kapt (capitaine) il me fait pars de son intention de ce marié je crois que c'est celui qui a fait après vôtre gout toutes les belles décorations pour les fêtes que vous m'avez donné et qui etoient d'une Beautés et Magnificense sans égale il désire ma protection visà vis de Vôtre Altesse il le mérite par son zelle pour Vôtre service.

J'ai l'honneur d'étre avec toute la Considération possible de Vôtre Altesse

La très obéissante Servante
E Duchesse de Kingston
& & & &
Comtesse de Worth.

7br 1780.

Monsieur Le Prince

Je suis anchantée De pouvoir vous Doner La Bonne nouvelle que M-r Le Prince De Pothenkin ma Donné Sa parolle De Bonne foy, D'appuiyer De Son credit tout ce qu'il peut pour vous rendre Service, et que vous aurez des lettres pour Mr le Comte de Staquelberque * pour obtenir à la Diètte Les terres qui ont été Donné aux Jésuittes par votre maison. Je ne puis vous Donner D'espérance sur celle qui Sont deja donnée, il nia que trois jours que j'ai obtenus cette promesse et j'attend à tout moment la Lettre pour l'envoyer, chez Vous.

Les peines sont des plaisirs quand on peut servir un amy. J'ai l'honneur de vous assuree que je suis la vôtre et j'ai l'honneur D'être à jamais

Vôtre très humble et très obéissante servante

E Duchesse de Kingston
Comtesse de Worth

Pardonné que la lettre est sans emvelope mais elle est adressé a mon Banquier à Warsovie.

Je vous prie de faire Savoir Le nom du Banquier en hollande qui voulait vous donner de l'argent à trois pour cent et quel est le nom de la personne chez qui sont vos bijoux en hollande et qu'elle est Le nom De

---

* Графъ Оттонъ-Магнусъ Стакельбергъ (1736 — 1800), человѣкъ большого ума, дѣйств. тайн. сов., кав. орд. св. Александра Невскаго, посланникъ въ Мадридѣ и Стокгольмѣ, посолъ въ Варшавѣ. Женатъ на Софіи-Гертрудѣ фонъ Фелькерзамъ, вдовѣ барона фонъ Тизенгаузенъ.

celui qui Les garderoit a Deux edemie pour cent. Ne croyez pas Mr Le Prince que j'ai néglige vos affaires mais Mr le Prince de Pothenkin à éte si occupé à amuser Le Prince De Prusse que je nai pas pus obtenir De lui un entretien plutot en particulier. Jespère qu'il ne sera pas trop tard pour cette Diette mais Si malheureusement cela est il faut prendre patiance pour ia premierre. Je comptoit me trouves ches... à Warsovie cette semaine mais la mort de son mary retardè mon voyage Mes amities S'il vous plait a ma Chere amie La géneral Moraska ainsi que La princesse Masalsky.

По пріѣздѣ въ Петербургъ герцогиня поспѣшила представиться Императрицѣ, но встрѣтила уже не прежній изысканно милостивый пріемъ, а только вѣжливо холодный. Все перемѣнилось вообще, такъ какъ Дворъ, спѣша послѣдовать примѣру Государыни, сталъ тоже гораздо сдержаннѣе и менѣе радушенъ. Екатерина принимала герцогиню лишь оффиціально, не допустивъ ее въ свой тѣсный кругъ. Какъ всегда въ жизни, непріятности и разочарованія приходятъ отовсюду сразу — и герцогинѣ тотчасъ по пріѣздѣ полиція предъявила рядъ взысканій и требованій налоговъ и уплатъ по Чудлэю и основанному ею тамъ винокуренному заводу. Чтобы разобраться въ этомъ, она сразу поѣхала въ имѣніе, управленіемъ котораго была недовольна. Петербургское общество вообще такъ перемѣнилось, было ей такъ непріятно и такъ мало обѣщало, что она сразу рѣшила его покинуть, тѣмъ болѣе, что не застала князя Потемкина, на поддержку, помощь и заступничество котораго она разсчитывала. Мы не знаемъ, что вызвало неблагопріятную перемѣну взгляда Императрицы. Открыли ли ей глаза на положеніе, вѣрнѣе «отсутствіе положенія», герцогини на родинѣ донесенія изъ Лондона или ее возмутило, что лэди Елисавета такъ охотно воспользовалась нашумѣвшимъ гостепріимствомъ князя «панекоханку» и, какъ ни въ чемъ не бывало, явилась въ Петербургъ, такъ сказать, изъ вражескаго стана? При всемъ своемъ великодушіи и величіи, Екатерина не забывала своихъ противниковъ, а Радзивиллъ оставался у нея на дурномъ счету, такъ какъ его шутки съ княжной Таракановой, политическія выходки и безпокойный духъ еще свѣжи были въ памяти. Намъ представляется, что въ этомъ и заключалась разгадка холодности Екатерины, считавшейся съ пословицей «кто не съ нами — противъ насъ». Лэди Елисавета, пожалуй, и не отдавала себѣ отчета въ этой безтактности: природѣ ея и духовному складу политика была чужда, а будучи иностранкой, совершенно непричастной и имѣя въ этомъ отношеніи совершенно чистую совѣсть, она могла считать себя выше необходимости выбора «за» или «противъ». Увидавъ свою ошибку и понявъ ея непоправимость, она, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Чудлэѣ, въ августѣ 1781 г. сѣла на французское коммерческое судно и отплыла въ Калэ. Незадолго до отъѣзда она, между прочимъ, писала Радзивиллу 22 іюля:

«Je suis dans un pays etranger ma voiture a la porte pour aller en France pour recevoir quelque argent et faire l'arrangement de mes affaires, ce que j'aurois du faire, quand je preferois l'honneur de venir chez votre Altesse, et si vous pensez que je n'et pas occupee a vous servir, vous ne

me faites pas justice. Le Prince Potemkin m assure, que ce n etoit pas necessaire, que le sollicitois pour l arrangement de vos affaires au dietes, c'est a dire a mon retour de Pologne: puisque m a-t-il dit, il s'est souvenu de ce que je ne suis interesse pour vos affaires avant mon depart dans le mois de May».

Карновичъ вполнѣ заблуждается, когда объясняетъ холодный пріемъ герцогини отчасти тѣмъ, что она построила у себя въ Чудлэѣ винокуренный заводъ и общественное мнѣніе было возмущено тѣмъ, что «знатная путешественница сдѣлалась заѣзжей промышленницей, желавшей поразжиться посредствомъ надуванія казны и на счетъ испивающаго люда». Во первыхъ, при незначительности этого завода въ небольшомъ имѣніи не могло быть рѣчи о крупномъ доходѣ и таковой, во всякомъ случаѣ, былъ бы ничтоженъ въ сравненіи съ состояніемъ герцогини; во вторыхъ, она не была ни скупой, ни корыстолюбивой, скорѣе расточительной, и, наконецъ, въ то время коммерческое использованіе земельныхъ имуществъ еще менѣе, чѣмъ теперь, считалось предосудительнымъ. Винокуренные заводы существовали вездѣ, гдѣ мѣстныя условія дѣлали это выгоднымъ, и никому въ голову не приходило обвинять помѣщика, садившаго картофель, когда почва его имѣнія этого требовала. Герцогиня же къ этой мысли еще приходила, какъ практическая англичанка, привыкшая не оставлять землю пустопорожнею и неиспользованною; скорѣе всего, она надѣялась принести пользу мѣстности, чѣмъ извлечь какія нибудь выгоды. Только ненавистники, притомъ невѣжественные въ сельскомъ хозяйствѣ, могли ей это ставить въ упрекъ.

Какъ протекала жизнь герцогини съ 1781 г. — мы опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣемъ; возможно, что приключеніе съ Зановичемъ, о которомъ мы говорили выше, относится именно къ этому періоду. Во всякомъ случаѣ, въ 1784 г. герцогиня еще разъ была въ Петербургѣ, такъ какъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 28 января 1785 г. въ прибавленіи на страницѣ 122 помѣщенъ списокъ отъѣзжающихъ: «Аглинская герцогиня Кингстонъ, при ней камеръ фрау Луиза Долменъ, лѣкарь Періе и служителя: Лилли, Еликъ, Матисонъ и Пертлети, живутъ за Обуховымъ мостомъ въ д. гр. Воронцова».

Въ 1786 г. лэди Елисавета вознамѣрилась посѣтить Англію и въ замкѣ Кингстонхаузѣ начались приготовленія, когда печать, узнавшая о ея намѣреніи, заняла столь враждебное положеніе, что неудача ея поѣздки стала явною. Въ Лондонѣ появилось множество грязныхъ и до нельзя оскорбительныхъ пасквилей, побудившихъ ее навсегда основаться во Франціи. Петербургскія разочарованія тоже оставили горькій осадокъ въ душѣ, и герцогиня писала Гарновскому 24 октября 1787 г., что она «считаетъ себя чрезвычайно несчастливою, такъ какъ отъ всего свѣта обижена». Вмѣсто Лондона, она поѣхала черезъ два года въ Парижъ, гдѣ пожизненно наняла домъ подъ названіемъ «Parlement d'Angleterre» и въ то же время купила около Фонтэнбло замокъ Sainte - Assise за 1.400.000 ливровъ, но прожила тамъ только недѣлю, захворала, спѣшно вернулась въ Парижъ и умерла отъ разрыва сердца 28 августа 1788 г., на 69-мъ году отъ рожденія.

Рубенсъ-Снейдерсъ: Битые звѣри.
(Императорская Академія Художествъ).

Rubens-Snyders: Le butin.
(Académie Impériale des Beaux-Arts).

Рубенсъ-Снейдерсъ: Охота на волковъ.
(Императорская Академія Художествъ).

Rubens-Snyders: La chasse aux loups.
(Académie Impériale des Beaux-Arts).

Рубенсъ-Снейдерсъ: Охота на лисицъ.
(Императорская Академія Художествъ).

Rubens-Snyders: La chasse aux renards.
(Academie Impériale des Beaux-Arts).

Рубенсъ-Снейдерсъ: Охота на кабана.
(Императорская Академія Художествъ).

Rubens-Snyders: La chasse au sanglier.
(Académie Impériale des Beaux-Arts).

Извѣстная составительница мемуаровъ, баронесса Оберкирхъ, хорошо знавшая герцогиню и за нѣсколько дней до смерти ее видѣвшая, записала о ней: «Она дѣйствительно женщина необыкновенная. Она поверхностно знала чрезвычайно много, такъ какъ проводила время съ умными людьми, образованными, бывшими въ ту пору знаменитостями всей Европы. Хотя она только слегка могла касаться того или другого ученаго или вообще важнаго вопроса, но говорила превосходно и картинно». Баронесса пишетъ дальше, что хотя лэди Елисавета хорошо знала жизнь, но всетаки обладала слишкомъ большой силой воображенія, была горда и упряма. Несмотря на пожилой возрастъ, она хранила слѣды поразительной красоты, а поступью она походила на королеву Марію-Антуанетту, съ величественной походкой которой не могла сравниться ни одна женщина въ Европѣ. «Она выступала, какъ богиня», говоритъ баронесса про герцогиню Кингстонъ, прибавляя, что никто не умѣлъ такъ сановито и граціозно поклониться, какъ она. Въ итогѣ, изъ этого сужденія, съ которымъ сходятся отзывы другихъ современниковъ, мы видѣли, что всѣ въ ней признавали «grande dame» и породистость, независимо отъ многочисленныхъ бросаемыхъ ей обвиненій. Въ самомъ дѣлѣ, понятія эти стоятъ совершенно особо. Schaukal красиво и мѣтко ихъ опредѣляетъ: «Понятіе ‚дама‘ похоже на глиняную чашу, на которой могутъ обозначиться тысячи трещинъ и царапинъ, но онѣ ее не разбиваютъ». Дѣйствительно, въ извѣстномъ кругѣ общества, изъ соображеній тщеславія, лицепріятія и разсудка, закрываютъ глаза на многое, что уста не только не пытаются отрицать, но и охотно распространяютъ. Всегда были и есть дамы, которыя, собственно говоря, давно присуждены къ общественной смерти, но внѣшняя репутація ихъ достигаетъ почтенной давности. Есть дамы, которыми нельзя достаточно возмущаться, но по отношенію къ которымъ все же нельзя рѣшиться нарушить почтеніе. Такою дамою именно была лэди Елисавета. Въ англійскомъ обществѣ того времени нарушеніе супружеской вѣрности, хотя бы ставшее постояннымъ, далеко не такъ осуждалось въ главенствовавшихъ кругахъ, какъ неравный бракъ; отчасти такъ оно осталось и понынѣ. Герцогиня Кингстонъ тому служитъ лучшимъ доказательствомъ, несмотря на все сохранивъ, хотя и за границею, положеніе grande dame. Послѣднее создается вообще не только рожденіемъ, не только именемъ, не только богатствомъ, но непремѣнно сочетаніемъ этихъ качествъ, и притомъ лишь если обладающая ими особа таитъ въ себѣ необходимую для нихъ гармонію, — и лэди Елисавета ею владѣла. Другая особенность, которую современники единогласно въ ней признавали, — порода. «Порода» въ этомъ смыслѣ слова обозначаетъ неизмѣнную уравновѣшенность и воспитанность; «порода» — есть естественный фактъ, а факты не нуждаются въ объясненіи. Именно породистость и культурность, въ сочетаніи съ красотой, которая, какъ зеркало, отражала эти достоинства, создавали очарованіе герцогини. Аристократическій складъ — нѣкоторая безпечность и нѣкоторая самоувѣренность — накладывали на ея личность характерный отпечатокъ, именуемый аристократич-

Рубенсъ-Снейдерсъ: Охота на кабана.
(Императорская Академія Художествъ).

Rubens-Snyders: La chasse au sanglier.
(Académie Impériale des Beaux-Arts).

Извѣстная составительница мемуаровъ, баронесса Оберкирхъ, хорошо знавшая герцогиню и за нѣсколько дней до смерти ее видѣвшая, записала о ней: «Она дѣйствительно женщина необыкновенная. Она поверхностно знала чрезвычайно много, такъ какъ проводила время съ умными людьми, образованными, бывшими въ ту пору знаменитостями всей Европы. Хотя она только слегка могла касаться того или другого ученаго или вообще важнаго вопроса, но говорила превосходно и картинно». Баронесса пишетъ дальше, что хотя лэди Елисавета хорошо знала жизнь, но всетаки обладала слишкомъ большой силой воображенія, была горда и упряма. Несмотря на пожилой возрастъ, она хранила слѣды поразительной красоты, а поступью она походила на королеву Марію-Антуанетту, съ величественной походкой которой не могла сравниться ни одна женщина въ Европѣ. «Она выступала, какъ богиня», говоритъ баронесса про герцогиню Кингстонъ, прибавляя, что никто не умѣлъ такъ сановито и граціозно поклониться, какъ она. Въ итогѣ, изъ этого сужденія, съ которымъ сходятся отзывы другихъ современниковъ, мы видѣли, что всѣ въ ней признавали «grande dame» и породистость, независимо отъ многочисленныхъ бросаемыхъ ей обвиненій. Въ самомъ дѣлѣ, понятія эти стоятъ совершенно особо. Schaukal красиво и мѣтко ихъ опредѣляетъ: «Понятіе ‚дама‘ похоже на глиняную чашу, на которой могутъ обозначиться тысячи трещинъ и царапинъ, но онѣ ее не разбиваютъ». Дѣйствительно, въ извѣстномъ кругѣ общества, изъ соображеній тщеславія, лицепріятія и разсудка, закрываютъ глаза на многое, что уста не только не пытаются отрицать, но и охотно распространяютъ. Всегда были и есть дамы, которыя, собственно говоря, давно присуждены къ общественной смерти, но внѣшняя репутація ихъ достигаетъ почтенной давности. Есть дамы, которыми нельзя достаточно возмущаться, но по отношенію къ которымъ все же нельзя рѣшиться нарушить почтеніе. Такою дамою именно была лэди Елисавета. Въ англійскомъ обществѣ того времени нарушеніе супружеской вѣрности, хотя бы ставшее постояннымъ, далеко не такъ осуждалось въ главенствовавшихъ кругахъ, какъ неравный бракъ; отчасти такъ оно осталось и понынѣ. Герцогиня Кингстонъ тому служитъ лучшимъ доказательствомъ, несмотря на все сохранивъ, хотя и за границею, положеніе grande dame. Послѣднее создается вообще не только рожденіемъ, не только именемъ, не только богатствомъ, но непремѣнно сочетаніемъ этихъ качествъ, и притомъ лишь если обладающая ими особа таитъ въ себѣ необходимую для нихъ гармонію, — и лэди Елисавета ею владѣла. Другая особенность, которую современники единогласно въ ней признавали, — порода. «Порода» въ этомъ смыслѣ слова обозначаетъ неизмѣнную уравновѣшенность и воспитанность; «порода» — есть естественный фактъ, а факты не нуждаются въ объясненіи. Именно породистость и культурность, въ сочетаніи съ красотой, которая, какъ зеркало, отражала эти достоинства, создавали очарованіе герцогини. Аристократическій складъ — нѣкоторая безпечность и нѣкоторая самоувѣренность — накладывали на ея личность характерный отпечатокъ, именуемый аристократич-

нымъ и являющійся не суммою того, какъ она ходила, сидѣла, говорила, ѣздила и одѣвалась, но чѣмъ то самодовлѣющимъ и въ себѣ самомъ заключеннымъ. Ибо аристократизмъ есть тональность, а не программа; онъ неизмѣненъ, какъ все природное, и ничего общаго не имѣетъ съ моралью и съ отдѣльными проявленіями этики или эстетики. Цезарь Борджа и Лукреція были породисты и аристократичны, независимо отъ списка ихъ прегрѣшеній; также Стюарты, герцогъ Фридландскій, герцогъ Лозэнъ. Неустрашимость, энергія и рѣшительность были отличительными чертами характера герцогини, иногда переходившими границы дозволеннаго и приближавшимися къ насилію. Получивъ извѣстіе о судебномъ преслѣдованіи, она, не теряя ни минуты, отправилась въ Англію; для дѣла ей нужны были деньги и она поспѣшила къ своему повѣренному, который за позднимъ часомъ и другими дѣлами уклонялся отъ представленія ей немедленнаго расчета; тогда она заперла дверь и съ пистолетомъ въ рукѣ заставила трясущагося отъ страха повѣреннаго немедленно исполнить ея волю. Черезъ часъ она имѣла въ рукахъ расчетъ, оставшіяся наличныя деньги, всѣ нужные документы и покинула измученнаго адвоката, вѣжливо благодаря и изящно улыбаясь...

По смерти герцогини, въ Парижѣ оказалось ея имущества на 40 милліоновъ франковъ, а все ея достояніе было оцѣнено въ 30 милліоновъ рублей. Однѣ ея драгоцѣнности составляли огромное состояніе. Въ завѣщаніи своемъ она, между прочимъ, указывала, чтобы въ случаѣ ея смерти въ Россіи ее похоронили въ Петербургѣ, дабы «прахъ покоился бы тамъ, куда при жизни постоянно стремилось сердце». Составлено было завѣщаніе 8 октября 1786 г. во Франціи и наслѣдники оспаривали его, какъ актъ совершенный не въ Англіи; имущество было описано и опечатано; ближайшимъ родственникомъ приходился полковникъ Glover, но явилось всего 8 наслѣдниковъ, причемъ племянникъ герцогини Meadows простиралъ свои требованія на все наслѣдство. Въ завѣщаніи содержалось множество различныхъ распоряженій относительно владѣній въ Англіи и за границею, наличныхъ денегъ, движимаго имущества, драгоцѣнностей. Изъ предметовъ, отказанныхъ отдѣльнымъ лицамъ, особенно интересны: брилліантовый головной уборъ и всѣ, находящіяся въ Петербургѣ, картины — Императрицѣ Екатеринѣ, съ условіемъ выплаты англійскимъ душеприказчикамъ 150.000 р.; крупный алмазъ — папѣ Римскому; богатыя серьги и брилліантовую цѣпь «esclavage» — графинѣ Сольсбери; брилліантовыя пуговицы — герцогу Ньюкэстль. Завѣщательныя распоряженія относительно имущества въ Россіи вызвали судебное дѣло, подробно изложенное Карновичемъ. Дѣло тянулось много лѣтъ и длилось бы еще, еслибы Императоръ Павелъ, ненавидѣвшій судебную волокиту, высочайшей властью не разрѣшилъ бы сложные юридическіе вопросы. Сначала имѣніе Чудлэй искалъ баронъ Фридрихъ Розенъ, основывавшій свои притязанія на томъ, что «за оказанное имъ, барономъ Розеномъ, ей, герцогинѣ, почтеніе, любовь и заслуги и дабы наградить расходы, употребленные для нея на поѣздки уже въ 1783 г., помянутыя Чудлейскія мызы со всѣмъ, что въ оныхъ по кончинѣ ея найдется, при

свидѣтеляхъ ему и его фамиліи подарила, такъ, чтобы ихъ по смерти ея ему во владѣніе получить». Свидѣтелями являлись капельмейстеръ герцогини чехъ Цагала и его «подружка» де-Мюньэ, въ свою очередь предъявлявшая требованіе на 12.000 р. Однако, Розенъ ничего не могъ доказать и въ завѣщаніи то мѣсто, гдѣ долженъ былъ быть вписанъ наслѣдникъ имѣнія, оказалось незаполненнымъ. Одновременно появился конкурентъ Розена — графъ Беме, притязанія котораго судъ немедленно отвергъ. Тѣмъ временемъ изъ Лондона пріѣхалъ въ Петербургъ душеприказчикъ герцогини кавалеръ Пэнъ и, съ согласія Императрицы, передалъ свои полномочія полковнику Гарновскому, ставленнику и довѣренному лицу Потемкина. Одинъ изъ самыхъ ловкихъ русскихъ дѣльцовъ XVIII вѣка, Гарновскій былъ хорошо знакомъ герцогинѣ. Онъ сопровождалъ ее изъ Петербурга послѣ первой поѣздки и былъ ею уполномоченъ на завѣдываніе дѣлами въ ея отсутствіе. Она ему вполнѣ довѣряла и считала этого ловкаго и пронырливаго выскочку за самаго ей преданнаго человѣка въ Россіи; это довѣріе она заимствовала у Потемкина, на дружбу котораго прежде всего полагалась. Еще въ августѣ 1787 г. она писала Гарновскому: «Если нужда потребуетъ, то вы откроетесь и князю Потемкину, ибо я не хочу, чтобы отъ него что либо было скрыто. Увѣрьте его, что я очень сожалѣю, что не увижусь съ нимъ до зимняго времени», а въ октябрѣ того же года просила его совѣта, что дѣлать съ Чудлэйскими мызами. Этимъ объясняется и то, что тотчасъ послѣ смерти герцогини Гарновскій получилъ отъ ея личнаго секретаря извѣщеніе, что ему отказано 50.000 р. за оказанныя услуги. Первыя его дѣйствія выразились въ вывозѣ въ Петербургъ всѣхъ цѣнныхъ предметовъ и всей движимости Чудлэйской усадьбы. Хозяйничая тамъ по собственному усмотрѣнію, онъ даже не исполнилъ условій, поставленныхъ завѣщаніемъ наслѣднику имѣнія, не отпустилъ четырехъ крѣпостныхъ, которымъ герцогиня обезпечивала вольную, и не произвелъ указанныхъ ею денежныхъ выплатъ.

Кромѣ Чудлэя, герцогиня Кингстонъ владѣла еще домомъ у Измайловскаго моста, участкомъ земли возлѣ Краснаго кабачка и землей по Невѣ, пожалованной ей Императрицей въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ близъ «Островковъ». Всѣмъ этимъ завладѣлъ Гарновскій взамѣнъ назначенныхъ ему по завѣщанію 50 тысячъ, которыя онъ мало надѣялся получить изъ за границы. При покровительствѣ Потемкина, ему нетрудно было на то получить высочайшее разрѣшеніе. По владѣнію на Фонтанкѣ онъ сдѣлался сосѣдомъ Державина, который имѣлъ съ нимъ непріятности и свое недовольство даже выразилъ въ стихахъ.

Гарновскій свободно владѣлъ всѣмъ до вступленія на престолъ Павла Петровича, который вскорѣ издалъ указъ о немедленномъ отобраніи у него мызъ. Этимъ не кончились его несчастья: въ 1797 г. онъ былъ исключенъ со службы, арестованъ и преданъ суду; затѣмъ «по разнымъ на него начетамъ» остальное имущество было взято въ казну, а домъ въ Измайловскомъ полку обращенъ подъ казармы; наконецъ, Гарновскій, имѣвшій когда то славу несмѣтнаго богача, за неплатежъ частныхъ долговъ попалъ въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ до конца царствованія, и въ 1810 г. умеръ въ нищетѣ.

**Соединенные гербы Кингстонъ-Чудлэй съ печати герцогини.
Armoiries d'alliance Kingston et Chudleigh d'après le sceau
de la Duchesse.**

Что же, однако, изъ всѣхъ сокровищъ, которыми въ Россіи окружила себя герцогиня, осталось здѣсь? Мы знаемъ, что какъ усадьба ея въ Чудлэѣ, такъ и домъ на Фонтанкѣ, были богато убраны, а о цѣнности этой обстановки мы можемъ хорошо судить по тѣмъ немногимъ вещамъ, которыя до насъ дошли. Не говоря уже о картинахъ ея собранія, громадный серебряный чанъ и особенно восемь пушекъ, сохранившихся въ Чудлэѣ, свидѣтельствуютъ о широкомъ размахѣ ея быта. Такъ какъ все богатство герцогини и большая часть ея прекрасныхъ вещей и обстановки достались ей отъ второго мужа, Эвелина Пьерпонта герцога Кингстонъ, который былъ извѣстнымъ и просвѣщеннымъ меценатомъ, естественно думать, что все ея достояніе было исключительно художественнымъ. Мы знаемъ, что герцогъ охотно давалъ заказы самымъ выдающимся художникамъ, между прочимъ знаменитому Мейсонье. Съ другой стороны, изъ завѣщанія герцогини мы видимъ, что она привезла въ Петербургъ большую часть своихъ сокровищъ, такъ какъ, очевидно, хотѣла ими произвести впечатлѣніе и весьма вѣроятно, что она разсчитывала привлечь вниманіе Екатерины, столь извѣстной своимъ влеченіемъ къ искусству. Хотя рядъ завѣщательныхъ распоряженій опредѣляетъ обратный ввозъ многихъ предметовъ въ Англію, но врядъ ли это приведено въ исполненіе, какъ мы увидимъ ниже. Вотъ тѣ строки завѣщанія, въ которыхъ мы черпаемъ указанія на сокровища, находившіяся въ Россіи: «Названному Эвелину Филиппу Мэдоусъ завѣщаю всю серебряную утварь, принадлежащую къ домашней церкви въ Торсбэ и по ошибкѣ высланную въ городъ Петербургъ въ Россіи»; «Я дарю, оставляю и завѣщаю женѣ названнаго Мэдоусъ всѣ мои золотыя ювелирныя вещи, со всѣмъ, что относится къ моему наряду, всѣми античными, эмалированными вещами, всѣми украшеніями, всей золоченой утварью, которыя въ настоящее время находятся въ Петербургѣ. Всѣ эти вещи также имѣютъ быть доставлены въ Торсбэ и на вѣчныя времена сохранены при домѣ». «Завѣщаю мою недвижимость, именуемую Чуд-

лэй, вѣ уѣздѣ Мотликѣ вѣ Россіи, вмѣстѣ сѣ домомѣ и прочимѣ, кѣ ней относящимся, всей мебелью, серебромѣ, фарфоромѣ и т. п.......... и его наслѣдникамѣ» (мѣсто для имени, какѣ выше упомянуто, осталось незаполненнымѣ). Однако, мы знаемѣ, что вся движимость какѣ Чудлэя, такѣ и петербургскаго дома досталась вѣ руки Гарновскаго, а его состояніе было отчасти конфисковано, отчасти же распродано; поэтому совершенно несомнѣнно, что значительная часть вещей герцогини еще и нынѣ находится вѣ русскомѣ владѣніи. Дабы счастливые владѣльцы ихѣ могли установить такое ихѣ происхожденіе, мы здѣсь помѣщаемѣ гербы родовѣ Кингстонѣ, Чудлэй и Бристоль, такѣ какѣ, весьма возможно, что одинѣ изѣ этихѣ гербовѣ помѣщенѣ на всевозможныхѣ вещахѣ — серебрѣ, шпалерахѣ, мебели, вышивкахѣ, фарфорѣ, бронзѣ, — принадлежавшихѣ герцогинѣ; также легко могутѣ на нихѣ встрѣчаться девизы родовѣ Кингстонѣ — «Pie repone te» («Благочестиво отдохни»), Хёрвэй — «Je n'oublierai jamais» («Никогда не забуду») и Чудлэй — «Aut vincam aut peribo» («Побѣжду или погибну»).

Гербъ рода Хёрвэй, графовъ Бристольскихъ. Les armes de la famille Hervey comtes de Bristol.

Гербъ рода Пьерпонтъ, герцоговъ Кингстонъ. Les armes de la famille Pierrepoint — ducs de Kingston.

Вѣ число картинѣ, завѣщанныхѣ Императрицѣ, входили, должно быть, и тѣ, которыя давно служили предметомѣ спора между герцогиней и графомѣ И. Г. Чернышевымѣ. Передѣ первой поѣздкой вѣ Россію, освѣдомившись о томѣ вліяніи, какое при дворѣ имѣлѣ графѣ Иванѣ Григорьевичѣ, она, будто бы, письменно предложила ему въ подарокѣ нѣсколько картинѣ, выбранныхѣ ею самою. Когда же, по пріѣздѣ ея вѣ Петербургѣ, ее посѣтилѣ Чернышевѣ и благодарилѣ за богатый подарокѣ, онѣ имѣлѣ неосторожность замѣтить, что присланныя ему картины стоятѣ по крайней мѣрѣ 10.000 фунтовѣ стерлинговѣ, такѣ какѣ среди нихѣ есть произведенія Рафаэля и Клода Лоррена. Услышавѣ это, герцогиня, якобы сама неимѣвшая никакого понятія о живописи, пожалѣла о такомѣ цѣнномѣ подаркѣ и захотѣла возвратить себѣ эти картины подѣ предлогомѣ, что онѣ были самыми любимыми ея покойнаго мужа, и потому начала во всеуслы-

шаніе при гостяхъ благодарить графа за позволеніе оставить картины у него въ домѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ отдѣланъ ея новый петербургскій домъ. Такова, по крайней мѣрѣ, версія Чернышева, но какъ бы то ни было — онъ картинъ ей не возвратилъ, утверждая, что онѣ ему подарены. Съ своей стороны, герцогиня громко говорила о самовольномъ присвоеніи ихъ Чернышевымъ и даже въ завѣщаніи привела длинный разсказъ о томъ, какимъ недобросовѣстнымъ путемъ онъ ими завладѣлъ, хотя онѣ были ему отданы только на храненіе. Храповицкій 8 января 1790 г. пишетъ по этому поводу: «Читали мнѣ (т. е. Императрица) изъ духовной Кингстонши ея возраженіе на присвоеніе картинъ графомъ Чернышевымъ. Онъ вчера заговорилъ, будто онѣ подарены ему, а я ему сказала qu'à sa place à la première demande je les aurais jetés par la fenêtre, замѣтили, ‚каковъ онъ'!». Гдѣ теперь эти картины Рафаэля и Клода Лоррена или, вѣрнѣе, какія изъ нынѣ наличныхъ картинъ этихъ великихъ мастеровъ были предметомъ спора — намъ выяснить не удалось, несмотря на тщательные поиски. Тѣмъ не менѣе надо полагать, что онѣ и понынѣ еще въ Петербургѣ. Изъ Эрмитажныхъ картинъ Рафаэля — ни одна не соотвѣтствуетъ этимъ даннымъ, а относительно Клода Лоррена точно извѣстно происхожденіе всѣхъ Эрмитажныхъ холстовъ, кромѣ одного, принадлежавшаго уже Императрицѣ Екатеринѣ, но неизвѣстно гдѣ ею пріобрѣтеннаго.

Здѣсь мы впервые воспроизводимъ удивительные большіе картоны для шпалеръ, писанные Снейдерсомъ, и находящіеся нынѣ въ Академіи Художествъ.

Человѣческія фигуры въ нихъ принадлежатъ карандашу и кисти Рубенса. Картоны писаны клеевыми красками на бумагѣ, наклеенной на холстъ. Вся коллекція, состоящая изъ семи штукъ, пожалована Академіи Художествъ Императрицей Екатериной II, которая ее якобы купила у герцогини Кингстонъ. Это едва ли точно; или картоны были куплены у Гарновскаго или они принадлежали уже къ числу поднесенныхъ Императрицѣ герцогиней картинъ.

Роскошный серебряный чанъ (0,88 метра выс. на 1,46 м. длины, вѣсомъ 6 пуд. 35 фунт. 12 зол.) уже съ конца XVIII столѣтія принадлежитъ къ числу Императорскихъ сокровищъ. Онъ лондонской работы и, вѣроятно, заказанъ мужемъ герцогини, такъ какъ ручки изображаютъ львовъ (изъ герба Пьерпонтъ), а на днѣ, въ богатомъ картушѣ въ стилѣ Людовика XIV, выгравированъ большой гербъ рода Пьерпонтъ-Кингстонъ. На передней сторонѣ находится рельефный картушъ, который держатъ львы и въ которомъ тоже, должно быть, былъ выгравированъ гербъ, впослѣдствіи намѣренно удаленный. Изъ четырехъ наличныхъ клеймъ, три, въ томъ числѣ клеймо мастера, совершенно стерлись и стали неразборчивы, а на четвертомъ видна сидящая фигура Британіи, что служило англійскимъ пробирнымъ клеймомъ въ 1696 — 1720 годахъ. Чанъ этотъ раньше смѣшивали съ вазой, также находящейся давно въ Эрмитажѣ, и купленной въ 1730-хъ годахъ для Императрицы Анны Іоанновны; эта ошибка вкралась даже въ путеводитель по Галереѣ Драгоцѣнностей, составленный барономъ Ливенъ въ 1900 году.

Двѣ богатыя серебряныя миски работы Мейсонье, заказанныя ему герцогомъ Кингстонъ, — какъ упоминается въ жизнеописаніи знаменитаго мастера, — и рисунки которыхъ сохранились, находились во владѣніи графа Кушелева-Безбородко и затѣмъ вошли въ собраніе покойнаго А. А. Половцова, распроданное въ Парижѣ въ 1909 году. На устроенной въ 1904 году въ Музеѣ Штиглица художественно-исторической выставкѣ ими можно было любоваться.

Изъ оставшагося послѣ герцогини имущества, великолѣпный Потемкинъ купилъ двѣ вазы бѣлаго каррарскаго мрамора съ отличною рѣзьбою, поставленныя на подножія сѣраго мрамора. «Вазы сіи имѣли чрезвычайный размѣръ; по пространству мѣста въ которомъ находились, то можно судить о величинѣ оныхъ и драгоцѣнности», говорится въ описаніи праздника, даннаго въ 1790 г. въ Таврическомъ дворцѣ. Врядъ ли такія вазы когда нибудь были далеко увезены изъ Петербурга и теперь онѣ должны все еще находиться въ столицѣ или ея окрестностяхъ, но намъ не удалось установить ихъ мѣстонахожденіе. Можетъ быть, кто нибудь изъ читателей дастъ намъ это указаніе.

Не можемъ не упомянуть еще объ одной вещи, находящейся въ собраніи отлитыхъ камей и рѣзныхъ камней. Это — отлитая изъ стеклянной массы печатка, якобы принадлежавшая герцогинѣ, чего, конечно, допустить нельзя, а вещь эта является, скорѣе, своего рода памфлетомъ на нее, какъ бывали «пашквильныя медали». На восьмиугольномъ камнѣ вырѣзанъ гербъ. Въ верхней части щита видна часть каменнаго моста, съ пояснительной надписью «bridge», дабы его не приняли за каминъ или ворота; что касается остальныхъ фигуръ щита, то приличіе не позволяетъ обозначить ихъ даже намекомъ. Подъ щитомъ лента съ девизомъ герба рода Пьерпонтъ-Кингстонъ «Pie repone te», который, очевидно, и далъ поводъ къ игрѣ словъ и рисунку моста, если прочесть его по французски «pierre-pont». Надъ щитомъ корона, изъ которой выростаетъ нашлемникъ, въ которомъ два крыла заимствованы изъ дѣйствительнаго герба Кингстонъ, а остальной рисунокъ вдохновленъ, можетъ быть, помпейскими раскопками и долженъ быть обойденъ молчаніемъ. За нашлемникомъ идетъ надпись «The C.......y Arms», которой видны лишь начало и конецъ, что непосредственный зритель прочтетъ «The County Arms» (гербъ графства), но менѣе наивный легко поставитъ въ связь съ общимъ замысломъ рисунка и прочтетъ иначе.

Очевидно, этотъ камень заказанъ кѣмъ нибудь изъ заклятыхъ враговъ герцогини и выражаетъ всю его ненависть и все его презрѣніе къ ней. Авторъ, вѣроятно, самъ принялъ мѣры къ тому, чтобы отливокъ попалъ въ руки страстной собирательницы рѣзныхъ камней, Императрицы Екатерины: этимъ, должно быть, онъ отводилъ свою душу, раздосадованную милостивымъ пріемомъ, который лэди Елисавета встрѣтила при Русскомъ Дворѣ, и такимъ документомъ вызываемой ею непочтительности хотѣлъ повредить ей въ глазахъ Царицы. Надо думать, что онъ попалъ въ собраніе около момента третьяго посѣщенія герцогиней Петербурга, когда настроеніе Государыни было таково, что она могла оцѣнить такую насмѣшку: иначе она бы съ

негодованіемъ уничтожила этотъ камень, а не сохранила бы его въ своемъ собраніи.

Вопросъ о существующихъ въ настоящее время портретахъ герцогини Кингстонъ долго останавливалъ наше вниманіе, но не можемъ не признаться, что наведенныя нами справки оказались мало удовлетворительными. Несомнѣнно, что съ такой замѣтной въ лондонскомъ обществѣ красавицы, какою была лэди Елисавета, художники должны были писать портреты охотно и врядъ ли съ своей стороны она, по свойству своего характера, противилась бы увѣковѣченію ея красоты. Однако, въ наши дни о ея портретахъ ничего неизвѣстно, и для опредѣленія ихъ потребовались бы особыя изысканія въ англійскихъ собраніяхъ. На состоявшемся въ Парижѣ въ апрѣлѣ текущаго года аукціонѣ собранія г. Kraemer появилась картина, приписываемая Наттье, хотя врядъ ли дѣйствительно имъ написанная. Она изображаетъ «Талію» и была гравирована въ свое время. Эта гравюра воспроизведена въ англійскомъ журналѣ «The Connoisseur» (май 1911 г.) подъ названіемъ: «Герцогиня Кингстонъ въ образѣ Таліи», и въ то время мѣстонахожденіе оригинала было неизвѣстно. Нынѣ картину пріобрѣлъ англійскій торговецъ и она, вѣроятно, займетъ мѣсто въ одномъ изъ британскихъ собраній.

Г. Milner, ученый хранитель Національной Портретной Галереи при Британскомъ музеѣ, любезно сообщилъ намъ свѣдѣнія о находящихся тамъ гравюрахъ, считающихся портретами герцогини Кингстонъ. Ихъ семь: 1) меццотинта «Флора» 1767 г., повидимому работы Bradshaw, изображающая совсѣмъ молодую женщину; 2) меццотинта того же мастера и года, съ карандашной замѣткой «съ ранней работы Рейнольдса»; 3) миссъ Чудлэй «въ роли Ифигеніи на большомъ Юбилейномъ балу по венеціанскому обычаю днемъ; это платье придумано ею самою и извѣстной г-жей Cib-r»; 4) «Миссъ Чудлэй въ роли Ифигеніи на маскарадѣ у венеціанскаго посла»; 5) «герцогиня Кингстонъ въ нарядѣ, въ которомъ она была представлена Императрицѣ Россійской»; 6) изображеніе суда съ портретомъ подсудимой, и 7) «Елисавета, вдовствующая герцогиня Кингстонъ, предъ судомъ палаты лордовъ 15 апрѣля 1776 г. Издано 1 мая 1776 г.». При такихъ условіяхъ

особенно драгоцѣнно хранящееся въ Эрмитажѣ ея изображенiе, относящееся, повидимому, къ послѣднимъ годамъ жизни. Мы воспроизводимъ здѣсь, въ увеличенномъ видѣ, обѣ стороны этой медали или рѣзного камня. Гдѣ находится подлинникъ — неизвѣстно, но въ собранiи Императрицы Екатерины мы видимъ эти два «инталью» изъ стеклянной массы. Это собранiе, состоящее изъ 26.000 копiй изъ стекла и фарфора, исполненныхъ большею частью шотландцемъ Тессiэ и здѣшними граверами Кенигомъ и Леберехтомъ съ камей и рѣзныхъ камней по заказу Императрицы, не слѣдуетъ смѣшивать съ подлиннымъ ея собранiемъ прекрасныхъ оригиналовъ, рѣзанныхъ на настоящихъ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Портретъ герцогини Кингстонъ исполненъ знаменитымъ англiйскимъ рѣзчикомъ Brown (17 . . — 18 . .), какъ видно изъ подписи. Работа его совершенна во всѣхъ отношенiяъ, чувствуется удачно схваченное сходство, и мы не колеблясь называемъ его истиннымъ произведенiемъ искусства. Всякiй, внимательно его разсматривающiй, легко убѣдится, не говоря о художественной трактовкѣ волосъ и косынки, съ какимъ мастерствомъ найденъ компромисъ между красотой и старостью. Удивительно это особенно при миніатюрныхъ размѣрахъ медали — менѣе вершка въ дiаметрѣ. Благородныя очертанiя профиля, передающiя именно черты лица, еще ясно говорятъ о прославленной красотѣ, но годы и для нея не прошли безслѣдно. Нѣсколько полныя щеки, двойной подбородокъ, легкiй выгибъ шеи, немного вытянутыя брови и мастерски переданная какая то пустота взгляда — это признаки той старости, которую уже скрыть нельзя. Не складками лица, гримасою старости или подобными дешевыми средствами передалъ намъ художникъ возрастъ модели, но тонкой и одухотворенной передачей самой природы. Можно предполагать, что Браунъ справился съ такой задачей лишь послѣ того, какъ съ натуры исполнилъ большой портретъ герцогини. На оборотной сторонѣ мы видимъ аллегорiю: герцогиня сидитъ, указывая предъ собою на урну, готовую принять пепелъ ея праха, у ногъ ея терновыя вѣтви. Очевидно, цвѣты ея жизни отцвѣли и разсѣяны вѣтромъ — ей остались одни тернiи. Надпись гласитъ: «HIC REQIES MEA». Хотя намъ уже такiя аллегорiи кажутся только сентиментальными, все же въ нихъ звучитъ что то вродѣ vanitas vanitatum, вродѣ покорности Фауста, и говоритъ о душевной усталости, и слова эти, мы хотимъ этому вѣрить, были выраженiемъ искренности, а не позы.

Имѣнiе Чудлэй герцогини Кингстонъ сохранилось и понынѣ; оно расположено въ Везенбергскомъ уѣздѣ Эстляндской губернiи, въ полутораста верстахъ отъ Петербурга. Лежитъ оно на высокомъ морскомъ берегу, имѣющемъ мѣстное обозначенiе «glint» и состоящемъ изъ скалъ, круто спадающихъ къ морю и мѣстами поросшихъ кустарникомъ и лѣсомъ. Эти берега очень живописны и тѣмъ легче могли понравиться герцогинѣ, что напоминаютъ нѣкоторыя части Англiи; вѣроятно, это сходство и побудило лэди Елисавету остановить свой выборъ именно здѣсь, а не въ глубинѣ материка. Настоящiй владѣлецъ имѣнiя А. Г. Кирштенъ очень любезно разрѣшилъ намъ на мѣстѣ познакомиться съ остатками старины Чудлэя, но ихъ, къ сожалѣнiю,

почти не оказалось. Усадебный домъ новый, а изъ построекъ со временъ герцогини сохранился лишь злосчастный и невинный маленькій винокуренный заводъ, не представляющій никакого художественнаго интереса. Ничто въ домѣ или паркѣ болѣе не напоминаетъ богатую и привлекательную владѣлицу прежнихъ дней: Гарновскій, какъ извѣстно, вывезъ все имущество въ Петербургъ, оставивъ лишь 8 пушекъ, показавшихся ему либо неинтересными, либо слишкомъ тяжелыми для перевозки, и якорь отъ роскошной яхты герцогини. Вѣсъ его краснорѣчиво говоритъ о значительныхъ размѣрахъ самой яхты. Деталь пушки мы здѣсь воспроизводимъ и видимъ на ней рельефную букву «К» подъ герцогской короной очень тщательной отливки; казенная часть украшена раковиннымъ орнаментомъ, и снизу помѣчено «L. Gaschlin fecit 1774». Совершенно ясно, что когда можно себѣ позволить прихоть заказныхъ, такъ сказать «именныхъ», пушекъ, то и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ жизнь украшена превыше мѣръ. Поэтому эти пушки служатъ намъ безспорнымъ показателемъ той роскоши, которою герцогиня окружила себя въ Россіи.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ принести искреннную благодарность Б. И. Пуляновскому за любезное снятіе копій съ писемъ въ архивѣ князей Радзивилловъ въ Несвижскомъ замкѣ, и П. Н. Столпянскому за любезное сообщеніе свѣдѣній изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» XVIII вѣка.

Бар. А. Фелькерзамъ.

ЛИТЕРАТУРА О ГЕРЦОГИНѢ КИНГСТОНЪ.

Для лицъ, особенно интересующихся жизнью герцогини Кингстонъ, приводимъ нижеслѣдующій списокъ источниковъ, ставшихъ намъ доселѣ извѣстными.

1) The Life and Memoirs of Elisabeth Chudleigh, afterwards M-rs Hervey and Countess of Bristol, commonly called Duchess of Kingston written from Authentic Information and original Documents. London, 1789.

2) An Authentic Detail of Particular relative to the late Duchess of Kingston. London. 1788.

3) Authentic particulars of Lisabeth the late duchess of Kingston during her conection with the duke, her residence at Dresden, Vienna, St.-Petersburg etc. London, 1789.

4) Trial of Elizabeth Duchess dowager ot Kingston before the house ot Peers. London, 1776.

5) The Case of the duchess of Kingston. London, 1776.

6) The Kingston cause impartially stated and fully considered. London, 1776.

7) A plain state of the case of the duchess of Kingston. London, 1776.

8) Whitehead: Original Anecdotes of the late duke of Kingston and miss Chudleigh. London. 1792.

9) Sir N. William Wraxall: Historical memoirs of my own time. London. 1815.

10) William Hunt: Biography. Leslie Stephen: National Biography. Vol. X.

11) J. H. Jesse: Memoirs of the Court of England (1688 — 1760). Vol. IV.

12) Histoire de la vie et des aventures de la duchesse Kingston. Londres, 1789.

13) Lettre à M-me L. sur la mort d'Elizabeth Chudleigh, autrement duchesse de Kingston. Londres, 1789.

14) M-me Suénard: La Duchesse de Kingston ou Mémoires d'une Anglaise célèbre. Paris, 1813.

15) Faverolles: La Duchesse de Kingston. Paris, 1813.

16) Mémoires de la baronne Oberkirch. Bruxelles, 1854.

17) Frédéric II: Oeuvres. Tome XXIV.

18) Sherlock: Lettres d'un voyageur anglois. Londres, 1780.

19) Anekdoten der Herzogin von Kingston a. d. Englischen. Hamburg Gebr. Herold 1791. Darin enthalten: Auszug a. d. Testament der Herzogin vom 7 oct. 1786.

20) Anekdoten der Herzogin von Kingston, jezigen Gräfin von Bristol, und der Marquisin de la Touche. Hamburg, 1777.

21) Neuer Pitaval. Band 25. Leipzig 1858.

22) Е. Карновичъ: Герцогиня Кингстонъ и дѣло объ имѣніи ея въ Россіи. «Русская Старина», 1877, январь.

23) Два подлинныхъ дѣла, производившіяся, одно въ Сенатѣ, а другое въ вѣдѣніи генералъ-прокурора, «объ имѣніи покойной герцогини Кингстонъ и объ отдачѣ подъ судъ полковника Гарновскаго» съ 1789 по 1798 г.

24) Разныя замѣтки о герцогинѣ Кингстонъ, разъясненныя въ русскихъ историческихъ изданіяхъ и въ примѣчаніяхъ академика Грота къ «Сочиненіямъ Державина».

25) Неизданныя письма герцогини Кингстонъ къ князю Карлу Радзивиллу и черновики его отвѣтныхъ писемъ въ семейномъ архивѣ князей Радзивилловъ (замокъ Несвижъ, Минской губ.).

«РОМАНОВСКАЯ» ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ МОСКВѢ.

(W. Troutowsky: L'exposition Romanoff à Moscou).

14 марта, въ день восшествія на Всероссійскій престолъ родоначальника нынѣ благополучно царствующей династіи боярина Михаила Θеодоровича Романова, въ митрополичьихъ покояхъ Московскаго Чудова монастыря открылась церковно-историческая выставка, устроенная Московской Церковной Юбилейной коммисіей. Имѣя своей задачей посильно ознаменовать исполнившееся 300-лѣтіе царствованія Дома Романовыхъ, Юбилейная коммисія остановилась на въ высшей степени счастливой мысли собрать воедино, насколько это оказалось бы возможнымъ, разбросанные преимущественно по Московской епархіи вклады и другія памятки церковно-религіознаго характера, сдѣланные нѣкогда первыми царями изъ Дома Романовыхъ, пока Москва была еще «царствующимъ градомъ», т. е. за все XVII столѣтіе, и нѣкоторые другіе предметы, имѣющіе болѣе или менѣе близкое отношеніе къ этой задачѣ. Должно сознаться, что успѣхъ превысилъ всякія ожиданія. Правда, собрано предметовъ, съ точки зрѣнія обычныхъ «выставокъ» очень незначительное количество — всего около 300 номеровъ, но ихъ происхожденіе, ихъ значеніе, назначеніе, ихъ красота, наконецъ, до такой степени заставляютъ забывать это незначительное число, что, не успѣвъ осмотрѣть и половины выставки, начинаешь чувствовать упадокъ силъ подъ впечатлѣніемъ богатства, и матеріальнаго и въ особенности художественнаго, подъ наплывомъ мыслей и вопросовъ, бѣшенной вереницей охватывающихъ зрителя не только при малѣйшей попыткѣ сдѣлать какія либо сравненія или сопоставленія между выставленными предметами, но даже просто при обычномъ зрительномъ переходѣ отъ одного предмета къ другому, изъ одной залы въ другую. А ихъ всего то четыре!

Особенно важно и имѣетъ неизмѣримое значеніе то, что всѣ эти предметы, за очень малыми исключеніями — именные и датированные, принадлежатъ той области искусства, религіозной, въ которой, какъ ни какъ, наиболѣе сохранились чисто русскіе искусство, вкусъ, вдохновеніе и мысль. Менѣе чѣмъ куда либо проникало въ эту область иноземное искусство, западное и восточное, а попавъ въ большой степени претворялось въ нѣчто особое, гораздо болѣе близкое къ русской самобытности, чѣмъ къ простому заимствованію или простой передѣлкѣ чужого на свой ладъ. Кромѣ того, рядомъ съ предметами, такъ или иначе, все же носящими слѣды иностранныхъ техники или пріемовъ работы, здѣсь цѣлый рядъ, напримѣръ, работъ царицъ и царевенъ — шитье, свѣтское или глубоко религіознаго назначенія, — въ которыхъ можно видѣть только свое, домашнее, жен-

ское дѣло, безъ вторженія въ него иноземныхъ новшествъ или вліяній. Однимъ словомъ, объ этой выставкѣ и по поводу ея можно было бы написать цѣлый трактатъ, цѣлую книгу, такъ она богата и интересна въ историко-художественномъ значеніи для русскаго искусства. И было бы очень грустно, если бы это случайное собраніе воедино драгоцѣннѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ памятниковъ искусства снова расчленилось бы и опять попряталось бы по недоступнымъ тайникамъ соборовъ, монастырей, церквей и т. п. и снова быть можетъ опять на 300 лѣтъ ускользнуло бы въ такомъ богатомъ цѣломъ отъ пытливыхъ и восхищенныхъ взоровъ и любителей и знатоковъ нашего родного искусства.

Охватывая собою, за очень малыми исключеніями, одинъ лишь XVII в. и имѣя цѣлью отмѣтить каждое царствованіе за этотъ періодъ отдѣльно, выставка расположилась хронологически, по царствованіямъ — эпоха Михаила Θеодоровича и его отца святѣйшаго патріарха Филарета Никитича, эпоха Алексѣя Михайловича, Θеодора Алексѣевича и царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Конечно, можно было бы разсматривать предметы систематически, выдѣляя отдѣльныя группы — финифти, чеканки, золотого и серебрянаго дѣла, шитья, иконописи, живописи, миніатюръ, грамотъ, рукописей и т. д., но для такой задачи необходимо было бы написать, какъ сказано выше, цѣлый трактатъ. Только при этомъ условіи она получила бы достойную оцѣнку. А такъ какъ это немыслимо для журнала, то лучше идти по стопамъ устроителей, пробѣжать ее, держась ея «Указателя», къ сожалѣнію лишь отдаленнѣйшимъ образомъ дающаго понятіе о величайшемъ ея историческомъ значеніи и художественномъ богатствѣ. Но и въ этомъ случаѣ надо ограничиться отмѣткой лишь нѣкоторыхъ чертъ и отдѣльныхъ предметовъ, и слегка иллюстрировать ее: никакая одноцвѣтная иллюстрація, никакое даже самое подробное описаніе не могутъ передать великолѣпія красокъ, ихъ сочетанія, техники работъ.

Въ залѣ царя Михаила Θеодоровича устроители прибавили одну работу болѣе ранней эпохи — вкладъ царицы Анастасіи Романовны, бабки перваго царя изъ Дома Романовыхъ, и ея супруга — царя Ивана Васильевича Грознаго. Мысль вполнѣ правильная, а съ точки зрѣнія исторіи искусства — великолѣпная. На первый взглядъ вкладъ этотъ — покровъ на мощи преподобнаго Сергія Радонежскаго, сдѣланный въ 1557 г., какъ будто очень скроменъ и незамѣтенъ. Но чѣмъ ближе въ него всматриваешься, тѣмъ сильнѣе и больше охватываешься его величавой простотой, безконечнымъ миромъ, исходящимъ изъ него, мучительнымъ и въ тоже время пріятнымъ и грустнымъ настроеніемъ. Необычайной тоской и печалью вѣетъ отъ него, не въ силахъ оторвать глазъ, а между тѣмъ композиція проста, нѣтъ яркихъ красокъ, нѣтъ ничего бросающагося въ глаза, бьющаго на нервы или зрѣніе. Желтоватаго тона крестъ помѣщенъ на темно-гвоздичномъ фонѣ. Коричневато-лиловатаго оттѣнка терновый вѣнецъ свободно виситъ на перекрестьи. Обычныя слова — IC-XP и НІ-КА. Сверху слетаютъ два плачущихъ и утирающихъ слезы своимъ одѣяніемъ ангела — въ ли-

ловатыхъ оттѣнкахъ. Крестъ стоитъ на каменистой горѣ съ болѣе яркими, частью рѣзко красными камнями; сзади подножія его — «Нерушимая стѣна» тоже болѣе яркихъ оттѣнковъ. Въ срединѣ горы черепъ съ отвалившейся челюстью и внизу лѣтопись, гласящая, что «лѣта 7065 сдѣланъ покровъ сіи повелѣніемъ благочестиваго царя и великаго князя Івана Васильевича государя всея Руси при его благочестивой царице и великой княгинѣ Анастасіи и при его благородныхъ чадахъ при благородномъ царевичѣ Иване и при благородной царевнѣ Евдокѣи». Все шито; темно-гвоздичный фонъ даетъ атласъ. И все это сочетаніе шитья и атласа слабыхъ, «смирныхъ» красокъ въ верхней части и болѣе яркихъ внизу, отсутствіе чего либо лишняго и присутствіе слетающихъ сверху ангеловъ, въ полныхъ тоски и граціи позахъ плачущихъ надъ могилой — даетъ такое неизъяснимое, незабываемое впечатлѣніе, что невольно вѣрится, какъ много могъ влагать мастеръ въ свою работу, когда онъ ее совершалъ самъ, своими руками, любя ее и молясь.

Покровъ на мощи пр. Сергія Радонежскаго. Вкладъ царицы Анастасіи Романовны 1557 г. (Троице-Сергіевская лавра).
Poêle sur les reliques de S-t Serge. Don de la tsarine Anastasie Romanovna. 1557. (Laure Troïtze-Serguievsky, près Moscou).

Другого шитья, другой совсѣмъ манеры, остальные покровы этого зала — тоже на мощи пр. Сергія — дары царя Михаила и патріарха Филарета 1633 г., на гробницу Евдокіи Лукьяновны 1646 г. и др. Они интересны, великолѣпны, но уже не даютъ того впечатлѣнія, какъ покровъ царицы Анастасіи. Но какъ работа, какъ показатель эволюціи стариннаго шитья — это памятники прекрасные.

Въ этомъ же залѣ чрезвычайно интересны вещи патріарха Филарета. Ихъ довольно много, назначеніе ихъ различно, но что особенно интересно — это наблюденіе надъ чеканной работой тѣхъ

Іоаннъ Дитерсъ: Портретъ патріарха Никона. 1656 г.
(Воскресенскій монастырь).
J. Dieters: Portrait du patriarche Nicone. 1656.
(Couvent Voskressensky à Moscou).

Саккосъ патріарха Адріана 1696 г. изъ платья царя Іоанна Алексѣевича. (Патріаршая ризница).
Chape du patriarche Adrien. 1696. (Sacristie des Patriarches à Moscou).

Саккосъ патріарха Адріана 1691 г. изъ верхняго платья царя Алексѣя Михаиловича. (Патріаршая ризница).
Chape du patriarche Adrien. 1691. (Sacristie des Patriarches à Moscou).

изъ нихъ, которые сдѣланы этимъ способомъ. Человѣкъ въ высшей степени просвѣщенный, глубокій западникъ, Филаретъ вернулся въ Москву изъ плѣна въ 1619 году, очевидно совершенно захваченный искусствомъ Запада вообще и въ частности германскаго. Съ его появленіемъ Москва начинаетъ наполняться мастерами золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ изъ Аугсбурга и Нюренберга и за все дальнѣйшее царствованіе царя Михаила, вплоть до его кончины въ 1645 г., мы видимъ въ нашемъ чеканномъ дѣлѣ это нѣмецкое вліяніе. Также и въ финифтяномъ дѣлѣ, которое все больше и больше переходитъ къ западно европейской эмали. И вотъ на выставкѣ есть цѣлый рядъ чеканныхъ работъ, гдѣ это вліяніе очень замѣтно. Особенно выдается великолѣпное Евангеліе изъ Троице-Сергіевой лавры — вкладъ царя и патріарха. Богато украшенное золотымъ окладомъ, финифтью и драгоцѣнными камнями, оно уже и въ финифти отражаетъ сильное вліяніе Запада и въ особенности въ изображеніяхъ. Четыре изображенія Евангелистовъ по угламъ въ круглыхъ дробницахъ и «Воскресеніе Христово» въ срединѣ, въ дробницѣ большаго размѣра, имѣютъ всѣ фигуры расчеканенныя рѣзкой нѣмецкой манерой изъ золота, безъ красокъ. Только обстановка Евангелистовъ и часть деталей Воскресенія покрыты слабаго тона финифтью, приближающейся къ западной эмали. Но травный орнаментъ — византійскаго стиля, хотя тоже не въ русской обработкѣ. Рядомъ съ Евангеліемъ можно поставить рядъ крестовъ патріарха — всѣ чеканенные, всѣ рѣзко варьирующіеся въ обработкѣ, трактовкѣ сюжета и деталяхъ и всѣ рѣзко носящіе вліяніе нѣмецкой техники и пріемовъ ея, что впослѣдствіи, при царѣ Алексѣѣ, уже исчезаетъ, или, во всякомъ случаѣ, сильно смягчается. Но зато, напримѣръ, такой предметъ, какъ золотая ладанница, чрезвычайно красивой, элегантной формы, если и носитъ слѣды иностраннаго вліянія, то развѣ въ формѣ крыши. Остальное — ея форма, «кубастика», черневыя «клейма» съ драгоцѣнными камнями, жемчужная обнизь, гнѣзда для камней — чисто русское. Превосходны здѣсь ризы, стихарь и другія облаченія, интересны другія Евангелія. Просты свѣтскіе предметы, какъ напр. кувшинчикъ Филарета, очень оригинальна братина чешуйчатая, кацеи, кадила и т. д. Интересно все и даже часы Филарета, хотя и довольно обычнаго типа и небогатые по отдѣлкѣ, но рѣдкіе по изображенію на нихъ бѣлой финифтью, благословляющей руки — эмблемы на святительскихъ печатяхъ — и буквами «Ч. П. Ф.», дешифрируемыми какъ «часы патріарха Филарета».

Два зала царя Алексѣя Михаиловича и послѣдній — его ближайшихъ преемниковъ — особенно богаты. Разобраться въ нихъ еще труднѣе и трудно даже сразу рѣшить, на чемъ особенно интересно остановиться. Но осмотрѣвъ все и обдумавъ, невольно прежде всего останавливаешься на портретѣ патріарха Никона, въ ростъ, писанномъ извѣстнѣйшимъ царскимъ «изуграфомъ», Угрскимъ живописцемъ Іоанномъ Дитерсомъ, около 1656 г. Какъ извѣстно — портретная живопись у насъ на Руси явилась очень поздно. Были и болѣе раннія попытки въ изображеніи на иконахъ царей или строителей храмовъ — но всегда въ иконописномъ духѣ и складѣ. Только къ концу XVII в. становятся извѣст-

ными и мастера-иконописцы, изъ иностранцевъ, и портреты свѣтскихъ лицъ, какъ напр. Льва Нарышкина, кн. Жировыхъ-Засѣкиныхъ, и нѣкоторыхъ другихъ, а также и копіи съ иностранныхъ портретовъ, какъ напр. Потемкина и др. Къ началу XVII в. относятъ лишь портретъ дьяка Грамотина, но тоже иностранной работы. Правда, иностранные писатели второй половины XVII в. говорятъ намъ, что при царѣ Алексѣѣ даже давались въ награду портреты царя, но мы ихъ не знаемъ. Такимъ образомъ, портретъ злополучнаго патріарха, датируемый довольно точно и опредѣленнаго автора, къ тому же одного изъ лучшихъ иконописцевъ эпохи расцвѣта иконописнаго дѣла при царѣ Алексѣѣ, являетъ первостепенную важность. Сурово смотритъ «парсуна» неукротимаго «святѣйшаго Никона патріарха Московскаго и всея Руси», какъ гласитъ надпись на портретѣ. Властной выглядитъ вся его фигура въ темномъ святительскомъ одѣяніи съ изображеніями херувимовъ по красному фону на подватахъ и бѣлый патріаршій головной уборъ еще рѣзче оттѣняетъ его суровое лицо, блѣдное, съ горящими глазами и черной бородой. Предъ нами живой человѣкъ и, несмотря на нѣсколько условную и искусственную позу, движенія его жизненны и правильны. Интересно сопоставить съ нимъ другой портретъ

Ладанница золотая царя Михаила Өеодоровича.
(Вознесенскій монастырь).
Boite à encens en or donnée par le tsar Michel au couvent Voznessensky à Moscou).

Полотенце, шитое царицею Наталіей Кирилловной. (Церковь св. Покрова въ Филяхъ подъ Москвой).
Essuie-mains, brodé par la tsarine Natalie. (Église de l'Intercession de la S-te Vierge à Fily, près Moscou).

Полотенце, шитое золотомъ и серебромъ царевной Софіей Алексѣевной. (Патріаршая ризница).
Essuie-mains, brodé d'or et d'argent par la tsarévna Sophie. (Sacristie des Patriarches à Moscou).

Картина Креста Господня съ предстоящими свв. Константиномъ и Еленой и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, царицей Маріей Ильиничной и патріархомъ Никономъ. (Новодѣвичій монастырь).

La Sainte Croix avec S-ts Constantin et Hélène, et les donateurs le tsar Alexis, la tsarine Marie et le patriarche Nicone. (Couvent Novodiévitchy à Moscou).

Никона, выставленный тутъ же на выставкѣ, работы царевны Татьяны Михаиловны. Лицо и руки его нарисованы также масляными красками, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ художникомъ; остальное же, т. е. костюмъ и детали, шиты царевной, причемъ облаченіе его она сдѣлала изъ краснаго бархата, а на головной уборъ прибавила немного жемчуга и цвѣтныхъ камней. Та же могучая фигура, то же суровое лицо, и въ шитьѣ этомъ чрезвычайно удачно сохранились движеніе и жизненность. Эти два портрета, повторяю, чрезвычайно важны и интересны. Изъ другихъ предметовъ живописи упомяну еще объ «картинѣ» Воздвиженія Креста. По сторонамъ креста фигуры царя Константина и царицы Елены, а къ кресту припадаютъ царь Алексій Михаиловичъ, царица Наталія Кирилловна и патріархъ Никонъ. Интересна она, какъ портретная икона, и по орнаментировкѣ. Особенно примѣчательна рисованная же рамка-кіотъ, своими архитектурными пріемами и деталями. Писана она на холстѣ. Кто авторъ — неизвѣстно. Была попытка приписать типъ такой картины иконописцу Богдану Салтанову — «шаховы земли иноземцу», но неудачная. Рядомъ съ ней какъ бы копія съ нея, кромѣ кіота, 1785 г. — но какая громадная разница. Первая, несмотря на условности письма, на плохую сохранность — живетъ духомъ иконописи и молитвы и жизни, а работа 1785 г. блѣдная, скучная, жидкая и манерная.

Шитый портретъ Никона, съ точки зрѣнія исторіи шитья, не представляетъ особо выдающагося интереса, но зато плащаница изъ Новодѣвичьяго монастыря, даръ царя Алексѣя, не можетъ не назваться замѣчательнѣйшимъ шедевромъ. Исполненная вся въ слабыхъ, легкихъ тонахъ, съ голубоватымъ фономъ и зеленоватой каймой, вся эта сложная композиція даетъ намъ образчикъ рѣдчайшей работы второй половины XVII в. Несмотря на то, что она вся полна условностей въ трактовкѣ сюжета, нѣкоторыя детали ея такъ смѣлы, такъ оригинальны и такъ живы, что остальныя условности совершенно исчезаютъ изъ зрительнаго впечатлѣнія. Особенно превосходна и смѣла фигура Богородицы. Авторъ или авторы посадили Божію Матерь на кресло въ головахъ Спасителя и заставили ее нагнуться, въ тоскѣ и печали, къ тѣлу обожаемаго Сына, нѣжно взять въ руки Его голову и съ страстной скорбящей любовью положить ее на колѣни и прижать къ сердцу. Неблагодарная поза Ея дала такую поразительно граціозную линію, такое свободное движеніе, вылилась въ такое выраженіе скорби и печали, какія нельзя было и подумать найти въ исполненіи шелкомъ и золотыми и серебряными нитями такого сюжета при всемъ его спеціальномъ назначеніи и обязательномъ подчиненіи строгой условности «подлинниковъ». И если покровъ царицы Анастасіи даетъ такой духовный и душевный миръ созерцательнаго состоянія печали и грусти, то тутъ невольно охватываютъ зрителя чисто жизненная земная тоска и слезы. И еще тяжелѣе становится на сердцѣ, когда знаешь что теперь уже не встрѣтишь въ новыхъ и новѣйшихъ работахъ такого участія души и сердца мастера, никакой жертвы имъ своего «я», отъ всей души вкладываемой въ работу.

Гораздо и неизмѣримо проще свѣтскія, такъ сказать, работы, какъ полотенце царицы Наталіи Кирилловны, вышитое ею собствен-

Плащаница, вкладъ царя Алексѣя Михаиловича. (Новоспасскій монастырь).
S-t. Suaire donné par le tsar Alexis au couvent Novospassky à Moscou.

норучно шелками и золотомъ. Знакомыя гвоздики и лиліи на зеленыхъ стебляхъ такъ и напоминаютъ намъ орнаментаціи иллюминованныхъ рукописей; но все же нельзя не подивиться мастерству и вкусу. А если заглянуть въ послѣднюю залу, то тамъ окажется другое полотенце — работы царевны Софіи Алексѣевны. Ученица своей матери, она превзошла ее и въ выборѣ рисунка и въ исполненіи.

Конечно и за эпоху царя Алексѣя оклады Евангелій не уступаютъ своимъ богатствомъ и красотой предшествующимъ. Здѣсь они еще богаче, еще разнообразнѣе. Разбирая одну финифть, тутъ можно найти цѣлый рядъ оттѣнковъ и въ техникѣ и въ краскахъ. Тутъ и русская густая финифть и нѣжная европейская эмаль и эмаль просвѣчивающая. И если сопоставить два Евангелія, одно вкладъ Наталіи Кирилловны, а другое Маρθы Матвѣевны 1685 г., то даже на такомъ краткомъ промежуткѣ между кончиной царя Алексѣя и царствованіемъ царя Θеодора въ пріемахъ, техникѣ и краскахъ, чеканной и финифтяной работы найдется масса интереснѣйшихъ наблюденій. Роскошнѣйшее первое Евангеліе замѣчательно по лицевому окладу еще рѣзными изумрудами съ изображеніемъ Евангелистовъ и Христа, Божіей Матери и Іоанна, и богатѣйшими узорами сплошь осыпанными драгоцѣнными камнями, а съ оборота миніатюрными эмалевыми изображеніями сценъ изъ Пророковъ и др. Роскошь и красота поразительны. А Евангеліе 1685 г. опять напоминаетъ болѣе древнія, съ чеканными фигурами, но уже покрытыми финифтью и съ Евангелистами, сопровождаемыми своими эмблемами — тетраморфами. И рядомъ съ этими крупными и сравнительно рѣзкими изображеніями — тонкія, изящныя и нѣжныя эмалевыя дробницы, скромно прячущіяся среди богатства

Евангеліе — вкладъ царя Михаила Өеодоровича и патріарха Филарета. (Троице-Сергіевская Лавра).

Évangile donné par le tsar Michel et le patriarche Philarète à la Laure Troitze-Serguievsky, près Moscou.

Евангеліе 1685 г. — вкладъ царицы Марѳы Матвѣевны.
(Московскій Архангельскій соборъ).
Évangile donné par la tsarine Marthe Matvéevna
à la cathédrale Arkhanguelsky à Moscou. (1685).

Евангеліе, — вкладъ царицы Наталіи Кирилловны. (Оборотная сторона).
(Московскій Успенскій Соборъ).
Évangile donné par la tsarine Nathalie à la cathédrale Ouspensky
à Moscou (revers).

Евангеліе — вкладъ царицы Натаріи Кирилловны. (Московскій Успенскій Соборъ).

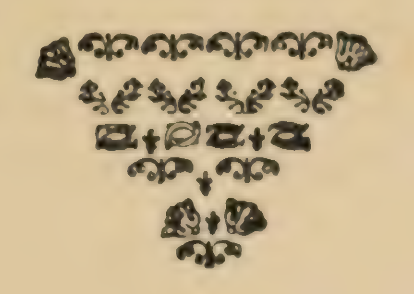
Évangile donné par la tsarine Nathalie à la cathédrale Ouspensky à Moscou.

чеканки и камней, но поразительныя по своей нѣжности. Въ другомъ отношеніи важно отмѣтить два саккоса патріарха Адріана, одинъ 1691 г. изъ платья царя Алексѣя, а другой 1696 г. изъ платья царя Іоанна; конечно ихъ интересъ весь въ матеріи. Первый — золотистой парчи, алтабаса съ крупными серебряными, петельчатой работы цвѣтами и красно-коричневатыми бархатными разводами; кругомъ жемчужное шитье. Матерія тяжеловатая и нѣсколько грубая, быть можетъ отъ одного изъ «смирныхъ» платьевъ царя. Второй — золотной же матеріи, сплошь покрытой рыжаго бархата травными разводами и съ крупными петельчатыми серебряными орлами, также отдѣланъ жемчужнымъ шитьемъ. Вообще же ризы и одѣянія на выставкѣ даютъ богатый матеріалъ для исторіи нашихъ тканей, бархатнаго и золотого дѣла, отличаясь удивительнымъ разнообразіемъ.

Не менѣе, если не болѣе, крупный интересъ даютъ намъ лицевыя изображенія, миніатюры, заставки и орнаменты въ Евангеліяхъ и грамотахъ. Выдается особенно грамота царя Алексѣя 1674 г. по композиціи крупнаго заголовка, представляющаго цѣлую акварельную картинку Преображенія и Спасителя въ пеленахъ, съ богатѣйшимъ орнаментомъ вокругъ. А рядомъ съ ней выдѣляется другая грамота — царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ которой вся орнаментація принадлежитъ царевнѣ Татьянѣ Михаиловнѣ, несомнѣнно обладавшей истиннымъ художественнымъ творчествомъ. Однимъ словомъ, нѣтъ, кажется, на этой выставкѣ ни одного предмета, исключая, конечно, большинства рукописей и всѣхъ старопечатныхъ книгъ, надъ которыми не пришлось бы задуматься изслѣдователю и который самъ по себѣ не являлся бы достойнымъ цѣлаго изслѣдованія.

Есть тутъ и позднѣйшія вещи, изъ которыхъ поразителенъ по красотѣ потиръ Екатерины II, золотой, осыпанный брилліантами и съ рѣзными на сѣроватыхъ камняхъ, типа агата и оникса, религіозными изображеніями. Не говорю о новѣйшихъ облаченіяхъ, пожалованныхъ Чудову монастырю Государемъ Императоромъ, несмотря на ихъ красоту и великолѣпіе, а также и о новыхъ портретахъ и копіяхъ, — о послѣднихъ, какъ не дающихъ ничего интереснаго. Эти копіи и новости можно было бы и не выставлять и онѣ однѣ рѣжутъ глаза въ этомъ сказочномъ великолѣпіи наслѣдія нашихъ царей, царицъ и царевенъ Романовскаго Дома XVII в. и современныхъ имъ святителей. Очень и очень будетъ обидно и несомнѣнно представитъ великую утрату для науки, если всѣ эти экспонаты, какъ я уже говорилъ, опять разойдутся по старымъ мѣстамъ и опять сдѣлаются недоступными для исторіи и науки.

В. Шугуровскій.



СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

ТОРГОВЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРОИЗВЕДЕНІЯМИ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(Продолженіе).

(P. Stolpiansky: Le vieux Pétersbourg. La vente d'objets d'art au XVIII siècle).

Изъ правительственныхъ учрежденій инипіатива въ продажѣ художественныхъ произведеній принадлежала Академіи Наукъ; уже въ 1740 г. публиковалось, что [43] «въ здѣшней книжной лавкѣ при Академіи Наукъ продается портретъ Ея Императорскаго Величества по 2 рубля».

Книжная лавка Академіи производила большой торгъ различными гравюрами, которыя изготовлялись въ гравировальной палатѣ Академіи Наукъ; очевидно, вслѣдствіе монополизаціи продажи этихъ гравюръ въ Академіи, конкуренціи не существовало, и Академія не находила нужнымъ печатать въ издаваемыхъ при ней вѣдомостяхъ извѣщеній. Кромѣ отсутствія конкуренціи на непомѣщеніе объявленій вліяло, конечно, и то, что спросъ былъ слишкомъ незначительный: тѣ, кто покупалъ гравюры, купили бы ихъ и безъ напоминаній, а масса обывателей совершенно не интересовалась этими произведеніями. Объявленія начинаютъ появляться болѣе или менѣе регулярно съ 1749 г. тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, что съ этого времени распространеніе гравюры сдѣлалось замѣтнымъ.

Въ 1749 г. появилось такое объявленіе: [44] «Въ здѣшней Академической книжной лавкѣ продаются образъ святыхъ благовѣрныхъ Князей Александра и брата Его Ѳеодора по 40 копѣекъ листъ, также портретъ Его Императорскаго Высочества Государя великаго Князя Петра Ѳеодоровича штиховальной работы по рублю, и портретъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Екатерины Алексѣевны тушевальной работы по рублюжъ».

Образъ свв. Александра Невскаго и брата его Ѳеодора былъ вовсе не образомъ въ современномъ смыслѣ этого слова, а представлялъ собою аллегорическую гравюру, выгравированную Григоріемъ Аникѣе-

вичемъ Качаловымъ;[45] въ ней особенно интересенъ «видъ Александро-Невскаго монастыря», совершенно не походящій на дѣйствительность. Этотъ видъ служитъ лишнимъ доказательствомъ не разъ высказанному нами замѣчанію, какъ осторожно нужно относиться къ различнымъ видамъ XVIII вѣка. Портретъ Петра Ѳедоровича, о которомъ дѣлалось извѣщеніе, былъ извѣстной гравюрою Соколова съ портрета Гроота; гравюра портрета Екатерины Алексѣевны была работой Виноградова.

Какъ извѣстно, дѣятельность Академіи Наукъ въ отношеніи гравировальнаго искусства была обширна; изъ приводимаго Д. Ровинскимъ списка досокъ, хранящихся въ Академіи Наукъ, видно, что число этихъ досокъ достигало 172, на самомъ дѣлѣ, конечно, число ихъ было гораздо болѣе значительно, также не слишкомъ малъ и списокъ гравюръ, продававшихся въ Академіи, составленный Штелиномъ.[46] Просматривая же объявленіе, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее странное обстоятельство. Академія Наукъ, извѣщавшая замѣчательно аккуратно о выходѣ каждой вновь изданной ею или въ ея типографіи книги, вовсе не соблюдала такой акуратности по отношенію гравюръ. Наоборотъ, можно придти къ убѣжденію о полномъ отсутствіи какой либо системы — проходятъ цѣлые года и Академія не извѣщаетъ не только о выходѣ въ свѣтъ новыхъ гравюръ, но и о залявшихся на книжномъ складѣ старыхъ, и вдругъ попадается годъ, когда чуть ли не въ каждомъ номерѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» красуется извѣщеніе о продажѣ гравюръ. Дѣлалось оно далеко не обо всѣхъ гравюрахъ: нѣкоторыя какъ будто пользовались особою любовью и о нихъ объявленія повторялись, другія поступали на продажу, а публика не была извѣщаема объ нихъ. Особою любовью пользовались проспекты Махаева. Первое печатное извѣщеніе о нихъ мы нашли въ 1761 г.,[47] то есть спустя 8 лѣтъ послѣ ихъ напечатанія, но Академическая книжная лавка извѣщала объ ихъ выходѣ, какъ о самой животрепещущей новости: «Въ Академической книжной лавкѣ продаются нововырѣзанные проспекты Петергофа, Сарскаго села и Ораніэнбома на 8 листахъ всѣ вмѣстѣ по 3 рубли, а въ розпь двойныя то есть Ораніэнбома, Петергофа и Сарскаго села по одному рублю, одинакіе же Звѣринца и Эрмитажа по 50 копѣекъ». Послѣ неоднократнаго повторенія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ объявленіе это скрылось со столбцовъ газеты и появилось вновь въ 1783 г.: «въ Академической книжной лавкѣ продаются Проспекты Петергофа, Царскаго Села, Ораніенбома на 10 большихъ Александрийскихъ листахъ всѣ вмѣстѣ по 4 рубля».[48] Вообще должно замѣтить, что въ серединѣ 1780-хъ гг. Академія Наукъ принимала дѣятельныя мѣры, чтобы сбыть изъ книжной лавки хранившійся запасъ гравюръ Елисаветинскаго времени. Такъ, въ 1784 г. публиковалось о продажѣ «Плана Санктпетербурга, состоящаго изъ 9 картъ съ 16 проспектами по 6 рублей, одного плана на 9 листахъ безъ проспектовъ 2 рубля, проспектовъ безъ плана 4 рубля»,[49] «проспектовъ С.-Петербурга малыхъ по 20 коп., старыхъ (?) по 30 коп.»,[50] наконецъ «проспектовъ Россійскихъ городовъ, состоящихъ изъ 34 видовъ, всѣ вмѣстѣ 5 рублей».[51] Планъ Петербурга на 9 листахъ —

извѣстный «перспективный» планъ 1753 г. работы Махаева, проспекты Петербурга также его работы, виды россійскихъ городовъ были привезены академикомъ Миллеромъ изъ его путешествія по Сибири, гравированы въ 1752 г. Мы уже указывали на рядъ искаженій — какъ въ то время называлось «приведеніе проспектовъ въ надлежащій видъ», — которыя были сдѣланы, когда рисунки живописцевъ Lürsenius'а и Berckhan'а отданы были для гравированія мастеру Гриммелю. [52] Въ томъ же 1784 году объявлялось о продажѣ «Описанія палатъ С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ, Библіотеки, Кунсткамеры на Россійскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ по 90 копѣекъ» [53] — появившагося, какъ извѣстно, въ послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны.

Послѣ «Проспектовъ» особенно часто печатались извѣщенія о продажѣ портретовъ лицъ Царствующаго Дома. Въ 1766 г. объявлялось: [54] «Въ Академической книжной лавкѣ продаются новонапечатанные тушевальной работы Императорской фамиліи, портреты, а имянно: 1) Царя Іоанна Васильевича, 2) Царя Ѳеодора Іоанновича, 3) Царя бориса Ѳеодоровича Годунова, 4) Царя Василья Іоанновича Шуйскаго, 5) Царя Михайлы Ѳеодоровича, 6) Царя Алексѣя Михайловича, 7) Царя Ѳеодора Алексѣевича, 8) Царя Іоанна Алексѣевича, 9) Государя Императора ПЕТРА Перьваго, 10) Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, 11) Государыни Цесаревны Анны Петровны, 12) Государя Императора Петра Втораго, каждой по 25 коп.». Это объявленіе не сходило со столбцовъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ продолженіе всего XVIII в., до извѣстной степени измѣняясь. Такъ, вмѣсто подробнаго перечня, поименно, государей извѣщалось въ краткой формѣ: [55] «Въ Академической книжной лавкѣ продаются вновь напечатанные тушевальные портреты двенадцати древнихъ государей, всѣ двенадцать 3 рубля», затѣмъ, очевидно потому, что первые портреты двухъ царей были раскуплены, стали извѣщать, что продаются [56] «Портреты тушевальные древнихъ Государей отъ Государя Царя Бориса Ѳеодоровича Годунова до Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, каждый по 20 к.», цѣна какъ видимъ, понизилась, и наконецъ, извѣщали о продажѣ этихъ же портретовъ поодиночно, напримѣръ: [57] «Портретъ Цесаревны Анны Петровны, Герцогини Шлезвигъ-Голштинской». Кромѣ этой серіи выпускались въ продажу гравюры другихъ мастеровъ. Такъ, въ 1784 г. печаталось: [58] «Портреты гравировальной работы: 1) Государя Императора Петра Великаго и 2) Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, оба Вагнеровой работы, каждый по 50 коп.». Въ томъ же году поступили въ продажу два портрета «Императрицы Анны Іоанновны, большой по 50 к. и малой 25 коп.». [59]

Нельзя не указать, что Академія Наукъ торговала не только стариной, залежавшимися гравюрами, но стремилась отвѣчать и на запросы времени. Извѣстно, какое впечатлѣніе произвело не только на Россію, но и на всю Европу, прививаніе — или какъ тогда называлось «подвигъ» — оспы Екатериною II. Это событіе было воспѣто безчисленнымъ количествомъ одъ, увѣковѣчено рядомъ рѣчей духовныхъ ораторовъ и Академія Наукъ тоже увѣдомила, [60] что «въ Академической книжной лавкѣ продается портретъ господина барона

Томаса Димсдаля по 50 копѣекъ». Въ номерѣ 49 отъ 17 іюня 1780 г. читаемъ: [61] «прибылъ изъ Москвы знаменитый путешественникъ графъ Фалькенштейнъ и остановился въ трактирѣ городъ Лондонъ». Этотъ трактиръ помѣщался на углу Малой Миліонной и Невскаго проспекта тамъ, гдѣ теперь домъ графа Зубова. Прошелъ всего только мѣсяцъ и 17 іюля того же года появилось объявленіе: [62] «Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ въ Книжной лавкѣ вступили въ продажу два гравированныхъ Портрета Знаменитаго Путешественника Графа Фалькенштейна, одинъ большой въ поллиста цѣна 60 коп., другой малой, профильной, цѣною 25 копѣекъ, да Географическая Карта означающая путешествіе сего Графа отъ Вѣны до Санктпетербурга чрезъ Малую Россію, Бѣлороссію, Смоленское Намѣстничество, Москву и изъ Санктпетербурга черезъ Ригу. На сей Картѣ означена вся Венгрія, Польша, знатная часть Россіи, Финскій заливъ и Балтійское море, изъ Вѣны въ Россію, цѣна оной 80 коп.».

Картинами общаго содержанія Академія Наукъ почти не торговала, по крайней мѣрѣ, мы нашли только два извѣщенія, первое [63] — продается «эстампъ картины, найденной въ Геркуланѣ и поднесенной Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, Его Сіятельствомъ Канцлеромъ Графомъ Воронцовымъ 1763 году по 60 коп.» и второе [64] «Эстампъ Рано или Поздо по 12 копѣекъ». Послѣдняго эстампа мы не видали и что онъ представляетъ собой — не знаемъ.

Нѣсколько подробнѣе мы остановимся на изданномъ въ 1777 г. «новомъ портретѣ царевны Софіи Алексіевны, цѣна 25 копѣекъ» [65]. Объ этомъ портретѣ Д. Ровинскій говоритъ, что «въ настоящее время этотъ листъ очень рѣдокъ». [66] На этотъ портретъ, въ годъ его изданія, обратилъ вниманіе Н. Новиковъ и сохранилъ его описаніе въ издававшихся имъ въ то время «Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ». [67] «Портретъ Царевны Софіи Алексіевны, вырѣзанный на мѣди при Императорской Академіи Художествъ пятаго возраста ученикомъ А. Ѳанасьевымъ. Сей портретъ представляетъ поясное изображеніе Царевны, въ старинномъ женскомъ царскомъ одѣяніи, въ царскомъ вѣнцѣ; въ правой рукѣ скипетръ, а въ лѣвой держава. Портретъ изображенъ въ овалѣ, украшенномъ лавровою и пальмовою вѣтьвями, на которыхъ седмью символическими фигурами означаются добродѣтели ея, съ сими надписаніями подъ оными: разумъ, благочестіе, цѣломудріе, щедрота, правда, великодушіе и надежда божественная; а въ верьху находятся два генія трубящіе, изъ которыхъ одинъ держитъ кольцо въ означеніе вѣчности. Вокругъ портрета находится слѣдующая надпись: ,Софія Алексѣевна, Божіею Милостію, Благочестивѣйшая и Самодержавнѣйшая Великая Государыня Царевна и Великая Княжна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержица: Московская, Кіевская, Володимерская, Новгородская, Царевна Казанская, Царевна Астраханская, Царевна Сибирская; Государыня Псковская, и Великая Княжна Смоленская, Тферская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ; Государыня и Великая, Княжна Новагорода Низовскихъ земель, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлоозерская,

Удорская, Обдорская, Кондинская и всея Сѣверныя страны Повелительница, и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ отечественныхъ дѣдичествъ Государыня и Наслѣдница и Обладательница». Подъ портретомъ вырѣзаны стихи, заключающіяся строками:

«Такова Семирамисъ у Ефрата жила,
Яже вѣки памятно дѣло сотворила.
Елисавефъ Британска скипетро держащи;
Пулхерія таковымъ умомъ бѣ смыслящи,
Россіо: аще царствы многими почтенна,
Предъ благочестивою еси умаленна»!

Впрочемъ остается увѣдомить, что сей портретъ вырѣзанъ со старинняго естампа, дѣланнаго еще при жизни Царевны, и который находится въ Императорской Академіи Художествъ».

Прошло сравнительно немного времени съ того момента, какъ Софія была заключена въ монастырь своимъ державнымъ братомъ и должна была быть изгнана изъ памяти народной, и появленіе гравюры съ полнымъ титуломъ во всякомъ случаѣ знаменательно. Но еще интереснѣе, что на эту гравюру обратилъ вниманіе Новиковъ и помѣстилъ ея описаніе въ своемъ журналѣ. Было это сдѣлано имъ, конечно, не безъ умысла; очевидно, какая то тайная цѣль имъ преслѣдовалась; не было ли здѣсь намека и сопоставленія съ царствованіемъ Екатерины II и съ положеніемъ Павла Петровича? Вѣдь Петръ Великій находился въ подчиненномъ положеніи, когда Софія была правительницею, и положеніе цесаревича Павла Петровича было также очень тяжелое. Между тѣмъ, приблизительно въ это время Новиковъ становится въ оппозицію Императрицѣ и скоро покидаетъ Петербургъ для Москвы, гдѣ и развиваетъ свою культурную дѣятельность.

Изъ ряда приведенныхъ нами объявленій и имъ аналогичныхъ, можно установить цѣну гравюръ, колебавшуюся отъ 20 до 60 копѣекъ.

Второе просвѣтительное учрежденіе — Академія Художествъ — которое уже по своей задачѣ должно было распространять и самыя изящныя произведенія и воспитывать вкусъ къ нимъ, стремилось къ этому двумя путями. До 1766 г. Академія Художествъ была прежде всего комиссіонеромъ Московскаго университета и продавала въ своей книжной лавкѣ изданія его типографіи, а затѣмъ тамъ же поступали на продажу и произведенія членовъ Академіи. Такъ въ 1760 году поступили [68] «гридорованные образа Святаго Митрополита Димитрія, новоявленнаго Ростовскаго Чудотворца каждой по 1 рублю», въ 1761 г. «въ Императорской Академіи художествъ продается вновь напечатанная въ Московскомъ университетѣ Краткое наставленіе къ Рисовальной наукѣ по рублю по 70 копѣекъ». [69] Первая гравюра, о которой публиковала Академія Художествъ, былъ выпущенный въ 1761 г. «портретъ всемилостивѣйшей Государыни грыдорованной при оной Академіи по 1 р.». [70] Въ 1763 г. обороты книжной лавки стали настолько значительны, что появилось объявленіе, содержащее въ себѣ цѣлый перечень, а именно: [71] «Желающіе покупать Эстампы

и Гипсовыя фигуры, получить могутъ оныя въ Императорской Академіи Художествъ и въ деревянномъ Гостиномъ дворѣ подъ № 55. Помянутые эстампы и фигуры суть слѣдующія: большой портретъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, градированый господиномъ Шмитомъ по 5 рублей; портретъ Ея жъ Величества поясной г. Чемезовымъ 1 рубль; портретъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Всероссійскаго благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича 50 коп.; образъ св. Димитрія Митрополита Ростовскаго новоявленнаго Чудотворца 50 к.; портретъ Его Сіятельства Генерала Фельдмаршала Графа Петра Семеновича Салтыкова 50 коп. и многіе разные, коимъ цѣна на тѣхъ

„Живопись". — Изъ книги: „Зрѣлище природы и художествъ, ч. II. Спб. 1784 г.".

эстампахъ написана. Гипсовыя фигуры бронзованныя: Діана и Эндиміонъ; Авраамъ Исаака приноситъ въ жертву; Діана и Эндиміонъ другая, каждая по 10 рублей». Въ 1765 г. этотъ списокъ значительно увеличился: [72] «Въ Императорской Академіи Художествъ продаются портретъ Ея Императорскаго Величества гравированной въ видѣ краснаго и чернаго карандаша, оклееной въ синей бумагѣ по три рубля по 25 коп., а не оклееной по три руб; портретъ Его Императорскаго Высочества, также гравированной въ видѣ краснаго и чернаго карандаша, оклееной въ синей бумагѣ по два рубля по 25 коп., а не оклееной по два руб.; разные ученическіе эстампы, фигуры, бюсты и барельевы, гипсовые разными цѣнами; проповѣдь говоренная при инавгураціи по 30 копѣекъ; притомъ же будетъ продаваться и диссертація о Художествахъ, сочиненія Его Превосходительства Григорія Николаевича Теп-

лова, какъ скоро изъ печати выдетъ». Наконецъ, къ 1766 г. относится такое объявленіе: [73] «Въ Академіи Художествъ продаются портреты Царицы Наталіи Кириловны по 37 к. Эстампъ представляющей деревенскую красавицу по $35^1/_4$ копѣйки; Эстампъ представляющей пригожую повариху по $31^1/_4$ коп.». Характерна дробная цѣна эстамповъ: очевидно, высчитали, во что обошелся эстампъ и продавали безъ барыша.

Но Московскій Университетъ вскорѣ завелъ самостоятельную книжную лавку и такимъ образомъ отказался отъ комиссіонерства Академіи Художествъ, которой содержать самостоятельную лавку стало невыгодно, и она переходитъ къ другому способу продажи. Въ 1766 г. мы наталкиваемся на первое объявленіе, которое продолжается до конца вѣка. «Въ Императорской Академіи Художествъ будутъ продаваться [74] съ публичнаго торгу во весь великой постъ до страстной недѣли по средамъ въ 4 часу пополудни производимыя при оной Академіи картины, гипсы, эстампы и протчіе вещи, о чемъ чрезъ сіе объявляется». Торгъ этотъ производился, какъ объяснялось въ другихъ извѣщеніяхъ, «въ пользу воспитываемаго при Академіи Художествъ юношества». [75] Сущность торга оставалась одна и та же, мѣнялась лишь обстановка его, формы и время. Такъ иногда вещи продавались «аукціоннымъ порядкомъ», [76] иногда же «по написаннымъ на каждой цѣнамъ». [77] Начинался этотъ торгъ и въ январѣ мѣсяцѣ, продолжаясь до поста, [78] и въ сентябрѣ, [79] и въ декабрѣ, [80] продолжаясь «покуда всѣ оныя вещи проданы будутъ». Для торга обыкновенно назначалась среда, [81] но къ средѣ присоединяли и субботу, [82] и длился этотъ торгъ «съ 2 часовъ пополудни по девятой вечера» [83] или съ 10 до 2 часовъ. [84] Наконецъ, иногда для продажи отводили рекреаціонную залу, [85] но по большей части факторскіе покои, причемъ пріѣздъ былъ съ третьей линіи. [86]

Вслѣдъ за Академіями торговать художественными произведеніями начали и другія правительственныя учрежденія. Не надо забывать, что въ XVIII вѣкѣ почти каждое правительственное учрежденіе имѣло свою типографію, въ которой, конечно, печатались не только книги, но гравюры и эстампы. Такъ, типографія Правительствующаго Сената продавала въ 1769 г. [87] «отпечатанные вновь разные старинные эстампы, которымъ въ оной же типографіи имѣется точная роспись». А въ 1770 г. въ той же типографіи продавались «вновь отпечатанные 39 портретовъ Римскихъ цесарей и нѣкоторыхъ знатныхъ мужей по 1 р. 56 копѣекъ». [88] Въ типографіи Морского кадетскаго корпуса почему то оказались доски извѣстныхъ Махаевскихъ проспектовъ Каменнаго острова, которые и продавались этою типографіею «большіе по 35 коп., а малые по 15 копѣекъ каждой». [89] Въ типографіи Военной коллегіи любители могли пріобрѣсти «портретъ перваго россійскаго солдата на Александрійской бумагѣ по 15, а на бѣлой по 10 копѣекъ» [90] и, наконецъ, въ «книжной лавкѣ Императорскаго Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса» въ 1791 г. имѣлся въ продажѣ «планъ сада онаго корпуса, черченый того же корпуса господиномъ адъютантомъ княземъ Шаховскимъ и весьма чисто гравированный г. Мейеромъ, на большой александрійской бумагѣ по 1 рублю». Планъ этотъ не отмѣченъ Д. Ровинскимъ. [91]

Наконецъ, еще одно правительственное учрежденіе торговало не только эстампами, но и «разными живописными картинами въ золоченыхъ рамахъ искусныхъ мастеровъ» [92] — хотя съ перваго взгляда очень трудно предположить для этого учрежденія, по его назначенію, такую продажу. Мы подразумѣваемъ Императорскій Воспитательный Домъ, нѣкогда помѣщавшійся на Большой Милліонной улицѣ въ зданіи, нынѣ занятомъ казармами л.-гвардіи Павловскаго полка. Дѣло въ томъ, что при Воспитательномъ домѣ существовала «сохранная казна» соотвѣтствовавшая нынѣшнему ломбарду, въ которой принимались въ закладъ и картины. Такими то просроченными картинами онъ и торговалъ.

Къ 1780-хъ годахъ въ Петербургѣ и даже въ глухой провинціи появился типъ не только любителя художественныхъ произведеній, но и, выражаясь современнымъ словомъ, дилеттанта-художника. Воспоминаніе о такомъ любителѣ оставилъ намъ извѣстный издатель-редакторъ журнала «Экономическій магазинъ» А. Т. Болотовъ. Въ первой части журнала онъ помѣстилъ [93] выдуманную переписку между какимъ то «покорнѣйшимъ слугою И. Рисовалинымъ» и самимъ издателемъ. Переписка касалась «прозрачныхъ кунштовъ и рисунковъ», давались совѣты, какъ воспроизводить «прозрачные куншты» и кромѣ того было сдѣлано нѣсколько общихъ замѣчаній относительно живописи. Рисовалинъ жаловался издателю на свои неудачи и писалъ: «Мнѣ имъ (т. е. живописью масляными красками) пачкаться очень не въ диковинку. Случалось часто, что и губы, и лице и все платье разныхъ цвѣтовъ красками бывали у меня запачканы, и я еще съ младенчества по склонности моей марать красками привычку сдѣлалъ, только жаль, что не учился, а все маралъ и пачкалъ самъ отъ себя». На такую жалобу издатель отвѣчалъ довольно таки любопытно, онъ писалъ: «Государь мой! Не съ одними вами случилось то, что вы имѣя натуральную склонность къ рисованію, не имѣли случая учиться оному порядочнымъ образомъ: былъ тотъ грѣхъ и со мною. Не учился и я оному какъ должно, хотя впрочемъ не менѣе васъ имѣю къ тому охоту и натуральную склонность, и таковожъ хорошо иногда весь изпачканъ и измаранъ бываю, и такъ оба мы изрядные мастера и рисовальщики. Однако, какая кому до того нужда, хорошо ли или худо мы умѣемъ рисовать? — Мы вить не живописцы, и упражняемся въ художествѣ семъ не для прибытка, но для собственнаго удовольствія своего; а для полученія сего довольно ужѐ, когдабъ только работы наши могли намъ, нравиться и утѣшая насъ преподавать намъ случай по нѣскольку дней и часовъ препровождать въ невинномъ и пріятнѣйшемъ для себя удовольствіи. Я не знаю, государь мой, какъ вы, а я художеству сему очень обязанъ. Не одинъ день въ жизни моей помогло оно мнѣ препроводить очень весело, и я думаю, что помогло къ тому самое то, что я не учась ни чему почти порядочно, принужденъ былъ до всего самъ собою добираться, и мало по малу узнавать нужныя вещицы; и какъ и самомалѣйшіе успѣхи производили мнѣ ужѐ радости, то и было удовольствіе мое тѣмъ больше. Недавно, при случаѣ нѣкоторыхъ новыхъ выдумокъ вздумалось мнѣ пересчитать, сколько у меня разнаго

рода работъ, картинъ рисованныхъ и малеванныхъ мною самимъ есть, и какъ я насчиталъ ихъ болѣе тридцати родовъ, то судите сами, коль многія увеселенія я имѣлъ, когда отчасти добираясь, отчасти выдумывая оныя въ первой разъ ихъ дѣлалъ. Совсѣмъ тѣмъ не могу я себя никакъ назвать въ семъ искусствѣ мастеромъ; но искренно признаюсь, что я не гожусь еще и въ подмастерьи; да и пишу о томъ не для того, чтобъ я хотѣлъ искусствомъ своимъ хвастать или учить умѣющихъ, а для того только, чтобъ, сообщая нѣкоторыя извѣстныя мнѣ вещицы, снискать нѣкоторое удовольствіе тѣмъ изъ любезныхъ моихъ согражданъ, которые, имѣя къ рисованью охоту, и не рѣдко праздное свое время препровождаютъ въ ономъ; ибо какъ я сіе упражненіе почитаю всегда невиннѣйшимъ и безопаснѣйшимъ, нежели многія другія, то и не за излишнее почелъ поспѣшествовать по мѣрѣ силъ своихъ и съ сей стороны сихъ моихъ въ деревенской жизни сотоварищей».

Болотовъ не слишкомъ фантазировалъ, когда писалъ эти строки: онъ списывалъ съ себя лично и съ нѣкоторыхъ ему подобныхъ людей. Что такіе самоучки появились у насъ, доказываетъ до извѣстной степени содержаніе журналовъ того времени; почти каждый считалъ нужнымъ помѣщать статьи по искусству, причемъ эти статьи были и теоретическаго и практическаго характера. Такъ, въ журналѣ «Пріятное и Полезное Чтеніе» мы находимъ, [94] напримѣръ, статью «Сила Ваянія», переводъ съ французскаго, въ которой имѣются такія строчки: «Ваяніе, такъ какъ и Исторія, говоритъ Г. Фальконетъ, есть долговременное хранилище добродѣтели и слабостей человѣческихъ. Драгоцѣнны черты великихъ людей, долженствовавшихъ жить столько, сколько ихъ статуи производятъ въ насъ благороднаго рвенія»... и далѣе: «для единаго возбужденія къ общественнымъ добродѣтелямъ, издревле выдумано воздвигать статуи великимъ людямъ». Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» [95] тема, вскользь отмѣченная въ приведенномъ отрывкѣ Болотова, получила самостоятельное разсмотрѣніе и появилось цѣлое разсужденіе подъ заглавіемъ: «Разговоръ о пользѣ, какую плохіе мастера въ художествахъ и наукахъ своихъ приносятъ людямъ». Наконецъ, въ «Экономическомъ Магазинѣ», [96] мы насчитали 12 замѣтокъ, носящихъ общее заглавіе «О рисованіи» или «Для рисованія». Практическіе совѣты давались самые разнообразные. Приведемъ рядъ заглавій статей, на основаніи которыхъ можно составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе о распространеніи среди читающихъ россіянъ послѣдней четверти XVIII вѣка свѣдѣній по части художественной, какъ говорили въ то время. «Новый способъ по аглинскому изобрѣтенію дѣлать эстампы наведеніемъ красокъ подобно миніатюрнымъ картинамъ». [97] «О раскрашиваніи печатныхъ куншововъ масляными красками». [98] «Охраненіе картинъ отъ мухъ». [99] «Способъ снимать съ картинъ чернильныя пятна». [100] «Способъ чистить масляныя картины». [101] «Спечатываніе медалей». [102] «Составъ для расписыванія по гипсу мармором ъ». [103] «О покрываніи лакомъ бумажныхъ картинъ». [104] «О рисованіи золотомъ и серебромъ» [105] «О рисованіи сахарной водой». [106] «О сохраненіи писанныхъ на холстѣ масляными красками

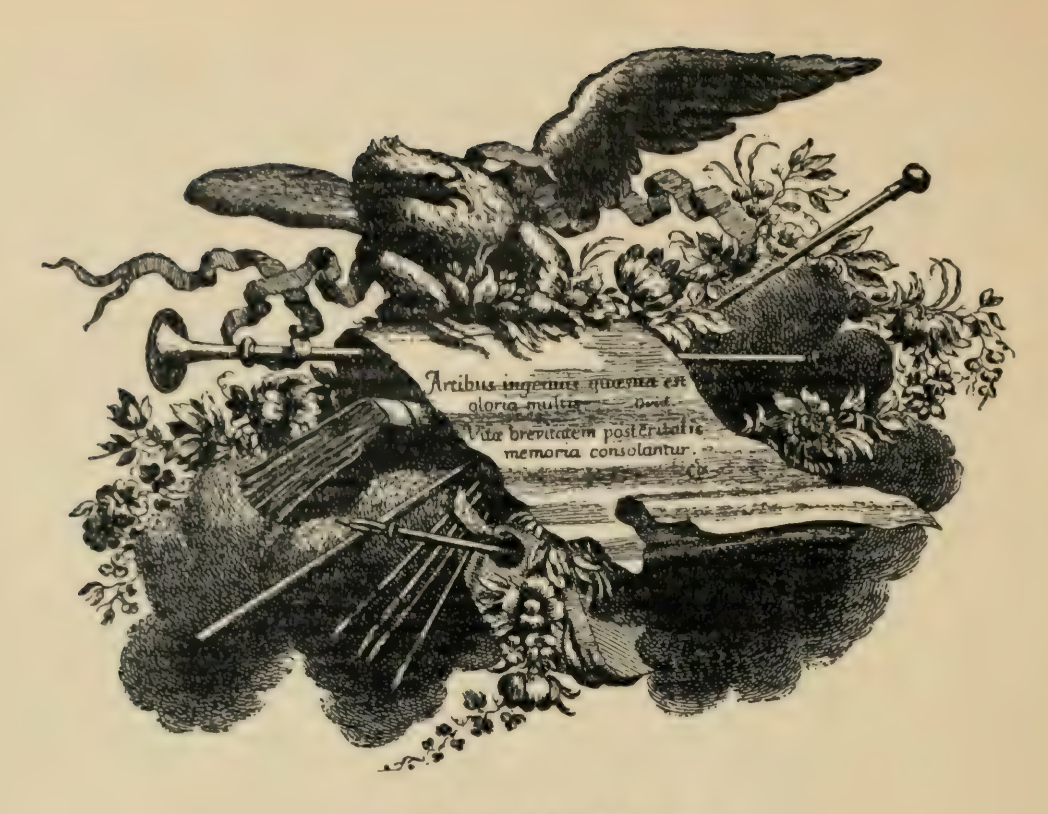
картинъ и объ оживленіи на нихъ красокъ».[107] Этотъ списокъ можно увеличить во много разъ и изъ него видно, что интересъ къ художеству въ русскомъ обществѣ сильно возросъ. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и фактъ открытія въ Петербургѣ спеціальнаго магазина для продажи картинъ или, какъ тогда называли его «Эстампный кабинетъ». Инипіатива въ этомъ дѣлѣ, конечно, принадлежала иностранцу; онъ былъ италіанецъ, хотя родомъ изъ Франціи и звался Роспини. Въ 1779 г. появилось первое извѣстіе объ этомъ эстампномъ кабинетѣ и французской книжной лавкѣ:[108] «По Невской перспективѣ въ Перкиновомъ домѣ (на углу Невскаго и Адмиралтейской площади) у пріѣхавшаго недавно Италіанца Роспини, продаются собранія Аглинскихъ, Римскихъ и Францускихъ купферштиховъ, въ числѣ которыхъ есть много архитектурныхъ украшеній, также историческіе, Миѳологическіе, натуральной исторіи, Аглинскіе сады, и проч. примѣчанія достойныя собранія, Гуттона, Скородумова и другихъ славныхъ мастеровъ какъ тушеванной, такъ и новѣйшей миніатюрной работы. Сей Италіанецъ проживетъ здѣсь неболѣе 4 недѣль».

П. Столпянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИМѢЧАНІЯ.

43. Тамъ же, 1740, № 38, ст. 302. 44. Тамъ же, 1749, № 94, ст. 750. 45. Ровинскій, стр. 323. 46. Тамъ же, введеніе стр. 213. 47. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1761, № 90. 48. Тамъ же, 1783, № 73. 49. Тамъ же, 1784, ст. 55. 50. Тамъ же, 1784, ст. 225. 51. Тамъ же, 1784, ст. 271. 52. «Каталогъ Елисаветинской выставки», вып. XV, ст. 20—21. 53. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1784, № 41, ст. 375. 54. Тамъ же, 1766, № 71. 55. Тамъ же, 1768, № 83. 56. Тамъ же, 1784, № 48; Тамъ же, 1789, ст. 20. 57. Тамъ же, 1784, ст. 553. 58. Тамъ же, 1784, ст. 115. 59. Тамъ же, 1784, ст. 801. 60. Тамъ же, 1770, № 46. 61. Тамъ же, 1780, № 49. 62. Тамъ же, 1780, № 57, ст. 532. 63. Тамъ же, 1784, ст. 331. 64. Тамъ же, 1784, № 41. 65. Тамъ же, 1786, ст. 956; 1789, ст. 20. 66. Ровинскій, ст. 35: невѣрно указана цѣна — 30 коп. 67. «Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости», 1777, ст. 151—154. 68. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1760, № 8. 69. Тамъ же, 1761, № 52. 70. Тамъ же, 1761, № 84. 71. Тамъ же, 1763, № 17. 72. Тамъ же, 1765, № 78. 73. Тамъ же, 1766, № 98. 74. Тамъ же, 1766, № 20. 75. Тамъ же, 1771, № 13. 76. Тамъ же, 1767, № 3; 1768, № 2; 1769, № 6. 77. Тамъ же, 1769, № 104. 78. Тамъ же, 1767, № 3. 79. Тамъ же, 1768, № 2. 80. Тамъ же, 1769, № 104. 81. Тамъ же, 1767, № 31. 82. Тамъ же, 1771, № 137. 83. Тамъ же, 1767, № 31. 84. Тамъ же, 1794, ст. 1225. 85. Тамъ же, 1768, № 2. 86. Тамъ же, 1771, № 13. 87. Тамъ же, 1769, № 60. 88. Тамъ же, 1770, № 21. 89. Тамъ же, 1770, № 12. 90. Тамъ же, 1771, № 60. 91. Тамъ же, 1791, № 16, ст. 267. 92. Тамъ же, 1779, № 20, ст. 276. 93. «Экономическій Магазинъ», 1780, ч. I, изданіе 1-ое, стр. 130 и сл. 94. «Пріятное и Полезное», ч. II, ст. 244 и сл. 95. «Ежемѣсячныя сочиненія», ч. XIII, ст. 479. 96. См. «Экономическій Магазинъ», ч. I, стр. 347; ч. II, стр. 25, 241; ч. VII, ст. 182; ч. X, ст. 325; ч. XV, ст. 220; ч. XVIII, ст. 369; ч. XXII, ст. 331, 353, 385, 394; ч. XXII 220; ч. XXIV, ст. 58; ч. XXVIII, ст. 186; ч. XXXIII, ст. 241. 97. «Магазинъ Общеполезныхъ знаній», ч. II, ст. 137. 98. «Экономическій Магазинъ» ч. I, ст. 330. 99. «Библіотека ученая и полезная», ч. XVII, ст. 410. 100. Тамъ же, ч. I, стр. 84. 101. «Экономическій Магазинъ», ч. XXIX, ст. 240. 102. Тамъ же, ч. XII, 222. 103. Тамъ же, ч. XI, ст. 63. 104. Тамъ же, ч. VII, ст. 82. 105. Тамъ же, ч. XVIII, ст. 186. 106. Тамъ же, ч. XXIII, ст. 81. 107. Тамъ же, ч. XIV, ст. 167. 108. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1779, № 84, ст. 1262.



ХРОНИКА

ХУДЖАБСКІЙ МОНАСТЫРЬ НА КАВКАЗѢ.

Цѣлью этой своей замѣтки я поставилъ ознакомить, насколько это мнѣ удастся, читателей «Старыхъ Годовъ» съ однимъ изъ памятниковъ кавказской старины, которому до нѣкоторой степени угрожаетъ, если не уничтоженіе, то, во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятное видоизмѣненіе, и сохранить его хотя бы въ изображеніи на страницахъ этого журнала, въ томъ видѣ, въ какомъ сохранили его намъ вѣка и искусство прежнихъ зодчихъ.

Памятникъ этотъ, такъ называемый Худжабскій монастырь, находится въ Борчалинскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи, близъ селенія Худжабъ, на землѣ, принадлежащей князю Меликову, въ горахъ, среди густого буковаго лѣса. Неизвѣстно, селеніе ли Худжабъ получило имя отъ когда то бывшаго здѣсь монастыря или монастырь названъ по имени селенія, нѣтъ даже свѣдѣній о томъ, кѣмъ построенъ этотъ монастырь и былъ ли онъ грузинскій или армянскій, но несомнѣнно только, что здѣсь дѣйствительно была обитель христіанъ и обитель XIII вѣка. Еще три года тому назадъ здѣсь стояли два полуразрушенныхъ храма, которыми окрестные жители-татары пользовались для загона скота въ полуденный зной. Одинъ изъ этихъ храмовъ небольшой, простой четырехугольной формы, изъ штучнаго крупнаго камня; отъ него сохранились только стѣны. Другой же величественный по размѣру и дивный по архитектурѣ, сдѣланный изъ того же матеріала, сохранился до нашего времени въ такомъ состояніи, что легко себѣ представить его первоначальный видъ. Не только всѣ стѣны съ архитектурными линіями, но даже своды и большая часть орнамента пощажены временемъ. Только отсутствуютъ крыши и покрытіе купола съ крестомъ, на мѣстѣ которыхъ теперь обильная заросль травы и деревьевъ. Храмъ этотъ въ фунда-

ментѣ имѣетъ форму креста; особенно красиво основаніе купола, представляющее собою узкія длинныя окна, обрамленныя еще хорошо сохранившейся лѣпкою въ восточномъ стилѣ и колонками, завершающимися арками. Стѣны храма совершенно гладкія, съ окнами въ такомъ же стилѣ, какъ и въ основаніи купола, и съ углубленіями. Оба эти храма стояли въ дикой горной мѣстности совершенно одинокими, вокругъ нихъ не сохранилось никакихъ остатковъ жилья и, такъ какъ занимаемая ими площадь слишкомъ мала и неудобна для значительнаго поселенія, нуждающагося въ двухъ церквахъ, а храмы расположены почти рядомъ, то надо полагать, что здѣсь дѣйствительно былъ монастырь.

Естественно, эти памятники христіанства не могли остаться заброшенными въ православной Россіи и нашелся человѣкъ, обратившій на нихъ не только свое вниманіе, но и вниманіе духовныхъ и свѣтскихъ властей. Человѣкъ этотъ не историкъ или археологъ, но простая русская монахиня одного изъ сосѣднихъ монастырей, мать Иннокентія. Эта достойная женщина, тяжко заболѣвъ, дала обѣтъ, въ случаѣ своего выздоровленія, поселиться при развалинахъ и посвятить свою жизнь охранѣ ихъ отъ дальнѣйшаго оскверненія. Ни силы природы, ни угрозы мѣстныхъ мусульманъ не могли заставить ее отказаться отъ предпринятаго подвига. Долгое время жила мать Иннокентія въ совершенномъ одиночествѣ, но поистинѣ святая жизнь ея снискала ей уваженіе даже иновѣрцевъ, добровольно мало по малу пере-

Худжабскій монастырь на Кавказѣ. Le cloitr de Houdjab au Caucase.

ставшихъ пользоваться развалинами для загона скота, а затѣмъ и помогавшихъ ей очистить храмы отъ сора. Молва о матери Иннокентіи привлекла къ ней послѣдовательницъ, основавшихъ на мѣстѣ Худжабскаго монастыря православную русскую обитель — Иверскую пустынь. Обитель эта, владѣющая только двумя десятинами земли, данной ей княземъ Меликовымъ, существуетъ исключительно трудами сестеръ и удивительной энергіей своей настоятельницы. Собравъ кое какія суммы, онѣ приспособили для богослуженія меньшій изъ старинныхъ храмовъ, который въ 1910 г. былъ освященъ во имя Св. Нины. Конечно, при этомъ не могло быть и рѣчи о возстановленіи прежней архитектуры передѣланнаго храма, а, естественно, все стремленіе было направлено къ тому, чтобы возможно скорѣе и съ меньшими затратами сдѣлать храмъ годнымъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей вновь возникшей обители. Въ настоящее же время Иверская пустынь озабочена возстановленіемъ и большого храма, и мысль эта встрѣтила полное сочувствіе Синода и мѣстныхъ властей. Недалеко, слѣдовательно, то время, когда снова засіяетъ крестъ на куполѣ Худжабскаго храма и покажетъ окрестнымъ иновѣрцамъ, что православные цѣнятъ и хранятъ свою святыню, но далеко еще неизвѣстно, докажутъ ли реставраторы, что они также уважаютъ и берегутъ памятники старины. Весьма вѣроятно, что ограниченность средствъ не дастъ возможность Святѣйшему Синоду отпустить полностью всю сумму, нужную для возстановленія въ первоначальномъ видѣ этого памятника; ремонта же его въ цѣляхъ только предотвратить дальнѣйшее разрушеніе и съ сохраненіемъ всѣхъ архитектурныхъ особенностей, какъ онѣ остались до сихъ поръ, едва ли можно требовать отъ духовныхъ властей, такъ какъ цѣль ихъ иная.

Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что въ скоромъ времени исчезнетъ еще одинъ памятникъ древняго зодчества, если не придутъ на помощь духовнымъ властямъ общество и организаціи, поставившія своею цѣлью на дѣлѣ, а не на словахъ, хранить старину.

В. Пигаревъ.

ВѢСТИ ЗА МѢСЯЦЪ.

Спѣшимъ сообщить радостное извѣстіе о послѣдовавшемъ на дняхъ новомъ обогащеніи Русскаго Музея Императора Александра III очень драгоцѣннымъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія, даромъ Государя Императора: на Высочайше пожалованныя средства за 300.000 рублей пріобрѣтено для Музея извѣстное собраніе нашего выдающагося ученаго Н. П. Лихачева, состоящее изъ болѣе 1.000 иконъ и иныхъ церковныхъ предметовъ. Значительность этого приращенія Музейныхъ сокровищъ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Предметы собранія уже переведены въ Музей и временно располагаются въ Бѣлоколонномъ залѣ. Въ слѣдующемъ выпускѣ мы дадимъ болѣе подробныя свѣдѣнія о составѣ этого великолѣпнаго собранія.

Вышедшій «Отчетъ о дѣятельности Общества Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины за 1912 г.» наглядно говоритъ о разнообразіи и плодотворности этой дѣятельности. У насъ своевременно сообщалось объ устроенныхъ Обществомъ докладахъ, выставкахъ, спектакляхъ, давшихъ въ его пользу 1298 р. 91 к. чистаго дохода, о прямо выдающихся реставраціонныхъ и регистраціонныхъ опытахъ (реставрація Батуринскаго дворца, Ѳерапонтова монастыря, иниціатива по реставраціи Василія Блаженнаго, изслѣдованіе дворца въ Ляличахъ, регистрація памятниковъ въ Гдовскомъ и Ладожскомъ уѣздахъ и пр.). Помѣщенная въ отчетѣ, представленная В. А. Верещагинымъ въ коммисію при Государственной Думѣ записка Общества по поводу внесеннаго въ Думу правительственнаго законопроекта охраны старины весьма основательно выясняетъ негодность этого законопроекта. Обществомъ оказывалось содѣйствіе различнымъ учрежденіямъ и лицамъ въ ихъ ходатайствахъ о поддержкѣ и сохраненіи памятниковъ. Такъ, Псковское археологическое общество получило ассигнованіе на ремонтъ древнихъ воротъ XV и XVI вв. во Псковѣ, Приморская жел. дорога выразила согласіе на приведеніе въ надлежащій видъ упраздненной церкви на Лисьемъ Носу, пріобрѣтенъ и будетъ реставрированъ курскимъ дворянствомъ домъ князей Ромодановскихъ XVI в. въ Курскѣ, Таврическій садъ сохраненъ отъ застроекъ, заявлено ходатайство о сохраненіи дома Управленія Удѣловъ (арх. Адамини) и его украшеній въ случаѣ перестройки. Кромѣ Тульскаго отдѣла, весьма энергично работающаго, Обществомъ организованъ еще отдѣлъ въ Ярославлѣ. Весьма любопытны отдѣльные отчеты о дѣятельности коммисій Общества и о доходахъ и расходахъ его суммъ. Является только спорнымъ въ отчетѣ о дѣятельности коммисіи по регистраціи памятниковъ утвержденіе, что регистрація — одинъ изъ методовъ охраны. Возможное, благодаря ей, воспроизведеніе памятника въ любой будущій моментъ, во всякомъ случаѣ, не есть охрана подлиннаго живого памятника, а именно только воспроизведеніе умершаго. Доходъ Общества выразился въ суммѣ 32.478 р. 50 к. расходъ — 18.436 р. 50 к. Такимъ образомъ наличность кассы на 1 января 1913 г. — 13.942 р. Принимая во вниманіе недавнее существованіе Общества и бѣдность нашихъ художественныхъ обществъ вообще, надо радоваться и такой скромной суммѣ. Осуществленіе

дѣйствительно цѣлесообразнаго правительственнаго законопроекта охраны старины повидимому отложено въ долгій ящикъ (кстати, не пора ли наконецъ новой Государственной Думѣ приступить къ разсмотрѣнію внесеннаго?), дѣятельность существующихъ оффиціальныхъ учрежденій носитъ слишкомъ бюрократическій характеръ. Остается пока пожелать, чтобы возможно большій просторъ предоставлялся несомнѣнно энергичной дѣятельности такихъ частныхъ организацій, какъ Общество Защиты, а, главное, чтобы какъ можно больше росли столь необходимыя здѣсь матеріальныя средства.

По слухамъ вопросъ о реставраціи Троицкаго собора рѣшенъ отрицательно. Предположено изыскать средства для постройки новаго большого храма. Мы высказывались совершенно опредѣленно по этому вопросу. Нельзя отрицать художественный интересъ обгорѣвшаго памятника старины. Драгоцѣнность его, какъ исторической святыни, опредѣленнаго мѣста, связаннаго съ личностью Петра и напоминающаго о ней, несомнѣнна. Несомнѣнна и возможность полной реставраціи и даже полнаго сохраненія отдѣльныхъ уцѣлѣвшихъ частей. Словомъ, рядъ положительныхъ сторонъ, помимо относительной скромности матеріальныхъ затратъ, говоритъ за реставрацію. Между тѣмъ, художественность новаго храма весьма гадательна, особенно принимая во вниманіе печальные прецеденты — столичные крупные храмы послѣднихъ десятилѣтій. А главное, какимъ бы ни былъ новый храмъ, съ уничтоженіемъ стараго пропадетъ старинный еще сохранившійся, оригинальный характеръ всего мѣста.

Застроенная казачьими казармами «Кленовая аллея», какъ извѣстно, давно уже судомъ признана принадлежащей городу, но постановленіе суда до сихъ поръ не исполнялось. Въ настоящее время военное вѣдомство принципіально соглашается открыть Кленовую аллею въ ознаменованіе 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ, подъ условіемъ перенесенія казармъ въ другое мѣсто. Но градоначальникъ находитъ это перенесеніе осуществимымъ не ранѣе 2 — 3 лѣтъ. Примѣръ, съ какими затрудненіями возможно возстановленіе старины даже при законной неотъемлемости права на это возстановленіе.

Снова, несмотря на сильные въ свое время протесты даже Академіи Художествъ, возникъ вопросъ о засыпкѣ Лебяжьяго канала. Докладъ о ней внесенъ городской управой въ думу. Допустимъ, что расширеніе проѣзда здѣсь необходимо. Но неужели не проще, вмѣсто изуродованія столь именно здѣсь уцѣлѣвшаго характера старины отвести часть отвратительно содержимаго и давно уже изуродованнаго Марсова поля?

Не разъ уже говорилось и писалось о плачевномъ состояніи (и нынѣ все томъ же, по словамъ «Новаго Времени») памятника нашего прекраснаго скульптора М. И. Козловскаго на Смоленскомъ кладбищѣ. Прямая обязанность Академіи Художествъ привести наконецъ въ порядокъ могилу своего знаменитаго профессора.

Академіей предположено устроить выставку работъ по обмѣру и зарисовыванію нашихъ памятниковъ старины, которыя произведены командировавшимися ею учениками. Работъ этихъ нако-

пилось очень много, и конечно общая картина ихъ можетъ быть внушительна въ смыслѣ ознакомленія со стариной, независимо отъ исполненія. По новымъ правиламъ, архитектора пенсіонеры Академіи обязаны представлять работы по изученію европейской старины (напр. снимки со зданій эпохи Возрожденія), которыя должны быть достойными помѣщенія въ музеяхъ или въ классахъ въ качествѣ оригиналовъ.

Въ нижнихъ залахъ Академіи идутъ работы по устройству музея, гдѣ будутъ помѣщены памятный отдѣлъ академіи и картины иностранныхъ мастеровъ, частью хранившіяся въ кладовыхъ.

Лекціи въ институтѣ Исторіи искусствъ графа В. П. Зубова, возобновятся въ октябрѣ и предположены платными (въ пользу «Общества Защиты»). Курсъ, прочитанный въ минувшемъ году барономъ Врангелемъ, выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ русскомъ отдѣлѣ на исторической выставкѣ въ Бреславлѣ выставлены мундиры 1812 г., оружіе, портреты, гравюры и пр. Комиссаромъ отдѣла состоитъ ген. Д. П. Струковъ, а представителемъ Академіи Художествъ Ѳ. Г. Беренштамъ.

Въ Москвѣ состоялся археологическій съѣздъ Московскаго археологическаго института въ честь 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ, съ участіемъ многихъ провинціальныхъ членовъ института. Работали три секціи: русской исторіи, археологіи и дипломатики. Въ одномъ изъ докладовъ было сообщено объ усадьбѣ Суханово (кн. Волконскихъ), гдѣ еще сохранилась не только архитектура дома, но и внутреннее убранство и обстановка. Въ рѣчи директора института А. И. Успенскаго было сообщено объ открытіи отдѣленій института въ Калугѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ и Ярославлѣ. Но надо отмѣтить, что калужскій отдѣлъ, просуществовавъ года два, уже не функціонируетъ. При съѣздѣ была устроена выставка, гдѣ особенно обращали на себя вниманіе предметы изъ коллекціи кн. С. Д. Горчакова (серебро, Евангеліе 1301 г. на пергаментѣ и др.).

Состоялась также на Міусской площади закладка новаго зданія Московскаго археологическаго института имени Императора Николая II. Земельный участокъ для постройки отведенъ безвозмездно городомъ. При институтѣ будутъ устроены музей, церковь и архивъ.

Предположено открыть отдѣлъ Института въ Римѣ для изученія классическихъ древностей и ознакомленія иностранцевъ съ русскимъ искусствомъ.

Исполнилась годовщина со дня открытія въ Москвѣ музея имени Императора Александра III. Въ настоящее время въ музеѣ три отдѣла: отдѣлъ Востока, отдѣлъ древнегреческаго и римскаго искусства и отдѣлъ христіанскаго искусства. На очереди открытіе зала для подлинниковъ христіанскаго восточнаго искусства и собранія М. С. Щекина (итальянскіе примитивы и итало-критскія иконы), а также для предметовъ искусства XVII и XVIII вв. (рисунки и миніатюры, бронза). Музей все время пополняется. Такъ, поступила коллекція древняго оружія изъ раскопокъ на югѣ Россіи, собраніе французской бронзы XVIII и XIX ст., библіотека К. А. Губастова. Въ настоящее время въ музеѣ до 7.500 предметовъ.

ВЪ РумянцевскомЪ музеѢ сдѢланЪ опытЪ реставраціи картинЪ сухими спиртными парами по принятому уже за границей способу М. Петтенкофера. Достоинство способа вЪ сохраненіи лессировокЪ.

ИдетЪ реставрація Сухаревой башни, которая сверху до низу покрыта лѢсами.

Закрывшуюся вЪ МосквѢ выставку древне-русскаго искусства посѢтило нѢсколько болѢе 8.000 человѢкЪ. Цифра очень скромная, принимая во вниманіе выдающійся интересЪ выставки и продолжительность ея открытія.

ВЪ запискѢ Общества Защиты, представленной вЪ коммисію при Государственной ДумѢ (см. отчетЪ Общества) констатировано, какЪ мало отвѢчаетЪ истинѢ мнѢніе Св. Синода, что лучшими охранителями церковной старины являются епархіальныя учрежденія. НаоборотЪ, именно здѢсь «безчисленны примѢры самаго невѢжественнаго пренебреженія и вандализмовЪ» (одинЪ изЪ почти невѢроятныхЪ — храмЪ Василія Блаженнаго). ВотЪ нѢсколько свѢжихЪ примѢровЪ, частью сообщаемыхЪ газетой «Русское слово». Монахи Ипатьевскаго монастыря рѢшили снова задѢлать арку его замѢчательной колокольни, открытую завѢдывавшимЪ послѢдней реставраціей архитекторомЪ МилѢевымЪ. Единственный мотивЪ будтобы, что публика будетЪ «останавливаться», подЪ аркой. ВЪ РостовскомЪ КремлѢ, несмотря на послѢднія поновленія, такЪ и не уничтожены склады разныхЪ торговцевЪ сЪ ихЪ вывѢсками подЪ старинными храмами. ВЪ КалугѢ передѢлывается соборЪ, весьма характерная постройка самаго начала XIX в. (оконченЪ вЪ 1819 г.) сЪ замѢчательнымЪ по размѢрамЪ куполомЪ (6 саж. вЪ діам.), на что Св. СинодомЪ отпущена крупная сумма. ПередѢланЪ переходЪ, соединяющій колокольню сЪ соборомЪ, устраивается подвальное помѢщеніе, новое отопленіе и старинный чугунный полЪ, пожертвованный при постройкѢ ДемидовымЪ, замѢняется.... метлахтскими плитками.

ВЪ КостромѢ состоялось освященіе реставрированнаго Троицкаго собора вЪ ИпатьевскомЪ монастырѢ и новаго Романовскаго музея, гдѢ собраны коллекціи костюмовЪ, оружія, монетЪ, картинЪ и пр.

ВЪ корреспонденціи газеты «РѢчь» сообщено, что дворецЪ вЪ ЛяличахЪ уже пріобрѢтенЪ мѢстнымЪ епископомЪ. Изыскиваются средства для превращенія его вЪ учительскую семинарію и пріютЪ.

ВЪ КіевѢ состоялось годовое собраніе членовЪ Кіевскаго общества охраны памятниковЪ старины и искусствЪ. БылЪ заслушанЪ рядЪ докладовЪ, вЪ томЪ числѢ докладЪ распорядительнаго комитета о дѢятельности общества за 1912 г. ПоднятЪ вопросЪ обЪ охранѢ ЗолотыхЪ воротЪ, фресокЪ, мозаики и мраморовЪ Софійскаго собора. СоставленЪ проектЪ организаціи архивной коммисіи, спеціальнаго архива, куда будутЪ поступать наиболѢе интересныя дѢла юго-западнаго края. НамѢчено открытіе отдѢловЪ Общества вЪ Минской губ. и г. Умани.

ВЪ церкви села Алмазова (Богородскаго уѢзда) найдена картина Рождества Богородицы, будто бы, кисти Корреджо. — А. Р-вЪ.

СВѢДѢНІЯ ИЗЪ ЗА ГРАНИЦЫ.

Во Флоренціи учреждается новый музей — «Музей Данте» въ древнемъ палаццо «Arte della Lana», возстановляемомъ спеціально для этой цѣли архитекторомъ Лузини. Въ нижнемъ этажѣ зданія открыты двѣ большія фрески, изъ которыхъ одна изображаетъ турниръ, вѣроятно, тотъ, который былъ данъ въ 1406 г. въ честь завоеванія Пизы. Съ балконовъ смотрятъ на сражающихся дѣвушки и женщины. На другой фрескѣ изображенъ неизвѣстный папа на тронѣ съ предстоящими. Съ террасы музея открывается очаровательный видъ на многочисленныя башни города.

Въ Вейяхъ произведены большія раскопки, при которыхъ открыто 20 могилъ, относящихся частью къ IX в. до Р. Х., а также маленькій театръ въ акрополѣ этрускаго пра-города въ замѣчательно сохранившемся видѣ.

Общество «Друзей Версаля» открываетъ надняхъ въ Большомъ Тріанонѣ новую галерею картинъ, неизвѣстныхъ еще до сихъ поръ публикѣ. Главный хранитель Версаля Пьеръ де Нолакъ собираетъ здѣсь 24 великолѣпныхъ холста работы Жана Котеля, изображающихъ фонтаны и боскеты садовъ замка, разбитыхъ знаменитымъ Ле Нотромъ, въ томъ видѣ, какъ они существовали при королѣ-Солнцѣ. Эти картины представляютъ теперь особенный интересъ, ввиду только что исполнившагося трехсотлѣтія со дня рожденія великаго мастера французскаго садоваго ландшафта.

Близъ Валькобреры, на мѣстѣ древняго города Lugdunum Convenarum, найдена статуетка бѣлаго мрамора, изображающая Венеру или Кибелу въ сидячемъ положеніи. Голова и руки у статуетки отсутствуютъ.

4/17 мая торжественно открытъ въ Вюрцбургѣ принцемъ-регентомъ Людвигомъ франконскій музей имени покойнаго Луитпольда, предназначенный для достопримѣчательностей Нижней Франконіи и прилегающихъ къ ней областей. Интересны пластическое и керамическое отдѣленія.

Въ послѣднее время графическое отдѣленіе музея въ Лейпцигѣ приведено въ полный порядокъ: изданы каталоги, открыты залы для занятій, приведены въ порядокъ папки знаменитаго Дѣрієнскаго собранія (нѣмецкіе мастера XV — XVII вв., итальянцы, французы, голландцы, фламандцы). Сдѣланы кое какія новыя пріобрѣтенія.

Интересное открытіе произведено недавно въ Эйзенахѣ главнымъ сенешалемъ знаменитаго Вартбурга г-номъ Кранахомъ. Ему посчастливилось разыскать неизвѣстный портретъ Мартина Лютера, написанный около 1540 г. великимъ предкомъ сенешаля Лукасомъ Кранахомъ Младшимъ. Портретъ имѣетъ подпись этого художника, отлично сохранился и принадлежитъ, по мнѣнію знатоковъ, къ лучшимъ изображеніямъ Лютера.

Въ Петтау (Штирія) извлечены изъ Дравы великолѣпные римскіе камни, остатки моста, и тамъ же найденъ обломокъ рельефа, изображающій бога рѣки и относящійся ко времени Марка Аврелія или Септимія Севера.

Городъ Гаарлемъ открылъ 1/14 мая въ помѣщеніи церковной богадѣльни, воздвигнутой въ 1608 г., новый музей имени Франса Хальса. Здѣсь собраны великолѣпные холсты самого Хальса, Рейсдаля, Стеена, Броуера и др. замѣчательныхъ мастеровъ голландской школы, прежде помѣщавшіяся въ одномъ изъ крыльевъ городской ратуши.

Лордъ Браунло пожертвовалъ лондонской Національной Галереѣ триптихъ «Распятіе», приписываемый «Мастеру изъ Дельфта».

Въ Лондонѣ, въ галереѣ Агнью открылась выставка акварелей Тернера, обнимающая пейзажи великаго мастера, написанные имъ въ разныхъ странахъ Европы.

Въ Рокбурнѣ (Хэмпшайръ) произведены раскопки, открывшія остатки древней усадьбы, огороженной рвомъ и валомъ, съ многочисленными предметами домашней утвари, въ томъ числѣ такъ называемой «нью-форрестской» урной, а также монетами временъ императоровъ отъ Галена до Константина. Кромѣ того, тамъ же открыто много интересныхъ предметовъ бронзоваго вѣка.

Музей Фитцвилльяма въ Кембриджѣ получилъ въ даръ отъ коллекціонера мистера Клау 80 рисунковъ старыхъ мастеровъ, и среди нихъ листы Рафаэля, Микеланджело, Корреджо, Козимо Россели, Лоренцо Лотто, Пуссэна и Клода Лоррэна.

Ново-открытое отдѣленіе общества «Centro des estudios historicos», для составленія подъ руководствомъ дона Эвіаса Тормо подробнаго біографическаго словаря всѣхъ испанскихъ художниковъ, обращается къ иностраннымъ изслѣдователямъ за содѣйствіемъ въ осуществленіи предпринятой имъ работы, прося сообщать свѣдѣнія объ испанскихъ и работавшихъ въ Испаніи художникахъ всѣхъ временъ.

Въ маѣ общество «Мадридскихъ друзей искусства» устроило выставку произведеній испанскихъ мастеровъ конца XVIII в. и начала XIX в.: Гойи, Эскивеля, Аленца, Гутьереса де ла Вега, Рибелеса, Переса Рубіо.

Знаменитыя картины старыхъ мастеровъ нидерландской школы въ обоихъ большихъ реликваріяхъ капеллы «De los Reyes» каѳедральнаго собора въ Гренадѣ, которыя прежде были доступны обозрѣнію лишь три дня въ году, теперь перенесенныя въ примыкающій къ капеллѣ музей «Lonja» присоединены къ картинамъ нидерландской школы въ галереѣ.

Недавно художникъ Игнасіо Сулоага открылъ подписку для реставраціи въ городѣ Фуэндетодосѣ (Арагонія) дома, гдѣ родился Гойя, на которомъ недавно, благодаря хлопотамъ иниціатора же подписки, укрѣплена памятная доска.

Б. Мосоловъ.

ПИСЬМО ИЗЪ БЕРЛИНА.

Въ картинной галлереѣ Музея Императора Фридриха выставлены пріобрѣтенныя за послѣднее время картины, но такъ какъ музей, къ сожалѣнію, не располагаетъ заломъ для выставки новыхъ пріобрѣтеній, то новыя картины размѣщены среди старыхъ.

Въ залѣ италіанскихъ примитивовъ помѣщенъ профильный портретъ молодой женщины, приписываемый Филиппо Липпи. Портретъ отличается большой тонкостью живописи и при сравненіи его съ имѣющейся въ музеѣ мадонной Липпи не можетъ быть сомнѣнія, что именно онъ является авторомъ портрета. Картина помѣщена напротивъ прекраснаго женскаго портрета Доменико Венеціано, представителя слѣдующей ступени въ развитіи италіанской портретной живописи. Въ маленькомъ мрачномъ кабинетѣ, рядомъ съ заломъ Рубенса, помѣщенъ пріобрѣтенный недавно ландшафтъ со св. Христофоромъ работы Эльсхеймера. Картина небольшихъ размѣровъ, но всетаки крупная въ сравненіи съ другими работами Эльсхеймера въ этомъ же залѣ. Несмотря на миніатюрные пріемы живописи, эта картина, благодаря свѣтлому колориту, производитъ впечатлѣніе современнаго произведенія. Уже очень полный голландскій отдѣлъ музея обогатился еще нѣсколькими характерными картинами художниковъ перваго десятилѣтія XVI в., которые либо совсѣмъ отсутствовали, либо были представлены незначительными произведеніями.

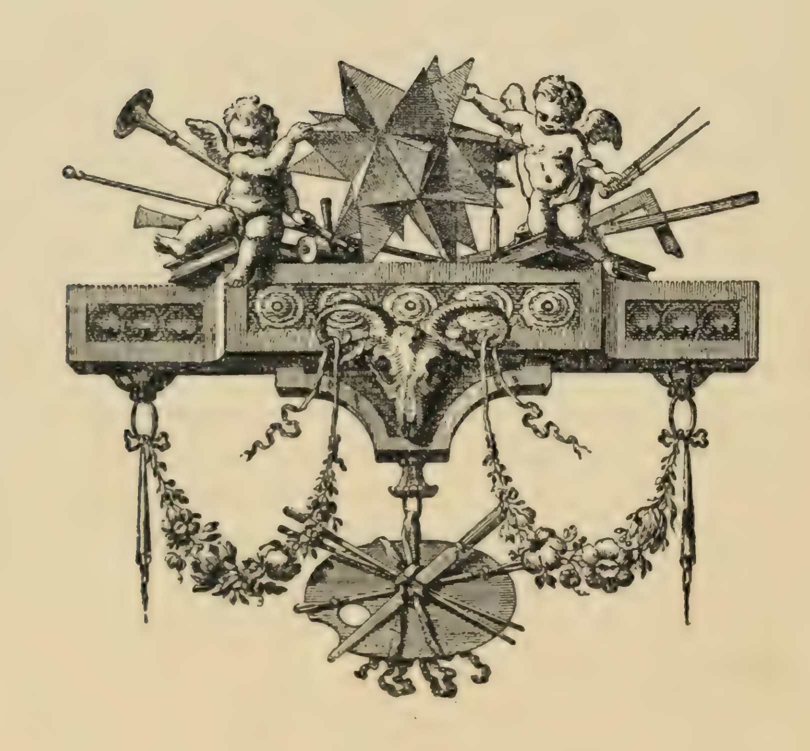
Среди новыхъ пріобрѣтеній слѣдуетъ назвать «Св. Іеронима», исполненнаго въ 1520 году неизвѣстнымъ бельгійскимъ художникомъ, «Распятіе», раннюю работу Б. ванъ Орлей, и «Крещеніе Христа» М. ванъ Хемскерка, напоминающее работы Скореля. Въ залѣ «Джованнино» помѣщена алтарная картина А. дель Сарто и женскій портретъ работы Софонисбы Ангвссола. Портретъ этотъ, изображающій знатную венеціанку, по своимъ художественнымъ качествамъ не уступаетъ портретамъ А. Бронзино, Франчабиджо и другихъ. До сихъ поръ слабо представленная Перуджанская школа пополнилась пріобрѣтеніемъ прекрасной картины, ранней работы Пинтурикkіо: на ней изображена мадонна со св. Іеронимомъ. Послѣднее пріобрѣтеніе музея, картина Конрада Витцъ, пока еще не выставлена. Отдѣлъ произведеній христіанской эпохи обогатился принесенной въ даръ угловой частью древневизантійскаго карниза IV или V в. и пьедесталомъ колонны въ видѣ льва съ человѣческой фигурой въ пасти южно-италіанской работы XIII вѣка.

Въ Данцигскомъ городскомъ музеѣ г. Габихъ открылъ въ одной изъ витринъ художественно-промышленнаго отдѣла неизвѣстный до сихъ поръ портретъ работы Хольбейна. Это миніатюра, исполненная темперой на кругломъ кускѣ бумаги, какъ это часто дѣлалъ Хольбейнъ. На синемъ фонѣ написанъ поясной портретъ мужчины въ черномъ шелковомъ одѣяніи и съ черной бархатной шапкой на головѣ. Воротникъ и рукава вышитой бѣлой сорочки и кожаныя перчатки въ украшенной кольцами рукѣ — единственные свѣтлые тона миніатюры, написанной въ 1543 г. — въ годъ смерти художника. От-

сутствіе яркихъ тоновъ характерно для періода полнаго развитія таланта Хольбейна.

Въ Гамбургскомъ музеѣ искусства и промышленности открыта выставка часовъ коллекціи мѣстнаго адвоката Фейля. Эта коллекція — одна изъ самыхъ полныхъ и цѣнныхъ изъ всѣхъ существующихъ. Она содержитъ около 500, по большей части безукоризненныхъ, настольныхъ, стѣнныхъ и карманныхъ часовъ всѣхъ временъ, конструкцій и стилей, отъ начала развитія техники до половины XIX в. Здѣсь, между прочимъ, есть очень старинные шварцвальдскіе часы, исполненные почти исключительно изъ дерева. Среди настольныхъ часовъ выдѣляется украшенный интарсіей изъ олова экземпляръ южногерманскаго производства конца XVII в. Трое бронзовыхъ, богато украшенныхъ часовъ поздней эпохи Возрожденія, со сложнымъ астрономическимъ механизмомъ, чрезвычайно тонко исполненные куранты мастерской Causvoisier въ Парижѣ, но особенно исполненные около 1600 г. Христофоромъ Пфлейгомъ въ Ульмѣ часы съ календаремъ, принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ собранія Фейля.

W. Norbert.



Продававшееся въ Парижѣ послѣ покойнаго довольно извѣстнаго ліонскаго коллекціонера г-на Châtel собраніе не заключало въ себѣ лучшихъ предметовъ, входившихъ когда то въ его составъ. Владѣлецъ разстался съ ними еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, желая воспользоваться огромнымъ приростомъ ихъ денежной стоимости по сравненію съ цѣнами, за которыя они были куплены четверть вѣка тому назадъ. Сейчасъ дороже прочаго пошли: половина парижской шпалеры начала XVII вѣка «Авраамъ въ пустынѣ», обрамленной очень красивымъ бордюромъ (9.300 фр. при оцѣнкѣ 3.000 фр.) и краснаго дерева комодъ формы demi-lune временъ Людовика XVI (9.000 фр.).

На небольшой распродажѣ появился мраморный бюстъ принца Генриха Прусскаго съ подписью Гудона и датою 1785 г., хранившійся въ замкѣ Bardouville близъ Руана. Полагаютъ, что это тотъ самый бюстъ, который былъ заказанъ прусскимъ королемъ за 2.400 ливровъ, выставленъ въ салонѣ 1787 г. и затѣмъ исчезъ изъ вида. Газеты передъ распродажей заявляли, что самымъ подходящимъ мѣстомъ для такой вещи были бы коллекціи германскаго императора. Бюстъ проданъ за 75.000 фр. Въ 1798 г. на аукціонѣ мастерской Гудона терракоттовое изображеніе принца Генриха принесло 11 франковъ!

Г. Шерами, уже распродавшій въ 1908 г. многое изъ своего собранія, опять устроилъ аукціонъ, гдѣ наиболѣе замѣчательнымъ былъ рядъ Делакруа, шедшихъ по цѣнѣ отъ 5 до 25 тысячъ фр. Реплика Леонардовской «Мадонны со скалами», бывшая у Друо въ 1908 г. и купленная тогда самимъ же Шерами за 78.000 фр., а теперь оцѣненная въ 20.000 фр., досталась кому то за 4.100 фр., не достигнувъ, такимъ образомъ, даже 6.300 фр., данныхъ за нее въ 1897 году на аукціонѣ Plessis-Bellière. Копію мадонны Липпи пріобрѣли за 7.200 франковъ.

Совершенно неожиданно скончался E. Kraemer, парижскій антикваръ, спеціализировавшійся главнымъ образомъ на XVIII вѣкѣ. Черезъ его руки прошло безчисленное множество шедевровъ. Оставшійся послѣ него товаръ, представляющій драгоцѣнную коллекцію, постепенно теперь распродается. Въ галереѣ Пти состоялись три распродажи; четвертая предполагается въ декабрѣ. Нельзя не отмѣтить, что цѣны были вовсе не такъ высоки, какъ можно было ожидать и опускались очень часто ниже оцѣнки. Напримѣръ, цѣны за Ватто: «Качели» (129.000 фр.), «Возвращеніе изъ похода» — сцена съ многочисленными персонажами, крестьянами и солдатами (24.000 фр. при оцѣнкѣ въ 30.000 фр.) и «La musette», общество въ паркѣ, веселящееся подъ звуки волынки (42.600 фр. при оцѣнкѣ въ 50.000 фр.), поражали скромностью, — не безпричинною, конечно. «Le lever», Фрагонара (на кровати съ синимъ бархатнымъ покрываломъ двѣ женщины — одна лежитъ, другая стоитъ, поднявъ рубашку — и подлѣ нихъ двѣ собачки) хорошо знакомо по выставкѣ работъ этого мастера 1907 г. (87.000 фр. при оцѣнкѣ въ 100.000 фр.). Его же аллегоріи «Ночь» и «День» въ видѣ дѣтей, вмѣсто ожидавшихся 80.000 фр., дали всего 58.100 фр. «La gimblette» —

молодая женщина, лежа въ кровати, поднимаетъ ногами собачку — сюжетъ, который Фрагонаръ неоднократно повторялъ, принесла всего 15.000 фр. Фрагонаровскія «Прачки» дали 18.000 фр., «Свиданіе Дѣвы Маріи со св. Елисаветой» — 19.000 фр. Правда, послѣднія двѣ картины въ 1883 г. куплены были всего за 260 и 520 фр. Зато очень успѣшно прошли 4 панно изъ стариннаго отеля на rue de l'Université: «Пастушка», «Садовникъ», «Сборщица винограда» и «Сѣятель» (355.000 фр.). Баронъ Порталисъ въ посвященномъ имъ изслѣдованіи полагаетъ, что эти панно написаны Фрагонаромъ не безъ участія, можетъ быть, Бушэ. Послѣдній представленъ былъ также холстами: «Голубятня» (16.500 фр.) «Рѣка Скамандръ» (29.000 фр.) и «Купальщицы» (46.000 фр.). Изъ Г. Роберовъ особенно хороши были «Праздникъ въ Виллѣ Медичи» и «Потокъ» (100.200 фр.), а изъ Грёзовъ — «Брюнетка» (39.000 фр.) и «Дѣвушка въ черномъ колпачкѣ» (25.000 фр.). Перечислимъ далѣе «Отдыхъ охотника» Ланкре (44.000 фр.), «Танецъ въ лагерѣ» Патэра (25.000 фр.), «Дуэтъ» Рау (16.300 фр.), «Прощаніе» Тренкэса (14.600 фр.), «Садъ Тиволи въ Лиллѣ» Ф. Л. Ватто (25.000 фр.) и «Молодую даму за вышиваньемъ» М. Жераръ (40.000 фр.).

Большой успѣхъ на этой распродажѣ выпалъ на долю работъ Виже-Лебренъ: «Портретъ Маріи-Антуанетты» продали за 180.000 фр., предполагаемый портретъ дочери художницы за 43.000 фр., портретъ г-жи Chatenay — за 32.000 фр. и т. д. Въ турецкихъ костюмахъ были представлены Ле-Прэнсомъ принцъ де Линь и его жена, рожденная княжна Елена Масальская (13.000 фр.). Кисти малоизвѣстнаго Voiriot принадлежалъ предполагаемый портретъ г-жи Натье (15.000 фр.). Дороже проданы портреты: баронессы de Fontettes Натье — за 42.000 фр., семейство Dupillé А. Куапеля — за 68.000 фр., герцогини d'Aiguillon Лабиль-Гійаръ — за 25.500 фр. 125.000 фр. заплачено за портретъ m-lle Bomans, любовницы Людовика XV, работы Дуэ, и 60.000 фр. за исполненный тѣмъ же художникомъ портретъ Madame Sophie, дочери Людовика XV. Портретъ г. de Montalembert Латура (17.500 фр.) и портретъ г. de Saint Albin Перронно (23.000 фр.) не говоря уже объ остальныхъ имѣвшихся здѣсь пастеляхъ тѣхъ же мастеровъ, казались, по сравненію съ картинами на аукціонѣ Дусэ, крайне слабыми. Среди пастелей назовемъ еще автопортретъ Р. Каррьеры (10.000 фр.) и портретъ «M-rs Higginson съ сыномъ» Русселя (20.000 фр.). По обыкновенію большія деньги были даны за англійскіе портреты масломъ: Лоренса «Lady Owen» — 171.000 фр., его же «Папа Пій VII» — 65.000 фр. и Хоппнера женскій портретъ — 61.000 фр. «Донъ Тадео Браво де Риверо» Гойи отданъ за 70.000 фр. Что касается картинъ XVII и XVI вв., то замѣчательнаго тутъ было довольно мало. Наиболѣе дорого проданными оказались довольно сомнительнаго качества ванъ-Дейки: «Маркизъ Спинола», въ ростъ, (50.000 фр. при оцѣнкѣ 80.000 фр.) и «Маркизъ Guzman de Loganes» (25.000 фр. при оцѣнкѣ 40.000 фр.). «Мадонна съ часословомъ» (13.500 фр.) являлась довольно удачной работой Ридольфо Гирландайо. Бронзовая группа «Ino et Mélicerte» на цоколѣ бѣлаго мрамора (13.000 фр.) была прекраснымъ образцомъ работы Жирардона. Однимъ изъ шедев-

ровъ Куазевокса могъ считаться бюстъ кардинала Полиньяка (48.000 фр.). Бюстъ въ натуральную величину Вольтера, молодымъ человѣкомъ, приписывался, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, Ж. Б. Лемуану (26.000 фр.).

Tilliard'омъ были подписаны восемь креселъ, обитыхъ Бовэ съ изображеніемъ птицъ и животныхъ (140.000 фр.). Сардинской королевской фамиліи принадлежало когда то bureau à cylindre, украшенное маркетри цвѣтного дерева и бронзой (127.000 фр.); оно было исполнено въ концѣ царствованія Людовика XV. Общій итогъ распродажи равнялся 4.624.270 франковъ.

Удачно прошла устроенная въ помѣщеніи 2 Столичнаго Аукціоннаго Зала, на Литейномъ, распродажа серебра, табакерокъ и т. д., оставшихся послѣ покойнаго С. Н. Колачевскаго. Наличность завѣдомыхъ имитацій не повліяла на щедрость покупателей и цѣны въ нѣсколько сотъ рублей встрѣчались очень часто. Такъ, золотая табакерка съ италіанскимъ пейзажемъ эмалью нашла себѣ покупателя за 500 р., другая аналогичная табакерка — за 550 р. Серебряная кружка конца XVII в. со сценой охоты на вепря имѣла крышку, на которой изображена недурная фигурка Діаны съ собакой (1.320 р.). Нѣсколько русскихъ серебряныхъ табакерокъ были украшены планами: табакерка съ картой Вологодской губерніи продана за 105 рублей.

У Друо очутился музей Steengracht — одна изъ послѣднихъ частныхъ галерей, составленныхъ въ XVIII вѣкѣ. Ея основателемъ былъ J. G. van der Poort van Oostcappel; затѣмъ, перейдя по наслѣдству къ J. J. Steengracht'у, бывшему директоромъ Гаагскаго музея (1816 — 1840), и значительно расширенная имъ, она оставалась по сіе время въ собственности фамиліи Стеенграхтъ. Свободный доступъ для публики былъ установленъ еще съ 1823 г. Путешественники, посѣщающіе Гаагу, долго будутъ съ досадой вспоминать 9 іюня 1913 г. — день распродажи этой пинакотеки. Картины, давно изученныя историками искусства, въ большинствѣ случаевъ, упоминаются въ Смитовскомъ каталогѣ. О «Bethsabée à sa toilette» Vosmaer (1643 г.) въ своей книгѣ говоритъ, что эта картина является какъ бы выводомъ изъ всего, что Рембрандтъ хотѣлъ представить въ своихъ различныхъ «Сусаннахъ». Боде называетъ гамму цвѣтовъ, данную здѣсь художникомъ, «горячей, поэтической, таинственной». На аукціонѣ картинъ Лоренса, которому принадлежалъ этотъ холстъ, въ 1830 г. было выручено за него 1.530 р.; въ 1841 г. Стеенграхтъ купилъ его на распродажѣ Heris за 7.800 фр., а Дювинъ теперь — за 1.000.000 фр. «Урокъ чтенія», гдѣ молодая женщина учитъ читать дѣвочку, по выработкѣ деталей приписывается Ливенсу (8.400 фр.). Въ «Веселой компаніи» Я. Стеенъ представилъ себя и свою семью за столомъ, слушающихъ музыканта, играющаго на волынкѣ (370.000 фр.); «Молодая больная» представлена на этотъ разъ Стееномъ въ кровати, докторъ и старуха совѣщаются на первомъ планѣ, въ глубинѣ трое смѣющихся персонажей (97.100 фр.). Аналогичная «больная» находится въ Амстердамскомъ музеѣ. Рѣзкимъ образчикомъ второй манеры П. де Хоога служитъ его ужинъ, гдѣ контрасты между свѣтомъ и тѣнью доведены до крайности. На полутемномъ дворикѣ двѣ женщины и мужчина; открытыя ворота ве-

дутъ на ярко освѣщенную набережную канала (84.000 фр.). Нечастое у Г. Метсю чувство меланхоліи навѣваетъ очаровательный «Больной ребенокъ» (312.000 фр.). Восторгъ вызывали также «Материнскія заботы» Терь-Борха, гдѣ художникъ съ присущей ему наблюдательностью изобразилъ мать, занимающуюся приведеніемъ въ порядокъ волосъ своей маленькой дочки (305.000 фр.). Мѣсто второй послѣ Рембрандта достопримѣчательности въ этой галереѣ занимала большая «Табачная коллегія» Броувера, одно изъ знаменитѣйшихъ его произведеній (426.500 фр.). Извѣстны этюды къ этой картинѣ, напримѣръ, «Курильщикъ» залы Лаказъ въ Луврѣ. 50.000 фр. заплочено за «Веселыхъ крестьянъ» А. ванъ Остаде (1659 г.); лѣтъ на 15 позже написанъ его «Кабачекъ» (30.550 фр.). Перечислимъ еще: «Семь дѣлъ Милосердія» Д. Тенирса (28.500 фр.), «Притчу о виноградѣ» Зорга (24.100 фр.), «Кружевницу» де Кейзера (28.000 фр.), «Крестьянъ» Н. Маса (26.500 фр.), «Женщину съ віолой» К. Нетшера (18.200 фр.). Болѣе чѣмъ въ два раза превысилъ оцѣнку «Царь Давидъ» А. де Хельдера (54.000 фр.) и почти въ два раза превосходныя «Коровы» Поттера (35.000 фр.). Среди пейзажей въ галереѣ было тоже немало работъ первостепеннаго достоинства, начать хотя бы съ «Двухъ водяныхъ мельницъ» Хоббемы, проданныхъ за 286.000 фр. Съ большимъ поэтическимъ чутьемъ написаны А. ванъ деръ Неромъ «Берега рѣки», освѣщенные луной (30.000 фр.). Не произвели здѣсь ожидавшагося сильнаго впечатлѣнія: Я. Рейсдаль своимъ «Водопадомъ» (18.000 фр. при оцѣнкѣ 25.000 фр.), Воуверманъ «Причаломъ лодки съ крестьянами» (32.500 фр. при оцѣнкѣ 50.000 фр.) и А. Кейпъ «Пейзажемъ съ всадникомъ и лошадью» (24.200 фр. при оцѣнкѣ 30.000 фр.). На мѣди написанъ былъ «Городъ на холмѣ» Я. ванъ деръ Хейдена (34.000 фр.). «Каналъ въ Дельфтѣ» Беркъ Хейде съ причаливающей большой лодкой, занимающей всю почти ширину канала, стоилъ покупателю 20.000 фр. Изъ картинъ италіанизирующихъ пейзажистовъ заслуживаютъ быть упомянутыми «Пастухъ» К. дю Жардэна (16.000 фр.) и «Италіанскій пейзажъ» Я. Бота (13.700 фр.). Портретамъ было удѣлено немало мѣста. Первыми, пожалуй, слѣдуетъ упомянуть прелестныхъ, маленькихъ, немного игрушечныхъ «Даму» и «Господина» Г. Доу (90.500 фр.), затѣмъ женскій и мужской портреты Г. Флинка (76.800 фр.) и портреты супруговъ de Graeff К. Нетшера (18.200 фр.). Въ элегантномъ вышитомъ золотомъ платьѣ изображена Марія Манчини на портретѣ, довольно неожиданномъ для манеры Ф. де Шампэнь (10.900 фр.). Итогъ распродажи выразился въ суммѣ 4.225.900 фр., на 1.125.790 фр. превысивъ оцѣнку.

Еще важнымъ событіемъ на художественномъ рынкѣ явился устроенный въ Амстердамѣ фирмою Ф. Мюллеръ аукціонъ собраній рисунковъ лондонскихъ коллекціонеровъ гг. Heseltine и Richter. Собранію Heseltine принадлежали 32 рисунка Рембрандта. Такого количества аукціонныя залы не видали съ 1883 г., когда распродали 65 листовъ этого мастера. Первымъ номеромъ шелъ извѣстный автопортретъ со старинной надписью: «нарисовано Рембрандтомъ ванъ Рейнъ съ себя самого такъ, какъ онъ бывалъ одѣтъ въ своей мастерской»

(18.600 р.) Достался онъ при апплодисментахъ одному амстердамскому собирателю. Относительно «Святого семейства» существовало предположеніе, что фигура Іосифа нарисована другою рукою (8.500 р.) Почти та же цѣна дана за «Введеніе во храмъ». Храмъ напоминаетъ изображенный на картинѣ «Блудная жена» Лондонской Національной галереи. Къ расцвѣту таланта Рембрандта относится «Спящая дѣвушка», изображенная сидящей съ подушкой надъ головой — очень популярный листъ. Купленъ онъ для «Дома Рембрандта» въ Амстердамѣ за 10.560 р. Сепія «Спящая дѣвушка въ окнѣ» (10.080 р.) была скорѣе работы художника, вдохновленнаго Рембрандтомъ. Именемъ Хендрикье Стоффельсъ называлъ каталогъ «Женщину у окна» весьма почтенныхъ лѣтъ (15.840 р.). Около 1660 г. была, вѣроятно, написана нагая лежащая женщина (13.760 р.). Можетъ быть, не безъ слѣдовъ позднѣйшихъ поправокъ дошелъ до насъ самый большой рисунокъ Рембрандта «Пейзажъ съ фермой», съ подписью художника и датой 1644 г. (24.800 р.). «Видъ Амстеля» перомъ и сепіей имѣлъ помѣтку Ф. Конинка, которому онъ принадлежалъ когда то (19.040 р.). «Пейзажъ съ группой деревьевъ» далъ 16.680 р., «Амстердамская башня Montalbaan» — 8.640 р., «Пейзажъ съ мельницами» — 8.840 р., этюдъ сидящей обнаженной женщины — 11.000 р., «Вдовецъ» — 8.320 р. и т. д. Тогда какъ на аукціонѣ Стеенграхта главными покупателями были торговцы, сюда явились голландскіе музеи и любители. Рисунки другихъ художниковъ, само собою разумѣется, достигли относительно сдержанныхъ оцѣнокъ. Вотъ наиболѣе крупныя цѣны: 2.720 р. за «Портретъ аббата Scaglia» ванъ Дейка, 6.200 р. за «Марія делла Салуте» Гварди, 2.440 р. за «Мостъ» Гварди же, 2.160 р. за «Деревню» Фрагонара, 1.680 р. за «Голову юноши» Х. фонъ Кульмбаха.

Е. Л.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ШУБИНСКІЙ.

28 мая скончался Сергѣй Николаевичъ Шубинскій, на 79 году жизни. Прямого отношенія къ искусству покойный основатель журнала «Историческій Вѣстникъ», конечно, не имѣлъ и большинство иллюстрацій, которыми онъ, особенно за послѣднее время, обильно украшалъ чуть ли не каждую статью, появлявшуюся на страницахъ «Историческаго Вѣстника», не возвышалось надъ уровнемъ «обычной» иллюстраціи, къ которой можно предъявлять какія угодно требованія, но только не требованія съ точки зрѣнія художественной. Но такъ какъ покойный редакторъ получалъ много иллюстрацій изъ богатѣйшаго собранія тоже уже покойнаго Дашкова, то понятно, что на страницахъ «Историческаго Вѣстника» очень часто появлялись уники старинныхъ гравюръ, которыя такимъ образомъ, благодаря большому распространенію журнала, дѣлались достояніемъ массы. Но главное значеніе С. Н. Шубинскаго — съ точки зрѣнія исторіи русскаго искусства — заключается въ помѣщеніи имъ многочисленныхъ воспоминаній, записокъ, мемуаровъ, которые будущій историкъ русскаго искусства долженъ будетъ тщательно изучить. Довольно назвать, напримѣръ, воспоминанія дочерей гр. Ѳ. П. Толстого, извѣстнаго русскаго медальера, рядъ воспоминаній извѣстныхъ писателей, наконецъ обильную библіографію, въ которой довольно тщательно отмѣчались не однѣ спеціально историческія книги, но имѣющія то или иное отношеніе къ искусству и особенно русской древности. Нельзя не отмѣтить, что С. Н. Шубинскій принималъ большое участіе въ изданіи А. С. Суворинымъ, такъ называемыхъ, «Иллюстрированныхъ исторій Петра Великаго и Екатерины II».

— скій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Замѣтка моя о дѣятельности «Общества Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины», появившаяся въ № 4 «Аполлона», встрѣтила два возраженія въ «Старыхъ Годахъ»: со стороны г. П. В. и со стороны Секретаря Общества. Считая невозможнымъ оставить ихъ безъ отвѣта, видя значительность происшедшаго уже недоразумѣнія, очевидную возможность еще большаго, — и полагая, что причина этого недоразумѣнія заключается въ недостаточной ясности изложенія моихъ взглядовъ, повлекшей къ неправильному ихъ толкованію, — прошу не отказать въ напечатаніи нижеслѣдующихъ моихъ объяснительныхъ строкъ. Надѣюсь, что этимъ путемъ и общее отношеніе мое къ «Обществу Защиты» и частные взгляды мои на регистрацію будутъ поняты правильнѣе, что слова мои произведутъ впечатлѣніе не только критики и нападокъ, но и благожелательныхъ и посильныхъ совѣтовъ и что во всякомъ случаѣ руководившія мною побужденія будутъ найдены далекими отъ желанія непремѣнно обвинить Общество.

Ознакомившись за послѣднее время близко съ многолѣтнею дѣятельностью Императорской Археологической Коммисіи и Московскаго Археологическаго Общества, проявлявшаго въ свое время значительное участіе въ дѣлѣ обереганія нашей старины, я пришелъ къ убѣжденію, что регистрація мало измѣнила отношеніе нашей публики къ старинѣ, особенно той части ея, въ рукахъ которой находятся многіе лучшіе памятники старины, то есть нашей администраціи, помѣщичьей интеллигенціи и духовенства.

Такимъ образомъ, регистраціонная работа, составляющая уже нѣсколько лѣтъ одну изъ задачъ Императорской Археологической Коммисіи (зарегистрированы существеннѣйшіе памятники старины губерній: Архангельской, Вятской, Костромской, Ярославской, нынѣ печатается Полтавская губернія и подготовляются Олонецкая и Вологодская) и нѣкоторыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммисій (Костромской, Черниговской, Курской, Владимірской и др.) показываетъ намъ, что этотъ путь чрезвычайно мало содѣйствуетъ дѣлу обереганія старины, предотвращенію разрушенія и уменьшенію гибели сооруженій.

И вотъ оказывается, что это больное въ нашемъ культурномъ состояніи мѣсто надо лечить съ другого конца. Надо развивать прежде всего сознаніе цѣнности старины и такое, быть можетъ болѣе длительное, леченіе принесетъ несомнѣнно и болѣе благіе результаты, нежели мѣстныя, временныя средства.

Такимъ образомъ, вовсе не отрицая регистраціи, я лишь позволилъ себѣ выступить съ особымъ мнѣніемъ по поводу того, что регистрація не является способомъ борьбы съ эпидеміей разрушеній, вандализмовъ, перестроекъ, закрасокъ, и т. п., активной жизненной борьбы, которая, по моему разумѣнію, должна была бы составлять главнѣйшую задачу Общества, отвлекая всѣ ея силы и средства.

И вотъ это то убѣжденіе о безпомощности регистраціи не только какъ ближайшаго мѣстнаго средства борьбы съ разрушеніями, но даже какъ общаго способа излеченія нашего главнаго недуга — отсутствія сознанія цѣнности старины — и являлось во мнѣ главнымъ побужденіемъ къ составленію замѣтки, которая должна была всего лишь обратить вниманіе на то, что прекрасная сама по себѣ работа не есть вовсе средство борьбы за старину.

Между тѣмъ, къ сожалѣнію, именно на это отправное сужденіе мое не было обращено вниманія авторами указанныхъ возраженій, а мои взгляды, пожеланія и сожалѣнія, высказанные собственно по адресу лишь регистраціонной коммисіи, поняты были какъ нападки и полная недоброжелательности критика на всю дѣятельность Общества.

Мнѣ кажется, что авторамъ возраженія нельзя было и заподозрить меня въ стремленіи «критиковать», такъ какъ, будучи секретаремъ Батуринской коммисіи, я самъ могъ бы быть запрошенъ по поводу отмѣчаемой мною медлительности въ работахъ.

Не могъ быть я заподозрѣннымъ и въ стремленіи подорвать довѣріе и уменьшить по заслугамъ завоеванныя симпатіи къ Обществу, являясь сотрудникомъ его, лично положившимъ одинъ изъ первыхъ камней въ основаніе его, такъ страстно желающій и теперь скорѣйшаго усовершенствованія этого новаго прекраснаго сооруженія.

Конечно, критиковать гораздо легче, нежели что либо дѣлать, но въ данномъ случаѣ я ни на минуту не забывалъ, что дѣятельность Общества, вообще очень благая и симпатичная, заслуживала бы и многихъ похвалъ. Для этого надо не знать, въ какой еще сравнительно мало подготовленной и неблагодарной атмосферѣ приходится работать членамъ ея, какъ мало получаютъ пока признанія всѣ побѣды въ дѣлахъ защитительныхъ. И я слишкомъ хорошо знаю всѣ эти невыгодныя условія работы, но отмѣчать заслуги достаточно извѣстныя было бы не столь важнымъ для дѣла, для самого Общества; несравненно нужнѣе было все это происшедшее обсужденіе вопроса о новой отрасли труда, за которую оно берется.

Но такъ какъ высказанное мною было понято невѣрно, то я особо разработаю вопросъ о порядкѣ регистраціи и вновь обращусь къ «Старымъ Годамъ» для подробнаго изложенія моего взгляда.

Георгій Лукомскій.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

LARKIN

СТАРИННЫЙ КИТАЙСКІЙ ФАРФОРЪ,

РАННІЙ КИТАЙСКІЙ ФАЯНСЪ,

КОВРЫ,

БРОНЗА,

НЕФРИТЪ И ХРУСТАЛЬ

Большой и значительный старинный китайскій бронзовый сосудъ для жертвоприношенія. Кромѣ рѣдкой тонкой декоративной обработки состоитъ изъ [illegible] орнамента, небольшого рельефа съ [illegible] золотой инкрустаціей. Фонъ, [illegible] узора покрытъ необыкновенной зеленой эмалью. Періодъ Хань, 221 до Р. Х.—221 по Р. Х. Выс. [illegible] сант. Шир. 42 сант.

ЭМАЛИ И КАРТИНЫ.

СТАРИННАЯ ПЕРСИДСКАЯ КЕРАМИКА И Т. П.

LONDON

104 NEW BOND STREET, W.

ТИПОГРАФІЯ «СИРІУСЪ» САНКТПЕТЕРБУРГЪ, РЫНОЧНАЯ, 10.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

ILLUSTRATIONS

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1913 ГОДЪ:

съ доставкой въ Россіи 10 р.,

безъ доставки 9 р., за границу 40 франковъ.

Контора редакціи: СПБ. Рыночная, 10 (тип. «Сиріусъ»).